

Максимилиан Волошин

Собрание сочинений

Злис Лак 2000

Александръ Володимиръ

М а к с и м и л и а н
В О Л О Ш И Н

Собрание сочинений

Под общей редакцией
В.П. Купченко и А.В. Лаврова

Москва
Эллис Лак 2000
2003

М а к с и м и л и а н
В О Л О Ш И Н

Собрание сочинений

Том первый

Стихотворения и поэмы
1899 – 1926

Москва
Эллис Лак 2000
2003

ББК 84(2Рос-Рус)-5
В68

Российская академия наук
Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)

Составление, подготовка текста

В.П. Купченко, А.В. Лаврова

Комментарии

В.П. Купченко

Научный редактор

С.И. Субботин

Художник

В.Н. Сергутин

Редакционно-издательский совет:

А.М. Смирнова

(председатель, директор издательства)

Н.П. Волкова

(главный редактор)

В.П. Купченко

А.В. Лавров

С.И. Субботин

В.Н. Сергутин

С.В. Федотов

© Эллис Лак 2000, 2003

© В.П. Купченко, А.В. Лавров.

Составление, подготовка текста, 2003

© В.П. Купченко. Комментарии, 2003

От редакции

Максимилиан Александрович Волошин (настоящая фамилия Кириенко-Волошин; 1877—1932) — один из видных представителей символистской эпохи в русской литературе и культуре. Как поэт, литературный и художественный критик он приобрел известность, печатаясь главным образом в модернистских изданиях начала XX века — «Весы», «Золотое Руно», «Аполлон» и др.; тогда же вошли в писательский оборот его переводы с французского в стихах и прозе. В годы Первой мировой войны, а затем революции и Гражданской войны Волошин выступил как автор стихов глубокого историософского звучания, как гуманист, сумевший воссоздать художественную летопись пережитых трагических дней. В последние годы жизни он проявил себя и завоевал признание многих как тонкий художник-акварелист. Однако постепенно независимо мыслящий мастер становится все более неприемлемым для создателей советской идеологии — и после 1927 года его имя исчезает со страниц отечественной печати.

Запрет был частично снят лишь через 35 лет, в 1962-м: власти разрешают сначала выставку живописных произведений Волошина, после чего открылась возможность цитировать, а затем печатать некоторые его (главным образом лирические и пейзажные) стихи. В 1977 году, в связи со 100-летием со дня рождения поэта, был выпущен в свет небольшой сборник «Стихотворения» в Малой серии «Библиотеки поэта» (вступительная статья С.С. Наровчатова; составление, подготовка текста и примечания Л.А. Евстигнеевой); тексты, включенные в него, были тщательно процежены сквозь идеологическое сито. В том же, юбилейном, году в Коктебеле состоялась первая научная конференция, посвященная изучению жизни и творчества Волошина; материалы, оглашенные на этой конференции, составили основу сборника «Волошинские чтения» (М., 1981; составитель В.П. Купченко). Вскоре было осуществлено наиболее полное к тому времени и комментированное издание: «Стихотворения и поэмы» (в двух томах; общая редакция Б.А. Филиппова, Г.П. Струве

и Н.А. Струве при участии А.Н. Тюриня; вступительные статьи Б. Филиппова и Э. Райса. Paris, YMCA-Press, 1982–1984), — однако этот свод поэтического творчества Волошина в ту пору остался фактически недоступным отечественному читателю.

Ситуация кардинально изменилась лишь в годы «перестройки» и в постсоветскую эпоху, после снятия цензурных ограничений. За последние пятнадцать лет вышло в свет не менее двух десятков отдельных изданий сочинений Волошина, среди которых отметим наиболее полный свод поэтического творчества, подготовленный в соответствии с научными текстологическими принципами, — «Стихотворения и поэмы» (СПб., «Петербургский писатель», 1995; «Библиотека поэта». Большая серия), собрание литературной и художественной критики и эссеистики — «Лики творчества» (Л., «Наука», 1988. Серия «Литературные памятники»), а также сборник автобиографических и дневниковых текстов — «История моей души» (М., «Аграф», 1999. Серия «Символы времени»). В те же годы активизировалась работа над публикацией неизданных произведений и писем Волошина, над изучением архивных документов, характеризующих биографию и творчество мастера. Публикации архивных материалов, относящихся к Волошину, появлялись во множестве сборников и периодических изданий, им посвящена специальная серия сборников «Максимилиан Волошин. Из литературного наследия», предпринятая Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (первый из них был выпущен в свет издательством «Наука» в 1991 г.).

Настоящее собрание сочинений Максимилиана Волошина, обобщающее опыт упомянутых, а также десятков других книг и публикаций, должно стать наиболее полным и профессионально подготовленным из всех ранее осуществленных изданий. Первые шесть томов представляют творческие сочинения Волошина:

Т. 1–2. Стихотворения и поэмы (включая впервые опубликованные юношеские стихотворения);

Т. 3. Книги статей «Лики творчества», «О Репине», монография «Суриков»;

Т. 4–5. Статьи, публиковавшиеся в периодических изданиях и сборниках, а также статьи и лекции, не опубликованные при жизни автора; незаконченные статьи, наброски, планы;

Т. 6. Художественные переводы.

В последующие тома войдут биографические материалы (автобиографии, дневники, биохроники, анкеты и т. п.), письма (в четырех томах; не менее половины этого эпистолярного комплекса в полном объеме публикуется впервые). Затем будут представлены материалы записных книжек поэта и фотолетопись (фотопортреты Волошина, групповые снимки, шаржи и т. п.), а также сводные указатели, итинерарий и другие справочные материалы и возможные дополнения ко всему изданию.

Как приложение к изданию намечено осуществить двухтомное собрание воспоминаний современников о Волошине.

По своему типу и исследовательским задачам настоящее издание не является академическим: оно не претендует на исчерпывающую полноту воспроизведения всех авторских редакций и вариантов текста, регистрируемых в публикациях и в рукописных первоисточниках произведений Волошина, а также на полное соответствие тем выработанным требованиям и стандартам историко-литературного и реального комментария, которым обычно следуют составители наиболее тщательно и всесторонне подготовленных академических полных собраний сочинений отечественных авторов. Однако предпринимаемое издание должно включить в себя все опубликованные по настоящее время произведения Максимилиана Волошина, а также по возможности полно представить те творческие тексты, имеющие самостоятельное значение, которые сохранились в архиве писателя. Тексты сопровождаются самыми необходимыми сведениями, характеризующими историю их создания, особенности содержания, их восприятие современниками, а также включающими объяснения и толкования историко-культурных реалий.

Основной текст произведений Волошина устанавливается по последнему авторизованному изданию с учетом необходимых в ряде случаев исправлений (устранение опечаток и других отступлений от авторского текста). Если произведения при жизни Волошина не публиковались, источником текста является авторская рукопись или авторизованный список, а при их отсутствии — первая посмертная публикация или авторитетная копия с несохранившегося автографа.

Тексты произведений Волошина печатаются по правилам современной орфографии и пунктуации, но с сохранением индивидуальных особенностей языка автора.

В прямые скобки [] заключены слова и знаки, зачеркнутые автором. В угловые скобки < > заключены слова, вводимые в текст

редактором, а также расшифровки сокращенных и дополнения не дописанных автором или поврежденных в рукописи слов и слова, восстанавливаемые по догадке (конъектуры); недописанная часть слова, не поддающаяся раскрытию, обозначается: <...>; этим же знаком в комментариях обозначаются купюры в цитатах.

Слова, чтение которых предположительно, сопровождаются вопросительным знаком в угловых скобках: <?>. Не разобранные в автографе слова обозначаются: <нрзб>; если не разобрано несколько слов, то отмечается их число, например: <2 нрзб>.

Орфография и пунктуация исправлены по современным нормам в тех случаях, когда графемы имеют лишь формально-грамматическое значение. Знаки, отражающие индивидуальную манеру автора, эмоциональный смысл и интонационный рисунок текста, не подлежат унификации по формально-нормативному принципу. Не учитываются различия в автографах и публикациях в таких семантически дублетных формах, как кавычки и курсив в функции кавычек, тире и кавычки при выделении прямой речи, курсив и разрядка в функции подчеркивания, акцентирования данного фрагмента текста.

При публикации произведений по автографам воспроизводится верхний слой правки текста: наиболее значимые зачеркнутые фрагменты фиксируются в подстрочных примечаниях.

Книга первая

ГОДЫ СТРАНСТВИЙ

I

ГОДЫ СТРАНСТВИЙ

Якову Александровичу Готову

...И мир, как море пред зарею,
И я иду по лону вод,
И подо мной и надо мною
Трепещет звездный небосвод...

1. Пустыня

Монмартр... Внизу ревет Париж —
Коричневато-серый, синий...
Уступы каменистых крыш
Слились в равнины темных линий.
То купол зданья, то собор
Встает из синего тумана.
И в ветре чувствуется простор
Волны соленой океана...
Но мне мерещится порой,
Как дальних дней воспоминанье,
Пустыни вечной и немой
Ненарушимое молчанье.
Раскалена, обнажена,
Под небом, выцветшим от зноя,
Весь день без мысли и без сна
В полубреду лежит она,
И нет движенья, нет покоя...
Застывший зной. Устал верблюд.
Пески. Извивы желтых линий.
Миражи бледные встают —

Галлюцинации Пустыни.
И в них мерещатся зубцы
Старинных башен. Из тумана
Горят цветные изразцы
Дворцов и храмов Тамерлана.
И тени мертвых городов
Уныло бродят по равнине
Неостывающих песков,
Как вечный бред больной Пустыни.

Царевна в сказке, — словом властным
Степь околдованная спит,
Храня проклятой жабы вид
Под взглядом солнца, злым и страстным.
Но только мертвый зной спадет
И брызнет кровь лучей с заката —
Пустыня вспыхнет, оживет,
Струями пламени объята.
Вся степь горит — и здесь, и там,
Полна огня, полна движений,
И фиолетовые тени
Текут по огненным полям.
Да одиноко городища
Чернеют жутко среди степей:
Забытых дел, умолкших дней
Ненарушимые кладбища.
И тлеет медленно закат,
Усталый конь бодрее скачет,
Копыта мерно говорят,
Степной джюсан звенит и плачет.
Пустыня спит, и мысль растет...
И тихо всё во всей Пустыне:
Широкий звездный небосвод
Да аромат степной полыни...

1901

Ташкент — Париж

2. В вагоне

Снова дорога. И с силой магической
Всё это вновь охватило меня:
Грохот, носильщики, свет электрический,
Крики, прощанья, свистки, суетня...

Снова вагоны, едва освещенные,
Тусклые пятна теней,
Лица склоненные
Спящих людей.
Мерный, вечный,
Бесконечный,
Однотонный
Шум колес.
Шепот сонный
В мир бездонный
Мысль унес...
Жизнь... работа...
Где-то, кто-то
Вечно что-то
Всё стучит.
Ти-та... то-та...
Вечно что-то
Мысли сонной
Говорит.

Так вот в ушах и долбит и стучит это:
Тй-та-та, та-та-та... та-та-та... тй-та-та...
Мысли с рыданиями ветра сплетаются,
Поезд гремит, перегнать их старается...

Чудится, еду в России я...
Тысячи верст впереди.
Ночь неприютная, темная.
Станция в поле... Огни ее —
Глазки усталые, томные —
Шепчут: «Иди...»
Страх это? Горе? Раздумье? Иль что ж это?
Новое близится, старое прожито.
Прожито — отжито. Вынуто — выпито...
Тй-та-та... тá-та-та... тá-та-та... тй-та-та...

Чудится степь бесконечная...
Поезд по степи идет.
В вихре рыданий и стонов
Слышится песенка вечная.
Скользкие стены вагонов
Дождик сечет.
Песенкой этой всё в жизни кончается,
Ею же новое вновь начинается,
И бесконечно звучит и стучит это:
Тй-та-та... тá-та-та... тá-та-та... тй-та-та...

Странником вечным
В пути бесконечном
Странствуя целые годы,
Вечно стремлюсь я,
Верую в счастье,
И лишь в ненастье
В шуме ночной непогоды
Веет далекою Русью.
Мысли с рыданьями ветра сплетаются,
С шумом колес однотонным сливаются,
И безнадежно звучит и стучит это:
Тй-та-та... тá-та-та... тá-та-та... тй-та-та...

Май 1901
В поезде между Парижем и Тулузой

3. Кастаньеты

Е.С. Кругликовой

Из страны, где солнца свет
Льется с неба жгуч и ярок,
Я привез себе в подарок
Пару звонких кастаньет.
Беспокойны, говорливы,
Отбивая звонкий стих, —
Из груди сухой оливы
Сталью вырезали их.
Щедро лентами одеты
С этой южной пестротой;
В них живет испанский зной,
В них сокрыт кусочек света.
И когда Париж огромный
Весь оденется в туман,
В мутный вечер, на диван
Лягу я в мансарде темной,
И напомнят мне оне
И волны морской извивы,
И дрожащий луч на дне,
И узлистый ствол оливы,
Вечер в комнате простой,
Силуэт седой колдуньи,
И красавицы плясуньи
Стан и гибкий и живой,
Танец быстрый, голос звонкий,
Грациозный и простой,
С этой южной, с этой тонкой
Стрекозиной красотой.

И танцоры идут в ряд,
Облитые красным светом,
И гитары говорят
В такт трескучим кастаньетам,
Словно шелканье цикад
В жгучий полдень жарким летом.

*Июль 1901
Mallorca. Valdemosa.*

4. Via Mala

Там с вершин отвесных
Ледники сползают,
Там дороги в тесных
Щелях пролегают.
Там немые кручи
Не дают простору,
Грозовые тучи
Обнимают гору.
Лапы темных елей
Мяжки и широки,
В душной мгле ущелий
Мечутся потоки.
В буйном гневе свирепея,
Там грохочет Рейн.
Здесь ли ты жила, о фея –
Раутенделейн?

1899
Тузис

5. Тангейзер

Смертный, избранный богиней,
Чтобы свергнуть гнет оков,
Проклинает мир прекрасный
Светлых эллинских богов.
Гордый лик богини гневной.
Бури яростный полет.
Полный мрак. Раскаты грома...
И исчез Венерин грот.
И певец один на воле,
И простор лугов окрест,
И у ног его долина,
Перед ним высокий крест.
Меркнут розовые горы,
Веет миром от лугов,
Веет миром от старинных
Острокрыших городков.
На холмах в лучах заката
Купы мирные дерев,
И растет спокойный, стройный
Примиряющий напев.
И чуть слышен вздох органа
В глубине резных церквей,
Точно отблеск золотистый
Умирающих лучей,

1901
Андорра

6. Венеция

Резные фасады, узорные зданья
На алом пожаре закатного стана
Печальны и строги, как фрески Орканья,
Горят перламутром в отливах тумана...

Устало мерцают в отливах тумана
Далеких лагун огневые сверканья...
Вечернее солнце, как алая рана...
На всем бесконечная грусть увяданья.

О пышность паденья, о грусть увяданья!
Шелков Веронеза закатная Кана,
Парчи Тинторетто... и в тучах мерцанья
Осенних и медных тонов Тициана...

Как осенью листья с картин Тициана
Цветы облетают... Последнюю дань я
Несу облетевшим страницам романа,
В каналах следя отраженные зданья...

Венеции скорбной узорные зданья
Горят перламутром в отливах тумана.
На всем бесконечная грусть увяданья
Осенних и медных тонов Тициана.

<1902, 1910>

7. На Форуме

Арка... Разбитый карниз,
Своды, колонны и стены.
Это обломки кулис
Сломанной сцены.
Здесь пьедесталы колонн,
Там возвышается ростра,
Где говорил Цицерон
Плавно, красиво и остро.
Между разбитых камней
Ящериц быстрых движенье.
Зной неподвижных лучей,
Струйки немолчное пенье.
Зданье на холм поднялось
Цепью изогнутых линий.
В кружеве легких мимоз
Очерки царственных пиний.
Вечер... И Форум молчит.
Вижу мерцанье зари я.
В воздухе ясном звучит:
Ave Maria!

*1900
Рим*

8. Акрополь

Серый шифер. Белый тополь.
Пламенеющий залив.
В серебристой мгле олив
Усеченный холм — Акрополь.
Ряд рассеченных ступеней,
Портик тяжких Пропилей,
И за горами камней,
В сетке легких синих теней,
Искры мраморных аллей.
Небо знойно и бездонно —
Веет синим огоньком.
Как струна, звенит колонна
С ионийским завитком.
За извивами Кефиза
Заплелись уступы гор
В рыже-огненный узор...
Луч заката брызнул снизу...
Над долиной сноп огней...
Рдеет пламенем над ней он —
В горне бронзовых лучей
Загорелый Эрехтейон...
Ночь взглянула мне в лицо.
Черны ветви кипариса.
А у ног, свернув кольцо,
Спит театр Диониса.

1900
Афины

9-19. Париж

1. С Монмартра

Город-Змей, сжимая звенья,
Сыпет искры в алый день.
Улиц тусклые каменя
Синевой прозрачит тень.
Груды зданий как кристаллы;
Серебро, агат и сталь;
И церковные порталы,
Как седой хрусталь.
Город бледным днем измучен,
Весь исчерчен тьмой излучин,
И над ним издадека —
По пустыням небосклона,
Как хорутви, как знамена,
Грозовые облака...
И в пространство величаво,
Властной музыкой звуча,
Распростерлись три луча,
Как венец...
(Твой образ — Слава!)
И над городом далече
На каштанах с высоты,
Как мистические свечи,
В небе теплятся цветы...

<1904-1905>

2. Дождь

В дождь Париж расцветает,
Точно серая роза...
Шелестит, опьяняет
Влажной лаской наркоза.

А по окнам, танцуя
Все быстрее, быстрее,
И смеясь и ликуя,
Вьются серые феи...

Тянут тысячи пальцев
Нити серого шелка,
И касается пяльцев
Торопливо иголка.

На синеющем лаке
Разбегаются блики...
В проносящемся мраке
Замутились их лики...

Сколько глазок несхожих!
И несутся в смятеньи,
И целуют прохожих,
И ласкают растенья...

И на груди сокровищ,
Разлитых по камням,
Смотрят морды чудовищ
С высоты Notre-Dame...

<Февраль 1904>

3

Как мне близок и понятен
Этот мир — зеленый, синий,
Мир живых, прозрачных пятен
И упругих, гибких линий.

Мир стряхнул покров туманов.
Четкий воздух свеж и чист.
На больших стволах каштанов
Ярко вспыхнул бледный лист.

Небо целый день моргает
(Прыснет дождик, брызнет луч),
Развивает и свивает
Свой покров из сизых туч.

И сквозь дымчатые щели
Потускневшего окна
Бледно пишет акварели
Эта бледная весна.

<1902>

4

Осень... Осень... Весь Париж,
Очертанья сизых крыш
Скрылись в дымчатой вуали,
Расплылись в жемчужной дали.

В поредевшей мгле садов
Стелет огненная осень
Перламутровую просинь
Между бронзовых листов.

Вечер... Тучи... Алый свет
Разлился в лиловой дали:
Красный в сером — это цвет
Надрывающей печали.

Ночью грустно. От огней
Иглы тянутся лучами.
От садов и от аллей
Пахнет мокрыми листьями.

<1902>

5

Огненных линий аккорд,
Бездну зеркально-живую,
Ночью Place la Concorde,
Ночью дождливой люблю я.
Зарево с небом слилось...
Сумрак то рдяный, то синий,
Бездны пронзенной насквозь
Нитями иглистых линий...
В вихре сверкающих брызг,
Пойманных четкостью лака,
Дышит гигант – Обелиск
Розово-бледный из мрака.

<1903–1904>

6

Закат сиял улыбкой алой.
Париж тонул в лиловой мгле.
В порыве грусти день усталый
Прижал свой лоб к сырой земле.
И вечер медленно расправил
Над миром сизое крыло...
И кто-то горсть камней расплавил
И кинул в жидкое стекло.
Река линиялыми шелками
Качала белый пароход.
И праздник был на лоне вод...
Огни плясали меж волнами...

Ряды огромных тополей
К реке сходились, как гиганты,
И загорались бриллианты
В зубчатом кружеве ветвей...

<Лето 1904>

На Сене близ Мэдона

7

Анне Ник. Ивановой

В серо-сиреневом вечере
Радостны сны мои нынче.
В сердце сияние «Вечери»
Леонардо да Винчи.

Между мхом и травой мохнатою
Ключ лепечет невнятно.
Алым трепетом пали на статую
Золотистые пятна.

Ветер веет и вьется украдками
Меж ветвей, над водой наклоненных,
Шевеля тяжелыми складками
Шелков зеленых.

Разбирает бледные волосы
Плакучей ивы.
По озерам прозелень, полосы
И стальные отливы.

И, одеты мглою и чернию,
Многострунные сосны
Навевают думу вечернюю
Про минувшие весны.

Облака над лесными гигантами
Перепутаны алою пряжей,
И плывут из аллей бриллиантами
Фонари экипажей.

*<2 июля 1905>
В Булонском лесу*

8

На старых каштанах сияют листья,
 Как строй геральдических лилий.
Душа моя в узах своей немоты
 Звенит от безвольных усилий.

Я болен весеннею смутной тоской
 Несознанных миром рождений.
Овей мое сердце прозрачною мглой
 Зеленых своих наваждений!

И манит, и плачет, и давит виски
 Весеннею острою грустью...
Неси мои думы, как воды реки,
 На волю к широкому устью!

1905

9

В молочных сумерках за сизой пеленой
Мерцает золото, как желтый огонь в опалах.
На бурый войлок мха, на шёлк листов опалых
Росится тонкий дождь, осенний и лесной.

Сквозящих даль аллей струится сединой.
Прель дышит влагою и тленьем трав увялых.
Края раздвинувши завес линияло-алых,
Сквозь окна вечера синеет свод ночной.

Но поздний луч зари возжег благоговейно
Зеленый свет лампад на мутном дне бассейна,
Ороровил углы карнизов и колонн,

Зардел в слепом окне, золотые кинул блики
На бронзы черные, на мраморные лики,
И темным пламенем дымится Трианон.

1909

10

Парижа я люблю осенний, строгий плен,
И пятна ржавые сбежавшей позолоты,
И небо серое, и веток переплеты –
Чернильно-синие, как нити темных вен.

Поток всё тех же лиц – одних, без перемен,
Дыханье тяжкое прерывистой работы,
И жизни будничной крикливые заботы,
И зелень черную, и дымный камень стен.

Мосты, где рельсами ряды домов разъяты,
И дым от поезда клоками белой ваты,
И из-за крыш и труб – сквозь дождь издалека
Большое Колесо и Башня-великанша,
И ветер рвет огни и гонит облака
С пустынных отмелей дождливого Ла-Манша.

1909

11

Адел. Герцык

Перепутал карты я пасьянса,
Ключ иссяк, и русло пусто ныне.
Взор пленен садами Иль де-Франса,
А душа тоскует по пустыне.

Бродит осень парками Версаля,
Вся закатным заревом объята...
Мне же снятся рыцари Грааля
На скалах суровых Монсальвата.

Мне, Париж, желанна и знакома
Власть забвенья, хмель твоей отравы!
Ах! В душе – пустыня Меганома,
Зной, и камни, и сухие травы...

1909

20. Диана де Пуатье

Над бледным мрамором склонились к водам низко
Струи плакучих ив и нити бледных верб.
Дворцов Фонтенебло торжественный ущерб
Тобою осиян, Диана-Одалиска.

Богиня строгая, с глазами василиска,
Над троном Валуа воздвигла ты свой герб,
И в замках Франции сияет лунный серп
Средь лилий Генриха и саламандр Франциска.

В бесстрастной наготе, среди охотниц-нимф
По паркам ты идешь, волшебный свой заимф
На шею уронив Оленя-Актеона.

И он – влюбленный принц, с мечтательной тоской
Глядит в твои глаза, владычица! Такой
Ты нам изваяна на мраморах Гужона.

1907

21. В цирке

Андрею Белому

Клоун в огненном кольце...
Хохот мерзкий, как проказа,
И на гипсовом лице
Два горящих болью глаза.

Лязг оркестра; свист и стук.
Точно каждый озабочен
Заглушить позорный звук
Мокро хлещущих пощечин.

Как огонь, подвижный круг.
Люди — звери, люди — гады,
Как стоглазый, злой паук,
Заплетают в кольца взгляды.

Всё крикливо, всё пестро...
Мне б хотелось вызвать снова
Образ бледного, больного,
Грациозного Пьеро.

В лунном свете с мандолиной
Он поет в своем окне
Песню страсти лебединой
Коломбине и луне.

Хохот мерзкий, как проказа;
Клоун в огненном кольце.
И на гипсовом лице
Два горящих болью глаза.

1903

Москва

22. Рождение стиха

Бальмонту

В душе моей мрак грозовой и пахучий...
Там вьются зарницы, как синие птицы...
Горят освещенные окна...
И тянутся длинные,
Протяжно-певучи
Во мраке волокна...
О, запах цветов, доходящий до крика!
Вот молния в белом излучьи...
И сразу всё стало светло и велико...
Как ночь лучезарна!
Танцуют слова, чтобы вспыхнуть попарно
В влюбленном созвучьи.
Из недра сознания, со дна лабиринта
Теснятся виденья толпой оробелой...
И стих расцветает цветком гиацинта,
Холодный, душистый и белый.

1904

Париж

23

Балтрушайтису

К твоим стихам меня влечет не новость,
Не яркий блеск огней:
В них чудится унылая суровость
Нахмуренных бровей.

В них чудится седое безразличье,
Стальная дрема вод,
Сырой земли угрюмое величье
И горько сжатый рот.

1903
Москва

24

Графине Софье И. Толстой

Концом иглы на мягком воске
Я напишу твои черты:
И индевеющие блестки
Твоей серебряной фаты,

И взгляд на всё разверстый внове,
И оттененный тонко нос,
И тонко выгнутые брови,
И пряди змейных, тонких кос,

Извив откинутого стана,
И нити темно-синих бус,
Чувяки синего сафьяна
И синий шелковый бурнус.

А сзади напишу текучий,
Сине-зеленый, пенный вал,
И в бирюзовом небе тучи,
И глыбы красно-бурых скал.

1909
Коктебель

25

Ел. Дмитриевой

К этим гулким морским берегам,
Осиянным холодною синью,
Я пришла по сожженным лугам,
И ступни мои пахнут полынью.

Запах мяты в моих волосах,
И движеньем измяты одежды;
Дикой масличной ветвью в цветах
Я прикрыла усталые вежды.

На ладонь опирая висок
И с тягучею дремой не споря,
Я внимаю, склонясь на песок,
Кликам ветра и голосу моря...

*Май 1909
Коктебель*

26

На книге Лафорга

Эти страницы – павлинье перо, –
Трепет любви и печали.
Это больного Поэта-Пьеро
Жуткие salto-mortale.

27

Ол. Серг. Муромцевой

Небо запуталось звездными крыльями
В чаще ветвей. Как колонны стволы.
Падают, вьются, ложатся с усильями
По лесу полосы света и мглы.

Чу! по оврагам лесным — буераками
Рвется охота... и топот и звон.
Ночью по лесу, гонимый собаками,
Мчится влюбленный Олень-Актеон.

Ходит туман над росистой поляною.
Слабо мерцает далекий ледник.
К красной сосне, словно чернью затканую,
Кто-то горячей щекою преник.

Грустная девочка — бледная, страстная.
Складки туники... струи серебра...
Это ли ночи богиня прекрасная —
Гордого Феба сестра?

Топот охоты умолк в отдалении.
Воют собаки, голодны и злы.
Гордость... и жажда любви... и томление...
По лесу полосы света и мглы.

1902
Париж
Allee d' Observatoire

28-31. Когда время останавливается

1

Тесен мой мир. Он замкнулся в кольцо.
Вечность лишь изредка блещет зарницами.
Время порывисто дует в лицо.
Годы несутся огромными птицами.

Ключья тумана — вблизи... вдалеке...
Быстро текут очертанья.
Лампу Психеи несуся в руке —
Синее пламя познанья.

В безднах скрывается новое дно.
Формы и мысли смешались.
Все мы уж умерли где-то давно...
Все мы еще не родились.

Июнь 1904

2

Быть заключенным в темнице мгновенья,
Мчаться в потоке струящихся дней.
В прошлом разомкнуты древние звенья,
В будущем смутные лики теней.

Гаснуть словами в обманных догадках,
Дымом кадилным стелиться вдали.
Разум запутался в траурных складках,
Мантия мрака на безднах земли.

Тени Невидимых жутко громадны,
Неосвязаемо близки впотьмах.
Память — неверная нить Ариадны —
Рвется в дрожащих руках.

Время свергается в вечном паденьи,
С временем падаю в пропасти я.
Сорваны цепи, оборваны звенья —
Смерть и Рожденье — вся нить бытия.

<Июль 1905>

3

И день и ночь шумит угрюмо,
И день и ночь на берегу
Я бесконечность стерегу
Средь свиста, грохота и шума.

Когда ж зеркальность тишины
Сулит обманную беспечность,
Сквозит двойная бесконечность
Из отраженной глубины.

<1903>

4

Валерию Брюсову

По ночам, когда в тумане
Звезды в небе время ткут,
Я ловлю разрывы ткани
В вечном кружеве минут.
Я ловлю в мгновенья эти,
Как свивается покров
Со всего, что в формах, в цвете,
Со всего, что в звуке слов.

Да, я помню мир иной –
Полустёртый, непохожий,
В вашем мире я – прохожий,
Близкий всем, всему чужой.
Ряд случайных сочетаний
Мировых путей и сил
В этот мир замкнутых граней
Влил меня и воплотил.

Как ядро, к ноге прикован
Шар земной. Свершая путь,
Я не смею, зачарован,
Вниз на звезды заглянуть.
Что одни зовут звериным,
Что одни зовут людским –
Мне, который был единым,
Стать отдельным и мужским!

Вечность, с жгучей пустотою
Неразгаданных чудес,
Скрыта близкой синевою
Примирающих небес.
Мне так радостно и ново
Всё обычное для вас –
Я люблю обманность слова
И прозрачность ваших глаз.
Ваши детские понятия
Смерти, зла, любви, грехов –
Мир души, одетый в платье
Из священных, лживых слов.
Гармонично и поплёкло
В них мерцает мир вещей,
Как узорчатые стёкла
В мгле готических церквей...
В вечных поисках истоков
Я люблю в себе следить
Жутких мыслей и пороков
Нас связующую нить. –

Когда ж уйду я в вечность снова?
И мне раскроется она,
Так ослепительно ясна,
Так беспощадна, так сурова
И звездным ужасом полна!

1903
Коктебель

II

AMORI AMARA SACRUM

Маргарите Васильевне Сабашниковой

32

*Я ждал страданья столько лет
Всей цельностью несознанного счастья.
И боль пришла, как тихий синий свет,
И обвила вокруг сердца, как запястье.*

*Желанный луч с собой принес
Такие жгучие, мучительные ласки.
Сквозь влажную лучистость слез
По миру разлились невиданные краски.*

*И сердце стало из стекла,
И в нем так тонко пела рана:
«О, боль, когда бы ни пришла,
Всегда приходит слишком рано».*

*Декабрь 1903
Москва*

33

О, как чутко, о, как звонко
Здесь шаги мои звучат!
Легкой поступью ребенка
Я вхожу в знакомый сад...
Слышишь, сказки шелестят?
После долгих лет скитанья
Нити темного познания
Привели меня назад...

<1903>

34

Спустилась ночь. Погасли краски.
Сияет мысль. В душе светло.
С какою силой ожило
Всё обаянье детской ласки,
Поблекший мир далеких дней,
Когда в зеленой мгле аллея
Блуждали сны, толпились сказки,
И время тихо, тихо шло,
Дни развивались и свивались,
И всё, чего мы ни касались,
Благоухало и цвело.
И тусклый мир, где нас держали,
И стены пасмурной тюрьмы
Одною силой жизни мы
Перед собою раздвигали.

<Май 1902>

35. Портрет

Я вся — тона жемчужной акварели,
Я бледный стебель ландыша лесного,
Я легкость стройная обвисшей мягкой ели,
Я изморозь зари, мерцанье дна морского.

Там, где фиалки и бледное золото
Скованы в зори ударами молота,
В старых церквах, где полет тишины
Полон сухим ароматом сосны, —

Я жидкий блеск икон в дрожащих струйках дыма,
Я шелест старины, скользящей мимо,
Я струйки белые угаснувшей метели,
Я бледные тона жемчужной акварели.

1903
Москва

36

Пройдемте по миру, как дети,
Полюбим шуршанье осок,
И терпкость прошедших столетий,
И едкого знания сок.

Таинственный рой сновидений
Овеял расцвет наших дней.
Ребенок — непризнанный гений
Средь буднично-серых людей.

1903

37

Сквозь сеть алмазную зазеленел восток.
Вдаль по земле таинственной и строгой
Лучатся тысячи тропинок и дорог.
О, если б нам пройти чрез мир одной дорогой!

Всё видеть, всё понять, всё знать, всё пережить,
Все формы, все цвета вобрать в себя глазами,
Пройти по всей земле горящими ступнями,
Всё воспринять и снова воплотить.

1904
Париж

38. Письмо

1

Я соблюдаю обещанье
И замыкаю в четкий стих
Мое далекое посланье.
Пусть будет он как вечер тих,
Как стих «Онегина» прозрачен,
Порою слаб, порой удачен,
Пусть звук речей журчит ярчей,
Чем быстро шепчущий ручей...
Вот я опять один в Париже
В кругу привычной старины...
Кто видел вместе те же сны,
Становится невольно ближе.
В туманах памяти отсель
Поет знакомый ригурнель.

2

Всю цепь промчавшихся мгновений
Я мог бы снова воссоздать:
И робость медленных движений,
И жест, чтоб ножик иль тетрадь
Сдержать неловкими руками,
И Вашу шляпку с васильками,
Покатость Ваших детских плеч,
И Вашу медленную речь,
И платье цвета эвкалипта,
И ту же линию в губах,
Что у статуи Таиах,

Царицы древнего Египта,
И в глубине печальных глаз —
Осенний цвет листвы — топаз.

3

Рассвет. Я только что вернулся.
На веках — ночь. В ушах — слова.
И сон в душе, как кот, свернулся...
Письмо... От Вас?

Едва-едва

В неясном свете вижу почерк —
Кривых каракуль смелый очерк.
Зажег огонь. При свете свеч
Глазами слышу Вашу речь.
Вы снова здесь? О, говорите ж.
Мне нужен самый звук речей...
В озерах памяти моей
Опять гудит подводный Китеж,
И легкий шелест дальних слов
Певуч, как гул колоколов.

4

Гляжу в окно сквозь воздух мглистый.
Прозрачна Сена... Тюильри...
Монмартр и синий, и лучистый.
Как желтый жемчуг — фонари.
Хрустальный хаос серых зданий...
И аромат воспоминаний,
Как запах тлеющих цветов,
Меня пьянит. Чу! Шум шагов...
Вот тяжелой грудью парохода
Разбилось тонкое стекло,
Заволновалось, потекло...

Донесся дальний гул народа;
В провалах улиц мгла и тишь.
То день идет... Гудит Париж.

5

Для нас Париж был ряд преддверий
В просторы всех веков и стран,
Легенд, историй и поверий.
Как мутно-серый океан,
Париж властительно и строго
Шумел у нашего порога.
Мы отдавались, как во сне,
Его ласкающей волне.
Мгновенья полные, как годы...
Как жезл сухой, расцвел музей...
Прохладный мрак больших церквей...
Орган... Готические своды...
Толпа: потоки глаз и лиц...
Припасть к земле... Склониться ниц...

6

Любить без слез, без сожаленья,
Любить, не веруя в возврат...
Чтоб было каждое мгновенье
Последним в жизни. Чтоб назад
Нас не влекло неудержимо,
Чтоб жизнь скользнула в кольцах дыма,
Прошла, развеялась... И пусть
Вечерне-радостная грусть
Обнимет нас своим запястьем.
Смотреть, как тают без следа
Остатки грез, и никогда
Не расставаться с грустным счастьем,

И, подойдя к концу пути,
Вздыхнуть и радостно уйти.

7

Здесь всё теперь воспоминанье,
Здесь всё мы видели вдвоем,
Здесь наши мысли, как журчанье
Двух струй, бегущих в водоем.
Я слышу Вашими ушами,
Я вижу Вашими глазами,
Звук Вашей речи на устах,
Ваш робкий жест в моих руках.
Я б из себя все впечатленья
Хотел по-Вашему понять,
Певучей рифмой их связать
И в стих вковать их отраженье.
Но только нет... Продленный миг
Есть ложь... И беден мой язык.

8

И всё мне снится день в Версале,
Тропинка в парке между туй,
Прозрачный холод синей дали,
Безмолвье мраморных статуй,
Фонтан и кони Аполлона.
Затишье парка Трианона,
Шероховатость старых плит, —
(Там мрамор сер и мхом покрыт).
Закат, как отблеск пышной славы
Давно отшедшей красоты,
И в вазах каменных цветы,
И глыбой стройно-величавой —
Дворец: пустынных окон ряд
И в стеклах пурпурный закат.

9

Я помню тоже утро в Hall'e,
Когда у Лувра на мосту
В рассветной дымке мы стояли.
Я помню рынка суету,
Собора слизистые стены,
Капуста, словно сгустки пены,
«Как солнца» тыквы и морковь,
Густые, черные, как кровь,
Корзины пурпурной клубники,
И океан живых цветов –
Гортензий, лилий, васильков,
И незабудок, и гвоздики,
И серебристо-сизый тон,
Обнявший нас со всех сторон.

10

Я буду помнить Лувра залы,
Картины, золото, паркет,
Статуи, тусклые зеркала,
И шелест ног, и пыльный свет.
Для нас был Грёз смешон и сладок,
Но нам так нравился зато
Скрипучий шелк чеканных складок
Темно-зеленого Ватто.
Буше – изящный, тонкий, лживый,
Шарден – интимный и простой,
Коро – жемчужный и седой,
Милле – закат над желтой нивой,
Веселый лев – Делакруа,
И в Saint-Germain l'Auxerrois –

11

Vitreaux — камней прозрачный слиток:
И аметисты, и агат.
Там ангел держит длинный свиток,
Вперяя долу грустный взгляд.
Vitreaux мерцают, точно крылья
Вечерней бабочки во мгле...
Склоняя голову в бессильи,
Святая клонится к земле
В безумьи счастья и экстаза...
Tête Inconnue! Когда и кто
Нашел и выразил в ней то
В движеньи плеч, в разрезе глаза,
Что так меня волнует в ней,
Как и в Джоконде, но сильней?

12

Леса готической скульптуры!
Как жутко всё и близко в ней.
Колонны, строгие фигуры
Сибилл, пророков, королей...
Мир фантастических растений,
Окаменелых привидений,
Драконов, магов и химер.
Здесь всё есть символ, знак, пример.
Какую повесть зла и мук вы
Здесь разберете на стенах?
Как в этих сложных письменах
Понять значенье каждой буквы?
Их взгляд, как взгляд змеи, тягуч...
Закрыта дверь. Потерян ключ.

13

Мир шел искать себе обитель,
Но на распутьи всех дорог
Стоял лукавый Соблазнитель.
На нем хитон, на нем венок,
В нем правда мудрости звериной:
С свиной улыбкой взгляд змеиный.
Призывно пальцем шелкнул он,
И мир, как Ева, соблазнен.
И этот мир – Христа Невеста –
Она решилась и идет:
В ней всё дрожит, в ней всё поет,
В ней робость и бесстыдство жеста,
Желанье, скрытое стыдом,
И упоение грехом.

14

Есть беспощадность в примитивах.
У них для правды нет границ –
Ряды позорно некрасивых,
Разоблаченных кистью лиц.
В них дышит жизнью каждый атом:
Фуке – безжалостный анатом –
Их душу взял и расчленил,
Спокойно взвесил, осудил
И распял их в своих портретах.
Его портреты казнь и месть,
И что-то дьявольское есть
В их окружающих предметах
И в хрящеватости ушей,
В глазах и в линии ноздрей.

15

Им мир Рэдона так созвучен...
В нем крик камней, в нем скорбь земли,
Но саван мысли сер и скучен.
Он змей, свернувшийся в пыли.
Рисунок грубый, неискусный...
Вот Дьявол – кроткий, странный, грустный.
Антоний видит бег планет:
«Но где же цель?»

– Здесь цели нет...

Струится мрак и шепчет что-то,
Легло молчанье, как кольцо,
Мерцает бледное лицо
Средь ядовитого болота,
И солнце, черное как ночь,
Вбирая свет, уходит прочь.

16

Как горек вкус земного лавра...
Родэн навеки заковал
В полубезумный жест Кентавра
Несовместимость двух начал.
В безумьи заломивши руки,
Он бьется в безысходной муке,
Земля и стонет и гудит
Под тяжелой судоргой копыт.
Но мне понятна беспредельность,
Я в мире знаю только цельность,
Во мне зеркальность тихих вод,
Моя душа как небо звездна,
Кругом поет родная бездна, –
Я весь и ржанье, и полет!

17

Я поклоняюсь вам, кристаллы,
Морские звезды и цветы,
Растенья, раковины, скалы
(Окаменелые мечты
Безмолвно грезящей природы),
Стихии мира: Воздух, Воды,
И Мать-Земля и Царь-Огонь!
Я духом Бог, я телом конь.
Я чувю дрожь предчувствий вещей,
Я слышу гул идущих дней,
Я полон ужаса вещей,
Враждебных, мертвых и зловещих,
И вызывают мой испуг
Скелет, машина и паук.

18

Есть злая власть в душе предметов,
Рожденных судоргой машин.
В них грех нарушенных запретов,
В них месть рабов, в них бред стремнин.
Для всех людей одни вериги:
Асфальты, рельсы, платья, книги,
И не спасется ни один
От власти липких паутинок.
Но мы, свободные кентавры,
Мы мудрый и бессмертный род,
В иные дни у берега вод
Ласкались к нам ихтиозавры.
И мир мельчал. Но мы росли.
В нас бег планет, в нас мысль Земли!

Май 1904

Париж

39. Старые письма

А. В. Гольштейн

Я люблю усталый шелест
Старых писем, дальних слов...
В них есть запах, в них есть прелесть
Умирающих цветов.

Я люблю узорный почерк —
В нем есть шорох трав сухих.
Быстрых букв знакомый очерк
Тихо шепчет грустный стих.

Мне так близко обаянье
Их усталой красоты...
Это деревья Познанья
Облетевшие цветы.

<1904>

40. Таиах

Тихо, грустно и безгневно
Ты взглянула. Надо ль слов?
Час настал. Прощай, царевна!
Я устал от лунных снов.

Ты живешь в подводной сини
Предраассветной глубины,
Вкруг тебя в твоей пустыне
Расцветают вечно сны.

Много дней с тобою рядом
Я глядел в твое стекло.
Много грез под нашим взглядом
Расцвело и отцвело.

Всё, во что мы в жизни верим,
Претворялось в твой кристалл.
Душен стал мне узкий терем,
Сны увяли, я устал...

Я устал от лунной сказки,
Я устал не видеть дня.
Мне нужны земные ласки,
Пламя алого огня.

Я иду к разгулам будней,
К шумам буйных площадей,
К ярким полымям полудней,
К пестроте живых людей...

Не царевич я! Похожий
На него, я был иной...
Ты ведь знала: я – Прохожий,
Близкий всем, всему чужой.

Тот, кто раз сошел с вершины,
С ледяных престолов гор,
Тот из облачной долины
Не вернется на простор.

Мы друг друга не забудем.
И, целуя дольний прах,
Отнесу я сказку людям
О царевне Таиах.

*Весна 1905
Париж*

41

Если сердце горит и трепещет,
Если древняя чаша полна... –
Горе! Горе тому, кто расплещет
Эту чашу, не выпив до дна.

В нас весенняя ночь трепетала,
Нам таинственный месяц сверкал...
Не меня ты во мне обнимала,
Не тебя я во тьме целовал.

Нас палящая жажда сдружила,
В нас различное чувство слилось:
Ты кого-то другого любила,
И к другой мое сердце рвалось.

Запрокинулись головы наши,
Опьянились мы огненным сном,
Расплескали мы древние чаши,
Налитые священным вином.

*1905
Париж*

42

Мы заблудились в этом свете.
Мы в подземельях темных. Мы
Один к другому, точно дети,
Прижались робко в безднах тьмы.

По мертвым рекам всплески весел;
Орфей родную тень зовет.
И кто-то нас друг к другу бросил,
И кто-то снова оторвет...

Бессильна скорбь. Беззвучны крики.
Рука горит еще в руке.
И влажный камень вдалеке
Лепечет имя Эвридики.

*Весна 1905
Париж*

43. Зеркало

Я – глаз, лишенный век. Я брошено на землю,
Чтоб этот мир дробить и отражать...
И образы скользят. Я чувствую, я внемлю,
Но не могу в себе их задержать.

И часто в сумерках, когда дымятся трубы
Над синим городом, а в воздухе гроза, –
[В меня глядят бессонные глаза
[И черною тоской запекшиеся губы.

И комната во мне. И капает вода.
И тени движутся, отходят, вырастая.
И тикают часы, и капает вода,
Один вопрос другим всегда перебивая.

И чувство смутное шевелится на дне.
В нем радостная грусть, в нем сладкий страх разлуки...
И я молю его: «Останься, будь во мне, –
Не прерывай рождающейся муки»...

И вновь приходит день с обычной суетой,
И бледное лицо лежит на дне – глубоко...
Но время, наконец, застынет надо мной,
И тусклою плевой мое затянет око!

*Лето 1905
Париж*

44

Мир закутан плотно
В сизый саван свой —
В тонкие полотна
Влаги дождевой.

В тайниках сознания
Травки проросли.
Сладко пить дыханье
Дождевой земли.

С грустью принимаю
Тягу древних змей:
Медленную Майю
Торопливых дней.

Затерявшись где-то,
Робко верим мы
В непрозрачность света
И прозрачность тьмы.

*Лето 1905
Париж*

45

Небо в тонких узорах
Хочет день превозмочь,
А в душе и в озерах
Опрокинулась ночь.

Что-то хочется крикнуть
В эту черную пасть,
Робким сердцем приникнуть,
Чутким ухом припасть.

И идешь и не дышишь...
Холодеют поля.
Нет, послушай... Ты слышишь?
Это дышит земля.

Я к траве припадаю.
Быть твоим навсегда...
«Знаю... знаю... всё знаю», —
Шепчет вода.

Ночь темна и беззвездна.
Кто-то плачет во сне,
Опрокинута бездна
На водах и во мне...

*Лето 1905
Париж*

46

Эта светлая аллея
В старом парке — по горе,
Где проходит тень Орфея
Молчаливо на заре.

Весь прозрачный — утром рано,
В белом пламени тумана
Он проходит, не помяв
Влажных стеблей белых трав.

Час таинственных наитий.
Он уходит в глубь аллея,
Точно струн, касаясь нитей
Серебристых тополей.

Кто-то вздрогнул в этом мире.
Щебет птиц. Далекый ключ.
Как струна на чьей-то лире
Зазвенел по ветке луч.

Всё распалось. Мы придем
Снова в мир, чтоб видеть сны.
И становится невидим
Бог рассветной тишины.

*Лето 1905
Париж*

47

В зеленых сумерках, дрожа и вырастая,
Восторг таинственный припал к родной земле,
И прежние слова уносятся во мгле,
Как черных ласточек испуганная стая.

И арки черные, и бледные огни
Уходят по реке в лучистую безбрежность.
В душе моей растет такая нежность!..
Как медленно текут расплавленные дни...

И в первый раз к земле я припадаю,
И сердце мертвое, мне данное судьбой,
Из рук твоих смиренно принимаю,
Как птичку серую, согретую тобой.

*1905
Париж*

48. Второе письмо

И были дни, как муть опала,
И был один, как аметист.
Река несла свои зеркала,
Дрожал в лазури бледный лист.
Хрустальный день пылал так ярко,
И мы ушли в затишье парка,
Где было сыро на земле,
Где пел фонтан в зеленой мгле,
Где трепетали поминутно
Струи и полосы лучей,
И было в глубине аллея
И величаво и уютно.
Синела даль. Текла река.
Душа, как воды, глубока.

И наших ног касалась влажно
Густая, цепкая трава;
В душе и медленно, и важно
Вставали редкие слова.
И полдня вещее молчанье
Таило жгучую печаль
Невыразимого страданья.
И, смутным оком глядя вдаль,
Ты говорила:

«Смерть сурово
Придет, как синяя гроза.
Приблизит грустные глаза
И тихо спросит: «Ты готова?»»

Что я отвечу в этот день?
Среди живых я только тень.
Какая темная обида
Меня из бездны извлекла?
Я здесь брожу как тень Аида,
Я не страдала, не жила...
Мне надо снова воплотиться
И крови жертвенной напиться,
Чтобы понять язык людей.
Печален сон души моей.
Она безрадостна, как Лета...
Кто здесь поставит ей межи?
Я родилась из чьей-то лжи,
Как Калибан из лжи поэта.
Мне не мила земная твердь...
Кто не жил, тех не примет смерть».

Как этот день теперь далёко
С его бескрылою тоской!
Он был как белый свет востока
Пред наступающей зарей.
Он был как вещий сон незрящей,
Себя не знающей, скорбящей,
Непробудившейся души.
И тайны в утренней тиши
Свершались:

«Некий встал с востока

*В хитоне бледно-золотом,
И чашу с пурпурным вином
Он поднял в небо одиноко.
Земли пустые страшны очи.
Он встретил их и ослепил,
Он в мире чью-то кровь пролил
И затопил ей бездну ночи».*

И, трепеща, необычайны,
Горе мы подняли сердца
И причастились страшной Тайны
В лучах пылавшего лица.
И долу, в мир вела дорога —
Исчезнуть, слиться и сгореть.
Земная смерть есть радость Бога:
Он сходит в мир, чтоб умереть.

И мы, как боги, мы, как дети,
Должны пройти по всей земле,
Должны запутаться во мгле,
Должны ослепнуть в ярком свете,
Терять друг друга на пути,
Страдать, искать и вновь найти...

1904–1905

Париж

49. В мастерской

Ясный вечер, зимний и холодный,
За высоким матовым стеклом.
Там в окне, в зеленой мгле подводной
Бьются зори огненным крылом.
Смутный час... Все линии нерезки.
Все предметы стали далеки.
Бледный луч от алой занавески
Отеняет линию щеки.
Мир теней погасших и поблеклых,
Хризантемы в голубой пыли;
Стебли трав, как кружево, на стеклах...
Мы — глаза таинственной земли...
Вглубь растут непрожитые годы.
Чуток сон дрожащего стебля.
В нас молчат всезнающие воды,
Видит сны незрячая земля.

Девочка милая, долгой разлукою
Время не сможет наш сон победить:
Есть между нами незримая нить.
Дай я тихонько тебя убаюкаю:
Близко касаются головы наши,
Нет разделений, преграды и дна.
День, опрозраченный тайнами сна,
Станет подобным сапфировой чаше.
Мир, увлекаемый плавным движеньем,
Звездные звенья влача, как змея,
Станет зеркальным, живым отраженьем
Нашего вечного, слитного Я.

Ночь придет. За бархатною мглою
Станут бледны полыньи зеркал.
Я тебя согрею и укрою,
Чтоб никто не видел, чтоб никто не знал.
Свет зажгу. И ровный круг от лампы
Озарит растенья по углам,
На стенах японские эстампы,
На шкафу химеры с Notre-Dame.
Барельефы, ветви эвкалипта,
Полки книг, бумаги на столах,
И над ними тайну тайн Египта —
Бледный лик царевны Таиах...

Осень 1905

Париж

50. Вослед

Мысли поют: «Мы устали... мы стынем...»
Сплю. Но мой дух неспокоен во сне.
Дух мой несется по снежным пустыням
В дальней и жуткой стране.

Дух мой с тобою в качаньи вагона.
Мысли поют и поют без конца.
Дух мой в России... Ведет Антигона
Знойной пустыней слепца.

Дух мой несется, к земле припадая,
Вдоль по дорогам распятой страны.
Тонкими нитями в сердце вращая,
В мире клубятся кровавые сны.

Дух мой с тобою уносится... Иней
Стекла вагона заткал, и к окну,
К снежной луне гиацинтово-синей
Вместе с тобою лицом я прильну.

Дух мой с тобою в качаньи вагона.
Мысли поют и поют без конца...
Горной тропею ведет Антигона
В знойной пустыне слепца...

*Февраль 1906
Париж*

51

Как Млечный Путь, любовь твоя
Во мне мерцает влагой звездной,
В зеркальных снах над водной бездной
Алмазность пытки затая.

Ты слезный свет во тьме железной,
Ты горький звездный сок. А я –
Я помутневшие края
Зари слепой и бесполезной.

И жаль мне ночи... Оттого ль,
Что вечных звезд родная боль
Нам новой смертью сердце скрепит?

Как синий лед мой день... Смотри!
И меркнет звезд алмазный трепет
В безбольном холоде зари.

Март 1907
Петербург

52. In mezza di cammin

Блуждая в юности извиистой дорогой,
Я в темный Дантов лес вступил в пути своем,
И дух мой радостный охвачен был тревогой.

С безумной девушкой, глядевшей в водоем,
Я встретился в лесу. «Не может быть случайна,
Сказал я, — встреча здесь. Пойдем теперь вдвоем».

Но, вещим трепетом объят необычайно,
К лесному зеркалу я вместе с ней приник,
И некая меж нас в тот миг возникла тайна.

И вдруг увидел я со дна встающий лик —
Горящий пламенем лик Солнечного Зверя.
«Уйдем отсюда прочь!» Она же птичий крик

Вдруг издала и, правде снов поверя,
Спустилась в зеркало чернеющих пучин...
Смертельной горечью была мне та потеря.

И в зрящем сумраке остался я один.

*16 мая 1907
Москва*

III

ЗВЕЗДА ПОЛЫНЬ

Александр Михайловне Петровой

53

*Быть черною землей. Раскрыв покорно грудь,
Ослепнуть в пламени сверкающего ока,
И чувствовать, как плуг, вонзившийся глубоко
В живую плоть, ведет священный путь.*

*Под серым бременем небесного покроя
Пить всеми ранами потоки темных вод.
Быть вспаханной землей... И долго ждать, что вот
В меня сойдет, во мне распнется Слово.*

*Быть Матерью-Землей. Внимать, как ночью рожь
Шуршит про таинства возврата и возмездья,
И видеть над собой алмазных рун чертеж:
По небу черному плывущие созвездья.*

*Сентябрь 1906
Богдановщина*

Одилону Рэдону

Я шел сквозь ночь. И бледной смерти пламя
Лизнуло мне лицо и скрылось без следа...
Лишь вечность зыблется ритмичными волнами.
И с грустью, как во сне, я помню иногда
Угасший метеор в пустынях мироздания,
Седой кристалл в сверкающей пыли,
Где Ангел, проклятый проклятием всезнанья,
Живет меж складками морщинистой земли.

<1904
Париж>

55. Кровь

Посвящение на книге «Эрос»

В моей крови – слепой Двойник.
Он редко кажет дымный лик, –
Тревожный, вещий, сокровенный.
Приникнул ухом... Где ты, пленный?

И мысль рванулась... и молчит.
На дне глухая кровь стучит..
Стучит – бежит... Стучит – бежит..
Слепой огонь во мне струит.
Огонь древней, чем пламя звезд,
В ней память темных, старых мест.
В ней пламень черный, пламень древний.
В ней тьма горит, в ней света нет,
Она властительней и гневней,
Чем вихрь сияющих планет.

Слепой Двойник! Мой Пращур пленный!
Властитель мне невнятных грез!
С какой покинутой вселенной
Ты тайны душевные принес?

Зачем во тьму кровосмешений,
К соприкасаньям алых жал
Меня – Эдипа, ты послал
Искать зловещих откровений?

1907
Петербург

56. Сатурн

М.А. Эртелю

На тверди видимой алмазно и лазурно
Созвездий медленных мерцает бледный свет.
Но в небе времени снопы иных планет
Несутся кольцами и в безднах гибнут бурно.

Пусть темной памяти источенная урна
Их пепел огненный развеяла как бред –
В седмичном круге дней горит их беглый след.
О, прашур Лун и Солнц, вселенная Сатурна!

Где ткало в дымных снах сознание-паук
Живые ткани тел, но тело было – звук,
Где лился музыкой, непознанной для слуха,

Творящих числ и воль мерцающий поток,
Где в горьком сердце тьмы сгущался звездный сок,
Что темным языком лепечет в венах глухо.

*1907
Петербург*

57. Солнце

Б.А. Леману

Святое око дня, тоскующий гигант!
Я сам в своей груди носил твой пламень пленный,
Пронизан зрением, как белый бриллиант,
В багровой тьме рождавшейся вселенной.

Но ты, всезрящее, покинуло меня,
И я внутри ослеп, вернувшись в чресла ночи.
И вот простерли мы к тебе — истоку Дня —
Земля — свои цветы и я — слепые очи.

Невозвратимое! Ты гаснешь в высоте,
Лучи призывные кидая издалека.
Но я в своей душе возжгу иное око
И землю поведу к сияющей мечте!

1907
Петербург

58. Грот нимф

Сергею Соловьеву

О, странник-человек! Познай Священный Грот
И надпись скорбную «Amor et dolori».
Из бездны хаоса, сквозь огненное море,
В пещеры времени влечет водоворот.

Но смертным и богам отверст различный вход:
Любовь — тропа одним, другим дорога — горе.
И каждый припадет к сияющей амфоре,
Где тайной Эроса хранится вещей мед.

Отмечен вход людей оливою ветвистой —
В пещере влажных нимф, таинственной и мгливой,
Где вечные ключи рокочут в тайниках,

Где пчелы в темноте слагают сотов грани,
Наяды вечно ткут на каменных станках
Одежды жертвенной пурпуровые ткани.

1907

Коктебель

59-65. Руанский собор

Руан 24 Июля 1905 г.

Анне Рудольфовне Минцловой

1. Ночь

Вечер за днем беспокойным.
Город, как уголь, зардел,
Веет прерывистым, знойным,
Рдяным дыханием тел.

Плавны, как пение хора,
Прочь от земли и огней
Высятся дуги собора
К светлым пространствам ночей.

В тверди сияюще-синей,
В звездной алмазной пыли,
Нити стремительных линий
Серые сети сплели.

В горний простор без усилья
Взвились громады камней...
Птичьи упругие крылья —
Крылья у старых церквей!

1907

2. Лиловые лучи

О, фиолетовые грозы,
Вы — тень алмазной белизны!
Две аметистовые Розы
Сияют с горней вышины.

Дымится кровь огнем багровым,
Рубины рдеют винных лоз,
Но я молюсь лучам лиловым,
Пронзившим сердце вечных Роз.

И я склоняюсь на ступени,
К лиловым пятнам темных плит,
Дождем фиалок и сирени
Во тьме сияющей облит.

И храма древние колонны
Горят фиалковым огнем.
Как аметист, глаза бессонны
И сожжены лиловым днем.

1907

3. Вечерние стёкла

Гаснет день. В соборе всё поплёкло.
Дымный камень лиловат и сер.
И цветами отцветают стёкла
В глубине готических пещер.

Темным светом вытканые ткани,
Страстных душ венчальная фата,
В них рубин вина, возникший в Кане,
Алость роз, расцветших у креста,

Хризолит осенний и пьянящий,
Мед полудней — царственный янтарь,
Аметист — молитвенный алтарь,
И сапфир, испуганный и зрящий.

В них горит вечерний океан,
В них призыв далекого набата,
В них глухой, торжественный орган,
В них душа стоцветная распята.

Тем, чей путь таинственно суров,
Чья душа тоскою осиянна,
Вы – цветы осенних вечеров,
Поздних зорь далекая Осанна.

1907

4. Стигматы

Чья рука, летучая как пламень,
По страстным путям меня ведет?
Под ногой не гулкий чую камень,
А журчанье вещей вод...

Дух пронзают острые пилястры,
Мрак ужален пчелами свечей.
О, сердца, расцветшие, как астры,
Золотым сиянием мечей!

Свет страданья, алый свет вечерний
Пронизал резной, узорный храм.
Ах, как жалят жала алых терний
Бледный лоб, приникший к алтарям!

Вся душа – как своды и порталы,
И, как синий ладан, в ней испуг.
Знаю вас, священные кораллы
На ладонях распростертых рук!

1907

5. Смерть

Вьются ввысь прозрачные ступени,
Дух горит... и дали без границ.
Здесь святых сияющие тени,
Шелест крыл и крики белых птиц.

А внизу, глубоко — в древнем храме
Вздых земли подъемлет лития.
Я иду алмазными путями,
Жгут ступни соборов острия.

Под ногой сияющие грозди —
Пыль миров и пламя белых звезд.
Вы, миры, — вы огненные гвозди,
Вечный дух распявшие на крест.

Разорвись, завеса в темном храме,
Разомкнись, лазоревая твердь!
Вот она, как ангел, над мирами,
Факел жизни — огненная Смерть!

1907

6. Погребенье

Глубь земли... Источенные крипты.
Слышно пенье — погребальный клир.
Ветви пальм. Сухие эвкалипты.
Запах воска. Тление и мир...

Здесь соборов каменные корни.
Прахом в прах таинственно сойти,
Здесь истлеть, как семя в темном дерне,
И цветком собора расцвести!

Милой плотью скованное время,
Своды лба и звенья позвонков
Я сложу, как радостное бремя,
Как гирлянды праздничных венков.

Не придя к конечному пределу
И земной любви не утоля,
Твоему страдающему телу
Причащаюсь, темная земля.

Свет очей – любовь мою сыновью
Я тебе незрячей отдаю
И свою солнечную кровью
Злое сердце мрака напою.

1907

7. Воскресенье

Сердце острой радостью ужалено.
Запах трав и колокольный гул.
Чьей рукой плита моя отвалена?
Кто запор гробницы отомкнул?

Небо в перьях – высится и яснится...
Жемчуг дня... Откуда мне сие?
И стоит собор – первопричастница
В кружевах и белой кисее.

По речным серебряным излучинам,
По коврам сияющих полей,
По селеньям, сжавшимся и скученным,
По старинным плитам площадей,

Вижу я, идут отроковицами,
В светлых ризах, в девственной фате,
В кружевах, с завешенными лицами,
Ряд церквей – невесты во Христе.

Этим камням, сложенным с усилиями,
Нет оков и нет земных границ!
Вдруг взмахнут испуганными крыльями
И взовьются стаей голубиц.

1907

66. Гностический гимн Деве Марии

Вячеславу Иванову

Славься, Мария!
Хвалите, хвалите
Крестные тайны
Во тьме естества!
Mula-Praciti –
Покров Божества.

Дремная греза
Отца Парабрамы,
Сонная Майя,
Праматерь-материя!
Греза из грезы...
Вскрываются храмы.
Жертвы и смерти
Живая мистерия.

Марево-Мара,
Море безмерное,
Апог-Магiа –
Звезда над морями!
Мерною рябью
Разбилась вселенная.
В ритме вскрывается
Тайна глубинная...
В пенные крылья

Свои голубиные
Морем овита,
Из влаги рожденная —
Ты Афродита —
Звезда над морями.

Море — Мария!

Майею в мире
Рождается Будда.
В областях звездных
Над миром царит.
Верьте свершителю
Вышнего чуда:
Пламя, угасшее в безднах, —
Горит!..

Майа — Мария!

Майа, принявшая
Бога на крест,
Майа, зачавшая
Вечер — Гермеса.
С пламени вещей
Сверкающих звезд
Сорвана дня
Ледяная завеса.

Майа — Мария!

Мы в безднах погасли,
Мы путь совершили,
Мы в темные ясли
Бога сложили...

Ave Maria!

67–80. Киммерийские сумерки

Константину Феодоровичу Богаевскому

1. Полынь

Костер мой догорал на берегу пустыни.
Шуршали шелесты струистого стекла.
И горькая душа тоскующей полыни
В истомной мгле качалась и текла.

В гранитах скал — надломленные крылья.
Под бременем холмов — изогнутый хребет.
Земли отверженной — застывшие усилья.
Уста Праматери, которым слова нет!

Дитя ночей призывных и пытливых,
Я сам — твои глаза, раскрытые в ночи
К сиянью древних звезд, таких же сиротливых,
Простерших в темноту зовущие лучи.

Я сам — уста твои, безгласные как камень!
Я тоже изнемог в оковах немоты.
Я свет потухших солнц, я слов застывший пламень
Незрячий и немой, бескрылый, как и ты.

О, мать-невольница! На грудь твоей пустыни
Склоняюсь я в полночной тишине...
И горький дым костра, и горький дух полыни,
И горечь волн — останутся во мне.

1907
<Петербургу>

2

Я иду дорогой скорбной в мой безрадостный Коктебель...
По нагорьям терн узорный и кустарники в серебре.
По долинам тонким дымом розовеет внизу миндаль,
И лежит земля страстная в черных ризах и ораях.

Припаду я к острым щебням, к серым срывам размытых гор,
Причашусь я горькой соли задыхающей волны,
Обовью я чобром, мятой и полынью седой чело.
Здравствуй, ты, в весне распятый, мой торжественный Коктебель!

1907

Коктебель

3

Темны лики весны. Замутились влагой долины,
Выткали синюю даль прутья сухих тополей.
Тонкий снежный хрусталь опрозрачил дальние горы.
Влажно тучнеют поля.

Свивши тучи в кудель и окутав горные щели,
Ветер, рыдая, прядет тонкие нити дождя.
Море глухо шумит, развивая древние свитки
Вдоль по пустынным пескам.

1907

4

Старинным золотом и жёлчью напитал
Вечерний свет холмы. Зардели красны, буры
Клоки косматых трав, как пряди рыжей шкуры.
В огне кустарники и воды как металл.

А груды валунов и глыбы голых скал
В размытых впадинах загадочны и хмуры.
В крылатых сумерках – намеки и фигуры...
Вот лапа тяжкая, вот челюсти оскал,

Вот холм сомнительный, подобный вздутым ребрам.
Чей согнутый хребет порос, как шерстью, чобром?
Кто этих мест жилец: чудовище? титан?

Здесь душно в тесноте... А там – простор, свобода,
Там дышит тяжело усталый Океан,
И веет запахом гниющих трав и йода.

1907
Коктебель

5

Здесь был священный лес. Божественный гонец
Ногой крылатою касался сих прогалин.
На месте городов ни камней, ни развалин.
По склонам бронзовым ползут стада овец.

Безлесны скаты гор. Зубчатый их венец
В зеленых сумерках таинственно печален.
Чьей древнею тоской мой вещей дух ужален?
Кто знает путь богов – начало и конец?

Размытых осыпей, как прежде, звонки щелби,
И море древнее, вздымая тяжко гребни,
Кипит по отмелям гудящих берегов.

И ночи звездные в слезах проходят мимо,
И лики темные отвергнутых богов
Глядят и требуют, зовут... неотвратимо.

1907
Коктебель

6

Равнина вод колыхается широко,
Обведена серебряной каймой.
Мутится мыс, зубчатой стеной
Ступив на зыбь расплавленного тока.

Туманный день раскрыл золотое око,
И бледный луч, расплесканный волной,
Скользит, дробясь над мутной глубиной, —
То колос дня от пажитей востока.

В волокнах льна златится бледный круг
Жемчужных туч, и солнце, как паук,
Дрожит в сетях алмазной паутины.

Вверх обрати ладони тонких рук —
К истоку дня! Стань лилией долины,
Стань стеблем ржи, дитя огня и глины!

1907
Коктебель

7

Над зыбкой рябью вод встает из глубины
Пустынный кряж земли: хребты скалистых гребней,
Обрывы черные, потоки красных щербей —
Пределы скорбные неизвестной страны.

Я вижу грустные, торжественные сны —
Заливы гулкие земли глухой и древней,
Где в поздних сумерках грустнее и напевней
Звучат пустынные гексаметры волны.

И парус в темноте, скользя по бездорожью,
Трепещет древнею, таинственную дрожью
Ветров тоскующих и дышащих зыбей.

Путем назначенным дерзанья и возмездья
Стремит мою ладью глухая дрожь морей,
И в небе теплятся лампы Семизвездья.

1907

Коктебель

8. Mare Internum

Я – солнца древний путь от красных скал Тавриза
До темных врат, где стал Гераклов град – Кадикс.
Мной круг земли омыт, в меня впадает Стикс,
И струйный столб огня на мне сверкает сизо.

Вот рдяный вечер мой: с зубчатого карниза
Ко мне склонился кедр и бледный тамариск.
Широко шелестит фиалковая риза,
Заливы черные сияют, как оникс.

Люби мой долгий гул, и зыбких взводней змеи,
И в хорах волн моих напевы Одиссеи.
Вдохну в скитальный дух я власть дерзать и мочь,
И обоймут тебя в глухом моем просторе
И тысячами глаз взирающая Ночь,
И тысячами уст глаголящее Море.

1907

9. Гроза

*Дие кличет по древию, велит послушати
Волзе, Поморью, Посулюю, Сурожу...*

Запал багровый день. Над тусклою водой
Зарницы синие трепещут беглой дрожью.
Шуршит глухая степь сухим быльем и рожью,
Вся млеет травами, вся дышит душной мглой

И тутнет, гулкая. Див кличет пред бедой
Ардавде, Корсуню, Поморью, Посурожью, —
Земле незнаемой разносит весть Стрибожью:
Птиц стоном убуди и вста звериный вой.

С туч ветер плеснул дождем и мечется с испугом
По бледным заводям, по ярам, по яругам...
Тьма прыщет молнии в зыбучее стекло...

То, Землю древнюю тревожа долгим зовом,
Обида вещая раскинула крыло
Над гневным Сурожем и пенистым Азовом.

1907

Коктебель

10. Полдень

Травую жесткою, пахучей и седой
Порос бесплодный скат извилистой долины.
Белеет молочай. Пласты размытой глины
Искрятся грифелем, и сланцем, и слюдой.

По стенам шифера, источенным водой,
Побеги каперсов; иссохший ствол маслины;
А выше за холмом лиловые вершины
Подъемлет Карадаг зубчатую стеной.

И этот тусклый зной, и горы в дымке мутной,
И запах душных трав, и камней отблеск ртутный,
И злобный крик цикад, и клекот хищных птиц —

Мутят сознание. И зной дрожит от крика...
И там — во впадинах зияющих глазниц
Огромный взгляд растоптанного Лика.

1907

11. Облака

Гряды холмов отусклил марный иней.
Громады туч по сводам синих дней
Ввысь громоздят (всё выше, всё тесней)
Клубы свинца, седые крылья пиний,

Столбы снегов, и гроздьями глициний
Свисают вниз... Зной глуше и тусклей.
А по степям несется бег коней,
Как темный лёт разгневанных Эринний.

И сбросил Гнев тяжелый гром с плеча,
И, ярость вод на доли расточа,
Отходит прочь. Равнины медно-буры.

В морях зари чернеет кровь богов.
И дымные встают меж облаков
Сыны огня и сумрака — Асурры.

1909

12. Сехмет

Влачился день по выжженным лугам.
Струился зной. Хребтов синели стены.
Шли облака, взметая клочья пены
На горный кряж. (Доступный чьим ногам?)

Чей голос с гор звенел сквозь знойный гам
Цикад и ос? Кто мыслил перемены?
Кто, с узкой грудью, с профилем гиены,
Лик обращал навстречу вечером?

Теперь на дол ночная пала птица,
Край запада лудою распаля.
И персть путей блуждает и томится...

Чу! В теплой мгле (померкнули поля...)
Далеко ржет и долго кобылица.
И трепетом ответствует земля.

1909

13

Сочилась жёлчь шафранного тумана.
Был стоптан стыд, притуплена любовь...
Стихала боль. Дрожала зыбка бровь.
Плыл горизонт. Глаз видел четко, пьяно.

Был в свитках туч на небе явлен вновь
Грозящий стих закатного Корана...
И был наш день — одна большая рана,
И вечер стал — запекшаяся кровь.

В тупой тоске мы отвратили лица.
В пустых сердцах звучало глухо: «Нет!»
И, застонав, как раненая львица,

Вдоль по камням влача кровавый след,
Ты на руках ползла от места боя,
С древком в боку, от боли долго воя...

Август 1909

14. Одиссей в Киммерии

Лидии Дм. Зиновьевой-Аннибал

Уж много дней рекою Океаном
Навстречу дню, расправив паруса,
Мы бег стремим к неотвратимым странам.
Усталых волн всё глуше голоса,

И слепнет день, мерцая оком рдяным.
И вот вдали синее полоса
Ночной земли и, слитые с туманом,
Излоги гор и скудные леса.

Наш путь ведет к божницам Персефоны,
К глухим ключам, под сени скорбных рош
Раин и ив, где папоротник, хвощ

И черный тисс одели леса склоны...
Туда идем, к закатам темных дней,
Во сретенье тоскующих теней.

17 октября 1907
Коктебель

81

Зеленый вал отпрянул и пугливо
Умчался вдаль, весь пурпуром горя...
Над морем разлилась широко и лениво
Певучая заря.

Живая зыбь как голубой стеклярус.
Лиловых туч карниз.
В стеклянной мгле трепещет серый парус.
И ветер в снастях повис.

Пустыня вод... С тревогою неясной
Толкает челн волна.
И распускается, как папоротник красный,
Зловещая луна.

<Январь 1904>

82

Вещий крик осеннего ветра в поле.
Завернувшись в складки одежды темной,
Стонет бурный вечер в тоске бездомной,
 Стонет от боли.

Раздирая тьму, облака, туманы,
Простирая алые к Ночи руки,
Обнажает Вечер в порыве муки
 Рдяные раны.

Плачьте, плачьте, плачьте, безумцы-ветры,
Над горой, над полем глухим, над пашней...
Слышу в голых прутьях, в траве вчерашней
 Вопли Деметры.

1907

83

Священных стран
Вечерние экстазы.
Сверканье лат
Поверженного Дня!
В волнах шафран,
Кольшутся топазы,
Разлит закат
Озерами огня.

Как волоса,
Волокна тонких дымов,
Припав к земле,
Синеют, лиловеют,
И паруса,
Что крылья серафимов,
В закатной мгле
Над морем пламенеют.

Излом волны
Сияет аметистом,
Струистыми
Смарагдами огней...
О, эти сны
О небе золотистом!
О, пристани
Крылатых кораблей!..

1907

84. Осенью

Рдяны краски,
Воздух чист;
Вьется в пляске
Красный лист, —
Это осень,
Далей просинь,
Гулы сосен,
Веток свист.

Ветер клонит
Ряд раки,
Листья гонит
И вихрит
Вихрей рати,
И на скате
Перекаати-
Поле мчит.

Воды мутит,
Гомит гам,
Рыщет, крутит
Здесь и там —
По нагорьям,
Плоскогорьям,
Лукоморьям
И морям.

Заверть пыли
Чрез поля
Вихри взвили,
Пепеля;
Чьи-то руки
Напружили,
Точно луки,
Тополя.

В море прянет —
Вир встает,
Воды стянет,
Загудёт,
Рвет на части
Лодок снасти,
Дышит в пасти
Пенных вод.

Ввысь, в червлёный
Солнца диск —
Миллионы
Алых брызг!
Гребней взвивы,
Струй отливы,
Коней гривы,
Пены взвизг...

1907
Коктебель

Поликсене С. Соловьевой

Над горестной землей – пустынной и огромной, –
Больной прерывистым дыханием ветров,
Безумной полднями, облитой кровью темной
Закланных вечеров, –

Свой лик, бессмертною пылающий тоскою,
Сын старший Хаоса, несешь ты в славе дня!
Пустыни времени лучатся под стезею
Всезрящего огня.

Колючий ореол, гудящий в медных сферах,
Слепящий вихрь креста – к закату клонишь ты
И гасишь темный луч в безвыходных пещерах
Вечерней пустоты.

На грани диких гор ты пролил пурпур гневный,
И ветры – сторожа покинутой земли –
Кричат в смятении, и моря вопль напевный
Теперь растет вдали.

И стали видимы средь сумеречной сини
Все знаки скрытые, лежащие окрест:
И письма на дорог, начертанных в пустыне,
И в небе числа звезд.

Ек. Ал. Бальмонт

Возлюби просторы мгновенья,
Всколоси их звонкую степь,
Чтобы мигов легкие звенья
Не спаялись в трудную цепь.
Ах, как тяжело бремя свободы,
Как темны просторы степей!
Кто вернет темничные своды
И запястья милых цепей?

Что рук не свяжете?
Ног не подкосите?
На темной пажити
Меня не бросите?
Не веют крылья
Живых вестей
Здесь, на развилии
Слепых путей.

Не зови того, кто уходит,
Не жалея о том, что прошло:
Дарит смерть, а жизнь лишь уводит...
Позабудь и знак, и число.
Ах, как дики эти излоги!
Как грустна вечерняя муть!..
Но иди: в полях без дороги
Пусть неверен будет твой путь.

Край одиночества,
Земля молчания...
Сбылись пророчества,
Свершились чаянья.
Под синей схиною
Простерла даль
Неотвратимую
Печаль.

1908
Париж

IV

АЛТАРИ В ПУСТЫНЕ

Александре Васильевне Гольштейн

87

*Станет солнце в огненном притине,
Струйки темной потекут жары...
Я поставлю жертвенник в пустыне
На широком темени горы.*

*Дрём ветвей, пропитанных смолою,
Листья, мох и травы я сложу,
И огню, плененному землю,
Золотые крылья развяжу.*

*Вспыхнут травы пламенем багровым,
Золотисто-темным и седым,
И потянет облаком лиловым
Горький, терпкий и пахучий дым.*

*Ты, Ликей! Ты, Фойбос! Здесь ты, близко!
Знойный гнев, Эйос, твой велик!
Отрок-бог! Из солнечного диска
Мне яви сверкающий свой лик.*

1909

88. Καὶτιχοί

Вейте, вайи! Флейты, пойте! Стройте, лиры! Бубен, бей!
Быстрый танец, вдоль по лугу белый вихрь одежд развеи!
Зарный бог несется к югу в стаях белых лебедей.

Ржут грифоны, клекчут птицы, блещут спицы колесниц,
Плещут воды, вторят доли звонким криком вешних птиц,
В дальних тучах быстро бьются крылья огненных зарниц.

Устья рек, святые рощи, гребни скал и темя гор
Оглашает ликованием всех зверей великий хор —
И луга, и лес, и пашни, гулкий берег и синь-простор.

У сокрытых вод Дельфузы славят музы бога сил;
Вещих снов слепые узы бременят сердца Сивилл;
Всходят зели, встали травы из утроб земных могил.

Ты — целитель! Ты — даятель! Отвратитель тусклых бед!
Гневный мститель! Насылатель черных язв и знойных лет!
Легких Ор святые хоры ты уводишь, Кифаред!

Движешь камни, движешь сферы строем лиры золотой!
Порожденный в лоне Геры Геи ревностью глухой,
Гад Пифон у врат пещеры поражен твоей стрелой.

Листьем дуба, темным лавром обвивайте алтари,
В белом блеске ярых полдней, пламя алое, гори!
Златокудрый, огнеликий, сребролукий бог зари!

Ликодатель, возвестивший каждой твари: «Ты еси!»
Зорю духа, пламя лика в нас, Ликей, — не угаси!
Севы звезд на влажной ниве в стройный колос всколоси!

Вейте, вайи! Флейты, пойте! Стройте, лиры! Бубен, бей!
Быстрый танец, вдоль по лугу белый вихрь одежд развей!
Зарный бог несется к югу в стаях белых лебедей!

Весна 1909
Коктебель

89. Дэлос

Сергею Маковскому

Оком мертвенным Горгоны
Обожженная земля:
Гор зубчатые короны,
Бухт зазубренных края.

Реет в море белый парус...
Как венец с пяти сторон –
Сизый Сирос, синий Парос,
Мирто, Наксос и Микон.

Гневный Лучник! Вождь мгновений!
Предводитель мойр и муз!
Налагатель откровений,
Разрешитель древних уз!

Сам из всех святынь Эллады
Ты своей избрал страной
Каменистые Циклады,
Дэлос знойный и сухой.

Ни священных рощ, ни кладбищ
Здесь не узрят корабли,
Ни лугов, ни тучных пастбищ,
Ни питающей земли.

Только лавр по склонам Цинта
Да в тенистых щелях стен
Влажный стебель гиацинта,
Кустик белых цикламен.

Но среди безводных кручей
Сердцу бога сладко мил
Терпкий дух земли горячей,
Запах жертв и дым кадил.

Дэлос! Ты престолом Феба
Наг стоишь среди морей,
Воздымая к солнцу – в небо
Дымы черных алтарей.

1909

90. Дельфы

Стеснили путь хребтов громады.
В долинах тень и дымка мглы.
Горят на солнце Федриады
И клекчут Зевсовы орлы.

Величье тайн и древней мощи
В душе родит святой испуг.
Безгласны лавровые рощи,
И эхо множит каждый звук.

По руслам рвов, на дне ущелий
Не молкнет молвь ручьев седых.
Из язв земли, из горных щелей,
Как пар, встает туманный дых.

Сюда, венчанного лозою, —
В долину Дельф, к устам земли
Благочестивою стезею
Меня молитвы привели.

Я плыл по морю за дельфином,
И в полдень белая звезда
Меня по выжженным равнинам
Вела до змиева гнезда.

Но не вольна праматерь Гея
Рожать сынов. Пифон умолк,
И сторожат пещеру змея
Священный лавр, дельфийский волк.

И там, где Гад ползою мрачной
Темнил полдневный призрак дня,
Струей холодной и прозрачной
Сочится ископытъ коня.

И где колчан с угрозой звякал,
И змея бог стрелой язвил,
Вещает праведный оракул
И горек лавр во рту Сивилл.

И ветвь оливы дикой место
Под сенью милостной хранит,
Где бог гонимого Ореста
Укрыл от гнева Эвменид.

В стихийный хаос — строй закона.
На бездны духа — пышность риз.
И убиенный Дионис —
В гробу пред храмом Аполлона!

1909

91. Призыв

У излучин бледной Леты,
Где неверный бродит день,
Льются призрачные светы,
Веет трепетная тень,

В белой мгле, в дали озёрной,
Под наметом тонких ив,
Ты, гранатовые зёрна
Тихой вечности вкусив,

Позабыла мир наш будний,
Плен одежд и трепет рук,
Темным золотом полудней
Осмугленный, знойный луг.

Но, собрав степные травы —
Мак, шалфей, полынь и чобр, —
Я призывные отравы
Расточу меж горных рёбр.

Я солью в сосуде медном
Жизни жёлчь и смерти мёд,
И тебя по рекам бледным
К солнцу горечь повлечёт.

Время сетью легких звений
Оплетет твой белый путь,
Беглым золотом мгновений
Опалит земную грудь,

И, припав к родному полю —
(Все ли травки проросли?), —
Примешь сладкую неволю
Жизни, лика и земли.

92. Полдень

Звонки стебли травы, и движенья зноя пахучи.
Горы, как рыжие львы, стали на страже пустынь.
В черно-синем огне расцветают медные тучи.
Горечью дышит полынь.

В ярых горнах долин, упоенных духом лаванды,
Темным золотом смол медленно плавится зной.
Нимбы света, венцы и сияний тяжких гирлянды
Мерно плывут над землей.

«Травы древних могил, мы выросли из камней и праха,
К зною из ночи и тьмы, к солнцу на зов возросли.
К полдням вынесли мы, трепеща от сладкого страха,
Мертвые тайны земли.

В зное полдней глухих мы пьянеем, горькие травы.
Млея по красным холмам, с иссиня-серых камней,
Душный шлем фимиам — благовонья сладкой отравы —
В море расплавленных дней».

1908

93

Сердце мира, солнце Алкиана,
Сноп огня в сиянии Плеяд!
Над зеркальной влагой Океана –
Грозди солнц, созвездий виноград.

С тихим звоном, стройно и нескоро,
Возносясь над чуткою водой,
Золотые числа Пифагора
Выпадают мерной чередой.

Как рыбак из малой Галилеи,
Как в степях халдейские волхвы,
Ночь-Фиал, из уст твоей лилеи
Пью алмазы влажной синевы!

1907
Коктебель

94. Созвездия

*Так силы небесные нисходят и восходят,
простирая друг другу золотые бады.*

Гёте

Звенят Весы и клонят коромысла.
Нисходит вниз, возносится бадыа...
Часы идут, сменяя в небе числа,
Пути миров чертя вкруг остия.

Струится ночь. Журчит и плачет влага.
Ладыя скользит вдоль темных берегов,
И чуток сон в водах Архипелага,
Где в море спят созвездья островов.

Гнездо Гиад... и гроздь огней – Плеяды...
Великий Воз и зоркий Волопас...
Свой правя путь чрез темные Циклады –
Какой пловец в уме не числил вас?

И ваш узор пред взором Одиссея
В иных веках искрился и мерцал,
И ночь текла, златые зерна сея,
Над лоном вод в дрожании зеркал.

И, ставя сеть у древних стен Хавона,
В тиши ночной видали рыбаари
Алмазный торс гиганта Ориона,
Ловца зверей, любовника зари.

Когда ж земля бессмертными иссякла,
Лишь глубже стал и ярче небосклон.
И Солнцу путь затмила тень Геракла,
И Зевс воздвиг на небе льдистый трон.

Все имена, все славы, все победы
Сплетались там, в мерцаниях огней.
Над головой жемчужной Андромеды
Чертил круги сверкающий Персей.

В себе тая все летописи мира,
В ночах светясь внемирной красотой,
Златыми пчелами расшитая порфира
Струилась с плеч Ионии святой.

1908

95. Она

В напрасных поисках за ней
Я исследил земные тропы
От Гималайских ступеней
До древних пристаней Европы.

Она – забытый сон веков,
В ней несвершённые надежды.
Я шорох знал ее шагов
И шелест чувствовал одежды.

Тревожа древний сон могил,
Я поднимал киркою плиты...
Ее искал, ее любил
В чертах Микенской Афродиты.

Пред нею падал я во прах,
Целуя пламенные ризы
Царевны Солнца – Таиах
И покрывало Моны-Лизы.

Под гул молитв и дальний звон
Склонялся в сладостном бессильи
Пред ликом восковых мадонн
На знойных улицах Севильи.

И я читал ее судьбу
В улыбке внутренней зачатья,
В улыбке девушек в гробу,
В улыбке женщин в миг объятья.

Порой в чертах случайных лиц
Ее улыбки пламя тлело,
И кто-то звал со дна темниц,
Из бездны призрачного тела.

Но, неизменна и не та,
Она сквозит за тканью зыбкой,
И тихо светятся уста
Неотвратимую улыбкой.

Июль 1909

96-110. Corona Astralis

Елизавете Ивановне Дмитриевой

*В мирах любви — неверные кометы —
Закрыт нам путь проверенных орбит!
Явь наших снов земля не истребит, —
Полночных солнц к себе нас манят светлы.*

*Ах, не крещен в глубоких водах Леты
Наш горький дух, и память нас томит.
В нас тлеет боль внежизненных обид —
Изгнанники, скитальцы и поэты!*

*Тому, кто зряч, но светом дня ослеп,
Тому, кто жив и брошен в темный склеп,
Кому земля — священный край изгнанья,*

*Кто видит сны и помнит имена, —
Тому в любви не радость встреч дана,
А темные восторги расставанья!*

Август 1909

Коктебель

Венок сонетов**1**

*В мирах любви неверные кометы,
Сквозь горних сфер мерцающий стоjar —
Клубы огня, мятущийся пожар,
Вселенских бурь блуждающие светлы, —*

Мы вдаль несем... Пусть темные планеты
В нас видят меч грозящих миру кар, —
Мы правим путь свой к солнцу, как Икар,
Плащом ветров и пламени одеты.

Но, странные, — его коснувшись, прочь
Стремим свой бег: от солнца снова в ночь —
Вдаль, по путям парабол безвозвратных...

Слепой мятеж наш дерзкий дух стремится
В багровой тьме закатов незакатных...
Закрит нам путь проверенных орбит!

2

Закрит нам путь проверенных орбит,
Нарушен лад молитвенного строя...
Земным богам земные храмы строя,
Нас жрец земли земле не причастит.

Безумьем снов скитальный дух повит.
Как пчелы мы, оставшие от роя!..
Мы беглецы, и сзади наша Троя,
И зарево наш парус багрянит.

Дыханьем бурь таинственно влекомы,
По свиткам троп, по росстаням дорог
Стремимся мы. Суров наш путь и строг.

И пусть кругом грохочут глухо громы,
Пусть веет вихрь сомнений и обид, —
Явь наших снов земля не истребит!

3

Явь наших снов земля не истребит:
В парче лучей истают тихо зори,
Журчанье утр сольется в дневном хоре,
Ущербный серп истлеет и сгорит,

Седая зыбь в алмазы раздробит
Снопы лучей, рассыпанные в море,
Но тех ночей — разверстых на Фаворе —
Блеск близких солнц в душе не победит.

Нас не слепят полдневные экстазы
Земных пустынь, ни жидкие топазы,
Ни токи смол, ни золото лучей.

Мы шелком лун, как ризами, одеты,
Нам ведом день немеркнувших ночей, —
Полночных солнц к себе нас манят свету.

4

Полночных солнц к себе нас манят свету...
В колодцах труб пыливый тонет взгляд.
Алмазный бег вселенные стремят:
Системы звезд, туманности, планеты,

От Альфы Пса до Веги и от Бэты
Медведицы до трепетных Плеяд —
Они простор небесный бороздят,
Творя во тьме свершенья и обеты.

О, пыль миров! О, рой священных пчел!
Я исследил, измерил, взвесил, счел,
Дал имена, составил карты, сметы...

Но ужас звезд от знания не потух.
Мы помним всё: наш древний, темный дух,
Ах, не крещен в глубоких водах Леты!

5

Ах, не крещен в глубоких водах Леты
Наш звездный дух забвением ночей!
Он не испил от Орковых ключей,
Он не принес подземные обеты.

Не замкнут круг. Заклятья не допеты...
Когда для всех сапфирами лучей
Сияет день, журчит в полях ручей, —
Для нас во мгле слепые бродят светы,

Шуршит тростник, мерцает тьма болот,
Напрасный ветер свивает и несет
Осенний рой теней Персефонеи,

Печальный взор вперяет в ночь Пелид...
Но он еще тоскливей и грустнее,
Наш горький дух... И память нас томит.

6

Наш горький дух... (И память нас томит...)
Наш горький дух пророс из тьмы, как травы,
В нем навий яд, могильные отравы.
В нем время спит, как в недрах пирамид.

Но ни порфир, ни мрамор, ни гранит
Не создадут незыблемей оправы
Для роковой, пролитой в вечность лавы,
Что в нас свой ток невидимо струит.

Гробницы Солнц! Миров погибших Урна!
И труп Луны, и мертвый лик Сатурна —
Запомнит мозг и сердце затаит:

В крушеньях звезд рождалась мысль и крепла,
Но дух устал от свеянного пепла, —
В нас тлеет боль внежизненных обид!

7

В нас тлеет боль внежизненных обид.
Томит печаль, и глухо точит пламя,
И всех скорбей развернутое знамя
В ветрах тоски уныло шелестит.

Но пусть огонь и жалит и язвит
Певучий дух, задушенный телами, —
Лаокоон, опутанный узлами
Горячих змей, напрягся... и молчит.

И никогда ни счастье этой боли,
Ни гордость уз, ни радости неволи,
Ни наш экстаз безвыходной тюрьмы

Не отдадим за все забвенья Леты!
Грааль скорбей несем по миру мы —
Изгнанники, скитальцы и поэты!

8

Изгнанники, скитальцы и поэты, —
Кто жаждал быть, но стать ничем не смог..
У птиц — гнездо, у зверя — темный лог,
А посох — нам и нищенства заветы.

Долг не свершен, не сдержаны обеты,
Не пройден путь, и жребий нас обрѣк
Мечтам всех троп, сомненьям всех дорог..
Расплескан мед и песни не допеты.

О, в срывах воль найти, познать себя
И, горький стыд смиренно возлюбя,
Припасть к земле, искать в пустыне воду,

К чужим шатрам идти просить свой хлеб,
Подобным стать бродячему рапсоду —
Тому, кто зряч, но светом дня ослеп.

9

Тому, кто зряч, но светом дня ослеп, —
Смысл голосов, звук слов, событий звенья,
И запах тел, и шорохи растенья, —
Весь тайный строй сплетений, швов и скреп

Раскрыт во тьме. Податель света — Феб
Дает слепцам глубинные прозренья.
Скрыт в яслях Бог. Пещера заточенья
Превращена в Рождественский Вертеп.

Праматерь ночь, лелея в темном чреве
Скупым Отцом ей возвращенный плод,
Свои дары избраннику несет —

Тому, кто в тьму был Солнцем ввергнут в гнев,
Кто стал слепым игралищем судеб,
Тому, кто жив и брошен в темный склеп.

10

Тому, кто жив и брошен в темный склеп,
Видны края расписанной гробницы:
И Солнца челн, богов подземных лица,
И строй земли: в полях маис и хлеб,

Быки идут, жнет серп, бьет колос цеп,
В реке плоты, спит зверь, выют гнезда птицы, —
Так видит он из складок плащаницы
И смену дней, и ход людских судеб.

Без радости, без слез, без сожаленья
Следить людей напрасные волненья,
Без темных дум, без мысли «почему?»,

Вне бытия, вне воли, вне желанья,
Вкусив покой, неведомый тому,
Кому земля — священный край изгнанья.

11

Кому земля — священный край изгнанья,
Того простор полей не веселит,
Но каждый шаг, но каждый миг таит
Иных миров в себе напоминанья.

В душе встают неясные мерцанья,
Как будто он на камнях древних плит
Хотел прочесть священный алфавит
И позабыл понятий начертанья.

И бродит он в пыли земных дорог —
Отступник жрец, себя забывший бог,
Следя в вещах знакомые узоры.

Он тот, кому погибель не дана,
Кто, встретив смерть, в смущеньи клонит взоры,
Кто видит сны и помнит имена.

12

Кто видит сны и помнит имена,
Кто слышит трав прерывистые речи,
Кому ясны идущих дней предтечи,
Кому поет влюбленная волна;

Тот, чья душа землей убелена,
Кто бремя дум, как плащ, приял на плечи,
Кто возжигал мистические свечи,
Кого влекла Изиды пелена,

Кто не пошел искать земной услады
Ни в плясках жриц, ни в оргиях менад,
Кто в чашу нег не выжал виноград,

Кто, как Орфей, нарушив все преграды,
Всё ж не извел родную тень со дна, —
Тому в любви не радость встреч дана.

13

Тому в любви не радость встреч дана,
Кто в страсти ждал не сладкого забвенья,
Кто в ласках тел не ведал утоленья,
Кто не испил смертельного вина.

Страшится он принять на рамена
Ярмо надежд и тяжкий груз свершенья,
Не хочет уз и рвет живые звенья,
Которыми связует нас Луна.

Своей тоски — навеки одинокой,
Как зыбь морей, пустынной и широкой, —
Он не отдаст. Кто оцет жаждал — тот

И в самый миг последнего страданья
Не мирный путь блаженства изберет,
А темные восторги расставанья.

14

А темные восторги расставанья,
А пепел грез и боль свиданий — нам.
Нам не ступать по синим лунным льнам,
Нам не хранить стыдливого молчанья.

Мы шепчем всем ненужные признанья,
От милых рук бежим к обманным снам,
Не видим лиц и верим именам,
Томясь в путях напрасного скитанья.

Со всех сторон из мглы глядят на нас
Зрачки чужих, всегда враждебных глаз,
Ни светом звезд, ни солнцем не согреты,

Стремя свой путь в пространствах вечной тьмы,
В себе несем свое изгнанье мы —
В мирах любви неверные кометы!

Книга вторая

SELVA OSCURA

I
БЛУЖДАНИЯ

111

Теперь я мертв. Я стал строками книги
В твоих руках...
И сняты с плеч твоих любви вериги,
Но жгуч мой прах...
Меня отныне можно в час тревоги
Перелистать,
Но сохранят всегда твои дороги
Мою печать.
Похоронил я сам себя в гробницы
Стихов моих,
Но вслушайся — ты слышишь пенье птицы?
Он жив — мой стих!
Не отходи смущенной Магдалиной —
Мой гроб не пуст...
Коснись единый раз, на миг единый
Устами уст.

19 марта 1910
Коктебель

112

Судьба замедлила сурово
На расстани лесных дорог:
Я ждал и отойти не мог,
Я шел и возвращался снова...

Смирясь, я всё ж не принимал
Забвенья холод неминучий
И вместе с пылью пепел жгучий
Любви сгоревшей собирал...

И с болью помнил профиль бледный,
Улыбку древних змийных губ –
Так сохраняет горный дуб
До новых почек лист свой медный.

Февраль 1910
Коктебель

113

Себя покорно предавая сжечь,
Ты в скорбный дол сошла с высот слепую.
Нам темной было суждено судьбою
С тобою на престол мучений лечь.

Напрасно обоюдоострый меч,
Смиряя плоть, мы клали меж собою:
Вкусив от мук, пылали мы борьбою
И гасли мы, как пламя пчельных свеч...

Невольник жизни дольней – богомольно
Целую край одежд твоих. Мне больно
С тобой гореть, еще больней – уйти.

Не мне и не тебе елей разлуки
Излечит раны страстного пути:
Минутна боль – бессмертна жажда муки!

20 марта 1910
Коктебель

С тех пор как тяжкий жернов слепой судьбы
Смолот незрелый колос твоей любви,
Познала ты тоску слепых дней,
Горечь рассвета и сладость смерти.

Стыдом и страстью в детстве ты крещена,
Для жгучей пытки избрана ты судьбой!
Но в чресла уголь мой тебе вжог
Неутолимую жажду жизни.

Не вольной волей ты подошла ко мне
И обнажила тайны ночной души,
Но боль моя твою сожгла боль,
Пламя двойное сплелось, как змеи.

Когда глубокой ночью я в первый раз
Поверил правде пристальных глаз твоих
И прочитал изгиб твоих губ —
Древние тайны в душе раскрылись.

И не на счастье нас обручил рассвет,
И не на радость в жизнь я призвал тебя —
И впредь отдельных нам путей нет,
Два осужденных с единой цепью.

1 марта 1910
Коктебель

115

Пурпурный лист на дне бассейна
Сквозит в воде, и день погас...
Я полюбил благоговейно
Текущий мрак печальных глаз.

Твоя душа таит печали
Пурпурных снов и горьких лет.
Ты отошла в глухие дали, —
Мне не идти тебе вослед.

Не преступлю и не нарушу,
Не разомкну условный круг.
К земным огням слепую душу
Не изведу для новых мук.

Мне не дано понять, измерить
Твоей тоски, но не предам —
И буду ждать, и буду верить
Тобой не сказанным словам.

26 января 1910
С.-Петербург

116

В неверный час тебя я встретил,
И избежать тебя не мог:
Нас рок одним клеймом отметил,
Одной гибели обрек.

И, не противясь темной силе,
Что нас к одной тоске вела,
Покорно, обнажив тела,
Обряд любви мы сотворили.

Не верил в чудо смерти жрец,
И жертва тайны не страшилась,
И в кровь вино не претворилось
Во тьме кощунственных сердец.

И без смущенья, без укора
На скучный ужас я глядел
Неискупимого позора
Погасших душ и вялых тел.

1910
С.-Петербург

117

Раскрыв ладонь, плечо склонила...
Я не видал еще лица,
Но я уж знал, какая сила
В чертах Венерина кольца...

И раздвоенье линий воли
Сказало мне, что ты как я,
Что мы в кольце одной неволи —
В двойном потоке бытия.

И если суждены нам встречи:
(Быть может, топоты погонь?)
Я полюблю не взгляд, не речи,
А только бледную ладонь.

*3 декабря 1910
Москва*

118

Обманите меня... но совсем, навсегда...
Чтоб не думать — зачем, чтоб не помнить — когда...
Чтоб поверить обману свободно, без дум,
Чтоб за кем-то идти в темноте, наобум...
И не знать, кто пришел, кто глаза завязал,
Кто ведет лабиринтом неведомых зал,
Чье дыханье порою горит на щеке,
Кто сжимает мне руку так крепко в руке...
А очнувшись, увидеть лишь ночь да туман...
Обманите и сами поверьте в обман.

1911

119

Мой пыльный пурпур был в лоскутьях,
Мой дух горел: я ждал вестей,
Я жил на людных перепутьях
В толпе базарных площадей.
Я подходил к тому, кто плакал,
Кто ждал, как я... Поэт, оракул —
Я толковал чужие сны...
И в бледных бороздах ладоней
Читал о тайнах глубины
И муках длительных агоний.
Но не чужую, а свою
Судьбу искал я в снах бездомных
И жадно пил из токов темных,
Не причащаясь бытию.
И средь ладоней неисчётных
Не находил еще такой,
Узор которой в знаках чётных
С моей бы совпадал рукой.

*8 февраля 1913
Москва*

120

Я к нагорьям держу свой путь
По полынным лугам, по скату,
Чтоб с холма лицо обернуть
К пламенеющему закату.

Жемчугами расшит покров
И венец лучей над горами —
Точно вынос Святых Даров
Совершается в темном храме.

Вижу к небу в лиловой мгле
Возносящиеся ступени...
Кто-то сладко прильнул к земле
И целует мои колени.

Чую сердца прерывный звук
И во влажном степей дыханьи
Жарких губ и знакомых рук
Замирающие касанья.

Я ли в зорях венчанный царь?
Я ли долу припал в бессильи?
Осеняют земной алтарь
Огневеющие воскрылья...

9 июля 1913
<Коктебель>

121

«К тебе я пришел через воды, —
Пернатый, гудящий в стремленьи».
— Не жившим не надо свободы...

«Рассек я змеиные звенья,
Порвал паутинные сети...»
— Что в жизни нежнее плененья?

«Скорее, мы будем, как дети,
Кружиться, цветы заплетая...»
— Мне, смертной, нет места на свете...

«Затихла зеркальность морская...
Вечерние лебеди ясны,
Кренится бадья золотая...»
— Как наручни смерти прекрасны!

10 февраля 1915
<Париж>

122

Я глазами в глаза вникал,
Но встречал не иные взгляды,
А двоящиеся анфилады
Повторяющихся зеркал.

Я стремился чертой и словом
Закрепить преходящий миг.
Но мгновенно плененный лик
Угасает, чтоб вспыхнуть новым.

Я боялся, узнав, забыть —
Но познанию нет забвенья.
Чтобы вечно сгорать и быть —
Надо рвать без печали звенья.

Я пленен в переливных снах,
В завивающихся круженьях,
Раздробившийся в отраженьях,
Потерявшийся в зеркалах.

7 февраля 1915
Париж

123

Я быть устал среди людей,
Мне слышать стало нестерпимо
Прохожих свист и смех детей...
И я спешу, смущаясь, мимо,
Не подымая головы,
Как будто не привыкло ухо
К враждебным ропотам молвы,
Растущим за спиною глухо;
Как будто грязи едкой вкус
И камня подлого укус
Мне не привычны, не знакомы...
Но чувствовать еще больней
Любви незримые надломы
И медленный отлив друзей,
Когда, нездешним сном томима,
Дичась, безлюдует душа
И замирает, не дыша,
Клубами жертвенного дыма.

8 июля 1913
<Коктебель >

124

Как некий юноша, в скитаньях без возврата
Иду из края в край и от костра к костру...
Я в каждой девушке предчувствую сестру
И между юношей ищу напрасно брата.

Щемящей радостью душа моя объята;
Я верю в жизнь и в сон, и в правду, и в игру,
И знаю, что приду к отцовскому шатру,
Где ждут меня мои, и где я жил когда-то.

Бездомный долгий путь назначен мне судьбой...
Пускай другим он чужд... я не зову с собой, —
Я странник и поэт, мечтатель и прохожий.

Любимое со мной. Минувшего не жаль.
А ты, что за плечом, — со мною тайно схожий, —
Несбыточной мечтой сильнее жги и жаль!

7 февраля 1913
<Коктебель>

125

Ступни горят. В пыли дорог душа...
Скажи: где путь к невидимому граду?
— Остановись. Войди в мою ограду
И отдохни. И слушай, не дыша,

Как ключ журчит, как шелестят вершины
Осокорей, звенят в воде кувшины...
Учись внимать молчанию садов,
Дыханью трав и запаху цветов.

Январь 1910

126

И было так, как будто жизни звенья
Уж были порваны... успокоенье
Глубокое... и медленный отлив
Всех дум, всех сил... Я сознавал, что жив,
Лишь по дыханью трав и повилики.
Восход Луны встречали чаек клики...
А я тонул в холодном лунном сне,
В мерцающей лучистой глубине,
И на меня из влажной бездны плыли
Дожди комет, потоки звездной пыли...

5 июля 1913
<Коктебель>

127

Я, полуднем объятый,
Точно терпким вином,
Пахну солнцем и мятой,
И звериным руном.

Плоть моя осмуглела,
Стан мой крепок и туг,
Потом горького тела
Влажны мускулы рук.

В медно-красной пустыне
Не тревожь мои сны —
Мне враждебны рабыни
Смертно-влажной Луны:

Запах лилий и гнили,
И стоячей воды,
Дух вербены, ванили
И глухой лебеды.

10 апреля 1910
Коктебель

128

Дети солнечно-рыжего мёда
И коричнево-красной земли —
Мы сквозь ночь во плоти проросли,
И с огнем наша сродна природа.

Корни наши простерты в высоты,
А цветы припадают к земле.
Неустанно мы строим во мгле
Наших тел шестигранные соты.

В улье неба века и века
Мы, как пчёлы у чресл Афродиты,
Вьемся, солнечной пылью повиты,
Над огнем золотого цветка.

*<Январь> 1910
С.-Петербург*

129-131. Надписи

1

Еще не отжиты связавшие нас годы,
Еще не пройдены сплетения путей...
Вдвоем, руслом одним, не смешивая воды,
Любовь и ненависть текут в душе моей.

2

В горькой купели земли крещены мы огнем и тоскою:
Пепел сожженной любви тлеет в кадьнице дня.

3

Вместе в один водоем поглядим ли мы осенью поздней —
Сблизятся две головы — три отразятся в воде.

<1910>

133

Замер дух — стыдливый и суровый,
Знанием новой истины объят...
Стал я ближе плоти, больше людям брат.

Я познал сегодня ночью новый
Грех... И строже стала тишина —
Тишина души в провалах сна...

Через желанье, слабость и склоненье,
Через приятье жизненных вериг —
Я к земле доверчивей приник.

Есть в грехе великое смирение:
Гордый дух да не осудит плоть!
Через грех взыскует тварь Господь.

5 января 1912
<Париж>

134. Пещера

Сперва мы спим в пурпуровой Пещере,
Наш прежний лик глубоко затая:
Для духов в тесноту земного бытия
Иные не раскрыты двери.

Потом живем... Минуя райский сад,
Спешим познать всю безысходность плоти;
В замок влагая ключ, слепые, в смертном поте,
С тоской стучимся мы назад...

О, для чего с такою жадной грустью
Мы в спазмах тел палящих ищем нег,
Устами льнем к устам и припадаем к устью
Из вечности текущих рек?

Нам путь закрыт к предутренней Пещере:
Сквозь плоть нет выхода — есть только вход.
А кто-то, за стеной, волнуется и ждет...
Ему мы открываем двери.

Не мы, а он возжаждал видеть твердь!
И наша страсть — полет его рожденья...
Того, кто в ласках тел не ведал утоленья,
Освобождает только смерть!

31 августа 1915
<Биарриц>

135. Материнство

Мрак... Мать... Смерть... созвучное единство...
Здесь рокот внутренних пещер,
Там свист серпа в разрывах материнства:
Из мрака – смерч, гуденье дрёмных сфер.
Из всех узлов и вязей жизни – узел
Сыновности и материнства – он
Теснее всех и туже напряжен:
Дверь к бытию Водитель Жизни сузил.
Я узами твоих кровей томим,
А ты, о мать, – найду ль для чувства слово?
Ты каждый день меня рождаешь снова
И мучима рождением моим.
Кто нас связал и бросил в мир слепыми?
Какие судьбы нами расплелись?
Как неотступно требуешь ты: «Имя
Свое скажи мне! Кто ты? назовись».
Не помню имени... но знай: не весь я
Рожден тобой, и есть иная часть,
И судеб золотые равновесья
Блюдет Вершительная власть.
Свобода и любовь в душе неразделимы,
Но нет любви, не налагавшей уз...
Тягло земли – двух смертных тел союз...
Как вихри, мы сквозь вечности гонимы.
Кто возлюбил другого для себя,
Плоть возжелав для плоти без возврата,
Тому в свершении расплата:
Чрез нас родятся те, кого, любя,
Связали мы желаньем неотступным.

Двойным огнем ты очищалась, мать, —
Свершая всё, что смела пожелать,
Ты вознесла в слияньи целокупном
В себе самой возлюбленную плоть...
Но как прилив сменяется отливом,
Так с этих пор твой каждый день Господь
Отметил огненным разрывом.
Дитя растет, и в нем растет иной,
Не женщиной рожденный, непокорный,
Но связанный твоей тоской упорной —
Твоею вязью родовой.
Я знаю, мать, твой каждый час — утрата.
Как ты во мне, так я в тебе распят.
И нет любви твоей награды и возврата,
Затем что в ней самой — награда и возврат!

8 июля 1917
<Коктебель>

136

Отроком строгим бродил я
По терпким долинам
Киммерии печальной,
И дух мой незрячий
Томился
Тоскою древней земли.
В сумерках, в складках
Глубоких заливов
Ждал я призыва и знака,
И раз пред рассветом,
Встречая восход Ориона,
Я понял
Ужас ослепшей планеты,
Сыновность свою и сиротство...
Бесконечная жалость и нежность
Переполняют меня.
Я безысходно люблю
Человеческое тело. Я знаю
Пламя,
Тоскующее в разделенности тел.
Я люблю держать в руках
Сухие горячие пальцы
И читать судьбу человека
По линиям вещих ладоней.
Но мне не дано радости
Замкнуться в любви к одному:
Я покидаю всех и никого не забываю.
Я никогда не нарушил того, что растет;
Не сорвал ни разу
Нераспустившегося цветка:

Я снимаю созревшие плоды,
Облегчая отягощенные ветви.
И если я причинял боль,
То потому только,
Что жалостлив был в те мгновенья,
Когда надо быть жестоким,
Что не хотел заиграть до смерти тех,
Кто, прося о пощаде,
Всем сердцем молили
О гибели...

1911

137

Склоняясь ниц, оваян ночи синью,
Доверчиво ищу губами я
Сосцы твои, натертые полынью,
О, мать-земля!

Я не просил иной судьбы у неба,
Чем путь певца: бродить среди людей
И растирать в руках колосья хлеба
Чужих полей.

Мне не отказано ни в заблужденьях,
Ни в слабости, и много раз
Я угасал в тоске и в наслажденьях,
Но не погас.

Судьба дала мне в жизни слишком много;
Я ж расточал, что было мне дано:
Я только гроб, в котором тело Бога
Погребено.

Добра и зла не зная верных граней,
Бескрылая изнемогла мечта...
Вином тоски и хлебом испытаний
Душа сыта.

Благодарю за неотступность боли
Путеводительной: я в ней сгорю.
За горечь трав земных, за едкость соли —
Благодарю.

7 ноября 1910
<Москва>

II

КИММЕРИЙСКАЯ ВЕСНА

138

Моя земля хранит покой,
Как лик иконы изможденный.
Здесь каждый след сожжен тоской,
Здесь каждый холм — порыв стесненный.

Я вновь пришел — к твоим ногам
Сложить дары своей печали,
Бродить по горьким берегам
И вопрошать морские дали.

Всё так же пуст Эвксинский Понт
И так же рдян закат суровый,
И виден тот же горизонт —
Текучий, гулкий и лиловый.

9 февраля 1910
Коктебель

139

Седым и низким облаком дол повит...
Чернильно-сини кручи лиловых гор.
Горелый, ржавый, бурый цвет трав.
Полосы иода и пятна жёлчи.

В морщине горной, в складках тисненных кож
Тускнеет сизый блеск чешуи морской.
Скрипят деревья. Вихрь траву рвет,
Треплет кусты и разносит брызги.

Февральский вечер сизой тоской повит.
Нагорной степью путь мой уходит вдаль.
Жгутами струй сечет глаза дождь.
Северный ветер гудит в провалах.

8 февраля 1910
Коктебель

140

Яры, увалы, ширь полей...
К излогам гор душа влекома...
Всё так печально, так знакомо...
Сухие прутья тополей,
Из камней низкая ограда,
Быльем поросшая межа,
Нагие лозы винограда
На темных глыбах плантажа,
Лучи дождя и крики птичьи,
И воды тусклые вдали,
И это горькое величье
Весенней вспаханной земли...

12 февраля 1910
Коктебель

141

Солнце! Твой родник
В недрах бьет по темным жилам...
Воззывающий свой лик
Обрати к земным могилам!

Солнце! Из земли
Руки черные простерты...
Воды снежные стекли,
Тали в поле ветром стерты.

Солнце! Прикажи
Виться лозам винограда,
Завязь почек развяжи
Властью пристального взгляда!

*14 февраля 1910
Коктебель*

142

Звучит в горах, весну встречая,
Ручьев прерывистая речь;
По сланцам стебли молочая
Встают рядами бледных свеч.

А на полянах влажно-мшистых
Средь сгнивших за зиму листов —
Глухие заросли безлистных
Лилово-дымчатых кустов.

И ветви тянутся к просторам,
Молясь Введению Весны,
Как семисвечник, на котором
Огни еще не зажжены.

16 февраля 1910
Коктебель

143

Облака клубятся в безднах зеленых
Лучезарных пустынь восхода,
И сбегают тени с гор обнаженных
Цвета роз и меда.

И звенит и блещет белый стеклярус
За Киик-Атламой костистой,
Плещет в синем ветре дымчатый парус,
Млеет след струистый,

Отливают волны розовым гляncем,
Влажные выгибая гребни,
Индевеет берег солью и сланцем,
И алеют щебни.

Скрыты горы синью пятен и линий —
Переливами перламутра.
Точно кисть лиловых бледных глициний,
Расцветает утро.

21 февраля 1910
Коктебель

Над синевой зубчатых чаш,
Над буро-глинистыми лбами,
Июньских ливней темный плащ
Клубится дымными столбами.
Веселым дождевым вином,
Водами мутными, как сусло,
И пенно-илистым руном
Вскипают жаждущие русла.
Под быстрым градом звонких льдин
Стучат на крышах черепицы,
И ветки сизые маслин
В испуге бьют крылом, как птицы.
Дождь, вихрь и град – сечет, бьет, льет
И треплет космы винограда,
И рвется под бичами вод
Кричащая Гамадриада...
И пресных вод в песке морском
Встал дыбом вал, ярься и споря,
И желтым ширится пятном
В прозрачной прозелени моря.

*13 июня 1913
Коктебель*

145

Сквозь облак тяжелые свитки,
Сквозь ливней косые столбы,
Лучей золотистые слитки
На горные падают лбы.

Пройди по лесистым предгорьям,
По бледным, полынным лугам
К широким моим плоскогорьям,
К гудящим волной берегам,

Где в дикой и пенной порфире,
Ложась на песок голубой,
Всё шире, всё шире, всё шире
Развертывается прибой.

18 ноября 1919
<Коктебель>

146

Опять бреду я босоногий,
По ветру лоснится ковыль.
Что может быть нежней, чем пыль
Степной, разъезженной дороги?

На бурый стелется ковер
Полдневный пламень, сух и ясен,
Хрусталь предгорий так прекрасен,
Так бледны дали серых гор.

Соленый ветер в пальцах вьется...
Ах, жажду счастья, хмель отрав
Не утолит ни горечь трав,
Ни соль овечьего колодца...

*16 ноября 1919
Коктебель*

147

Твоей тоской душа томима,
Земля утерянных богов!
Дул свежий ветр... Мы плыли мимо
Однообразных берегов.

Ныряли чайки в хлябь морскую,
Клубились тучи. Я смотрел,
Как солнце мечет в зыбь стальную
Алмазные потоки стрел,

Как с черноморскою волной
Азова илистые воды
Упорно месит ветр крутой
И, вестник близкой непогоды,

Развертывает свитки туч,
Срывает пену, вихрит смерчи,
И дальних ливней темный луч
Повис над берегами Керчи.

Август 1912

Коктебель

148

Заката алого заржавели лучи
По склонам рыжих гор... и облачной галеры
Погасли паруса. Без края и без меры
Растет ночная тень. Остановись. Молчи.

Камень зноем дня во мраке горячи.
Луга полынные нагорий тускло-серы...
И низко над холмом дрожащий серп Венеры,
Как пламя воздухом колеблемой свечи...

Июнь 1913
<Коктебель>

149

Ветер с неба клочья облак вытер,
Синим оком светит водоем,
Желтою жемчужиной Юпитер
Над седым возносится холмом.

Искры света — в диске наклоненном —
Спутники стремительно бегут...
А заливы в зеркале зеленом
Пламена созвездий берегут.

А вблизи струя звенит о камень,
А внизу полет звенит цикад,
И в душе гудит певучий пламень
В синеве сияющих лампад.

Кто сказал: «Змеею препояшу
И пошлю»? ...Ликую и скорбя,
Возношу к верховным солнцам чашу,
Переполненную светом, — себя.

20 июня 1917
<Коктебель>

150-151. Карадаг

1

Преградой волнам и ветрам —
Стена размытого вулкана,
Как воздымающийся храм,
Встает из сизого тумана.
По зыбям меркнувших равнин,
Томимым неумной дрожью,
Направь ладью к ее подножью
Пустынным вечером — один.
И над живыми зеркалами
Возникнет темная гора,
Как разметавшееся пламя
Окаменелого костра.
Из недр изверженным порывом,
Трагическим и горделивым,
Взметнулись вихри древних сил —
Так в буре складок, в свисте крыл,
В водоворотах снов и бреда,
Прорвавшись сквозь упор веков,
Клубится мрамор всех ветров —
Самофракийская Победа!

14 июня 1918
<Коктебель>

2

Над черно-золотым стеклом,
Струистым бередя веслом
Узоры зыбкого молчанья,
Беззвучно оплыви кругом

Сторожевые изваянья,
Войди под стрелчатый намёт,
И пусть душа твоя поймет
Безвыходность слепых усилий
Титанов, скованных в гробу,
И бред распятых шестикрылий
Окаменелых Керубу.
Спустись в базальтовые гроты,
Вглядиись в провалы и в пустоты,
Похожие на вход в Аид...
Прислушайся, как шелестит
В них голос моря – безысходней,
Чем плач теней... И над кормой
Склонись, тревожный и немой,
Перед богами преисподней...
...Потом плыви скорее прочь.
Ты завтра вспомнишь только ночь,
Столпы базальтовых гигантов,
Однообразный голос вод
И радугами бриллиантов
Переливающийся свод.

17 июня 1918
<Коктебель>

Как в раковине малой – Океана
Великое дыхание гудит,
Как плоть ее мерцает и горит
Отливами и серебром тумана,
А выгибы ее повторены
В движении и завитке волны, –
Так вся душа моя в твоих заливах,
О, Киммерии темная страна,
Заклучена и преображена.

С тех пор как отроком у молчаливых
Торжественно-пустынных берегов
Очнулся я – душа моя разъялась,
И мысль росла, лепилась и ваялась
По складкам гор, по выгибам холмов.
Огонь древних недр и дождевая влага
Двойным резцом ваяли облик твой –
И сих холмов однообразный строй,
И напряженный пафос Карадага,
Сосредоточенность и теснота
Зубчатых скал, а рядом широта
Степных равнин и мреющие дали
Стиху – разбег, а мысли – меру дали.

Моей мечтой с тех пор напоены
Предгорий героические сны
И Коктебеля каменная грива;
Его полынь хмельна моей тоской,
Мой стих поет в волнах его прилива,
И на скале, замкнувшей зыбь залива,
Судьбой и ветрами изваян профиль мой!

153

Акрополи в лучах вечерней славы.
Кастилий нищих рыцарский покров.
Троады скорбь среди немых холмов.
Апулии зеркальные оправы.

Безвестных стран разбитые заставы,
Могильники забытых городов.
Размывы, осыпи, развалины и травы
Изглоданных волною берегов.

Озер агатовых колдующие очи.
Сапфирами увлажненные ночи.
Сухие русла, камни и полынь.

Теней Луны по склонам плащ зубчатый.
Монастыри в преддверии пустынь,
И медных солнц гудящие закаты...

24 октября 1916
<Коктебель>

154. Пустыня

И я был сослан в глубь степей,
И я изведаль мир огромный
В дни страннической и бездомной
Пытливой юности моей.

От изумрудно-синих взморий,
От перламутровых озер
Вели ступени плоскогорий
К престолом азиатских гор,

Откуда некогда, бушуя,
Людские множества текли,
Орды и царства образуя
Согласно впадинам земли,

И, нисходя по склонам горным,
Селился первый человек
Вдоль по теченьям синих рек,
По топким заводям озерным,

И оставлял на дне степей
Меж чернобыльника и чобра
Быков обугленные рёбра
И камни грубых алтарей.

Как незапамятно и строго
Звучал из глубины веков
Глухой пастуший голос рога
И звон верблюжьих бубенцов,

Когда, овеянный туманом,
Сквозь сон миражей и песков,
Я шел с ленивым караваном
К стене непобедимых льдов.

Шел по расплавленным пустыням,
По непротоптанным тропам,
Под небом исступленно-синим
Вослед пылающим столпам.

А по ночам в лучистой дали
Распахивался небосклон,
Миры цвели и отцветали
На звездном дереве времен,

И хоры горних сил хвалили
Творца миров из глубины
Ветвистых пламеней и лилий
Неопалимой Купины.

19 ноября 1919
Коктебель

155

Выйди на кровлю... Склонись на четыре
Стороны света, протерши ладонь.
Солнце... вода... облака... огонь...
Всё, что есть прекрасного в мире...

Факел косматый в шафранном тумане,
Влажной парчою расплесканный луч,
К небу из пены простерты длани,
Облачных грамот закатный сургуч.

Гаснут во времени, тонут в пространстве
Мысли, события, мечты, корабли...
Я ж уношу в свое странствие странствий
Лучшее из наваждений земли.

*<11 октября 1924
Коктебель>*

156. Каллиера

С. В. Шервинскому

По картам здесь и город был, и порт.
Остатки мола видны под волнами.
Соседний холм насыщен черепками
Амфор и пифосов. Но город стерт,

Как мел с доски, разливом диких орд.
И мысль, читая смытое веками,
Подсказывает ночь, тревогу, пламя,
И рдяный блик в зрачках раскосых морд.

Зубец, над городищем вознесенный,
Народ зовет «Иссыпанной Короной»,
Как знак того, что сроки истекли,

Что судьб твоих до дна испита мера,
Отроковица эллинской земли
В венецианских бусах – Каллиера!

18 ноября 1926
<Коктебель>

157

Фиалки волн и гиацинты пены
Цветут на взморье около камней.
Цветами пахнет соль... Один из дней,
Когда не жаждет сердце перемены
И не торопит преходящий миг,
Но пьет так жадно златокудрый лик
Янтарных солнц, просвеченных сквозь просинь.
Такие дни под старость дарит осень.

20 ноября 1926
<Коктебель>

III
ОБЛИКИ

158

В янтарном забытии полуденных минут
С тобою схожие проходят мимо жёны,
В душе взволнованной торжественно поют
Фанфары Тьеполо и флейты Джиорджоне.

И пышный снится сон: и лавры, и акант
По мраморам террас, и водные аркады,
И парков замкнутых душистые ограды
Из горьких буксусов и плющевых гирлянд.

Сменяя тишину веселым звоном пира,
Проходишь ты, смеясь, средь перьев и мечей,
Средь скорбно-умных лиц и блещущих речей
Шутов Веласкеса и дураков Шекспира...

Но я не вижу их... Твой утомленный лик
Сияет мне один на фоне Ренессанса,
На дымном золоте испанских майолик,
На синей зелени персидского фаянса.

1 февраля 1913
<Москва>

159

Ты живешь в молчаньи темных комнат
Средь шелков и тусклой позолоты,
Где твой взгляд несут в себе и помнят
Зеркала, картины и киоты.

Смотрят в душу строгие портреты...
Речи книг звучат темно и разно...
Любишь ты вериги и запреты,
Грех молитв и таинства соблазна.

И тебе мучительно знакомы
Сладкий дым бензоа, запах нарда,
Тонкость рук у юношей Содомы,
Змийность уст у женщин Леонардо...

*12 февраля 1910
Коктебель*

160

Двойной соблазн — любви и любопытства...
Девичья грудь и голова паж,
Лукавых уст невинное бесстыдство,
И в быстрых пальцах пламя мятежа...

В твоих зрачках танцуют арлекины...
Ты жалишь нежно-больно, но слегка...
Ты сочетала тонкость андрогини
С безгрешностью порочного цветка.

С тобой мила печаль земного плена
И верности докучливо ярмо...
Тобой звучат напевы Куперена,
Ты грусть огней на празднествах Рамо.

В твоих глазах зубчатый бег химеры:
Но их печаль теперь поймет ли кто?
Так смотрит вдаль на мгlistый брег Цитеры
Влюбленный паж на барке у Ватто.

Декабрь 1911
Париж

161

Не успокоена в покое,
Ты вся ночная в нимбе дня...
В тебе есть темное и злое,
Как в древнем пламени огня.

Твои негибкие уборы,
Твоих запястий бирюза
И строгих девушек Гоморры
Любовь познавшие глаза,

Глухой и травный запах мирры —
В свой душистый замыкают круг..
И емлют пальцы тонких рук
Клинок невидимой секиры...

Тебя коснуться и вдохнуть...
Узнать по запаху ладоней,
Что смуглая натерта грудь
Тоскою древних благовоний.

14 декабря 1916
<Коктебель>

162

Пламенный истлел закат...
Стелющийся дым костра,
Тлеющего у шатра,
Вызовет тебя назад.

Жду тебя, дальний брат, —
Брошенная сестра...

Топот глухих копыт
Чуткий мой ловит слух...
Всадник летит, как дух,
Взмыленный конь храпит...

Дышит в темноте верблюды,
Взрагивают бубенцы,
Тонкие свои венцы
Звезды на песке плетут...

Мысли мои — гонцы
Вслед за конем бегут.

19 июля 1916
<Коктебель>

163

В эту ночь я буду лампадой
В нежных твоих руках...
Не разбей, не дыши, не падай
На каменных ступенях.

Неси меня осторожней
Сквозь мрак твоего дворца, —
Станут биться тревожней,
Глуше наши сердца...

В пещере твоих ладоней —
Маленький огонек —
Я буду пылать иконней —
Не ты ли меня зажег?

*Июль 1914
Коктебель*

164

Н.А. М<иллюковой>

То в виде девочки, то в образе старушки,
То грустной, то смеясь — ко мне стучалась ты,
То требуя стихов, то ласки, то игрушки,
И мне даря взамен и нежность, и цветы.

То горько плакала, уткнувшись мне в колени,
То змейкой тонкою плясала на коврах...
Я знаю детских глаз мучительные тени
И запах ладана в душистых волосах.

Огонь какой тоски в тебе горит бесплодно:
Лампада ль тайная? Смиренная свеча ль?
Ах, всё великое, земное безысходно...
Нет в мире радости светлее, чем печаль!

*21 декабря 1911
Париж*

165

А.Р.<Минцловой>

Безумья и огня венец
Над ней горел. И пламень муки,
И ясновидящие руки,
И глаз невидящих свинец,

Лицо готической сивиллы,
И строгость щек, и тяжесть век,
Шагов ее неровный бег —
Всё было полно вещей силы.

Не несвязные слова,
Ночным мерцающие светом,
Звучали зовом и ответом.
Таинственная синева

Ее отметила средь живших...
И к ней бежал с надеждой я
От снов дремучих бытия,
Меня отвсюду обступивших.

*Декабрь 1911
Париж*

166

М. Н<овицкой>

Альбомы нынче стали редки –
В листах, исписанных пестро,
Чертить случайные виньетки
Отвыкло беглое перо.

О, Пушкинская легкость! Мне ли,
Поэту поздних дней, дерзать
Словами, вместо акварели,
Ваш милый облик написать?

Увы! Улыбчивые щеки,
Веселый взгляд и детский рот
С трудом ложатся в эти строки...
И стих мой не передает

Веснушек, летом осмугленных,
Ни медных прядей в волосах,
Ни бликов золота в зеленых,
Слегка расставленных глазах.

Послушливым и своенравным
В зрачках веселым огоньком
Вы схожи и с лесным зверьком,
И с улыбающимся фавном.

Я ваш ли видел беглый взгляд,
И стан, и смуглые колена
Меж хороводами дриад
Во мгле скалистых стран Пуссена?

И мой суровый Коктебель
Созвучен с вашею улыбкой,
Как свод руин с лозою гибкой,
Как с пламенем зари — свирель.

<Июль> 1912
Коктебель

167

Над головою подымая
Снопы цветов, с горы идет...
Пришла и смотрит...

Кто ты?

— Майя.

Благословляю твой приход.
В твоих глазах безумство. Имя
Звучит, как мира вечный сон...
Я наважденьями твоими
И зноем солнца ослеплен.
Войди и будь. Я ждал от Рока
Вестей — и вот приносишь ты
Подсолнечник и ветви дрока —
Полудня жаркие цветы.
Дай разглядеть тебя: волною
Прямых, лоснящихся волос
Прикрыт твой лоб, над головою
Сиянье вихрем завилось,
Твой детский взгляд улыбкой сужен,
Недетской грустью тронут рот,
И цепью маленьких жемчужин
Над бровью выступает пот.
Тень золотистого загара
На разгоревшихся щеках...
Так ты бежала... вся в цветах...
Вся в нимбах белого пожара...
Кто ты? Дитя? Царевна? Паж?

Такой тебя я принимаю —
Земли полуденный мираж,
Иллюзию, обманность... — Майю.

7 июля 1913
Коктебель

168

И будут огоньками роз
Цвести шиповники, алея,
И под ногами млеть откос
Лиловым запахом шалфея,
А в глубине мерцать залив
Чешуйным блеском хлябей сонных,
В седой оправе пенных грив
И в рыжей раме гор сожженных.
И ты с приподнятой рукой,
Не отрывая взгляд от взморья,
Пойдешь вечернею тропой
С молитвенного плоскогорья...
Минуешь овчий кош, овраг...
Тебя проводят до ограды
Коров задумчивые взгляды
И грустные глаза собак.
Крылом зубчатым вырастая,
Коснется моря тень вершин,
И ты изникнешь, млея, тая,
В полынном сумраке долин.

*14 июня 1913**Коктебель*

169

Любовь твоя жаждет так много,
Рыдая, прося, упрекая...
Люби его молча и строго,
Люби его, медленно тая.

Свети ему пламенем белым —
Бездымно, безгрустно, безвольно.
Люби его радостно телом,
А сердцем люби его больно.

Пусть призрак, творимый любовью,
Лица не заслонит иного, —
Люби его с плотью и кровью —
Простого, живого, земного...

Храня его знак суеверно,
Не бойся врага в иноверце...
Люби его метко и верно —
Люби его в самое сердце!

8 июля 1914
Коктебель

170

Я узнаю себя в чертах
Отриколийского кумира
По тайне благостного мира
На этих мраморных устах.

О, вещий голос темной крови!
Я знаю этот лоб и нос,
И тяжкий водопад волос,
И эти сдвинутые брови...

Я влагой ливней нисходил
На грудь природы многолицей,
Плодотворя ее... я был
Быком, и облаком, и птицей...

В своих неизреченных снах
Я обнимал и обнимаю
Семелу, Леду и Данаю,
Поя бессмертьем смертный прах.

И детский дух, землей томимый,
Уносит царственный орел
На олимпийский мой престол
Для радости неугасимой...

*1 февраля 1913
Москва*

171. М.С. Цетлин

Нет, не склоненной в дверной раме,
На фоне пены и ветров,
Как увидал тебя Серов,
Я сохранил твой лик. Меж нами
Иная Франция легла —
Озер осенних зеркала
В душе с тобой неразделимы:
Булонский лес, печаль аллея,
Узорный переплет ветвей,
Парижа меркнувшие дымы
И шеи скорбных лебедей.
В те дни судьба определяла,
Народ кидая на народ,
Чье ядовитей жалит жало
И чей огонь больнее жжет.
В те дни невыразимой грустью
Минуты метил темный рок,
И жизнь стремил свой поток
К еще неведомому устью.

21 мая 1917
<Коктебель>

172. Р. М. Хин

Я мысленно вхожу в ваш кабинет:
Здесь те, кто был, и те, кого уж нет,
Но чья для нас не умерла химера;
И бьется сердце, взятое в их плен...
Бодлера лик, нормандский ус Флобера,
Скептический Франс, святой Сатир — Верлен,
Кузнец — Бальзак, чеканщики — Гонкуры...
Их лица терпкие и четкие фигуры
Глядят со стен, и спит в сафьянах книг
Их дух, их мысль, их ритм, их бунт, их крик...
Я верен им... Но более глубоко
Волнует эхо здесь звучавших слов...
К вам приходил Владимир Соловьев,
И голова библейского пророка
(К ней шел бы крест, верблюжий мех у чресл)
Склонялась на обшивку этих кресл...
Творец людей, глашатай книг и вкусов,
Принесший нам Флобера, как Коран,
Сюда входил, садился на диван
И расточал огонь и блеск Урусов.
Как закрепить умолкнувшую речь?
Как дать словам движение, тембр, оттенки?
Мне памятна больного Стороженки
Седая голова меж низких плеч.
Всё, что теперь забыто иль в загоне, —
Весь тайный цвет Европы иль Москвы —
Вокруг себя объединяли вы:
Брандес и Банг, Танеев, Минцлов, Кони...
Раскройте вновь дневник... Гляжу на ваш
Чеканный профиль с бронзовой медали —

Рука невольно ищет карандаш,
А мысль плывет в померкнувшие дали...
И в шелесте листаемых страниц,
В напеве слов, в изгибах интонаций
Мерцают отсветы бесед, событий, лиц...
Угасшие огни былых иллюминаций...

22 декабря 1913

Коктебель

173. Ропшин

Холодный рот. Щеки бесстрастной складки,
И взгляд из-под усталых век, —
Таким сковал тебя железный век
В страстных огнях и бреде лихорадки.

В прихожих Лувра, в западнях Блуа,
Карандашом, без тени и без краски
Клуэ чертил такие ж точно маски
Времен последних Валуа.

Но сквозь лица пергамент сероватый
Я вижу дали северных снегов,
И в звездной мгле стоит большой, сохатый,
Унылый лось с крестом между рогов.

Таким ты был: спокойный и мятежный,
В руке — кинжал, а в сердце — крест:
Судья и меч. С душою снежно-нежной,
На всех путях хранимый волей звезд.

*20 декабря 1915
Париж*

174. Бальмонт

Огромный лоб, клейменный шрамом,
Безбровый взгляд зеленых глаз,
В часы тоски подобных ямам,
И хмельных локонов экстаз,
Смесь воли и капризов детских,
И мужеской фигуры стать —
Веласкес мог бы написать
На тусклом фоне гор Толедских.
Тебе к лицу шелка и меч,
И темный плащ оттенка сливы;
Узорно-вычурная речь
Таит круженья и отливы,
Как сварка стали на клинке,
Зажатом в замшевой руке.
А голос твой, стихом играя,
Сверкает, плавно напрягая
Упругий и звенящий звук...
Но в нем живет не рокот лиры,
А пенье стали, свист рапиры
И меткость неизбежных рук.
И о твоих испанских предках
Победоносно говорят
Отрывистость рипостов редких
И рифм стремительный парад.

*15 февраля 1915
Париж*

175. Напутствие Бальмонту

Мы в тюрьме изведанных пространств...
Старый мир давно стал духу тесен,
Жаждущему сказочных убранств.

О, поэт пленительнейших песен!
Ты опять бежишь на край земли —
Но и он тебе ли неизвестен?

Как ни пенят волны корабли,
Как ни манят нас моря иные, —
Воды всех морей не те же ли?

Но, как ты, уже считаю дни я,
Зная, как торопит твой отъезд
Трижды-древняя Океания.

Но не в темном небе Южный Крест,
Не морей пурпурные хламиды
Грезишь ты, не россыпь новых звезд...

Чтоб подслушать древние обиды
В жалобах тоскующей волны,
Ты уж спал на мелях Атлантиды.

А теперь тебе же суждены
Лемурии огненной и древней
Наисокровеннейшие сны.

Голос пламени в тебе напевней,
Чем глухие всхлипы древних вод...
И не ты ль знойнее и полдневней?

Не столетий беглый хоровод —
Пред тобой стена тысячелетий
Из-за океана восстает:

«Эллины, вы перед нами дети...» —
Говорил Солону древний жрец.
Но меж нас слова забыты эти...

Ты ж разъял глухую вязь колец,
И, мечту столетий обнимая,
Ты несешь утерянный венец.

Где вставала ночь времен немая,
Ты раздвинул яркий горизонт.
Лемурия... Атлантида... Майя...

Ты — пловец пучин времен, Бальмонт!

22 января 1912
Париж

176. Фазтон

Бальмонту

Здравствуй, отрок солнцекудрый,
С белой мышью на плече!
Прав твой путь, слепой и мудрый,
Как молитва на мече.

Здравствуй, дерзкий, меднолицый,
Возжелавший до конца
Править грозной колесницей
Пламеносного отца!

С неба павший, распростертый,
Опаленный Фазтон,
Грезишь ты, с землею стертый,
Всё один и тот же сон:

Быть как Солнце! До зенита
Разъяренных гнать коней –
Пусть алмазная орбита
Прыщет взрывами огней!

И неверною рукою
Не сдержав узду мечты,
Со священной четвернею
Рухнуть с горней высоты!

В темном пафосе паденья,
В дымах жертвенных костров
Славь любовь и исступленье
Воплями напевных строф!

Жги дома и нивы хлеба,
Жги людей, холмы, леса!
Чтоб огонь, упавший с неба,
Взвился снова в небеса!

13 февраля 1914
Коктебель

177-178. ДВА ДЕМОНА

Посв. Т. Г. Трапезникову

1

Я дух механики. Я вещества
Во тьме блюду слепые равновесья,
Я полюс сфер — небес и поднебесья,
Я гений числ. Я счетчик. Я глава.

Мне важны формулы, а не слова.
Я всюду и нигде. Но кликни — здесь я!
В сердцах машин клокочет злоба бесья.
Я князь земли! Мне знаки и права!

Я друг свобод. Создатель педагогик.
Я — инженер, теолог, физик, логик.
Я призрак истин сплавил в стройный бред.

Я в соке конопли. Я в зернах мака.
Я тот, кто кинул шарики планет
В огромную рулетку Зодиака.

2

На дно миров пловцом спустился я —
Мятежный дух, ослушник вышней воли.
Луч радости на семицветность боли
Во мне разложен влагой бытия.

Во мне звучит всех духов лития,
Но семь цветов разъяты в каждой доле
Одной симфонии. Не оттого ли
Отливами горю я, как змея?

Я свят грехом. Я смертью жив. В темнице
Свободен я. Бессилием — могуч.
Лишенный крыл, в пареньи равен птице.

Клюй, коршун, печень! Бей, кровавый ключ!
Весь хор светил — един в моей цевнице,
Как в радуге — един распятый луч.

6 февраля 1915
Париж

IV
ПЛЯСКИ

179

Кость сожженных страстью — бирюза —
 Тайная мечта...
Многим я заглядывал в глаза:
 Та или не та?
В тихой пляске свились в легкий круг —
 Тени ль? Нити ль мглы?
Слишком тонки стебли детских рук,
 Пясти тяжелы...
Пальцы гибки, как лоза с лозой,
 Запнулись, виясь...
Отливает тусклой бирюзой
 Ожерелий вязь.
Слишком бледны лица, профиль чист,
 Нежны ветви ног..
В волосах у каждой аметист —
 Темный огонек.
Мгла одежд скрывает очерк плеч
 И прозрачит грудь;
Их тела, как пламенники свеч,
 Может ветер задуть...

...И я сам, колеблемый, как дым
Тлеющих костров,
Восхожу к зелено-золотым
Далям вечеров.

*<30 мая 1912
Коктебель>*

180. Осенние пляски

Осень...
Под стройными хвоями сосен
Трелью раздельною
Свищет свирель.
Где вы,
Осенние фавны и девы
Зорких охот
И нагорных озер?
Сила,
Бродившая в соке точила,
Их опьянила,
И круг их затих...
Алы
Их губы, и взгляды усталы...
Лики темнее
Осенней земли...
Вот он —
Идет к заповедным воротам
Локоном хмеля
Увенчанный бог!
Бейте
В жужжащие бубны! развейте
Флейтами дрему
Лесов и полей!
В танце
Завейтесь! В осеннем багрянце
Пляской и вихрем
Завьется земля...
Маски
Из листьев наденете в пляске,

Белые ткани
Откинете с тел!
Ноги
Их дают пурпурные соки
Гроздий лиловых
И мха серебро...
Пляшет,
Упившись из меха, и машет
Тирсом с еловою
Шишкой сатир.

*<6 февраля (24 января) 1915
Париж>*

181. Трели

«Filiae et filii!» —
Свищет соловей
На лесном развилии
Радостных путей.
Расцветают лилии,
Плещут средь полей
Ткани, как воскрылия
Лебедей.

Сдержаны движения,
Руки сплетены...
В юноше смущение
Веющей весны...
И при приближении
Девушки — Луны —
Головокружение
Глубины.

Над лесными кущами
Вью-вью-вью-вью-вью
Трелями, секущими
Песню соловью,
Хоровод с поющими
Славу бытию
Звуками цветущими
Обовью...

<9 февраля (27 января) 1915
Париж>

182-196. Lunaria

Венок сонетов

1

Жемчужина небесной тишины
На звездном дне овьюженной лагуны!
В твоих лучах все лица бледно-юны,
В тебя цветы дурмана влюблены.

Тоской любви в сердцах повторены
Твоих лучей тоскующие струны,
И прежних лет волнующие луны
В узоры снов навеки вплетены.

Твой влажный свет и матовые тени,
Ложась на стены, на пол, на ступени,
Дают камням оттенок бирюзы.

Платана лист на них еще зубчатей
И тоньше прядь изогнутой лозы...
Лампада снов, владычица зачатий!

2

Лампада снов! Владычица зачатий!
Светильник душ! Таинница мечты!
Узывная, изменчивая, — ты
С невинности снимаешь воск печатей,

Внушаешь дрожь лобзаний и объятий,
Томишь тела сознаньем красоты
И к юноше нисходишь с высоты
Селеною, закутанной в гиматий.

От ласк твоих стихает гнев морей,
Богиня мглы и вечного молчанья,
А в недрах недр рождаешь ты качанья,
Вздуваешь воды, чрева матерей
И пояса развязываешь платий,
Кристалл любви! Алтарь ночных заклятий!

3

Кристалл любви! Алтарь ночных заклятий!
Хрустальный ключ певучих медных сфер!
На твой ущерб выходят из пещер,
Одна другой страшнее и косматей,

Стада Эмпуз; поют псалмы проклятий
И душат псов, цедя их кровь в кратэр;
Глаза у кошек, пятна у пантер
Становятся длиннее и крылатей.

Плоть призраков есть ткань твоих лучей,
Ты точишь камни, глину кирпичей;
Козел и конь, ягнята и собаки

Ночных мастей тебе посвящены;
Бродя в вине, ты дремлешь в черном маке,
Царица вод! Любовница волны!

4

Царица вод! Любовница волны!
Изгнанница в опаловой короне,
Цветок цветов! Небесный образ Иони!
Твоим рождением женщины больны...

Но не любить тебя мы не вольны:
Стада медуз томятся в мутном лоне,
И океана пенистые кони
Бегут к земле и лижут валуны.

И глубиной таинственных извивов
Движения приливов и отливов
Внутри меня тобой повторены.

К тебе растут кораллы темной боли,
И тянут стебли водоросли воли
С какой тоской из влажной глубины!

5

С какой тоской из влажной глубины
Всё смертное, усталое, больное,
Ползучее, сочащееся в гное,
Пахучее, как соки белены,

Как опиум волнующее сны,
Всё женское, текучее, земное,
Всё темное, всё злое, всё страстное,
Чему тела людей обречены, —

Слепая боль поднятой плугом нови,
Удушливые испаренья крови,
Весь Океан, плененный в руслах жил,

Весь мутный ил задушенных приятий,
Всё, чем я жил, но что я не изжил, —
К тебе растут сквозь мглу моих распятий.

6

К тебе растут сквозь мглу моих распятий —
Цветы глубин. Ты затеплила страсть
В божнице тел. Дух отдала во власть
Безумью плоти. Круг сестер и братьев

Разъяла в станы двух враждебных ратей.
Даров твоих приемлет каждый часть...
О, дай и мне к ногам твоим припасть!
Чем дух сильнее, тем глубже боль и сжатый...

Вот из-за скал кривится лунный рог,
Спускаясь вниз, алея, багровея...
Двурогоя! Трехликая! Афея!

С кладбищ земли, с распутий трех дорог
Дым черных жертв восходит на закате —
К Диане бледной, к яростной Гекате!

7

К Диане бледной, к яростной Гекате
Я протираю руки и мольбы:
Я так устал от гнева и борьбы —
Яви свой лик на мертвенном агате!

И ты идешь, багровая, в раскате
Подземных гроз, ступая на гробы,
Треглавая, держа ключи судьбы,
Два факела, кинжалы и печати.

Из глаз твоих лучатся смерть и мрак,
На перекрестках слышен вой собак,
И на могильниках дымят лампы.

И пробуждаются в озерах глубины,
Точа в ночи пурпуровые яды,
Змеиные, непрожитые сны.

8

Змеиные, непрожитые сны
Волнуют нас тоской глухой тревоги.
Словами Змия: «Станете как боги»
Сердца людей извечно прожжены.

Тавром греха мы были клеймены
Крылатым стражем, бдящим на пороге.
И нам, с тех пор бродящим без дороги,
Сопутствует клейменный лик Луны.

Века веков над нами тяготело
Всемное и всестрастное тело
Планеты, сорванной с алмазного венца.

Но тусклый свет глубоких язв и ссадин
Со дна небес глядящего лица
И сладостен, и жутко безотраден.

9

И сладостен, и жутко безотраден
Безумный сон зияющих долин.
Я был на дне базальтовых теснин.
В провал небес (о, как он емко-жаден!)

Срывался ливень звездных виноградин.
И солнца диск, вступая в свой притин,
Был над столпами пламенных вершин,
Крылатый и расплесканный, — громаден.

Ни сумрака, ни воздуха, ни вод —
Лишь острый блеск агатов, сланцев, шпатов.
Ни шлейфы зорь, ни веера закатов

Не озаряют черный небосвод.
Неистово порывист и нескладен
Алмазный бред морщин твоих и впадин.

10

Алмазный бред морщин твоих и впадин
Томит и жжет. Неумолимо жёстк
Рисунок скал, гранитов черный лоск,
Строенье арок, стрелок, перекладин.

Вязь рудных жил, как ленты пестрых гадин.
Наплывы лавы бурые, как воск,
И даль равнин, как обнаженный мозг..
Трехдневный полдень твой кошмарно-страден.

Пузырчатые оспины огня
Сверкают в нимбах яростного дня,
А по ночам над кратером Гиппарха

Бдит «Volva» — неподвижная звезда,
И отливает пепельно-неярко
Твоих морей блестящая слюда.

11

Твоих морей блестящая слюда
Хранит следы борьбы и исступлений,
Застывших мук, безумных дерзновений,
Двойные знаки пламени и льда.

Здесь рухнул смерч вселенских «Нет» и «Да».
От Моря Бурь до Озера Видений,
От призрачных полярных взгромождений,
Не видевших заката никогда,

До темных цирков Маге Tenebrarum
Ты вся порыв, застывший в гневном яром,
И страшный шрам на кряже Лунных Альп

Оставила небесная секира.
Ты, как Земля, с которой сорван скаल्प, —
Лик Ужаса в бесстрастности эфира!

12

Лик Ужаса в бесстрастности эфира —
Вне времени, вне памяти, вне мер!
Ты кладбище немыслимых Химер,
Ты иверень разбитого Потира.

Зане из сонма ангельского клира
На Бога Сил, Творца бездушных сфер,
Восстал в веках Денница-Люцифер,
Мятежный князь Зенита и Надира.

Ваяя смертью глыбы бытия,
Из статуй плоти огненное «Я»
В нас высек он: дал крылья мысли пленной,

Но в бездну бездн был свергнут навсегда.
И, остов недосозданной вселенной, —
Ты вопль тоски, застывший глыбой льда!

13

Ты вопль тоски, застывший глыбой льда,
Сплетенье гнева, гордости и боли,
Бескрылый взмах одной безмерной воли,
Средь судорог погасшая звезда.

На духов воль надетая узда,
Грааль Борьбы с причастьем горькой соли,
Голгофой душ пребудешь ты, доколе
Земных времен не канет череда.

Умершие, познайте слово Ада:
«Я разлагаю с медленностью яда
Тела в земле, а души на луне».

Вокруг Земли чертя круги вампира
И токи жизни пьющая во сне, —
Ты жадный труп отвергнутого мира!

14

Ты жадный труп отвергнутого мира,
К живой Земле прикованный судьбой.
Мы, связанные бунтом и борьбой,
С вином приемлем соль и с пеплом миро.

Но в день Суда единая порфира
Оденет нас — владычицу с рабой.
И пленных солнц рассыпется прибой
У бледных ног Иешуа Бен-Пандира.

Но тесно нам венчальное кольцо:
К нам обратив тоски своей лицо,
Ты смотришь прочь неведомым нам ликом,

И пред тобой, – пред Тайной глубины,
Склоняюсь я в молчании великом,
Жемчужина небесной тишины!

15

*Жемчужина небесной тишины,
Лампада снов, владычица зачатий,
Кристалл любви, алтарь ночных заклятий,
Царица вод, любовница волны,*

*С какой тоской из влажной глубины
К тебе растут сквозь мглу моих распятий,
К Диане бледной, к яростной Гекате
Змеиные, непрожитые сны.*

*И сладостен, и жутко безотраден
Алмазный бред морщин твоих и впадин,
Твоих морей блестящая слюда –*

*Лик ужаса в бесстрастности эфира,
Ты вопль тоски, застывший глыбой льда,
Ты жадный труп отвергнутого мира.*

<16 июня – 1 июля 1913
Коктебель>

V

197. Подмастерье

Посвящается Ю.Ф. Львовой

Мне было сказано:
Не светлым лирником, что нижет
Широкие и щедрые слова
На вихри струнные, качающие душу, —
Ты будешь подмастерьем
Словесного, святого ремесла,
Ты будешь кузнецом
Упорных слов,
Вкус, запах, цвет и меру выплавляя
Их скрытой сущности, —
Ты будешь
Ковалом и горнилом,
Чеканщиком монет, гранильщиком камней.
Стих создают — безвыходность, необходимость, сжатость,
Сосредоточенность...
Нет грани меж прозой и стихом:
Речение,
В котором все слова притерты,
Пригнаны и сплавлены,
Умом и терпугом, паялом и терпением,
Становится лирической строфой, —
Будь то страница
Тацита
Иль медный текст закона.
Для ремесла и духа — единый путь:
Ограничение себя.

Чтоб научиться чувствовать,
Ты должен отказаться
От радости переживаний жизни,
От чувства отрешиться ради
Сосредоточья воли;
И от воли — для отрешенности сознания.
Когда же и сознание внутри себя ты сможешь погасить —
Тогда
Из глубины молчания родится
Слово,
В себе несущее
Всю полноту сознания, воли, чувства,
Все трепеты и все сиянья жизни.
Но знай, что каждым новым
Осуществлением
Ты умерщвляешь часть своей возможной жизни:
Искусство живо —
Живую кровью принесенных жертв.
Ты будешь Странником
По вещим перепутьям Срединной Азии
И западных морей,
Чтоб разум свой ожечь в плавильных горнах знания,
Чтоб испытать сыновность и сиротство
И немоту отверженной земли.
Душа твоя пройдет сквозь пытку и крещение
Страстную влагою,
Сквозь зыбкие обманы
Небесных обликов в зеркалах земных вод.
Твое сознание будет
Потеряно в лесу противочувств,
Средь черных пламеней, среди пожарищ мира.
Твой дух дерзающий познает притяженья
Созвездий правящих и волящих планет...
Так, высвобождаясь
От власти малого, беспамятного «я»,
Увидишь ты, что все явленья —

Знаки,
По которым ты вспоминаешь самого себя,
И волокно за волокном собираешь
Ткань духа своего, разодранного миром.

Когда же ты поймешь,
Что ты не сын земле,
Но путник по вселенным,
Что солнца и созвездья возникали
И гибли внутри тебя,
Что всюду – и в тварях, и в вещах – томится
Божественное Слово,
Их к бытию призвавшее,
Что ты освободитель божественных имен,
Пришедший изназвать
Всех духов – узников, увязших в веществе,
Когда поймешь, что Человек рожден,
Чтоб выплавить из мира
Необходимости и Разума –
Вселенную Свободы и Любви, –
Тогда лишь
Ты станешь Мастером.

*24 июня 1917
Коктебель*

Книга третья

НЕОПАЛИМАЯ КУПИНА

Стихи о войне и революции

I
ВОЙНА

198. Россия
(1915 г.)

Враждующих скорбный гений
Братским вяжет узлом,
И зло в тесноте сражений
Побеждается горшим злом.

Взвывается стяг победный...
Что в том, Россия, тебе?
Пребудь смиренной и бедной —
Верной своей судьбе.

Люблю тебя побежденной,
Поруганной и в пыли,
Таинственно осветленной
Всей красотой земли.

Люблю тебя в лике рабьем,
Когда в тишине полей
Причитаешь голосом бабьим
Над трупами сыновей.

Как сердце никнет и блещет,
Когда, связав по ногам,
Наотмашь хозяин хлещет
Тебя по кротким глазам.

Сильна ты нездешней мерой,
Нездешней страстью чиста,
Неутоленной верой
Твои запеклись уста.

Дай слов за тебя молиться,
Понять твое бытие,
Твоей тоске причаститься,
Сгореть во имя твое.

17 августа 1915
Биарриц

199. В эти дни

И. Эренбургу

В эти дни великих шумов ратных
И побед, пылающих вдали,
Я пленен в пространствах безвозвратных
Оголтелой, стынувшей земли.

В эти дни не спазмой трудных родов
Схвачен дух: внутри разодран он
Яростью сгрудившихся народов,
Ужасом разъявившихся времен.

В эти дни нет ни врага, ни брата:
Все во мне, и я во всех; одной
И одна — тоскою плоть объята
И горит сама к себе враждой.

В эти дни безвольно мысль томится,
А молитва стелется, как дым.
В эти дни душа больна одним
Искушением — развоплотиться.

*5 февраля 1915
Париж*

200. Под знаком Льва

М.В. Сабашниковой

Томимый снами, я дремал,
Не чуя близкой непогоды;
Но грянул гром, и ветер упал,
И свет померк, и вздулись воды.

И кто-то для моих шагов
Провел невидимые тропы
По стогнам буйных городов
Объятой пламенем Европы.

Уже в петлях скрипела дверь,
И в стены бил прибой с разбега,
И я, как запоздалый зверь,
Вошел последним внутрь ковчега.

Август 1914
Дорнах

201. Над полями Альзаса

Ангел непогоды
Пролил огонь и гром,
Напоив народы
Яростным вином.

Средь земных безлюдий
Тишина гудит
Грохотом орудий,
Топотом копыт.

Преклоняя ухо
В глубь души, внемли,
Как вскипает глухо
Жёлчь и кровь земли.

*Сентябрь 1914
Дорнах*

202. Посев

В осенний день по стынущим полянам
Дымящиеся водят борозды
Не пахари;
Не радуется ранам
Своим земля;
Не плуг вскопал следы;
Не семена пшеничного посева,
Не ток дождей в разъявшуюся новь, —

Но сталь и медь,
Живую плоть и кровь
Недобрый Сеятель
В годину Лжи и Гнева
Рукою щедрою посеял...
Бед
И ненависти колос,
Змеи плевел
Взойдут в полях безрадостных побед,
Где землю-мать
Жестокий сын прогневил.

*3 февраля 1915
Париж*

203. Газеты

Я пробегаю жадным взглядом
Вестей горючих письмена,
Чтоб душу, влажную от сна,
С утра ожечь ползучим ядом.
В строках кровавого листа
Кишат смертельные трихины,
Проникновенны лезвиины,
Неистребимы, как мечта.
Бродила мщенья, дрожжи гнева,
Вникают в мысль, гниют в сердцах,
Туманят дух, цветут в бойцах
Огнями дьявольского сева.
Ложь завлакивает мозг
Тягучей дремой хлороформа
И зыбкой полуправды форма
Течет и лепится, как воск.
И, гнилостной пронизан дрожью,
Томлюсь и чувствую в тиши,
Как, обезболенному ложью,
Мне вырезают часть души.
Не знать, не слышать и не видеть...
Застыть, как соль... уйти в снега...
Дозволь не разлюбить врага
И брата не возненавидеть!

*12 мая 1915
Париж*

204. Другу

«А я, таинственный певец,
На берег выброшен волною...»
«Арион»

Мы, столь различные душою,
Единый пламень берегли,
И братски связаны тоскою
Одних камней, одной земли.
Одни сверкали нам вдали
Созвездий пламенные диски;
И где бы ни скитались мы,
Но сердцу безысходно близки
Феодосийские холмы.
Нас тусклый плен земной тюрьмы
И рдяный уголь творящей правды
Привел к могильникам Ардавды,
И там, вверяясь бытию,
Снастили мы одну ладью;
И, зорко испытывая дали
И бег волнистых облаков,
Крылатый парус напрягали
У Киммерийских берегов.
Но ясновидящая сила
Хранила мой беспечный век:
Во сне меня волною смыло
И тихо вынесло на брег.
А ты, пловец, с душой бессонной
От сновидений и молитв,
Ушел в круговороты битв
Из мастерской уединенной.
И здесь, у чуждых берегов,
В молчаньи ночи одинокой

Я слышу звук твоих шагов,
Неуловимый и далекий.
Я буду волишь и молить,
Чтобы тебя в кипеньи битвы
Могли, как облаком, прикрыть
Неотвратимые молитвы.
Да оградит тебя Господь
От Князя огненной печали,
Тоской пытающего плоть,
Да защитит от едкой стали,
От жадной меди, от свинца,
От стерегущего огнива,
От злобы яростного взрыва,
От стрел крылатого гонца,
От ядовитого дыханья,
От проникающих огней,
Да не смутят души твоей
Ни гнева сладостный елей,
Ни мести жгучее лобзанье.
Да не прервутся нити прях,
Сидящих в пурпурных лоскутьях
На всех победных перепутьях,
На всех погибельных путях.

23 августа 1915
Биарриц

205. Пролог

Андрею Белому

Ты держишь мир в простертой длани,
И ныне сроки истекли...
В начальный год Великой Брани
Я был восхищен от земли.

И, на замок небесных сводов
Поставлен, слышал, смуты полн,
Растущий вопль земных народов,
Подобный реву бурных волн.

И с высоты непостижимой
Низвергся Вестник, оку зримый,
Как вихрь сверлящей синевы,
Огнем и сумраком повитый,
Шестикрылатый и покрытый
Очами с ног до головы.

И, сводом потрясая звездным,
На землю кинул он ключи,
Земным приказывая безднам
Извергнуть тучи саранчи,
Чтоб мир пасти жезлом железным.

А на вратах земных пещер
Он начертал огнем и серой:
«Любовь воздай за меру мерой,
А злом за зло воздай без мер».

И, став как млечный вихрь в эфире,
Мне указал Весы:

«Смотри:

В той чаше – мир; в сей чаше – гири:
Всё, прорастающее в мире,
Давно завершено внутри».

Так был мне внешний мир показан,
И кладезь внутренний разъят.
И, знаньем звездной тайны связан,
Я ввержен был обратно в ад.

Один среди враждебных ратей –
Не их, не ваш, не свой, ничей –
Я голос внутренних ключей,
Я семя будущих зачатий.

11 сентября 1915
Биарриц

206. Армагеддон

Л.С. Баксту

«Три духа, имеющие вид жаб...
соберут царей вселенной для великой
битвы... в место, называемое
Армагеддон...»

Откровение, XVI, 12–16

Положив мне руки на заплечье
(Кто? — не знаю, но пронзил испуг
И упало сердце человечье...)
Взвел на холм и указал вокруг.

Никогда такого запустенья
И таких невыявленных мук
Я не грезил даже в сновиденьи!

Преодо мной, тускла и широка,
Цепенела в мертвом исступленьи
Каменная зыбь материка.

И куда б ни кинул смутный взор я —
Расстилались саваны пустынь,
Русла рек иссякших, плоскогорья;
По краям, где индевела синь,
Громоздились снежные нагорья
И клубились свитками простынь
Облака. Сквозь огненные жерла
Тесных туч багровые мечи
Солнце заходящее простерло...
Так прощально гасли их лучи,
Что тоскою мне сдавило горло
И просил я:

«Вещий, научи:
От каких планетных ураганов
Этих волн гранитная гряда
Взмыта вверх?»

И был ответ:

«Сюда

По иссохшим ложам океанов
Приведут в день Страшного Суда
Трое жаб царей и царства мира
Для последней брани всех времен.

Камни эти жаждут испокон
Хмельной жёлчи Божьего потира.
Имя этих мест – Армагеддон».

3 октября 1915

Биарриц

207

Не ты ли
В минуту тоски
Швырнул на землю
Весы и меч,
И дал безумным
Свободу весить
Добро и зло?

Не ты ли
Смесил народы
Густо и крепко,
Заквасил тесто
Слезами и кровью
И топчешь, грозный,
Грозды людские
В точиле гнева?

Не ты ли
Поэта кинул
На стогны мира
Быть оком и ухом?

Не ты ли
Отнял силу у рук
И запретил
Сложить обиды
В глубокой чаше
Земных весов,
Но быть назначил
Стрелой, указующей
Разницу веса?

Не ты ли
Неволил сердце
Благословить
Убийц и жертву,
Врага и брата?

Не ты ли
Неволил разум
Принять свершенье
Непостижимых
Твоих путей
Во всем гореньи
Противоречий,
Несовместимых
Для человеческой
Стесненной мысли?

Так дай же силу
Поверить в мудрость
Проливой крови;
Дозволь увидеть
Сквозь смерть и время
Борьбу народов,
Как спазму страсти,
Извергшей семя
Всемирных всходов!

*1 декабря 1915
Париж*

208. Усталость

М. Стебельской

«Трости надломленной не преломит
И льна дымящегося не угасит».

Исайя 42, 3

И тогда, как в эти дни, война
Захлебнется в пламени и в лаве,
Будет спор о власти и о праве,
Будут умирать за знамена...

Он придет не в силе и не в славе,
Он пройдет в полях, как тишина;
Ничего не тронет и не сломит,
Тлеющего не погасит льна
И дрожащей трости не преломит.
Не возвысит голоса в горах,
Ни вина, ни хлеба не коснется —
Только всё усталое в сердцах
Вслед Ему с тоскою обернется.
Будет так, как солнце в феврале
Изнутри неволит нежно семя
Дать росток в оттаявшей земле.

И для гнева вдруг иссякнет время,
Братской распри разомкнется круг,
Алый Всадник потеряет стремя,
И оружие выпадет из рук.

27 сентября 1915
Биарриц

II
ПЛАМЕНА ПАРИЖА

209. Весна

А.В. Гольштейн

Мы дни на дни покорно нижем.
Даль не светла и не темна.
Над замирающим Парижем
Плывет весна... и не весна.

В жемчужных утрах, в зорях рдяных
Ни радости, ни грусти нет;
На зацветающих каштанах
И лист — не лист, и цвет — не цвет.

Неуловимо-беспокойна,
Бессолнечно-просветлена,
Неопьяненно и не стройно
Взмывает жданная волна.

Душа болит в краю бездомном;
Молчит, и слушает, и ждет...
Сама природа в этот год
Изнемогла в боренье темном.

*26 апреля 1915
Париж*

210. Париж в январе 1915 г.

Кн. В.Н. Аргутинскому

Всё тот же он во дни войны,
В часы тревог, в минуты боли...
Как будто грезит те же сны
И плавит в горнах те же воли.
Всё те же крики продавцов
И гул толпы, глухой и дальний.
Лишь голос уличных певцов
Звучит пустынной и печальной.
Да ловит глаз в потоках лиц
Решимость сдвинутых надбровий,
Улыбки маленьких блудниц,
Войной одетых в траур вдовий;
Решетки запертых окон
Да на фасадах полинялых
Трофеи праздничных знамен,
В дождях и ветре обветшалых.
А по ночам безглазый мрак
В провалах улиц долго бродит,
Напоминая всем, что враг
Не побежден и не отходит.
Да светлы небо стерегут,
Да ветер доносит запах пашни,
И беспокойно-долгий гуд
Идет от Эйфелевой башни.
Она чрез океаны шлет
То бег часов, то весть возмездья,
И сквозь железный переплет
Сверкают зимние созвездья.

*19 февраля 1915**Париж*

211. Цеппелины над Парижем

А.Н. Ивановой

Весь день звучали сверху струны
И гуды стерегущих птиц.
А после ночь писала руны,
И взмахи световых ресниц
Чертили небо. От окрестных
Полей поднялся мрак и лёг.
Тогда в ущельях улиц тесных
Заголосил тревожный рог...
И было видно: осветленный
Сияньем бледного венца,
Как ствол дорической колонны,
Висел в созвездии Тельца
Корабль. С земли взвивались змеи,
Высоко бил фонтан комет
И гас среди звезд Кассиопеи.
Внизу несомый малый свет
Строений колыхал громады;
Но взрывов гул и ядр поток
Ни звездной тиши, ни прохлады
Весенней — превозмочь не мог.

*18 апреля 1915**Париж*

212. Реймская Богоматерь

Марье Самойловне Цетлин <ой>

Vue de trois-quarts, la Cathédrale de Reims évoque une grande figure de femme agenouillée, en prière.

Rodin

В минуты грусти просветленной
Народы созерцать могли
Ее – коленопреклоненной
Средь виноградников Земли.
И всех, кто сном земли недужен,
Ее целила благодать,
И шли волхвы, чтоб увидеть
Ее – жемчужину жемчужин.
Она несла свою печаль,
Одета в каменные ткани,
Прозрачно-серые, как даль
Спокойных овидей Шампани.
И соткан был ее покров
Из жемчуга лугов поёмных,
Туманных утр и облаков,
Дождей хрустальных, ливней тёмных.
Одежд ее чудесный сон,
Небесным светом опален,
Горел в сияньи малых радуг,
Сердца мерцали алых роз,
И светотень курчавых складок
Струилась прядями волос.

Земными создана руками,
Ее лугами и реками,
Ее предутренними снами,
Ее вечерней тишиной.
...И, обнажив, ее распяли...
Огонь лизал и стрелы рвали
Святую плоть... Но по ночам,
В порыве безысходной муки,
Ее обугленные руки
Простерты к зимним небесам.

19 февраля 1915
Париж

213. Lutetia Parisiorum

«Fluctuat nec mergitur»

Париж, Царьград и Рим — кариатиды
При входе в храм! Вам — солнцам-городам,
Кольцеобразно легшим по водам,
Завещан мир. В вас семя Атлантиды

Дало росток. Пророки и друиды
Во тьме лесов таили Девы храм,
А на реке, на месте Notre-Dame
Священник пел заутрени Изиды.

Париж! Париж! К какой плывет судьбе
Ладья Озириса в твоём гербе
С полночным грузом солнечного диска?

Кто закрепил на площади твоей
Драконью кровь волхвов и королей
Луксорского печатью обелиска?

22 апреля 1915
Париж

214. Парижу

Е.С. Кругликовой

Неслись года, как клочья белой пены...
Ты жил во мне, меняя облик свой;
И, уносимый встречною волной,
Я шел опять в твои замкнуться стены.
Но никогда сквозь жизни перемены
Такой пронзенной не любил тоской
Я каждый камень вещей мостовой
И каждый дом на набережных Сены.

И никогда в дни юности моей
Не чувствовал сильнее и больней
Твой древний яд отстойной печали

На дне дворов, под крышами мансард,
Где юный Дант и отрок Бонапарт
Своей мечты миры в себе качали.

19 апреля 1915

Париж

215. Голова Madame de Lamballe
(4 сент. 1792 г.)

Это гибкое, страстное тело
Растоптала ногами толпа мне,
И над ним надругалась, раздела...
И на тело
Не смела
Взглянуть я...
Но меня отрубили от тела,
Бросив лоскутья
Воспаленного мяса на камне...

И парижская голь
Унесла меня в уличной давке,
Кто-то пил в кабаке алкоголь,
Меня бросив на мокром прилавке...
Куафёр меня поднял с земли,
Расчесал мои светлые кудри,
Нарумянил он щеки мои,
И напудрил...

И тогда, вся избита, изранена
Грязной рукой,
Как на бал завита, нарумянена,
Я на пике взвилась над толпой
Хмельным тирсом...

Неслась вакханалия.

Пел в священном безумьи народ...
И, казалось, на бале в Версале я —
Плавный танец кружит и несет...

Точно пламя гудели напевы.
И тюремною узкою лестницей
В башню Тампля к окну Королевы
Поднялась я народной вестницей.

1906
Париж

216-217. Две ступени

Марине Цветаевой

1. Взятие Бастилии

(14 июля)

«14 juillet 1789. – Riens».

Journal de Louis XVI

Бурлит Сент-Антуан. Шумит Пале-Рояль.
В ушах звенит призыв Камиля Демулена.
Народный гнев растет, взметаясь ввысь, как пена.
Стреляют. Бьют в набат. В дыму сверкает сталь.

Бастилия взята. Предместья торжествуют.
На пиках головы Бертье и де Лоней.
И победители, расчистив от камней
Площадку, ставят столб и надпись: «Здесь танцуют».

Король охотился с утра в лесах Марли.
Борзые подняли оленя. Но пришли
Известья, что мятеж в Париже. Помешали...

Сорвали даром лов. К чему? Из-за чего?
Не в духе лег. Не спал. И записал в журнале:
«Четыр-надца-того и-юля. Ни-чего».

12 декабря 1917

2. Взятие Тюильри
(10 августа 1792 г.)

«Je me manque deux batteries pour
balayer toute cette canaille là»

(Мемуары Бурьенна. Слова Бонапарта)

Париж в огне. Король низложен с трона.
Швейцарцы перерезаны. Народ
Изверился в вождях, казнит и жжет.
И Лафайет объявлен вне закона.

Марат в бреду и страшен, как Горгона.
Невидим Робеспьер. Жиронда ждет.
В садах у Тюильри водоворот
Взметенных толп и львиный зев Дантона.

А офицер, незнаемый никем,
Глядит с презреньем — холоден и нем —
На буйных толп бессмысленную толочь,

И, слушая их исступленный вой,
Досадует, что нету под рукой
Двух батарей «рассеять эту сволочь».

21 ноября 1917
<Коктебель>

218-221. Термидор

1

Катрин Тео во власти прорицаний.
У двери гость – закутан до бровей.
Звучат слова: «Верховный жрец заканий,
Весь в голубом, придет, как Моисей,

Чтоб возвестить толпе, смилив стихию,
Что есть Господь! Он – избранный судьбой,
И, в бездну пав, замкнет ее собой...
Приветствуйте кровавого Мессию!

Се Агнец бурь! Спасая и губя,
Он кровь народа примет на себя.
Един Господь царей и царства весит!

Мир жаждет жертв, великим гневом пьян.
Тяжел Король... И что уравновесит
Его главу? – Твоя, Максимильян!»

2

Разгар Террора. Зной палит и жжет.
Деревья сохнут. Бесятся от жажды
Животные. Конвент в смятении. Каждый
Невольно мыслит: завтра мой черед.

Казнят по сотне в сутки. Город замер
И задыхается. Предместья ждут
Повальных язв. На кладбищах гниют
Тела казненных. В тюрьмах нету камер.

Пока судьбы кренится колесо,
В Монморанси, где веет тень Руссо,
С цветком в руке уединенно бродит,

Готовя речь о пользе строгих мер,
Верховный жрец – Мессия – Робеспьер –
Шлифует стиль и тусклый лоск наводит.

3

Париж в бреду. Конвент кипит, как ад.
Тюрьо звонит. Сен-Жюста прерывают.
Кровь вопиет. Казненные взывают.
Мстят мертвецы. Могилы говорят.

Вокруг Леба, Сен-Жюста и Кутона
Вскипает гнев, грозя их затопить.
Встал Робеспьер. Он хочет говорить.
Ему кричат: «Вас душит кровь Дантона!»

Еще судьбы неясен вещей лёт.
За них Париж, коммуны и народ –
Лишь кликнуть клич и встанут исполины.

Воззвание написано, но он
Кладет перо: да не прейдет закон!
Верховный жрец созрел для гильотины.

4

Уж фурии танцуют карманьолу,
Пред гильотиною подъемля вой.
В последний раз, подобная престолу,
Она царит над буйною толпой.

Везут останки власти и позора:
Убит Леба, больной Кутон без ног..
Один Сен-Жюст презрителен и строг.
Последняя телега Термидора.

И среди них на кладбище химер
Последний путь свершает Робеспьер.
К последней мессе благовестят в храме,

И гильотине молится народ...
Благоговейно, как ковчег с дарами,
Он голову несет на эшафот.

7 декабря 1917
<Коктебель>

III

ПУТИ РОССИИ

222. Предвестия (1905 г.)

Сознание строгое есть в жестах Немезиды:
Умей читать условные черты:
Пред тем как сбылись Мартовские Иды,
Гудели в храмах медные щиты...

Священный занавес был в скинии распорот:
В часы Голгоф трепещет смутный мир...
О, бронзовый Гигант! ты создал призрак-город,
Как призрак-дерево из семени — факир.

В багряных свитках зимнего тумана
Нам солнце гневное явило лик тройне,
И каждый диск сочился, точно рана...
И выступила кровь на снежной пелене.

А ночью по пустым и гулким перекресткам
Струились шелесты невидимых шагов,
И город весь дрожал далеким отголоском
Во чреве времени шумящих голосов...

Уж занавес дрожит перед началом драмы,
Уж кто-то в темноте — всезрящий, как сова, —
Чертит круги, и строит пентаграммы,
И шепчет вещие заклатья и слова.

*9 января 1905
С.-Петербург*

223. Ангел Мщенья
(1906 г.)

Народу Русскому: Я скорбный Ангел Мщенья!
Я в раны черные — в распаханную новь
Кидаю семена. Прошли века терпенья.
И голос мой — набат. Хоругвь моя — как кровь.
На буйных очагах народного витийства,
Как призраки, взращу багряные цветы.
Я в сердце девушки вложу восторг убийства
И в душу детскую — кровавые мечты.
И дух возлюбит смерть, возлюбит крови алость.
Я грезы счастья слезами затоплю.
Из сердца женщины святую выну жалость
И тусклой яростью ей очи ослеплю.
О, камни мостовых, которых лишь однажды
Коснулась кровь! я ведаю ваш счет.
Я камни заклану заклатьем вечной жажды,
И кровь за кровь без меры потечет.
Скажи восставшему: Я злую едкость стали
Придам в твоих руках картонному мечу!
На стогнах городов, где женщин истязали,
Я «знаки Рыб» на стенах начерчу.
Я синим пламенем пройду в душе народа,
Я красным пламенем пройду по городам.
Устами каждого воскликну я «Свобода!»,
Но разный смысл для каждого придам.
Я напишу: «Завет мой — Справедливость!»
И враг прочтет: «Пощады больше нет»...
Убийству я придам манящую красоту,
И в душу мстителя вольется страстный бред.

Меч справедливости – карающий и мстящий –
Отдам во власть толпе... И он в руках слепца
Сверкнет стремительный, как молния разящий, –
Им сын заколет мать, им дочь убьет отца.
Я каждому скажу: «Тебе ключи надежды.
Один ты видишь свет. Для прочих он потух».
И будет он рыдать, и в горе рвать одежды,
И звать других... Но каждый будет глух.
Не сеятель сберет колючий колос сева.
Принявший меч погибнет от меча.
Кто раз испил хмельной отравы гнева,
Тот станет палачом иль жертвой палача.

1906

Париж

224. Москва
(Март 1917 г.)

В.А. Рагозинскому

В Москве на Красной площади
Толпа черным-черна.
Гудит от тяжелой поступи
Кремлевская стена.

На рву у места Лобного
У церкви Покрова
Возносят неподобные
Нерусские слова.

Ни свечи не засвечены,
К обедне не звонят,
Все груди красным мечены,
И плещет красный плат.

По грязи ноги хлюпают,
Молчат... проходят... ждут...
На папертях слепцы поют
Про кровь, про казнь, про суд.

<20 ноября 1917>

225. Петроград (1917)

Сергею Эфрону

Как злой шаман, гася сознание
Под бубна мерное бряцанье,
И опоражнивая дух,
Распахивает дверь разрух —
И духи мерзости и блуда
Стремглав кидаются на зов,
Вопя на сотни голосов,
Творя бессмысленные чуда, —
И враг, что друг, и друг, что враг, —
Меречат и двоятся... — так,
Сквозь пустоту державной воли,
Когда-то собранной Петром,
Вся нежить хлынула в сей дом
И на зияющем престоле,
Над зыбким мороком болот
Бесовский правит хоровод.
Народ, безумием объятый,
О камни бьется головой
И узы рвет, как бесноватый...
Да не смутится сей игрой
Строитель внутреннего Града —
Те бесы шумны и быстры:
Они вошли в свиное стадо
И в бездну ринутся с горы.

*9 декабря 1917
Коктебель*

226. Трихины

«Появились новые трихины»...
Ф. Достоевский

Исполнилось пророчество: трихины
В тела и в дух вселяются людей.
И каждый мнит, что нет его правей.
Ремесла, земледелие, машины
Оставлены. Народы, племена
Безумствуют, кричат, идут полками,
Но армии себя терзают сами,
Казнят и жгут — мор, голод и война.
Ваятель душ, воззавший к жизни племя
Страстных глубин, провидел наше время.
Пророчественною тоской объят,
Ты говорил, томимый нашей жаждой,
Что мир спасется красотой, что каждый
За всех во всем пред всеми виноват.

10 декабря 1917
<Коктебель>

227. Святая Русь

А.М. Петровой

Суздаль да Москва не для тебя ли
По уделам землю собирали
Да тугую золотом суму?
В рундуках приданое копили
И тебя невестою растили
В расписном да тесном терему?

Не тебе ли на речных истоках
Плотник-Царь построил дом широко —
Окнами на пять земных морей?
Из невест красой да силой бранной
Не была ль ты самую желанной
Для заморских княжих сыновей?

Но тебе сыздетства были любы —
По лесам глубоких скитов срубы,
По степям кочевья без дорог,
Вольные раздолья да вериги,
Самозванцы, воры да расстриги,
Соловьиный посвист да острог.

Быть царёвой ты не захотела —
Уж такое подвернулось дело:
Враг шептал: развея да расточи,
Ты отдай казну свою богатым,
Власть — холопам, силу — супостатам,
Смердам — честь, изменникам — ключи.

Поддалась лихому подговору,
Отдалась разбойнику и вору,
Подожгла посадки и хлеба,
Разорила древнее жилище
И пошла поруганной и нищей
И рабой последнего раба.

Я ль в тебя посмею бросить камень?
Осужу ль страстной и буйный пламень?
В грязь лицом тебе ль не поклонюсь,
След босой ноги благословляя, —
Ты — бездомная, гулящая, хмельная,
Во Христе юродивая Русь!

19 ноября 1917
Коктебель

228. Мир

С Россией кончено... На последях
Ее мы прогалдели, проболтали,
Пролузгали, пропили, проплевали,
Замызгали на грязных площадях,
Распродали на улицах: не надо ль
Кому земли, республик, да свобод,
Гражданских прав? И родину народ
Сам выволок на гноище, как падаль.
О, Господи, разверзни, расточи,
Пошли на нас огонь, язвы и бичи,
Германцев с запада, Монгол с востока,
Отдай нас в рабство вновь и навсегда,
Чтоб искупить смиренно и глубоко
Иудин грех до Страшного Суда!

*23 ноября 1917
Коктебель*

229. Из бездны
(Октябрь 1917)

А.А. Новинскому

Полночные вздулись воды,
И ярость взметенных толп
Шатает имперский столп
И древние рушит своды.
Ни выхода, ни огня...
Времен исполнилась мера.
Отчего же такая вера
Переполняет меня?
Для разума нет исхода.
Но дух ему вопреки
И в бездне чует ростки
Неведомого восхода.
Пусть бесы земных разрух
Клубятся смерчем огромным —
Ах, в самом косном и темном
Пленен мировой дух!
Бичами страстей гонимы —
Распятые серафимы
Заточены в плоть:
Их жалит горящим жалом,
Торопит гореть Господь.
Я вижу в большом и в малом
Водовороты комет...
Из бездны — со дна паденья
Благословляю цветенье
Твое — всестрастной свет!

15 января 1918
<Коктебель>

230. Демоны глухонемые

«Кто так слеп, как раб Мой? и глух,
как вестник Мой, Мною посланный?»

Исайя 42, 19

Они проходят по земле,
Слепые и глухонемые,
И чертят знаки огневые
В распаивающейся мгле.

Собою бездны озаряя,
Они не видят ничего,
Они творят, не постигая
Предназначенья своего.

Сквозь дымный сумрак преисподней
Они кидают вещей луч...
Их судьбы — это лик Господний,
Во мраке явленный из туч.

29 декабря 1917

<Коктебель>

231. Русь глухонемая

Был к Иисусу приведен
Родными отрок бесноватый:
Со скрежетом и в пене он
Валялся, корчами объятый.
— «Изыди, дух глухонемой!» —
Сказал Господь. И демон злой
Сотряс его и с криком вышел —
И отрок понимал и слышал.
Был спор учеников о том,
Что не был им тот бес покорен,
А Он сказал:

 «Сей род упорен:
Молитвой только и постом
Его природа одолима».

Не тем же ль духом одержима
Ты, Русь глухонемая! Бес,
Украв твой разум и свободу,
Тебя кидает в огонь и в воду,
О камни бьет и гонит в лес.
И вот взываем мы: Прииди...
А избранный вдали от битв
Кует постами меч молитв
И скоро скажет: «Бес, изыди!».

6 января 1918
<Коктебель>

232. Родина

«Каждый побрел в свою сторону
И никто не спасет тебя».

(Слова Исайи, открывшиеся в ночь на 1918 г.)

И каждый прочь побрел, вздыхая,
К твоим призывам глух и нем,
И ты лежишь в крови, нагая,
Изранена, изнемогая,
И не защищена никем.

Еще томит, не покидая,
Сквозь жаркий бред и сон — твоя
Мечта в страданиях изжитая
И неосуществленная...

Еще безумит хмель свободы
Твои взметенные народы
И не окончена борьба —
Но ты уж знаешь в просветленьи,
Что правда Славии — в смиреньи,
В непротивлении раба;
Что искус дан тебе суровый:
Благословить свои оковы,
В темнице простираясь ниц,
И правды воспринять Христовой
От грешников и от блудниц;

Что, как молитвенные дымы,
Темны и неисповедимы
Твои последние пути,
Что не допустят с них сойти
Сторожевые Херувимы!

30 мая 1918

<Коктебель>

233. Преосуществление

К.Ф. Богоевскому

«Postquam devastationem XL aut amplius
dies Roma fuit ita desolata, ut nemo ibi
hominum, nisi bestiae morareuntur».

Marcellini Commentarii

В глухую ночь шестого века,
Когда был мир и Рим простерт
Перед лицом германских орд,
И Гот теснил и грабил Грека,
И грудь земли и мрамор плит
Гудели топотом копыт,
И лишь монах, писавший «Акты
Остготских королей», следил
С высот оснеженной Соракты,
Как на равнине средь могил
Бродил огонь и клубы дыма,
И конницы взметали прах
На желтых Тибрских берегах, —
В те дни всё население Рима
Тогила приказал изгнать.

И сорок дней был Рим безлюден.
Лишь зверь бродил средь улиц. Чуден
Был Вечный Град: ни огонь сглодать,
Ни варвар стены разобрать
Его чертогов не успели.
Он был велик, и пуст, и дик,
Как первозданный материк.

В молчаньи вещем цепенели,
Столпившись, как безумный бред,
Его камней нагроможденья —
Все вековые отложенья
Завоеваний и побед:
Трофеи и обломки тронов,
Священный Путь, где камень стерт
Стопами медных легионов
И торжествующих когорт,
Водопроводы и аркады,
Неимоверные громады
Дворцов и ярусы колонн,
Сжимая и тесня друг друга,
Загромождали небосклон
И горизонт земного круга.
И в этот безысходный час,
Когда последний свет погас
На дне молчанья и забвенья,
И древний Рим исчез во мгле,
Свершалось преосуществленье
Всемирной власти на земле:
Орлиная разжалась лапа
И выпал мир. И принял Папа
Державу и престол воздвиг.
И новый Рим процвел — велик
И необъятен, как стихия.
Так семя, дабы прорасти,
Должно истлеть...

Истлей, Россия,
И царством духа расцвети!

*17 января 1918
Коктебель*

234. Европа

В.Л. Рюминой

Держа в руке живой и влажный шар,
Клубящийся и дышавший, как пар,
Лоснящийся здесь зеленью, там костью,
Струящийся, как жидкий хрисолит,
Он говорил, указывая тростью:

Пойми земли меняющийся вид:
Материков живые сочетанья,
Их органы, их формы, их названья
Водами Океана рождены.
И вот она — подобная кораллу,
Приросшая к Кавказу и к Уралу,
Земля морей и полуостровов,
Здесь вздутая, там сдавленная узко,
В парче лесов и в панцире хребтов,
Жемчужница огромного моллюска,
Атлантикой рожденная из пен —
Опаснейшая из морских сирен.
Страстей ее горючие сплетенья
Мерцают звездами на токах вод —
Извилистых и сложных, как растенья.
Она водами дышит и живет.
Ее провидели в лучистой сфере
Блудницею, сидящею на звере,
На водах многих с чашею в руке,
И девушкой, лежащей на быке.

Полярным льдам уста ее открыты,
У пояса, среди сапфирных влаг,
Как пчельный рой у чресел Афродиты,
Раскинул острова Архипелаг.
Сюда ведут страстных желаний тропы,
Здесь матерние органы Европы,
Здесь, жгучие дрожанья затая, —
В глубоких влуминах укрытая стихия,
Чувствилище и похотник ея, —
Безумила народы Византия.

И здесь, как муж, поял ее Ислам:
Воль Азии вершитель и предстатель —
Сквозь Бычий Ход Махмут-завоеватель
Проник к ее заветным берегам.
И зачала и понесла во чреве
Русь — третий Рим — слепой и страстный плод:
Да зачатое в пламени и в гневе
Собой восток и запад сопряжет!

Но, роковым охвачен нетерпеньем,
Всё исказил неистовый Хирург,
Что кесаревым вылушил сеченьем
Незрелый плод Славянства — Петербург.
Пойми великое предназначенье
Славянством затаенного огня:
В нем брезжит солнце завтрашнего дня,
И крест его — всемирное служенье.
Двойным путем ведет его судьба —
Она и в имени его двуглава:
Пусть SCLAVUS — раб, но Славия есть **СЛАВА**:
Победный нимб над головой раба!
В тисках войны сейчас еще томится
Всё, что живет, и всё, что будет жить:
Как солнца бег нельзя предотвратить —
Зачатое не может не родиться.

В крушеньях царств, в самосоженьях зла
Душа народов ширилась и крепла:
России нет — она себя сожгла,
Но Славия воссветится из пепла!

20 мая 1918
Коктебель

235. Написание о царях московских

1

Царь Иван был ликом некрасив,
Очи имея серы, пронзительны и беспокойны.
Нос протягновенен и покляп.
Ростом велик, а телом сух.
Грудь широка и туги мышцы.
Муж чудных рассуждений,
Многоречив зело,
В науке книжной опытен и дерзок.
А на рабы от Бога данные жестокосерд.
В пролитьи крови
Неумолим.
Жен и девиц сквернил он блудом много.
И множество народа
Немилостивой смертью погубил.
Таков был царь Иван.

2

Царь же Федор
Был ростом мал,
А образ имея постника,
Смирением обложен,
О мире попеченья не имея,
А только о спасении душевном.
Таков был Федор-царь.

3

Царь Борис — во схиме Боголеп —
Был образом цветущ,
Сладкоречив вельми,
Нищелюбив и благоверен,
Строителен зело
И о державе попечителен.
Держась рукой за верх срачицы, клялся
Сию последнюю со всеми разделить.
Единое имея неисправленье:
Ко властолюбию несытое желанье
И ко врагам сердечно прилежанье.
Таков был царь Борис.

4

Царевич Федор — сын царя Бориса —
Был отрок чуден,
Благолепием цветущ,
Как в поле крин, от Бога преукрашен,
Очи велики, черны,
Бел лицом,
А возраст среден.
Книжному научен почитанью.
Пустошное али гнилое слово
Из уст его вовек не исходише.

5

Царевна Ксения
Власы имея черны, густы,
Аки трубы лежаще по плечам.
Бровьми союзна, телом изобильна,
Вся светлостью облистана
И млечной белостью

Всетельно облианна.
Воистину во всех делах чредима.
Любила воспеваемые гласы
И песни духовные.
Когда же плакала,
Блистала еще светлее
Зелной красотой.

6

Расстрига был ростом мал,
Власы имея руды.
Безбород и с бородавкой у переносицы.
Пясти тонки,
А грудь имел широко,
Мышцы толсты,
А тело помрачено.
Обличьем прост,
Но дерзостен и остроумен
В речах и наученьи книжном.
Конские ристалища любил,
Был ополчитель смел.
Ходил танцюя.

7

Марина Мнишек была прельстительна.
Бела лицом, а брови имея тонки.
Глаза змеиные. Рот мал. Поджаты губы.
Возрастом невелика,
Надменна обращеньем.
Любила плясания и игрища,
И пялишася в платья
Тугие с обручами,
С камнями и жемчугом,
Но паче честных камней любяше негритенка.

8

Царь Василий был ростом мал,
А образом нелеп.
Очи подслеповаты. Скуп и неподатлив.
Но книжен и хитер.
Любил наушников,
Был к волхвованьям склонен.

9

Боярин Федор – во иночестве Филарет –
Роста и полноты был средних.
Был обходителен.
Опальчив нравом.
Владетелен зело.
Божественное писанье разумел отчасти.
Но в знании людей был опытен:
Царями и боярами играше,
Аки на тавлее.
И роду своему престол Московский
Выиграл.

10

Так видел их и, видевав, записал
Иван Михайлович
Князь Катырев-Ростовский.

*23 августа 1919
Коктебель*

236. Dmetrius-Imperator
(1591-1613)

Ю. Л. Оболенской

Убиенный много и восставый,
Двадцать лет со славой правил я
Отчею Московскою державой,
И години более кровавой
Не видала русская земля.

В Угличе, сжимая горсть орешков
Детской окровавленной рукой,
Я лежал, а мать, в сених замешкав,
Голосила, плача надо мной.
С перерезанным наотмашь горлом
Я лежал в могиле десять лет;
И рука Господняя простерла
Над Москвой полетье лютых бед.
Голод был, какого не видали.
Хлеб пекли из кала и мезги.
Землю ели. Бабы продавали
С человечьим мясом пироги.
Проклиная царство Годунова,
В городах без хлеба и без крова
Мерзли у набитых закровов.
И разъялась земная утроба,
И на зов стнящих голосов
Вышел я — замученный — из гроба.

По Руси что ветер засвистал,
Освещал свой путь двойной луною,
Пасолнцы на небе засвечал.

Шестернею в полночь над Москвою
Мчал, бичом по маковкам хлестал.
Вихрь-витной, гулял я в ратном поле,
На московском венчаный престоле
Древним Мономаховым венцом,
С белой панной – с лебедью – с Мариной
Я – живой и мертвый, но единый –
Обручался заклятым кольцом.

Но Москва дыхнула дыхом злобным –
Мертвый я лежал на месте Лобном
В черной маске, с дудкою в руке,
А вокруг – вблизи и вдалеке –
Огоньки болотные горели,
Бубны били, плакали сопели,
Песни пели бесы на реке...
Не видала Русь такого сраму!
А когда свезли меня на яму
И свалили в смрадную дыру –
Из могилы тело выходило
И лежало цело на юру.
И река от трупа отливала,
И земля меня не принимала.
На куски разрезали, сожгли,
Пепл собрали, пушку зарядили,
С четырех застав Москвы палили
На четыре стороны земли.

Тут тогда меня уж стало много:
Я пошел из Польши, из Литвы,
Из Путивля, Астрахани, Пскова,
Из Оскола, Ливен, из Москвы...
Понапрасну в обличенье вора
Царь Василий, не стыдись позора,
Детский труп из Углича опять
Вез в Москву – народу показать,
Чтобы я на Царском на призоре

Почивал в Архангельском соборе,
Да сидела у могилы мать.

А Марина в Тушино бежала
И меня живого обнимала,
И, собрав неслыханную рать,
Подступал я вновь к Москве со славой...
А потом лежал в снегу – безглавый –
В городе Калуге над Окой,
Умерщвлен татарами и жмудью...
А Марина с обнаженной грудью,
Факелы подняв над головой,
Рыскала над мерзлою рекой
И, кружась по-над Москвою, в гнев
Воскрешала новых мертвецов,
А меня живым несла во чреве...

И пошли на нас со всех концов,
И неслись мы парой сизых чаек
Вдоль по Волге, Каспию – на Яик, –
Тут и взяли царские стрелки
Лебеденка с Лебедью в силки.

Вся Москва собралась, что к обедне,
Как младенца – шел мне третий год –
Да казнили казнию последней
Около Серпуховских ворот.

Так, смущая Русь судьбою дивной,
Четверть века – мертвый, неизбывный –
Правил я лихой годиной бед.
И опять приду – чрез триста лет.

*19 декабря 1917
Коктебель*

237. Стенькин суд

Н.Н. Кедрову

У великого моря Хвалынского,
Заточенный в прибрежный шихан,
Претерпевый от змия горынского,
Жду вестей из полуношных стран.
Всё ль как прежде сияет – неслазена
Православных церковей лепота?
Проклинают ли Стеньку в них Разина
В воскресенье в начале поста?
Зажигают ли свечки, да сальные
В них заместо свечей восковых?
Воеводы порядки охальные
Всё ль блюдут в воеводствах своих?
Благолепная, да многохрамая...
А из ней хоть святых выноси.
Что-то, чую, приходит пора моя
Погулять по Святой по Руси.

Как, бывало, казацкая, дерзкая,
На Царицын, Симбирск, на Хвалынь –
Гребенская, Донская да Терская
Собиралась ватажить сарынь.
Да на первом на струге, на «Соколе»,
С полюбовницей – пленной княжной,
Разгулявшись, свистали да цокали,
Да неслись по-над Волгой стрелой.
Да как кликнешь сподрушных – приспешников:
«Васька Ус, Шелудяк да Кабан!
Вы ступайте пощупать помещиков,
Воевод, да попов, да дворян.

Позаймитесь-ка барскими гнездами,
Припустите к ним псов полюбей!
На столбах с перекладиной гроздами
Поразвесьте собачьих детей».

Хорошо на Руси я попраздновал:
Погулял, и поел, и попил,
И за всё, что творил неуказного,
Лютой смертью своей заплатил.
Принимали нас с честью и с ласкою,
Выходили хлеб-солью встречать,
Как в священных цепях да с опаскою
Привезли на Москву показать.
Уж по-царски уважили пыткой:
Разымали мне каждый сустав
Да крестили смолой меня жидкою,
У семи хоронили застав.

И как вынес я муку кровавую,
Да не выдал казацкую Русь,
Так за то на расправу на правую
Сам судьей на Москву ворочусь.
Рассужу, развяжу – не помилую, –
Кто хлопы, кто попы, кто паны...
Так узнаете: как пред могилою,
Так пред Стенькой все люди равны.
Мне к чему царевать да насиловать,
А чтоб равен был всякому – всяк.
Тут пойдут их, голубчиков, миловать,
Приласкают московских собак.

Уж попомнят, как нас по Остоженке
Шельмовали для ихних утех.
Пообрубят им рученьки-ноженьки:
Пусть поползают людям на смех.
И за мною не токмо что драная
Голытьба, а казной расшибусь –

Вся великая, темная, пьяная,
Окаянная двинется Русь.
Мы устроим в стране благолепье вам, —
Как, восставши из мертвых с мечом, —
Три угодника — с Гришкой Отрепьевым,
Да с Емелькой придем Пугачем.

22 декабря 1917

Коктебель

238. Китеж

1

Вся Русь — костер. Неугасимый пламень
Из края в край, из века в век
Гудит, ревет... И трескается камень.
И каждый факел — человек.
Не сами ль мы, подобно нашим предкам,
Пустили пал? А ураган
Раздул его, и тонут в дыме едком
Леса и села огнищан.
Ни Сергиев, ни Оптина, ни Саров
Народный не уймут костер:
Они уйдут, спасаясь от пожаров,
На дно серебряных озер.
Так, отданная на поток татарам,
Святая Киевская Русь
Ушла с земли, прикрывшись Светлоярм...
Но от огня не отрекусь!
Я сам — огонь. Мятеж в моей природе,
Но цепь и грань нужны ему.
Не в первый раз, мечтая о свободе,
Мы строим новую тюрьму.
Да, вне Москвы — вне нашей душевной плоти,
Вне воли медного Петра —
Нам нет дорог: нас водит на болоте
Огней бесовская игра.
Святая Русь покрыта Русью грешной,
И нет в тот град путей,
Куда зовет призывный и нездешной
Подводный благовест церковей.

2

Усобицы кромсали Русь ножами.
Скупые дети Калиты
Неправдами, насильем, грабежами
Ее собирали лоскуты.
В тиши ночей, звездяных и морозных,
Как лютый крестовик-паук,
Москва пряла при Темных и при Грозных
Свой тесный, безысходный круг.
Здесь правил всем изветчик и наушник,
И был свиреп и строг
Московский князь — «постельничий и клюшник
У Господа», — помилуй Бог!
Гнездо бояр, юродивых, смиренниц —
Дворец, тюрьма и монастырь,
Где двадцать лет зарезанный младенец
Чертил круги, как нетопырь.
Ломая кость, вытягивая жилы,
Московский строился престол,
Когда отродье Кошки и Кобылы
Пожарский царствовать привел.
Антихрист-Петр распаренную глыбу
Собрал, стянул и раскачал,
Остриг, обрил и, вздернувши на дыбу,
Наукам книжным обучал.
Империя, оставив нору кротью,
Высиживалась из яиц
Под жаркой коронованною плотью
Своих пяти императриц.
И стала Русь немецкой, чинной, мерзкой.
Штыков сияньем озарен,
В смеси кровей Голштинской с Вюртембергской
Отстаивался русский трон.
И вырвались со свистом из-под трона
Клубящиеся пламена —

На свет из тьмы, на волю из полона –
Стихии, страсти, племена.
Анафем церкви одолев оковы,
Повоскресали из гробов
Мазепы, Разины и Пугачевы –
Страшилища иных веков.
Но и теперь, как в дни былых падений,
Вся омраченная, в крови,
Осталась ты землею исступлений –
Землей, взыскующей любви.

3

Они пройдут – расплавленные годы
Народных бурь и мятежей:
Вчерашний раб, усталый от свободы,
Возропщет, требуя цепей.
Построит вновь казармы и остроги,
Воздвигнет сломанный престол,
А сам уйдет молчать в свои берлоги,
Работать на полях, как вол.
И, отрезвясь от крови и угара,
Цареву радуясь бичу,
От угольев погасшего пожара
Затеplit ярую свечу.
Молитесь же, терпите же, примите ж
На плечи крест, на выю трон.
На дне души гудит подводный Китеж –
Наш неосуществимый сон!

18 августа 1919

*Во время наступления Деникина на Москву
Коктебель*

239. Дикое Поле

1

Голубые просторы, туманы,
Ковыли, да полынь, да бурьяны...
Ширь земли да небесная лепь!
Разлилось, развернулось на воле
Припонтийское Дикое Поле,
Темная Киммерийская степь.

Вся могильниками покрыта —
Без имен, без конца, без числа...
Вся копытом да копьями взрыта,
Костью сеяна, кровью полита,
Да народной тугой поросла.

Только ветер закаспийских угорий
Мутит воды степных лукоморий,
Плещет, рыщет — развалист и хляб —
По оврагам, увалам, излогам,
По немереным скифским дорогам
Меж курганов да каменных баб.
Вихрит вихрями ключья бурьяна,
И гудит, и звенит, и поет...
Эти поприща — дно океана,
От великих обсякшее вод.

Распалаял их полуденный огонь,
Индевела заречная синь...
Да ползла желтолицая погань
Азиатских бездонных пустынь.
За хазарами шли печенеги,
Ржали кони, пестрели шатры,
Пред рассветом скрипели телеги,

По ночам разгорались костры,
Раздувались обозами тропы
Перегруженных степей,
На зубчатые стены Европы
Низвергались внезапно потопа
Колченогих, раскосых людей,
И орлы на Равеннских воротах
Исчезали в водоворотах
Всадников и лошадей.

Много было их — люты, хоробры,
Но исчезли, «изникли, как обры»,
В темной распре улусов и ханств,
И смерчи, что росли и сшибались,
Разошлись, растеклись, растерялись
Средь степных безысходных пространств.

2

Долго Русь раздирали по ключьям
И усобицы, и татарва.
Но в лесах по речным узорочьям
Завязалась узлом Москва.
Кремль, оваянный сказочной славой,
Встал в парче облачений и риз,
Белокаменный и златоглавый
Над скудою закуренных изб.
Отразился в лазоревой ленте,
Развитой по лугам-муравам,
Аристотелем Фиоравенти
На Москва-реке строенный храм.
И московские Иоанны
На татарские веси и страны
Наложили тяжелую пядь
И пятой наступили на степи...
От кремлевских тугих благолепий
Стало трудно в Москве дышать.
Гольтьбу с тесноты да с неволи

Потянуло на Дикое Поле
Под высокий степной небосклон:
С топором, да с косой, да с оралом
Уходили на север — к Уралам,
Убегали на Волгу, за Дон.
Их разлет был широк и несвязен:
Жгли, рубили, взымали ясак.
Правил парус на Персию Разин,
И Сибирь покорял Ермак.
С Беломорья до Приазовья
Подымались на клич удалцов
Воровские круги понизовья
Да концы вечевых городов.
Лишь Никола-Угодник, Егорий —
Волчий пастырь — строитель земли —
Знают были пустынь и поморий,
Где казацкие кости легли.

3

Русь! встречай роковые години:
Разверзаются снова пучины
Неизжитых тобою страстей,
И старинное пламя усобиц
Лижет ризы твоих Богородиц
На оградах Печерских церквей.

Всё, что было, повторится ныне...
И опять затуманится ширь,
И останутся двое в пустыне —
В небе — Бог, на земле — богатырь.
Эх, не выпить до дна нашей воли,
Не связать нас в единую цепь.
Широко наше Дикое Поле,
Глубока наша скифская степь.

20 июня 1920

Коктебель

240. На вокзале

В мутном свете увялых
Электрических фонарей
На узлах, тюках, одеялах
Средь корзин, сундуков, ларей,
На подсолнухах, на окурках,
В сермягах, шинелях, бурках,
То врозь, то кучей, то в ряд,
На полу, на лестницах спят:
Одни — раскидавшись — будто
Подкошенные на корню,
Другие — вывернув круто
Шею, бедро, ступню.
Меж ними бродит зараза
И отравляет их кровь:
Тиф, холера, проказа,
Ненависть и любовь.
Едят их поедом жадным
Мухи, москиты, вши.
Они задыхаются в смрадном
Испареньи тел и души.
Точно в загробном мире,
Где каждый в себе несет
Противовесы и гири
Дневных страстей и забот.

Так спят они по вокзалам,
Вагонам, платформам, залам,
По рынкам, по площадям,
У стен, у отхожих ям:
Беженцы из разоренных,

241. Русская революция

Во имя грозного закона
Братоубийственной войны
И воспаленны, и красны
Пылают гневные знамена.

Но жизнь и русская судьба
Смешала клички, стерла грани:
Наш «пролетарий» – голытьба,
А наши «буржуа» – мещане.
А грозный демон «Капитал» –
Властитель фабрик, Князь заботы,
Сущность отстойной работы,
Преображенная в кристалл, –
Был нам неведом:

нерадивы

И нищи средь богатств земли,
Мы чрез столетья пронесли,
Сохою ковыряя нивы,
К земле нежадную любовь...
России душу омрачая,
Враждуют призраки, но кровь
Из ран ее течет живая.

Не нам ли суждено изжить
Последние судьбы Европы,
Чтобы собой предотвратить
Ее погибельные тропы.
Пусть бунт наш – бред, пусть дом наш пуст,
Пусть боль от наших ран не наша,
Но да не минет эта чаша

Чужих страданий наших уст.
И если встали между нами
Все бреды будущих времен —
Мы всё же грезим русский сон
Под чуждыми нам именами.
Тончайшей изо всех зараз,
Мечтой врачует мир Россия —
Ты, погибавшая не раз
И воскресавшая стихия.
Как некогда святой Франциск
Видал: разверзся солнца диск
И пясти рук и ног Распятый
Ему лучом пронзил трикраты —
Так ты в молитвах приняла
Чужих страстей, чужого зла
Кровоточащие стигматы.

12 июня 1919

242. Русь гулящая

В деревнях погорелых и страшных,
Где толчется шатуший народ,
Шлендит пьяная в лохмах кумашных
Да бесстыжие песни орет.

Сквернословит, скликает напасти,
Пляшет голая — кто ей заказ?
Кажет людям срамные части,
Непотребства творит напоказ.

А проспавшись, бьется в подклетьях,
Да ревет, завернувшись в платок,
О каких-то расстрелянных детях,
О младенцах, засоленных впрок.

А не то разинет глазища
Да вопьется, вцепившись рукой:
«Не оставь меня смрадной и нищей,
Опозоренной и хмельной.

Покручинься моею обидой,
Погорюй по моим мертвецам,
Не продай басурманам, не выдай
На потеху лихим молодцам...

Вся-то жизнь в теремах под засовом...
Уж натешились вы надо мной...
Припаскудили пакостным словом,
Припоганили кличкой срамной».

Разве можно такую оставить,
Отчураться, избыть, позабыть?
Ни молитвой ее не проплавить,
Ни любовью не растопить...

Расступись же, кровавая бездна!
Чтоб во всей полноте бытия
Всенародно, всемирно, всезвездно
Просияла правда твоя!

5 января 1923
Коктебель

243. Благословение

Благословенье мое, как гром!
Любовь безжалостна и жжет огнем.
Я в милосердии неумолим.
Молитвы человеческие – дым.

Из избранных тебя избрал я, Русь!
И не помилую, не отступлюсь.
Бичами пламени, клещами мук
Не оскудеет щедрость этих рук.

Леса, увалы, степи и вдали
Пустыни тундр – шестую часть земли
От Индии до Ледовитых вод
Я дал тебе и твой умножил род.

Чтоб на распустьях сказочных дорог
Ты сторожила запад и восток.
И вот, вся низменность земного дна
Тобой, как чаша, до края полна.

Ты благословлена на подвиг твой
Татарским игом, скаредной Москвой,
Петровской дыбой, бредами калек,
Хлыстов, скопцов – одиннадцатый век.

Распластанною голой на земле,
То вздернутой на виску, то в петле, –
Тебя живьем свежуют палачи –
Радетели, целители, врачи.

И каждый твой порыв, твой каждый стон
Отмечен Мной и понят и зачтен.
Твои молитвы в сердце я храню:
Попросишь мира – дам тебе резню.

Спокойствия? – Девятым взмою вал.
Разрушишь тюрьмы? – Вырою подвал.
Раздашь богатства? – Станешь всех бедней,
Ожидовеешь в жадности своей!

На подвиг встанешь жертвенной любви?
Очнешься пьяной по плечи в крови.
Замыслишь единенье всех людей?
Заставлю есть зарезанных детей!

Ты взыскана судьбою до конца:
Безумием заквасил я сердца
И сделал осязаемым твой бред.
Ты – лучшая! Пощады лучшим – нет.

В едином горне за единый раз
Жгут пласт угля, чтоб выплавить алмаз,
А из тебя, сожженный Мной народ,
Я ныне новый выплавляю род!

*23 февраля 1923
Коктебель*

244. Неопалимая Купина

В эпоху бегства французов из Одессы

Кто ты, Россия? Мираж? Наваждение?
Была ли ты? есть? или нет?
Омут... стремнина... головокруженье...
Бездна... безумие... бред...

Всё неразумно, необычайно:
Взмахи побед и разрух...
Мысль замирает пред вещью тайной
И ужасается дух.

Каждый, коснувшийся дерзкой рукою, —
Молнией поражен:
Карл под Полтавой; ужален Москвою,
Падает Наполеон.

Помню квадратные спины и плечи
Грузных германских солдат —
Год... и в Германии русское вече:
Красные флаги кипят.

Кто там? Французы? Не суйся, товарищ,
В русскую водоверть!
Не прикасайся до наших пожарищ!
Прикосновение — смерть.

Реки вздувают безмерные воды,
Стонет в равнинах метель:
Бродит в точиле, качает народы
Русский разымчивый хмель.

Мы – зараженные совестью: в каждом
Стеньке – святой Серафим,
Отданный тем же похмельям и жаждам,
Тою же волей томим.

Мы погибаем, не умирая,
Дух обнажаем до дна.
Дивное диво – горит, не сгорая,
Неопалимая Купина!

28 мая 1919
Коктебель

IV

245. Протопоп Аввакум

Памяти В.И. Сурикова

1

Прежде нежели родиться — было
Во граде солнечном,
В Небесном Иерусалиме:
Видел солнце, разверстое, как кладезь.
Силы небесные кругами обступили тесно —
Трижды тройным кольцом Сияющие Славы:
В первом круге —
Облакам подобные и ветрам огненным;
В круге втором —
Гудящие, как вихри косматых светов;
В третьем круге —
Звенящие и светлые, как звезды;
А в недрах Славы — в свете неприступном —
Непостижима, Трисиянна, Пресвятая
Троица,
Подобно алманту, вне мира сущему,
И больше мира.

И слышал я:
Отец рече Сынови:
— Сотворим человека
По образу и по подобию огня небесного... —
И голос был ко мне:
«Ти подобает облачиться в человека

Тлимого,
Плоть воспрять и по земле ходить.
Поди: вочеловечься
И опаляй огнем!»

Был же я, как уголь раскаленный,
И вдруг погас,
И черен стал,
И, пеплом собственным одевшись,
Был извержен
В хлябь вешнюю.

2

Пеплом собственным одевшись, был извержен
В хлябь вешнюю:
Мое рожденье было
За Кудмою-рекой
В земле Нижегородской.
Отец мой прилежаще пития хмельного,
А матери — постница, молитвенница бысть.
Аз ребенком малым видел у соседа
Скотину мертвую,
И, во ночи восставши,
Молился со слезами,
Чтоб умереть и мне.
С тех пор привык молиться по ночам.
Молод осиротел,
Был во попы поставлен.
Пришла ко мне на исповедь девица,
Делу блудному повинна,
И мне подробно извещала.
Я же — треокаянный врач —
Сам разболелся,
Внутри жгом огнем блудным,
Зажег я три свечи и руку

Возложив держал,
Дондеже разженье злое не угасло.
А дома до полночи молясь:
Да отлучит мя Бог —
Понеже бремя тяжко, —
В слезах забылся.
А очи сердечнии
При Волге при реке и вижу:
Плывут два корабля златые —
Всё злато: весла, и шесты, и щегла.
«Чьи корабли?» — спросил.
— «Детей твоих духовных».
А за ними третий —
Украшен не золотом, а разными пестротами:
Черно и пепельно, сине, красно и бело.
И красоты его ум человеческий вместить не может.
Юнош светел парус правит.
Я ему:
— «Чей есть корабль?»
А он мне:
— «Твой.
Плыви на нем, коль миром докучаешь!»
А я, вострепетав и седше, рассуждаю:
Аз есмь огонь, одетый пеплом плоти,
И тело наше без души есть кал и прах.
В небесном царствии всем золота довольно.
Нам же, во хлябь изверженным
И тлеющим во прахе, подобает
Страдати неослабно.
Что будет плаванье?
По мале времени, по виденному, беды
Восстали адовы, и скорби, и болезни.

3

Беды восстали адовы, и скорби, и болезни:
От воевод терпел за веру много:
Ин – в церкви взяв,
Как был – с крестом и в ризах
По улице за ноги волочил,
Ин – батогами бил, топтал ногами,
И мертв лежал я до пол часа и паки оживел,
Ин – на руке персты отгрыз зубами...

В село мое пришедше скоморохи
С домрами и с бубнами,
Я ж – грешник, – о Христе ревнуя, изгнал их,
Хари
И бубны изломал –
Един у многих.
Медведей двух великих отнял:
Одного ушиб – и паки ожил –
Другого отпустил на волю.
Боярин Шереметьев, на воеводство плывучи,
К себе призвал и, много избраня,
Сына брадобритца велел благословить,
Я ж образ блудоносный стал обличать.
Боярин, гораздо осердясь,
Велел мя в Волгу кинуть.
Я ж, взяв клюшку, а мати – некрещеного младенца,
Побрел в Москву – Царю печалиться.
А Царь меня поставил протопопом.

В те поры Никон
Яд изрыгнул.
Пишет:

«Не подобает в церкви
Метание творити на колену.
Тремя перстами креститесь».
Мы ж задумались, сошедшись».

Видим: быть беде!

Зима настала.

Озябло сердце.

Ноги задрожали.

И был мне голос:

«Время

Приспе страдания.

Крепитесь в вере.

Возможно Антихристу и избранных прельстити»...

4

Возможно Антихристу и избранных прельстити.

Взяли мя от всенощной, в телегу посадили,

Распяли руки и везли

От Патриархова двора к Андронью,

И на цепь кинули в подземную палатку.

Сидел три дня — не ел, не пил:

Бил на цепи поклоны —

Не знаю — на восток, не то на запад.

Никто ко мне не приходил,

А токмо мыши и тараканы,

Сверчок кричит и блох довольно.

Ста предо мной — не вем кто —

Ангел, аль человек, —

И хлеба дал и штец хлебать,

А после сгинул,

И дверь не отворялась.

Наутро вывели:

Журят, что Патриарху

Не покорился.

А я браню и лаю.

Приволочили в церковь — волосы дерут,

В глаза плюют

И за чепь торгают.

Хотели стричь,

Да Государь, сошедши с места, сам
Приступился к Патриарху –
Упросил не стричь.
И был приказ:
Сослать меня в Сибирь с женою и детьми.

5

Сослали меня в Сибирь с женою и с детьми.
В те поры Пашков, землицы новой ищучи,
Даурские народы под руку Государя приводил.
Суров был человек – людей без толку мучит.
Много его я уговаривал,
Да в руки сам ему попал.

Плотами плыли мы Тунгускою рекой.
На Долгом на пороге стал Пашков
С дощеника мя выбивать:
– «Для тебя-де дощеник плохо ходит,
Еретик ты:
Поди-де по горам, а с казаками не ходи».
Ох, горе стало!
Высоки горы –
Дебри непроходимые.
Утесы, яко стены,
В горах тех – змии великие,
Орлы и кречеты, индейские курята,
И многие гуляют звери –
Лоси, и кабаны,
И волки, и бараны дикие –
Видишь воочию, а взять нельзя.
На горы те мя Пашков выбивал
Там со зверьми и с птицами витати.
А я ему посланьице писал.
Начало сице:

«Человече! убойся Бога,
Сидящего на херувимех и презирающего в бездны!
Его ж трепещут Силы небесные и тварь земная.
Един ты презираешь и неудобство показуешь».

Многонько там написано.
Привели мя пред него, а он
Со шпагою стоит,
Дрожит.

— «Ты поп, или распоп?»

А я ему:

— «Есмь протопоп.

Тебе что до меня?»

А он рыкнул, как зверь, ударил по щеке,

Стал чепью бить,

А после, разболокши, стегать кнутом.

Я ж Богородице молюсь:

— «Владычица!

Уйми Ты дурака того!»

Сковали и на беть бросили:

Под капелью лежал.

Как били — не больно было,

А, лежа, на ум взбрело:

«За что Ты, Сыне Божий, попустил убить меня?

Не за Твое ли дело стою?

Кто будет судьей меж мною и Тобой?»

Увы мне! будто добрый,

А сам, что фарисей с навозной рожей, —

С Владыкою судиться захотел.

Есмь кал и гной.

Мне подобает жить с собаками и свиньями:

Воняем —

Они по естеству, а я душой и телом.

Воняем: одни по естеству, а я душой и телом.
В студеной башне скованный сидел всю зиму.
Бог грел без платья:
Что собачка на соломке лежу.
Когда покормят, когда и нет.
Мышей там много – скуфьею бил,
А батожка не дали дурачки.
Спина гнила. Лежал на брюхе.
Хотел кричать уж Пашкову: Прости!
Да велено терпеть.
Потом два лета бродили по водам.
Зимой чрез волоки по снегу волоклись.
Есть стало нечего.
Начали люди с голоду мереть.
Река мелка.
Плоты тяжелы.
Палки суковаты.
Кнутья остры.
Жестоки пытки.
Приставы немилостивы.
А люди голодные:
Огонь да встряска –
Лишь станут мучать,
А он помрет.
Сосну варили, ели пададь.
Что волк не съест – мы доедим.
Волков и лис озяблых ели.
Кобыла жеребится – голодные же втай
И жеребенка, и место скверное кобылье –
Всё съедят.
И сам я – грешник – неволею причастник
Кобыльим и мертвечьим мясам.
Ох времени тому!
Как по реке по Нерчи

Да по льду голому брели мы пеши —
Страна немирная, отстать не смеем,
А за лошадьми не поспеть.
Протопопица бредет, бредет,
Да и повалится.
Ин томный человек набрел,
И оба повалились:
Кричат, а встать не могут.
Мужик кричит:
 «Прости, мол, матушка!»
А протопопица:
 «Чего ты, батько,
Меня-то задавил?»
Приду — она пеняет:
«Долго ль муки сей нам будет, протопоп?»
А я ей:
«Марковна, до самой смерти».
Она ж, вздохня, ответила:
«Добро, Петрович.
Ин дальше побредем».

7

Ин дальше побредем,
И слава Богу сотворившему благая!
Куручка у нас была черненька.
Весь круглый год по два яичка в день
Робяти приносила.
Сто рублей при ней — то дело плюново.
Одушевленное творенье Божье!
Нас кормила и сама сосновой кашки
Тут клевала из котла,
А рыбка прилучится — так и рыбку.
На нарте везучи, в те поры задавили
Ее мы по грехам.
Не просто она досталась нам:

У Пашковой снохи-боярыни
Все куры переслепли.
Она ко мне пришла,
Чтоб я о курах помолился.
Я думаю — заступница есть наша
И детки есть у ней.
Молебен пел, кадил,
Куров кропил, корыто делал,
Водой святил, да всё ей отослал.
Курки исцелили —
И наша курочка от племени того.
Да полно говорить-то:
У Христа так повелось издавна —
Богу всё надобно: и птичка и скотинка —
Ему во славу, человека ради.

8

Во славу Бога, человека ради
Творится всё.
С Мунгальским царством воевати
Пашков сына Еремея посылал
И заставлял волхва язычника шаманить и гадать,
А тот мужик близ моего зимовья
Привел барана вечером
И волхвовать учал:
Вертел им много
И голову прочь отвертел.
Зачал скакать, плясать и бесов призывать
И, много покричав, о землю ударился,
И пена изо рта пошла.
Бесы давят его, а он их спрашивает:
«Удастся ли поход?»
Они ж ему:
«С победою великой
И богатством назад придут».

А воеводы рады: богатыми вернемся.
Я ж в хлевине своей взываю с воплем:
«Послушай мене, Боже!
Устрой им гроб! Погибель наведи!
Да ни один домой не воротится!
Да не будет по слову дьявольскому!»
Громко кричу, чтоб слышали...
И жаль мне их: душа то чует,
Что им побитым быти,
А сам на них погибели молю.
Прощаются со мной, а я им:

— Погибнете!

Как выехали ночью —
Лошади заржали, овцы и козы заблеяли,
Коровы заревели, собаки взвыли,
Сами иноземцы завыли, что собаки:
Ужас
На всех напал.
А Еремей слезами просит, чтобы
Помолился я за него.
Был друг мой тайной —
Перед отцом заступник мой.
Жалко было: стал докучать Владыке,
Чтоб пощадил его.
Учали ждать с войны, и сроки все прошли.
В те поры Пашков
Застенок учредил и огонь расклат:
Хочет меня пытаться.
А я к исходу душевному молитвы прочитал:
Стряпня знакома —
После огня того живут не долго.
Два палача пришли за мной...
И чудно дело:
Еремей сам-друг дорожкой едет — ранен.
Всё войско у него побили без остатку,
А сам едва ушел.

А Пашков, как есть пьяной с кручины,
Очи на мя возвел, —
Словно медведь морской, белой, —
Жива бы проглотил, да Бог не выдал.
Так десять лет меня он мучал.
Аль я его? Не знаю.
Бог разберет в день века.

9

Бог разберет в день века.
Грамота пришла — в Москву мне ехать.
Три года ехали по рекам да лесам.
Горы, каких не видано:
Врата, столпы, палатки, повалуши —
Всё богаделанно.
На море на Байкале —
Цветенья благовонные и травы,
И птиц гораздо много: гуси да лебеди
По водам точно снег.
А рыбы в нем: и осетры, и таймени,
И омули, и нерпы, и зайцы великие.
И всё-то у Христа для человека наделано.
Его же дние в суете, как тень, проходят:
Он скачет, что козел,
Съесть хочет, яко змий,
Лукавствует, как бес,
И гневен, яко рысь.
Раздуется, что твой пузырь,
Ржет, как жребя, на красоту чужую,
Отлагает покаяние на старость,
А после исчезает.
Простите мне, никонианцы, что избранил вас,
Живите, как хотите.
Аз паче всех есмь грешен,

По весям еду, а в духе ликование,
 А в русски грады приплыл –
 Узнал о церкви – ничто не успевает,
 И, опечалюсь, седше, рассуждаю:
 «Что сотворю: поведаю ли слово Божие,
 Аль скроюся?
 Жена и дети меня связали...»
 А протопопица, меня печальна видя,
 Приступи ко мне с опрятством и рече ми:
 «Что, господине, опечалился?»
 А я ей:
 «Что сотворю, жена?
 Зима ведь на дворе.
 Молчать мне аль учить?
 Связали вы меня...»
 Она же мне:
 «Что ты, Петрович?
 Аз тя с детьми благословляю:
 Проповедай по-прежнему.
 О нас же не тужи.
 Силен Христос и не покинет нас.
 Поди, поди, Петрович, обличай блудню их
 Еретическую»...

10

Да, обличай блудню их еретическую....
 А на Москву приехал –
 Государь, бояра – все мне рады:
 Как ангела приветствуют.
 Государь меня к руке поставил:
 «Здорово, протопоп, живешь?
 Еще-де свидеться Бог повелел».
 А я, супротив руку ему поцеловавши:
 «Жив, говорю, Господь, жива душа моя.
 А впредь, что Бог прикажет».

Он же, миленькой, вздохнул, да и пошел,
Где надобе ему.
В подворье на Кремле велел меня поставить
Да проходя сам кланялся низенько:
«Благослови меня-де, и помолись о мне».
И шапку в иную пору – мурманку, – снимаючи,
Уронит с головы.
А все бояра – челом мне да челом.
Как мне царя того, бояр тех не жалеть?
Звали всё, чтоб в вере соединился с ними.
Да видят – не хочу, – так Государь велел
Уговорить меня, чтоб я молчал.
Так я его потешил –
Царь есть от Бога учинен и до меня добренек.
Пожаловал мне десять рублей,
Царица тоже,
А Федор Ртищев – дружище наше старое –
Тот шестьдесят рублей
Велел мне в шапку положить.
Всяк тащит да несет.
У Федосьи Прокофьевны Морозовой
И днюю и ночью –
Понеже дочь моя духовная.
Да к Ртищеву хожу
С отступниками спорить.

11

К Ртищеву ходил с отступниками спорить.
Вернулся раз домой зело печален,
Понеже много шумел в тот день.
А в доме у меня случилось неустройство:
Протопопица моя с вдовою домочадицей Фетиньей
Повздорила.
А я пришед обеих бил и оскорбил гораздо.
Тут бес вздвивял в Филиппе.

Филипп был бешеной — к стене прикован:
Жесток в нем бес сидел,
Да вовсе кроток стал молитвами моими,
А тут вдруг зачал цепь ломать —
На всех домашних ужас нападе.
Меня не слушает, да как ухватит —
И стал як паучину меня терзать,
А сам кричит:

«Попал мне в руки!»

Молитву говорю — не пользует молитва.
Так горько стало: бес надо мною волю взял.
Вижу — грешен: пусть бьет меня.
Маленько полежал и с совестью собрался.
Восстав, жену сыскал и земно кланялся:
«Прости меня, Настасья Марковна!»
Посем с Фетиньей также простился,
На землю лег и каждому велел
Меня бить плетью по спине
По окаянной.
А человек там было двадцать.
Жена и дети — все плачучи стегали.
А я ко всякому удару по молитве.
Когда же все отбили —
Бес, увидев ту неминуемую беду,
Вон из Филиппа вышел.

А в тонцем сне возвещено мне было:
«По стольком по страданьи угаснуть хочешь?
Блюдися от меня — не то растерзан будешь».
Сам вижу: церковное ничто не успеваеет,
И паки заворчал,
Да написал Царю посланьице,
Чтоб он Святую Церковь от ереси оборонил.

Посланице Царю, чтоб он Святую Церковь
От ереси оборонил:
«Царь-Государь, наш свет!
Твой богомolec в Даурех мученой
Бьет тебе челом.
Во многих живучи смертях,
Из многих заключений восставши, как из гроба,
Я чаял дома тишину найти,
А вижу церковь смущенну паче прежнего.
Угасли древние лампы,
Замутился Рим, и пал Царьград,
Лутари, Гусяти и Колвинцы
Тело Церкви честное раздирали,
В Галлии — земле вечерней,
В граде во Парисе,
В училище Соборном
Блазнились прелестью, что зрит на круг небесный,
Достигши разумом небесной тверди
И звездные теченья разумея.
Только Русь, облистанная светом
Благости, цвела как вертоград,
Паче мудрости любя простыню.
Как на небе грозди светлых звезд
По лицу Руси сияли храмы,
Города стояли на мощах,
Да Москва пылала светом веры.
А нынче вижу: ересь на Москву пришла —
Нарядна — в царской багрянице ездит,
Из чаши потчует;
И царство Римское и Польское,
И многие другие реши упоила
Да и на Русь приехала.
Церковь — православна,
А догматы церковны — от Никона еретика.

Многие его боятся – Никона,
Да, на Бога уповая, – я не боюсь его,
Понеже мерзок он пред Богом – Никон.
Задумал адов пес:
«Арсен, печатай книги – как-нибудь,
Да только не по-старому».
Так су и сделал.
Ты ж простотой души своей
От внутреннего волка книги приял,
Их чая православными.
Никонианский дух – Антихристов есть дух!

Как до нас положено отцами –
Так лежи оно во век веков!
Горе нам! Едина точка
Смущает богословию,
Единой буквой ересь вводится.
Не токмо лишь святые книги изменили,
Но вещи и пословицы, обычаи и ризы:
Исуса бо глаголят Иисусом,
Никола Чудотворца – Николаем,
Спасов образ пишут:
Лице – одутловато,
Уста – червонные, власы – кудрявы,
Брюхат и толст, как немчин учинен –
Только сабли при бедре не писано.
Еще злохитрый Дьявол
Из бездны вывел – мнихи:
Имеющие образ любодейный,
Подклейки женские и клобуки рогаты;
Расчесут волосы, чтоб бабы их любили,
По титькам препояшутся, что женка брюхатая –
Ребенка в брюхе не извредить бы;
А в брюхе у него не меньше ребенка бабьего
Накладено еды той:
Мигдальных ягод, ренскова,
И романей, и водок, процеженных вином.

Не челобитьем тебе реку,
Не похвалой глаголю,
А истину несу:
Некому тебе ведь извещать,
Как строится твоя держава.
Вем, яко скорбно от доуки нашей,
Тебе, о Государь!
Да нам не сладко,
Когда ломают ребра, кнутъем мучат,
Да жгут огнем, да голодом томят.
Ведаю я разум твой:
Умеешь говорить ты языками многими.
Да что в том прибыли?
Ведь ты, Михайлович, русак – не грек.
Вздыхни-ка ты по-старому – по-русски:
«Господи, помилуй мя грешного!»
А «Кирие-элейсон» ты оставь.
Возьми-ка ты никониан, латынников, жидов
Да пережги их – псов паршивых,
А нас природных – своих-то, распусти –
И будет хорошо.
Царь христианской, миленькой ты наш!»

13

Царь христианской миленькой-то наш
Стал на меня с тех пор кручиновати.
Не любо им, что начал говорить,
А любо, коль молчу.
Да мне так не сошлось.
А власти, что козлы, – все пырскать стали.
Был от Царя мне выговор:
«Поедь-де в ссылку снова».
Учали вновь возить
По тюрьмам да по монастырям.
А сами просят:

«Долго ль мучать нас тебе?
Соединись-ка с нами, Аввакумушка!»
А я их — зверей пестрообразных — обличаю,
Да вере истинной народ учу.
Опять в Москву свезли, —
В соборном храме стригли:
Обгрызли, что собаки, и бороду обрезали,
Да бросили в тюрьму.
Потом приволокли
На суд Вселенских Патриархов.
И наши тут же — сидят, что лисы.
Говорят: «Упрямы ты:
Вся-де Палестина, и Серби, и Албансы, и Волохи,
И Римляне, и Ляхи, — все крестятся тремя персты».
А я им:

«Учители вселенстии!
Рим давно упал, и Ляхи с ним погибли.
У вас же православие пестро
С насилия турецкого.
Впредь сами к нам учиться приезжайте!»
Тут наши все завыли, что волчата, —
Бить бросились...
И Патриархи с ними:
Великое Антихристово войско!
А я им:

«Убивши человека,
Как литоргисать будете?»
Они и сели.
Я ж отошел к дверям да на бок повалился:
Вы посидите, а я, мол, полежу.
Они смеются:
Дурак-де протопоп — не почитает Патриархов.
А я их словами Апостола:
«Мы ведь — уроды Христа ради:
Вы славны, мы — бесчестны,
Вы сильны, мы же — немощны».

Вы — сильны, мы же — немощны.
Боярыню Морозову с сестрой —
Княгиней Урусовой — детей моих духовных
Разорили и в Боровске в темницу закопали.
Ту с мужем развели, у этой сына уморили.
Федосья Прокофьевна, боярыня, увы!
Твой сын плотской, а мой духовный,
Как злак посечен:
Уж некого тебе погладить по головке,
Ни четками в науку постегать,
Ни посмотреть, как на лошадке ездит.
Да ты не больно кручинься-то:
Христос добро изволил,
Мы сами-то не вем, как доберемся,
А они на небе у Христа ликовствуют
С Федором — с удушенным моим.
Федор-то — юродивый покойник —
Пять лет в одной рубахе на морозе
И гол и бос ходил.
Как из Сибири ехал — ко мне пришел.
Псалтырь печатей новых был у него —
Не знал о новизнах.
А как сказал ему — в печь бросил книгу.
У Федора зело был подвиг крепок:
Весь день юродствует, а ночью на молитве.
В Москве, как вместе жили, —
Неможется, лежу, — а он стыдит:
«Долго ль лежать тебе? И как сорома нет?
Встань, миленькой!»
Вытащит, посадит, прикажет молитвы говорить,
А сам-то бьет поклоны за меня.
То-то был мне друг сердечный!
Хорош и Афанасьюшка — другой мой сын духовный
Да в подвиге маленько покороче.

Отступники его на углях испекли:
Что сладок хлеб принесся Пречистой Троице!
Ивана — князя Хованского — избили батогами
И, как Исаяю, огнем сожгли.
Двоих родных сынов — Ивана и Прокофья —
Повесить приказали;
Они ж не догадались
Венцов победных ухватить,
Сплошали — повинились.
Так вместе с матерью их в землю закопали:
Вот вам — без смерти смерть.
У Лазаря священника отсекли руку,
А она-то отсечена и лежа на земле
Сама сложила пальцы двуперстием.
Чудно сие:
Бездушная одушевленных обличает.
У схимника — у старца Елифания
Язык отрезали.
Ему ж Пречистая в уста вложила новый:
Бог — старый чудотворец —
Допустит пострадать и паки исцелит.
И прочих наших на Москве пекли и жарили.
Чудно! Огнем, кнутом да виселицей
Веру желают утвердить.
Которые учили так — не знаю,
А мой Христос не так велел учить.
Выпросил у Бога светлую Россию сатана —
Да очервленит ю
Кровью мученической.
Добро ты, Дьявол, выдумал —
И нам то любо:
Ради Христа страданьем пострадати.

15

Ради Христа страданьем пострадати
Мне не судил еще Господь:
Царица стояла за меня — от казни отпросила.
Так, бранию казня, меня ж не тронув,
Сослали в Пустозерье
И в срубе там под землю закопали:
Как есть мертвец —
Живой похороненной.

И было на Страстной со мною чудо:
Распространился мой язык
И был зело велик,
И зубы тоже,
Потом стал весь широк —
По всей земле под небесем пространен,
А после небо, землю и тварей всех
Господь в меня вместил.
Не диво ли: в темницу заключен,
А мне Господь и небо и землю покорил?
Есмь мал и наг,
А более вселенной.
Есмь кал и грязь,
А сам горю, как солнце.
Э, милые, да если б Богу угодно было
Душу у каждого разоблачить от пепела,
Так вся земля растаяла б,
Что воск, в единую минуту.
Задумали добро:
Двенадцать лет
Закопанным в земле меня держали;
Думали — погасну,
А я молитвами да бденьями свечу
На весь крещеный мир.
От света земного заперли,
Да свет небесный замкнуть не догадались.

Двенадцать лет не видел я ни солнца,
Ни неба синего, ни снега, ни деревьев, —
А вывели казнить —
Смотрю, дивлюсь:
Черно и пепельно, сине, красно и бело,
И красоты той
Ум человеческий вместить не может!

Построен сруб — соломою накладен:
Корабль мой огненный —
На родину мне ехать.
Как стал ногой —
Почуял: вот отчалою!
И ждать не стал —
Сам подпалил свечой.
Святая Троица! Христос мой миленькой!
Обратно к Вам в Иерусалим небесный!
Родясь — погас,
Да снова разгорелся!

19 мая 1918
Коктебель

V

ЛИЧИНЫ

246. Красногвардеец
(1917)

Скакать на красном параде
С кокардой на голове
В расплавленном Петрограде,
В революционной Москве.

В бреду и в хмельном азарте
Отдаться лихой игре,
Стоять за Родзянку в марте,
За большевиков в октябре.

Толпиться по коридорам
Таврического дворца,
Не видя буржуйным спорам
Ни выхода, ни конца.

Оборотиться к собранью,
Рукою поправить ус,
Хлестнуть площадною бранью,
На ухо заломив картуз.

И, показавшись толковым,—
Ввиду особых заслуг
Быть посланным с Муравьевым
Для пропаганды на юг.

Идти запущенным садом.
Щупать замок штыком.
Высаживать дверь прикладом.
Толпою врваться в дом.

У бочек выломав днища,
В подвал выпускать вино,
Потом подпалить горище
Да выбить плечом окно.

В Раздельной, под Красным Рогом
Громить поместья и прочь
В степях по грязным дорогам
Скакать в осеннюю ночь.

Забравши весь хлеб, о «свободах»
Размазывать мужикам.
Искать лошадей в комодах
Да пушек по коробкам.

Палить из пулеметов:
Кто? С кем? Да не всё ль равно?
Петлюра, Григорьев, Котов,
Таранов или Махно...

Слоняться буйной оравой.
Стать всем своим невтерпеж.
И умереть под канавой
Расстрелянным за грабеж.

*16 июня 1919
Коктебель*

247. Матрос
(1918)

Широколиц, скуласт, угрюм,
Голос осиплый, тяжкодум,
В кармане — браунинг и напилоч,
Взгляд мутный, злой, как у дворняг,
Фуражка с лентою «Варяг»,
Сдвинутая на затылок.
Татуированный дракон
Под синей форменной рубашкой,
Браслеты, в перстне кабошон,
И красный бант с алмазной пряжкой.
При Керенском, как прочий флот,
Он был правительству оплот,
И Баткин был его оратор,
Его герой — Колчак. Когда ж
Весь черноморский экипаж
Сорвал приезжий агитатор,
Он стал большевиком, и сам
На мушку брал да ставил к стенке,
Топил, устраивал застенки,
Ходил к кавказским берегам
С «Пронзительным» и с «Фидониси»,
Ругал царя, грозил Алисе;
Входя на миноноске в порт,
Кидал небрежно через борт:
«Ну как? Буржуи ваши живы?»
Устроить был всегда не прочь
Варфоломеевскую ночь,
Громил дома, ища поживы,

Грабил награбленное, пил,
Швыряя керенки без счета,
И вместе с Саблиным топил
Последние остатки флота.

Так целый год прошел в бреду.
Теперь, вернувшись в Севастополь,
Он носит красную звезду
И, глядя вдаль на пыльный тополь,
На Инкерманский известняк,
На мертвый флот, на красный флаг,
На илистые водоросли
Судов, лежащих на боку,
Угрюмо цедит земляку:
«Возьмем Париж... весь мир... а после
Передадимся Колчаку».

*14 июня 1919
Коктебель*

248. Большевик
(1918)

Памяти Барсова

Зверь зверем. С крученкой во рту.
За поясом два пистолета.
Был председателем «Совета»,
А раньше грузчиком в порту.

Когда матросы предлагали
Устроить к завтрашнему дню
Буржуев общую резню
И в город пушки направляли, —

Всем обращавшимся к нему
Он заявлял спокойно волю:
— «Буржуй здесь мой, и никому
Чужим их резать не позволю».

Гроза прошла на этот раз:
В нем было чувство человечье —
Как стадо он буржуев пас:
Хранил, но стриг руно овечье.

Когда же вражеская рать
Сдавила юг в германских кольцах,
Он убежал. Потом опять
Вернулся в Крым при добровольцах.

Был арестован. Целый год
Сидел в тюрьме без обвиненья
И наскоро «внесен в расход»
За два часа до отступленья.

*25 августа 1919
Коктебель*

249. Феодосия
(1918)

Сей древний град — богоспасаем
(Ему же имя «Богом дан») —
В те дни был социальным раем.
Из дальних черноморских стран
Солдаты навезли товару
И бойко продавали тут
Орехи — сто рублей за пуд,
Турчанок — пятьдесят за пару —
На том же рынке, где рабов
Славянских продавал татарин.
Наш мир культурой не состарен,
И торг рабами вечно нов.
Хмельные от лихой свободы,
В те дни спасались здесь народы:
Затравленные пароходы
Врывались в порт, тушили свет,
Толкались в пристань, швартовались,
Спускали сходни, разгружались
И шли захватывать «Совет».
Мелькали бурки и халаты,
И пулеметы и штыки,
Румынские большевики
И трапезундские солдаты,
«Семерки», «Тройки», «Рымчерод»,
И «Центрослух», и «Центрофлот»,
Толпы одесских анархистов,
И анархистов-коммунистов,
И анархистов-террористов:
Специалистов из громил.

В те дни понятия так смешались,
Что Господа буржуй молил,
Чтобы у власти продержались
Остатки большевицких сил.
В те дни пришел сюда посольством
Турецкий крейсер, и Совет
С широким русским хлебосольством
Дал политический банкет.
Сменял оратора оратор.
Красноречивый агитатор
Приветствовал, как брата брат,
Турецкий пролетариат,
И каждый с пафосом трибуна
Свой тост эффектно заключал:
— «Итак: да здравствует Коммуна
И Третий Интернационал!»
Оратор клал на стол окурок...
Тогда вставал почтенный турок —
В мундире, в феске, в орденах —
И отвечал в таких словах:
— «Я вижу... слышу... помнить стану...
И обо всем, что видел, — сам
С отменным чувством передам
Его Величеству — Султану».

24 августа 1919
Коктебель

250. Буржуй
(1919)

Буржуя не было, но в нем была потребность:
Для революции необходим капиталист,
Чтоб одолеть его во имя пролетариата.

Его слепили наскоро: из лавочников, из купцов,
Помещиков, кадет и акушерок.
Его смешали с кровью офицеров,
Прожгли, сплавил в застенках Чрезвычайек,
Гражданская война дохнула в его уста...
Тогда он сам поверил в свое существованье
И начал быть.

Но бытие его сомнительно и призрачно,
Душа же негативна.
Из человеческих чувств ему доступны три:
Страх, жадность, ненависть.

Он воплощался на бегу
Меж Киевом, Одессой и Ростовом.
Сюда бежал он под защиту добровольцев,
Чья армия возникла лишь затем,
Чтоб защищать его.
Он ускользнул от всех ее наборов —
Зато стал сам героем, как они.

Из всех военных качеств он усвоил
Себе одно: спастись от врагов.
И сделался жесток и беспощаден.

Он не может без гнева видеть
Предателей, что не бежали за границу
И, чтоб спасти какие-то лоскутья
Погибшей родины,
Пошли к большевикам на службу:
«Тем хуже, что они предотвращали
Убийства и спасали ценности культуры:
Они им помешали себя ославить до конца,
И жаль, что их самих еще не расстреляли».

Так мыслит каждый сознательный буржуй.
А те из них, что любят русское искусство;
Прибавляют, что, взяв Москву, они повесят сами
Максима Горького
И расстреляют Блока.

*17 августа 1919
Коктебель*

251. Спекулянт
(1919)

Кишмя кишеть в кафе у Робина,
Шнырять в Ростове, шмыгать по Одессе,
Кипеть на всех путях, вползать сквозь все затворы,
Менять все облики,
Все масти, все оттенки,
Быть торговцем, попом и офицером,
То русским, то германцем, то евреем,
При всех режимах быть неистребимым,
Всепроникающим, всеядным, вездесущим,
Жонглировать то совестью, то ситцем,
То спичками, то родиной, то мылом,
Творить известья, зажигать пожары,
Бунты и паники; одним прикосновеньем
Удорожать в четыре, в сорок, во сто,
Пускать под небо цены, как ракеты,
Сделать в три дня неуловимым,
Неосязаемым тучнейший урожай,
Владеть всей властью магии:
Играть на бирже
Землей и воздухом, водою и огнем;
Осуществить мечту о превращеньи
Веществ, страстей, программ, событий, слухов
В золото, а золото – в бумажки,
И замести страну их пестрою метелью,
Рождать из тучи град золотых монет,
Россию превратить в быка,
Везущего Европу по Босфору,
Осуществить воочью
Все рассказы былых метаморфоз,

Все таинства божественных мистерий,
Пресуществлять за трапезой вино и хлеб
Миллионами пудов и тысячами бочек –
В озера крови, в груды смрадной плоти,
В два года распродать империю,
Замызгать, заплевать, загадить, опозорить,
Кишет, как червь, в ее разверстом теле,
И расползтись, оставив в поле кости
Сухие, мертвые, ошмыганные ветром.

*16 августа 1919
Коктебель*

VI

УСОБИЦА

252. Гражданская война

Одни восстали из подполий,
Из ссылок, фабрик, рудников,
Отравленные темной волей
И горьким дымом городов.

Другие — из рядов военных,
Дворянских разоренных гнезд,
Где проводили на погост
Отцов и братьев убиенных.

В одних доселе не потух
Хмель незапамятных пожаров,
И жив степной, разгульный дух
И Разиных, и Кудеяров.

В других — лишенных всех корней —
Тлетворный дух столицы Невской:
Толстой и Чехов, Достоевский —
Надрыв и смута наших дней.

Одни возносят на плакатах
Свой бред о буржуазном зле,
О светлых пролетариатах,
Мещанском рае на земле...

В других весь цвет, вся гниль империй,
Всё золото, весь глени идей,
Блеск всех великих фетишей
И всех научных суеверий.

Одни идут освобождать
Москву и вновь сковать Россию,
Другие, разнуздав стихию,
Хотят весь мир пересоздать.

В тех и в других война вдохнула
Гнев, жадность, мрачный хмель разгула,
А вслед героям и вождям
Крадется хищник стаей жадной,
Чтоб мощь России неоглядной
Размыкать и продать врагам:

Сгноить ее пшеницы груды,
Ее бесчестить небеса,
Пожрать богатства, сжечь леса
И высосать моря и руды.

И не смолкает грохот битв
По всем просторам южной степи
Средь золотых великолепий
Конями вытопанных жнитв.

И там и здесь между рядами
Звучит один и тот же глас:
«Кто не за нас — тот против нас.
Нет безразличных: правда с нами».

А я стою один меж них
В ревушем пламени и дыме
И всеми силами своими
Молюсь за тех и за других.

*21 ноября 1919
Коктебель*

253. Плаванье

(Одесса - Ак-Мечеть. 10-15 мая)

Посв. Т. Цемах

Мы пятый день плывем, не опуская
Поднятых парусов,
Ночуя в устьях рек, в лиманах, в лукоморьях,
Где полная луна цветет по вечерам.

Днем ветер гонит нас вдоль плоских,
Пустынных отмелей, кипящих белой пеной.
С кормы возвышенной, держась за руль резной,
Я вижу,
Как пляшет палуба,
Как влажною парчою
Сверкают груди вод, а дальше —
Сквозь переплет снастей — пустынный оком.
Плеск срезанной волны,
Тугие скрипы мачты,
Журчанье под кормой
И неподвижный парус...

А сзади — город,
Весь в красном исступленьи
Расплесканных знамен,
Весь воспаленный гневом и страхом,
Ознобом слухов, дрожью ожиданий,
Томимый голодом, поветриями, кровью,
Где поздняя весна скользит украдкой
В прозрачном кружеве акаций и цветов.

А здесь безветрие, безмолвие, бездонность...
И небо и вода — две створы
Одной жемчужницы.
В лучистых паутинах застыло солнце.
Корабль повис в пространствах облачных,
В сиянии притупленном и дымном.

Вон виден берег твоей земли —
Иссушенной, поlynной, каменистой,
Усталой быть распутием народов и племен.

Тебя свидетелем безумий их поставлю
И проведу тропюю лезвийной
Сквозь пламена войны
Братоубийственной, напрасной, безысходной,
Чтоб ты пронес в себе великое молчанье
Закатного, мерцающего моря.

12 июня 1919
Коктебель

254. Бегство

Посв. матросам М., В., Б.

Кто верит в жизнь, тот верит чуду
И счастье сам в себе несет...
Товарищи, я не забуду
Наш черноморский переход!

Одесский порт, баркасы, боты,
Фелюк пузатые борта,
Снастей живая теснота:
Канаты, мачты, стеньги, шкоты...

Раскраску пестрых их боков,
Линялых, выеденных солью
И солнцем выжженных тонов,
Привыкших к водному раздолью.

Якорь, опертый на бизань, —
Бурый, с клешнями, как у раков,
Покинутая Березань,
Полуразрушенный Очаков.

Уж видно Тендрову косу
И скрылись черни рош Кинбурна...
Крепчает ветер, дышит бурно
И треплет кливер на носу.

То было в дни, когда над морем
Господствовал французский флот
И к Крыму из Одессы ход
Для мореходов был затворен.

К нам миноносец подбегал,
Опрашивал, смотрел бумагу...
Я – буржуа изображал,
А вы – рыбацкую ватагу.

Когда нас быстрый пулемет
Хлестнул в заливе Ак-Мечети,
Как помню я минуты эти
И вашей ругани полет!

Потом поместья Воронцовых
И ночью резвый бег коней
Среди гниющих Сивашей,
В снегах равнин солончаковых.

Мел белых хижин под луной,
Над дальним морем блеск волшебный,
Степных угодий запах хлебный –
Коровий, влажный и парной.

И русые при первом свете
Поля... И на краю полей
Евпаторийские мечети
И мачты пленных кораблей.

*17 июня 1919
Коктебель*

255. Северовосток (1920)

«Да будет благословен приход твой,
Бич Бога, которому я служу, и не мне
останавливать тебя».

*Слова св. Лу, архиепископа Турского,
обращенные к Аттиле*

Расплясались, разгулялись бесы
По России вдоль и поперек.
Рвет и крутит снежные завесы
Выстуженный северовосток.

Ветер обнаженных плоскогорий,
Ветер тундр, полесий и поморий,
Черный ветер ледяных равнин,
Ветер смут, побоищ и погромов,
Медных зорь, багровых окоёмов,
Красных туч и пламенных годин.

Этот ветер был нам верным другом
На распутьях всех лихих дорог:
Сотни лет мы шли навстречу вьюгам
С юга вдаль — на северо-восток.
Войте, вейте, снежные стихии,
Заметая древние гроба:
В этом ветре вся судьба России —
Страшная безумная судьба.

В этом ветре гнет веков свинцовых:
Русь Малют, Иванов, Годуновых,
Хищников, опричников, стрельцов,
Свежевателей живого мяса,
Чертогона, вихря, свистопляса:
Быль царей и явь большевиков.

Что менялось? Знаки и возглавья.
Тот же ураган на всех путях:
В комиссарах — дурь самодержавья,
Взрывы революции в царях.
Вздеть на виску, выбить из подклетья,
И швырнуть вперед через столетья
Вопреки законам естества —
Тот же хмель и та же трын-трава.
Ныне ль, даве ль — всё одно и то же:
Волчи морды, машкеры и рожи,
Спертый дух и одичалый мозг,
Сыск и кухня Тайных Канцелярий,
Пьяный гик осатанелых тварей,
Жгучий свист шпицрутенов и розг,
Дикий сон военных поселений,
Фаланстер, парадов и равнений,
Павлов, Аракчеевых, Петров,
Жутких Гатчин, страшных Петербургов,
Замыслы неистовых хирургов
И размах заплечных мастеров.

Сотни лет тупых и зверских пыток,
И еще не весь развернут свиток
И не замкнут список палачей,
Бред Разведок, ужас Чрезвычайек —
Ни Москва, ни Астрахань, ни Яик
Не видали времени горчей.

Бей в лицо и режь нам грудь ножами,
Жги войной, усобьем, мятежами —
Сотни лет навстречу всем ветрам
Мы идем по ледяным пустыням —
Не дойдем и в снежной вьюге сгинем
Иль найдем поруганный наш храм, —

Нам ли весить замысел Господний?
Всё поймем, всё вынесем, любя, —
Жгучий ветер полярной преисподней,
Божий Бич! приветствую тебя.

31 июля 1920
Коктебель

256. Бойня

(Феодосия, декабрь 1920)

Отчего, встречаясь, бледнеют люди
И не смеют друг другу глядеть в глаза?
Отчего у девушек в белых повязках
Восковые лица и круги у глаз?

Отчего под вечер пустеет город?
Для кого солдаты оцепляют путь?
Зачем с таким лязгом распахивают ворота?
Сегодня сколько? полтора? сто?

Куда их гонят вдоль черных улиц,
Ослепших окон, глухих дверей?
Как рвет и крутит восточный ветер,
И жжет, и режет, и бьет плетью!

Отчего за Чумной, по дороге к свалкам
Брошен скомканный кружевной платок?
Зачем уронен клочок бумаги?
Перчатка, нательный крестик, чулок?

Чье имя написано карандашом на камне?
Что нацарапано гвоздем на стене?
Чей голос грубо оборвал команду?
Почему так сразу стихли шаги?

Что хлестнуло во мраке так резко и четко?
Что делали торопливо и молча потом?
Зачем, уходя, затащили песню?
Кто стонал так долго, а после стих?

Чье ухо вслушивалось в шорохи ночи?
Кто бежал, оставляя кровавый след?
Кто стучался и бился в ворота и ставни?
Раскрылась ли чья-нибудь дверь перед ним?

Отчего пред рассветом к исходу ночи
Причитает ветер за Карантином:
— «Носят ведрами спелые грозды,
Валят ягоды в глубокий ров.

Ах, не грозды носят — юношей гонят
К черному точилу, дают вино,
Пулеметом дробят их кости и кольем
Протыкают яму до самого дна.

Уж до края полно давило кровью,
Зачервленели терновник и полынь кругом.
Прохватит морозом свежие грозды,
Зажелтеет плоть, заиндевеют волоса».

Кто у часовни Ильи Пророка
На рассвете плачет, закрывая лицо?
Кого отгоняют прикладами солдаты:
— «Не реви — собакам собачья смерть!»

А она не уходит, а всё плачет и плачет
И отвечает солдату, глядя в глаза:
— «Разве я плачу о тех, кто умер?
Плачу о тех, кому долго жить...»

18 июля 1921
Коктебель

257. Террор

Собирались на работу ночью. Читали
Донесенья, справки, дела.
Торопливо подписывали приговоры.
Зевали. Пили вино.

С утра раздавали солдатам водку.
Вечером при свече
Выкликали по спискам мужчин, женщин.
Сгоняли на темный двор.

Снимали с них обувь, белье, платье.
Связывали в тюки.
Грузили на подводу. Увозили.
Делили кольца, часы.

Ночью гнали разутых, голых
По оледенелым камням,
Под северо-восточным ветром
За город в пустыри.

Загоняли прикладами на край обрыва.
Освещали ручным фонарем.
Полминуты работали пулеметы.
Доканчивали штыком.

Еще недобитых валили в яму.
Торопливо засыпали землей.
А потом с широкою русскою песней
Возвращались в город домой.

А к рассвету пробирались к тем же оврагам
Жены, матери, псы.
Разрывали землю. Грызлись за кости.
Целовали милую плоть.

26 апреля 1921
Симферополь

258. Красная Пасха

Зимою вдоль дорог валялись трупы
Людей и лошадей. И стаи псов
Въедались им в живот и рвали мясо.
Восточный ветер выл в разбитых окнах.
А по ночам стучали пулеметы,
Свистя, как бич, по мясу обнаженных
Мужских и женских тел.

Весна пришла
Зловещая, голодная, больная.
Глядело солнце в мир незрячим оком.
Из сжатых чресл рождались недоноски
Безрукие, безглазые... Не грязь,
А сукровица поползла по скатам.
Под талым снегом обнажались кости.
Подснежники мерцали точно свечи.
Фиалки пахли гнилью. Ландыш – тленьем.
Стволы дерев, обглоданных конями
Голодными, торчали непристойно,
Как ноги трупов. Листья и трава
Казались красными. А зелень злаков
Была опалена огнем и гноем.
Лицо природы искажалось гневом
И ужасом.

А души вырванных
Насильственно из жизни вились в ветре,
Носились по дорогам в пыльных вихрях,
Безумили живых могильным хмелем
Неизжитых страстей, неутоленной жизни,
Плодили мщенье, панику, заразу...

Зима в тот год была Страстной неделей,
И красный май сплелся с кровавой Пасхой,
Но в ту весну Христос не воскресал.

21 апреля 1921

Симферополь

259. Терминология

«Брали на мушку», «ставили к стенке»,
«Списывали в расход» —
Так изменялись из года в год
Речи и быта оттенки.
«Хлопнуть», «угробить», «отправить на шлёпку»,
«К Духонину в штаб», «разменять» —
Проще и хлеще нельзя передать
Нашу кровавую трепку.
Правду выпытывали из-под ногтей,
В шею вставляли фугасы,
«Шили погоны», «кроили лампасы»,
«Делали однорогих чертей».
Сколько понадобилось лжи
В эти проклятые годы,
Чтоб разъярить и поднять на ножи
Армии, классы, народы.
Всем нам стоять на последней черте,
Всем нам валяться на вшивой подстилке,
Всем быть распластанным с пулей в затылке
И со штыком в животе.

*29 апреля 1921
Симферополь*

260. Голод

Хлеб от земли, а голод от людей:
Засеяли расстрелянными — всходы
Могильными крестами проросли:
Земля иных побегов не взрастила.
Снедь прятали, скупали, отымали,
Налоги брали хлебом, отбирали
Домашний скот, посевное зерно:
Крестьяне сеять выезжали ночью.

Голодные и поползни червями
По осени вдоль улиц поползли.
Толпа на хлеб палилась по базарам.
Вора валили на землю и били
Ногами по лицу. А он краюху,
В грязь пряча голову, старался заглотнуть.
Как в воробьев, стреляли по мальчишкам,
Сбиравшим просыпь зерен на путях,
И угличские отроки валялись
С орешками в окоченелой горстке.

Землю тошнило трупами, — лежали
На улицах, смердели у мертвецких,
В разверстых ямах гнили на кладбищах.
В оврагах и по свалкам костяки
С обрезанною мякотью валялись.
Глодали псы оторванные руки
И головы. На рынке торговали
Дешевым студнем, тошной колбасой.
Баранина была в продаже — триста,
А человечина — по сорока.

Душа была давно дешевле мяса.
И матери, зарезавши детей,
Засаливали впрок. «Сама родила —
Сама и съем. Еще других рожу»...

Голодные любились и рожали
Багровые орущие куски
Бессмысленного мяса: без суставов,
Без пола и без глаз. Из смрада — язвы,
Из ужаса поветрия рождались.
Но бред больных был менее безумен,
Чем обыденщина постелей и котлов.

Когда ж сквозь зимний сумрак закурилась
Над человеческим гноищем весна
И пламя побежало язычками
Вширь по полям и ввысь по голым прутьям, —
Благоуханье показалось оскорбленьем,
Луч солнца — издевательством, цветы — кошунством.

13 января 1923

Коктебель

261. На дне преисподней

Памяти А. Блока и Н. Гумилева

С каждым днем всё диче и всё глуше
Мертвенная цепенеет ночь.
Смрадный ветер, как свечи, жизни тушит:
Ни позвать, ни крикнуть, ни помочь.

Темен жребий русского поэта:
Неисповедимый рок ведет
Пушкина под дуло пистолета,
Достоевского на эшафот.

Может быть, такой же жребий выну,
Горькая детоубийца — Русь!
И на дне твоих подвалов сгину,
Иль в кровавой луже поскользнусь,
Но твоей Голгофы не покину,
От твоих могил не отрекнусь.

Доконает голод или злоба,
Но судьбы не изберу иной:
Умирать, так умирать с тобой,
И с тобой, как Лазарь, встать из гроба!

*12 января 1922
Коктебель*

262. Готовность

Посв. С. Дурылину

Я не сам ли выбрал час рожденья,
Век и царство, область и народ,
Чтоб пройти сквозь муки и крещение
Совести, огня и вод?

Апокалиптическому Зверю
Вверженный в зияющую пасть,
Павший глубже, чем возможно пасть,
В скрежете и в смраде — верю!

Верю в правоту верховных сил,
Расковавших древние стихии,
И из недр обугленной России
Говорю: «Ты прав, что так судил!

Надо до алмазного закала
Прокалить всю толщу бытия.
Если ж дров в плавильной печи мало:
Господи! Вот плоть моя».

*24 октября 1921
Феодосия*

263. Потомкам
(Во время террора)

Кто передаст потомкам нашу повесть?
Ни записи, ни мысли, ни слова
К ним не дойдут: все знаки слижет пламя
И выест кровь слепые письма.
Но, может быть, благоговейно память
Случайный стих изустно сохранит.
Никто из вас не ведал то, что мы
Изжили до конца, вкусили полной мерой:
Свидетели великого распада,
Мы видели безумья целых рас,
Крушенья царств, косматые светила,
Прообразы Последнего Суда:
Мы пережили Илиады войн
И Апокалипсисы революций.

Мы вышли в путь в закатной славе века,
В последний час всемирной тишины,
Когда слова о зверствах и о войнах
Казались всем неповторимой сказкой.
Но мрак и брань, и мор, и трус, и глад
Застигли нас посереде дороги:
Разверзлись хляби душ и недра жизни,
И нас слизнул ночной водоворот.
Стал человек — один другому — дьявол;
Кровь — спайкой душ; борьба за жизнь — законом;
И долгом — месть.

Но мы не покорились:
Ослушники законов естества —
В себе самих укрыли наше солнце,

На дне темниц мы выносили силу
Неодолимую любви, и в пытках
Мы выучились верить и молиться
За палачей, мы поняли, что каждый
Есть пленный ангел в дьявольской личине,
В огне застенков выплавили радость
О преосуществленьи человека,
И никогда не грезили прекрасней
И пламенной его последних судеб.

Далекие потомки наши, знайте,
Что если вы живете во вселенной,
Где каждая частица вещества
С другою слита жертвенной любовью
И человечеством преодолен
Закон необходимости и смерти,
То в этом мире есть и наша доля!

*21 мая 1921
Симферополь*

VII

ВОЗНОШЕНИЯ

264. Посев

Как земледел над грудой веских зерен,
Отобранных к осеннему посеву,
Склоняется, обеими руками
Зачерпывая их, и весит в горсти,
Чуя
Их дух, их теплоту и волю к жизни,
И крестит их, —

 так я, склонясь над Русью,
Крещу ее — от лба до поясницы,
От правого до левого плеча:
И, наклонясь, коленопреклоненно
Целую средоточье всех путей —
Москву.

Земля готова к озимому посеву,
И вдоль, и поперек глубоким плугом
Она разодрана, вся пахоть дважды, трижды
Железом перевернута,
Напитана рудой — живой, горючей, темной,
Полита молоньей, скорожена громами,
Пшеница ядрена под Божьими цепами,
Зернь переполнена тяжелой, дремной жизнью,
И семя светится голубоватым, тонким,
Струистым пламенем...

Да будет горсть полна,
Рука щедра в размахе
И крепок сеятель!
Благослови посев свой, Иисусе!

11 ноября 1919
Коктебель

265. Заклинание

(от усобиц)

Из крови, пролитой в боях,
Из праха обращенных в прах,
Из мук казненных поколений,
Из душ, крестившихся в крови,
Из ненавидящей любви,
Из преступлений, исступлений —
Возникнет праведная Русь.

Я за нее за всю молюсь
И верю замыслам предвечным:
Ее куют ударом мечным,
Она мостится на костях,
Она святится в ярых битвах,
На жгучих строится мощах,
В безумных плавится молитвах.

*19 июня 1920
Коктебель*

266. Молитва о городе
(Феодосия - весной 1918 г.)

С. А. Толузакову

И скуден, и неукрашен
Мой древний град
В венце генуэзских башен,
В тени аркад;
Среди иссякших фонтанов,
Хранящих герб
То дождей, то крымских ханов —
Звезду и серп;
Под сенью тощих акаций
И тополей,
Средь пыльных галлюцинаций
Седых камней,
В стенах церквей и мечетей
Давно храня
Глухой перегар столетий
И вкус огня;
А в складках холмов охряных —
Великий сон:
Могильники безымянных
Степных племен;
А дальше — зыбь горизонта
И пенный вал
Негостеприимного Понта
У желтых скал.

Войны, мятежей, свободы
Дул ураган;
В сраженьях гибли народы

Далеких стран;
Шатался и пал великий
Имперский столп;
Росли, приближаясь, клики
Взметённых толп;
Суда бороздили воды,
И борт о борт
Заржавленные пароходы
Врывались в порт;
На берег сбегали люди,
Был слышен треск
Винтовок и гул орудий,
И крик, и плеск,
Выламывали ворота,
Вели сквозь строй,
Расстреливали кого-то
Перед зарей.

Блуждая по перекресткам,
Я жил и гас
В безумьи и в блеске жестком
Враждебных глаз;
Их горечь, их злость, их муку,
Их гнев, их страсть,
И каждый курок, и руку
Хотел заковать.
Мой город, залитый кровью
Внезапных битв,
Покрыть своею любовью,
Кольцом молитв,
Собрать тоску и огонь их
И вознести
На распростертых ладонях:
Пойми... прости!

*2 июня 1918
Коктебель*

267. Видение Иезекииля

Бог наш есть огонь поядающий. Твари
Явлен был свет на реке на Ховаре.
В буре клубящейся двигался он —
Облак, несомый верховными силами —
Четверорукими, шестерокрылыми,
С бычьими, птичьими и человеческими,
Львиными ликами с разных сторон.
Видом они точно угли горящие,
Ноги прямые и медью блестящие,
Лики, как свет раскаленных лампад,
И вопиющие, и говорящие,
И воззывающе к Господу: «Свят!
Свят! Вседержитель!» А около разные,
Цветом похожи на камень топаз,
Вихри и диски, колеса алмазные,
Дымные ободы, полные глаз.
А над животными — легкими сводами —
Крылья, простертые в высоту,
Схожие шумом с гудящими водами,
Переполюющими пустоту.
Выше же вышних, над сводом всемирным,
Тонким и синим повитым огнем,
В радужной славе, на троне сапфирном,
Огненный облик, гремящий, как гром.
Был я покрыт налетевшей грозой,
Бурею крыльев и вихрем колес.
Ветр меня поднял с земли и вознес...
Был ко мне голос:

«Иди предо Мною —

В землю Мою, возвестить ей позор!
Перед лицом Моим – ветер пустыни,
А по стопам Моим – язва и мор!
Буду судиться с тобою Я ныне.

Мать родила тебя ночью в полях,
Пуп не обрезала и не омыла,
И не осолила и не повила,
Бросила дочь на поприще в прах...
Я ж тебе молвил: живи во кровях!
Выросла смуглой и стройной, как колос,
Грудь поднялась, закурчавился волос,
И округлился, как чаша, живот...
Время любви твоей было... И вот
В полдень лежала ты в поле нагая,
И проходил и увидел тебя Я,
Край моих риз над тобою простер,
Обнял, омыл твою кровь, и с тех пор
Я сочетался с рабою Моею.
Дал тебе плат, кисею на лицо,
Перстни для рук, ожерелье на шею,
На уши серьги, в ноздри кольцо,
Пояс, запястья, венец драгоценный
И покрывала из тканей сквозных...
Стала краса твоя совершенной
В великолепных уборах Моих.
Хлебом пшеничным, елеем и медом
Я ль не вскормил тебя щедрой рукой?
Дальним известна ты стала народам
Необычайною красотой.
Но, упоенная славой и властью,
Стала мечтать о красивых мужах
И распалаясь нечистою страстью
К изображениям на стенах.
Между соседей рождая усобья,
Стала распутной – ловка и хитра,

Ты сотворяла мужские подобья —
Знаки из золота и серебра.
Строила вышки, скликала прохожих
И блудодеяла с ними на ложах,
На перекрестках путей и дорог,
Ноги раскидывала перед ними,
Каждый, придя, оголить тебя мог
И насладиться сосцами твоими.
Буду судиться с тобой до конца:
Гнев изолью, истошу свою ярость,
Семя сотру, прокляну твою старость,
От Моего не укрыться лица!
Всех созову, что блудили с тобою,
Платье сорву и оставлю нагою,
И обнажу перед всеми твой срам,
Темя обрею; связавши ремнями,
В руки любовников прежних предам,
Пусть тебя бьют, побивают камнями,
Хлещут бичами нечистую плоть,
Станешь бесплодной и стоптанной нивой...
Ибо любима любовью ревнивой —
Так говорю тебе Я — твой Господь!»

*21 января 1918
Коктебель*

268. Иуда-апостол

И когда приблизился праздник Пасхи,
В первый день опресноков в час вечерний
Он возлег за трапезу — с ним двенадцать
В горнице чистой.
Хлеб, преломивши, роздал:
«Это тело Мое, сегодня в жертву приносимое.
Так творите».
А когда окончили ужин,
Поднял Он чашу:
«Это кровь Моя, за вас проливаемая.
И рука прольющего между вами».
Спор возник между учениками:
Кто из них больший?
Он же говорит им:
«В этом мире цари первенствуют:
Вы же не так — кто больший, будет как меньший.
Завещаю вам Свое царство.
Сядете судить на двенадцать тронов,
Но одним из вас Я буду предан.
Так предназначено, но предателю горе!»
И в смущеньи ученики шептали: «Не я ли?»
Он же, в соль обмакнув кусок хлеба,
Подав Иуде
И сказал: «Что делаешь — делай».
Тот же, съев кусок, тотчас же вышел:
Дух земли — Сатана — вошел в Иуду. —
Вещий и скорбный.

Все двенадцать вина и хлеба вкусили,
Причастившись плоти и крови Христовой,
А один из них земле причастился
Солью и хлебом.

И никто из одиннадцати не понял,
Что сказал Иисус,
Какой Он подвиг возложил на Иуду
Горьким причастием.

Так размышлял однажды некий священник
Ночью в древнем соборе Парижской Богоматери
И воскликнул:

«Боже, верю глубоко,
Что Иуда – Твой самый старший и верный
Ученик, что он на себя принял
Бремя всех грехов и позора мира,
Что, когда Ты вернешься судить землю,
И померкнет солнце от Твоего гнева,
И сорвутся с неба в ужасе звезды,
Встанет он, как дымный уголь, из бездны,
Опаленный всею проказой мира,
И сядет рядом с Тобою!
Дай мне знак, что так будет!»

В то же мгновенье
Сухие и властные пальцы
Легли ему на уста. И в них узнал он
Руку Иуды.

*11 ноября 1919
Коктебель*

269. Святой Франциск

Ходит по полям босой монашек,
Созывает птиц, рукою машет,
И тростит ногами, точно пляшет,
И к плечу полено прижимает,
Палкой как на скрипочке играет,
Говорит, поет и причитает:

«Брат мой, Солнце! старшее из тварей,
Ты восходишь в славе и пожаре,
Ликом схоже с обликом Христовым,
Одеваешь землю пламенным покровом.
Брат мой, Месяц, и сестрички, звезды,
В небе Бог развесил вас, как грозды,
Братец ветер, ты гоняешь тучи,
Подметаешь небо, вольный и летучий.

Ты, водица, милая сестрица,
Сотворил тебя Господь прекрасной,
Чистой, ясной, драгоценной,
Работающей и смиренной.

Брат огонь, ты освещаешь ночи,
Ты прекрасен, весел, яр и красен.
Матушка земля, ты нас питаешь
И для нас цветами расцветашь.

Брат мой тело, ты меня одело,
Научило боли и смиренью, и терпенью,
А чтоб души наши не угасли,
Бог тебя болезнями украсил.

Смерть земная – всем сестра старшая,
Ты ко всем добра, и все смиренно
Через тебя проходят, будь благословенна!»

Вереницами к нему слетались птицы,
Стаями летали над кустами,
Легкокрылым кругом окружали,
Он же говорил им:

«Пташки-птички, милые сестрички,
И для вас Христос сходил на землю.
Оком множеств ваших не объеблю.
Вы в полях не сеете, не жнете,
Лишь клюете зерна да поете;
Бог вам крылья дал да вольный воздух,
Перьями одел да научил вить гнезда,
Вас в ковчеге приютил попарно:
Божьи птички, будьте благодарны!
Неустанно Господа хвалите,
Щебечите, пойте и свистите!»

Приходили, прибежали, приползали
Через кусты, камня и ограды
Звери кроткие и лютые и гады.
И, крестя их, говорил он волку:
«Брат мой волк, и вьявь, и втихомолку
Убивал ты Божия творенья
Без Его на это разрешенья.
На тебя все ропщут, негодуя:
Помирить тебя с людьми хочу я.
Делать зло тебя толкает голод.
Дай мне клятву от убийства воздержаться,
И тогда дела твои простятся.
Люди все твои злодеяния позабудут,
Псы тебя преследовать не будут,
И, как странникам, юродивым и нищим,
Каждый даст тебе и хлеб, и пищу.

Братья-звери, будьте крепки в вере:
Царь Небесный твари бессловесной
В пастухи дал голод, страх и холод,
Научил смиренность, мукам и терпению».

И монашка звери окружали,
Перед ним колени преклоняли,
Ноги прободенные ему лизали.
И синели благостные дали,
По садам деревья расцветали,
Вишеньем дороги устилали,
На лугах цветы благоухали,
Агнец с волком рядышком лежали,
Птицы пели и ключи журчали,
Господа хвалою прославляли.

23 ноября 1919
Коктебель

270. Заклятье о Русской земле

Встану я помолясь,
Пойду перекрестясь,
Из дверей в двери,
Из ворот в ворота —
Утренними тропами,
Огненными стопами,
Во чисто поле,
На бел-горюч камень.

Стану я на восток лицом,
На запад хребтом,
Оглянусь на все четыре стороны:
На семь морей,
На три океана,
На семьдесят семь племен,
На тридцать три царства —
На всю землю Свято-Русскую.

Не слышать людей,
Не видать церквей,
Ни белых монастырей, —
Лежит Русь —
Разоренная,
Кровавленная, опаленная.
По всему полю —
Дикому — Великому —
Кости сухие — пустые,
Мертвые — желтые,
Саблей сечены,
Пулей мечены,
Коньми топтаны.

Ходит по полю железный Муж,
Бьет по костям
Железным жезлом:
«С четырех сторон,
С четырех ветров
Дохни, Дух!
Оживи кость!»

Не пламя гудит,
Не ветер шуршит,
Не рожь шелестит —
Кости шуршат,
Плоть шелестит,
Жизнь разгорается...

Как с костью кость сходится,
Как плотью кость одевается,
Как жилой плоть зашивается,
Как мышцей плоть собирается, —
Так —
 встань, Русь! подымись,
Оживи, соберись, срастись —
Царство к царству, племя к племени.

Кует кузнец золотой венец —
Обруч кованный:
Царство Русское
Собирать, сковать, заклепать
Крепко-накрепко,
Туго-натуго,
Чтоб оно — Царство Русское —
Не рассыпалось,
Не расплавилось,
Не расплескалось...

Чтобы мы его — Царство Русское —
В гульбе не разгуляли,

В плясне не расплясали,
В торгах не расторговали,
В словах не разговорили,
В хвастне не расхвастали.

Чтоб оно – Царство Русское –
Рдело-зорилось
Жизнью живых,
Смертью святых,
Муками мученных.

Будьте, слова мои, крепки и лепки,
Сольче соли,
Жгучей пламени...
Слова замкну,
А ключи в Море-Океан опущу.

23 июля (5 августа) 1919
Коктебель

VIII

271. Россия

1

С Руси тянуло выстуженным ветром.
Над Карадагом сбились груды туч.
На берег опрокидывались волны,
Нечастые и тяжкие. Во сне,
Как тяжело больной, вздыхало море,
Ворочаясь со стоном. Этой ночью
Со дна души вздувалось, нагрубало
Мучительно-бесформенное чувство —
Безмерное и смутное — Россия...
Как будто бы во мне самом легла
Бескрайняя и тусклая равнина,
Белесою лоснящаяся тьмой,
Остуженная жгучими ветрами.
В молчании вился морозный прах:
Ни выстрелов, ни зарев, ни пожаров;
Мерцали солью топи Сиваша,
Да камыши шуршали на Кубани,
Да стыл Кронштадт... Украина и Дон,
Урал, Сибирь и Польша — всё молчало.
Лишь горький снег могилы заметал...
Но было так неизъяснимо томно,
Что старая всей пережитой кровью,
Усталая от ужаса душа
Всё вынесла бы — только не молчанье.

2

Я нес в себе — багровый, как гнойник,
Горячечный и триумфальный город,
Построенный на трупах, на костях
«Всея Руси» — во мраке финских топей,
Со шпильями церквей и кораблей,
С застенками подводных казематов,
С водой стоячей, вправленной в гранит,
С дворцами цвета пламени и мяса,
С белесоватым мороком ночей,
С алтарным камнем финских чернобогов,
Растоптанным копытами коня,
И с озаренным лаврами и гневом
Безумным ликом медного Петра.

В болотной мгле клубились ключья марев:
Российских дел неизжитые сны...

Царь, пьяным делом, вздернувши на дыбу,
Допрашивает Стрешнева: «Скажи —
Твой сын я, али нет?» А Стрешнев с дыбы:
«А черт ты знает, чей ты... много нас
У матушки-царицы переспало...»

В конклаве всешутейшего собора
На медведях, на свиньях, на козлах,
Здрав полы духовных облачений,
Царь, в чине протодьякона, ведет
По Петербургу машкерную одурь.

В кунсткамере хранится голова,
Как монстра, заспиртованная в банке,
Красавицы Марии Гамильтон...

В застенке Трубецкого рavelина
Пытает царь царевича — и кровь
Засеченного льет по кнутовищу...

Стрелец в Москве у плахи говорит:
«Посторонись-ка, царь, мое здесь место».
Народ уж знает свычаи царей
И свой удел в строительстве империй.

Кровавый пар столбом стоит над Русью,
Топор Петра российский ломит бор
И вдаль ведет проспекты страшных просек,
Покамест сам великий дровосек
Не валится, удушенный рукою –
Водянки? иль предательства? как знать...
Но вздутая таинственная маска
С лица усопшего хранит следы
Не то петли, а может быть, подушки.

Зажатое в державном кулаке
Зверье Петра кидается на волю:
Царица из солдатских портомой,
Волк – Меншиков, стервятник – Ягужинский,
Лиса – Толстой, куница – Остерман –
Клыками рвут российское наследство.

Петр написал коснеющей рукой:
«Отдайте всё...» Судьба же дописала:
«...распутным бабам с хахалями их».

Елисавета с хохотом, без гнева
Развязному курьеру говорит:
«Не лапай, дуралей, не про тебя-де
Печь топится». А печи в те поры
Топились часто, истово и жарко
У цесаревен и императриц.
Российский двор стирает все различья
Блудилища, дворца и кабака.
Царицы коронуются на царство
По похоти гвардейских жеребцов.
Пять женщин распухают телесами

На целый век в длину и ширину
Россия задыхается под грудой
Распаренных грудей и животов.
Ее гноят в острогах и в походах,
По Ладогам да по Рогервикам,
Голландскому и прусскому манеру
Туземцев учат шкипер и капрал.
Голштинский лоск сержант наводит палкой,
Курляндский конюх тычет сапогом;
Тупейный мастер завивает души;
Народ цивилизуют под плетью
И обучают грамоте в застенке...
А в Петербурге крепость и дворец
Меняются жильцами, и кибитка
Кого-то мчит в Березов и в Пелым.

3

Минует век, и мрачная фигура
Встает над Русью: форменный мундир,
Бескровные щетинистые губы,
Мясистый нос, солдатский узкий лоб,
И взгляд неизреченного бесстыдства
Пустых очей из-под припухших век.
У ног ее до самых бурых далей
Нагих равнин – казарменный фасад
И каланча: ни зверя, ни растенья...
Земля судилась и осуждена.
Все грешники записаны в солдаты.
Всяк холм понизился и стал как плац.
А надо всем солдатскою шинелью
Провис до крыш разбухший небосвод.
Таким он был написан кистью Доу –
Земли российской первый коммунист –
Граф Алексей Андреевич Аракчеев.

Он вырос в смраде гатчинских казарм,
Его познал, вознес и всхолил Павел.
«Дружку любезному» вставлял клистир
Державный мистик тою же рукою,
Что иступила посох Кузьмича
И сокрушила силу Бонапарта.
Его посев взлелеял Николай,
Десятки лет удавьими глазами
Медузивший засеченную Русь.

Раздерганный и полоумный Павел
Собою открывает целый ряд
Наряженных в мундиры автоматов,
Штампованных по прусским образцам
(Знак: «Made in Germany», клеймо: Романов).
Царь козыряет, делает развод,
Глаза пред фронтом пялит растопыркою
И пишет на полях: «Быть по сему».

А между тем от голода, от мора,
От поражений, как и от побед,
Россию прет и вширь, и ввысь — безмерно.
Ее сознание уходит в рост,
На мускулы, на поддержанье массы,
На крепкий тяж подпружных обручей.
Пять виселиц на Кронверкской куртине
Рифмуют на Семеновском плацу;
Волы в Тифлис волочат «Грибоеда»,
Отправленного на смерть в Тегеран;
Гроб Пушкина ссылают под конвоем
На розвальнях в опальный монастырь;
Над трупом Лермонтова царь: «Собаке —
Собачья смерть» — придворным говорит;
Промозглым утром бледный Достоевский

Горит свечой, всходя на эшафот...
И всё тесней, всё гуще этот список...

Закон самодержавия таков:
Чем царь добрей, тем больше льется крови.
А всех добрей был Николай Второй,
Зиявший непристойной пустотою
В сосредоточьи гения Петра.
Санкт-Петербург был скроен исполином,
Размах столицы был не по плечу
Тому, кто стер блистательное имя.
Как медиум, опорожнив сосуд
Своей души, притягивает нежить —
И пляшет стол, и шелкает стена, —
Так хлынула вся бестолочь России
В пустой сквозняк последнего царя:
Желвак От-Цу, Ходынка и Цусима,
Филипп, Папюс, Гапонов ход, Азеф...
Тень Александра Третьего из гроба
Заезжий вызывает некромант,
Царице примеряют от бесплодия
В Сарове чудотворные штаны.
Она, как немка, честно верит в мощи,
В юродивых и в преданный народ.
И вот со дна самой крестьянской гущи —
Из тех же недр, откуда Пугачев, —
Рыжебородый, с оморошным взглядом —
Идет Распутин в государев дом,
Чтоб честь двора, и церкви, и царицы
В грязь затоптать мужицким сапогом
И до низов ославить власть цареву.
И всё быстрее, всё круче чертогон...
В Юсуповском дворце на Мойке — Старец,
С отравленным пирожным в животе,
Простреленный, грозит убийце пальцем:
«Феликс, Феликс! царице всё скажу...»

Раздутая войною до отказа,
Россия расседается, и год
Солдатчина гуляет на просторе...
И где-то на Урале среди лесов
Латышские солдаты и мадьяры
Расстреливают царскую семью
В сумятице поспешных отступлений:
Царевич на руках царя, одна
Царевна мечется, подушкой прикрываясь,
Царица выпрямилась у стены...
Потом их жгут и зарывают пепел.
Всё кончено. Петровский замкнут круг.

4

Великий Петр был первый большевик,
Замысливший Россию перебросить,
Склонениям и нравам вопреки,
За сотни лет к ее грядущим далям.
Он, как и мы, не знал иных путей,
Опричь указа, казни и застенка,
К осуществленью правды на земле.
Не то мясник, а может быть, ваятель —
Не в мраморе, а в мясе высекал
Он топором живую Галатею,
Кромсал ножом и шваркал лоскуты.
Строителю необходимо сручье:
Дворянство было первым Р.К.П. —
Опричниною, гвардией, жандармом,
И парником для ранних овощей.
Но, наскоро его стесавши, невод
Закинул Петр в морскую глубину.
Спустя сто лет иными рыбаками
На невский берег был вытасчен улов.
В Петрову мрежь попался разночинец,
Оторванный от родовых корней,

Отстоянный в архивах канцелярий –
Ручной Дантон, домашний Робеспьер, –
Бесценный клад для революций сверху.
Но просвещенных принцев испугал
Неумолимый разум гильотины.
Монархия извергла из себя
Дворянский цвет при Александре Первом,
А семья разночинцев – при Втором.
Не в первый раз без толка расточали
Правители созревшие плоды:
Боярский сын – долбивший при Тишайшем
Вокабулы и вирши – при Петре
Служил царю армейским интендантом.
Отправленный в Голландию Петром
Учиться навигации, вернувшись,
Попал не в тон галантностям царик.
Екатерининский вольтеррианец
Свой праздный век в деревне пробрюзжал.
Ученики французских эмигрантов,
Детьми освобождавшие Париж,
Сгноили жизнь на каторге в Сибири...
Так шиворот-навыворот текла
Из рода в род разладица правлений.
Но ныне рознь таила смысл иной:
Отвергнутый царями разночинец
Унес с собой рабочий пыл Петра
И угаенный пламень революций:
Книголюбивый новиковский дух,
Горячку и озноб Виссариона.

От их корней пошел интеллигент.
Его мы помним слабым и гонимым,
В измятой шляпе, в сношенном пальто,
Сутулым, бледным, с рваною бородкой,
Страдающей улыбкой и в пенсне,
Прекраснодушным, честным, мягкотелым,

Оттиснутым, как точный негатив,
По профилю самодержавья: шишка,
Где у того кулак, где штык – дыра,
На месте утвержденья – отрицанье,
Идеи, чувства – всё наоборот,
Всё «под углом гражданского протеста».
Он верил в Божие небытие,
В прогресс и в конституцию, в науку,
Он утверждал (свидетель – Соловьев),
Что «человек рожден от обезьяны,
А потому – нет большая любви,
Как положить свою за ближних душу».

Он был с рожденья отдан под надзор,
Посажен в крепость, заперт в Шлиссельбурге,
Судим, ссылаем, вешан и казним
На каторге – по Ленам да по Карам...
Почти сто лет он проносил в себе –
В сухой мякине – искру Прометея,
Собой вскормил и выносил огонь.

Но – пасынок, изгой самодержавья –
И кровь кровей, и кость его костей –
Он вместе с ним в циклоне революций
Размыкан был, растоптан и сожжен.
Судьбы его печальной нет в России.
И нам – вспоенным бурей этих лет –
Век не избыть в себе его обиды:
Гомункула, возвращенного Петром
Из плесени в реторте Петербурга.

5

Все имена сменились на Руси.
(Политика – расклейка этикеток,
Назначенных, чтоб утаить состав),
Но логика и выводы всё те же:

Мы говорим: «Коммуна на земле
Немыслима вне роста капитала,
Индустрии и классовой борьбы.
Поэтому не Запад, а Россия
Зажжет собою мировой пожар».

До *Мартобря* (его предвидел Гоголь)
В России не было ни буржуа,
Ни классового пролетариата:
Была земля, купцы да голытьба,
Чиновники, дворяне да крестьяне...
Да выли ветры, да орал сохой
Поля доисторический Микула...
Один поверил в то, что он буржуй,
Другой себя сознал, как пролетарий,
И почалась кровавая игра.
На всё нужна в России только вера:
Мы верили в двуперстие, в царя,
И в сон, и в чох, в распластанных лягушек,
В социализм и в интернационал.
Материалист ошупывал руками
Не вещество, а тень своей мечты;
Мы бредили, переломав машины,
Об электрофикации; среди
Стрельбы и голода — о социальном рае,
И ели человечью колбасу.
Политика была для нас раденьем,
Наука — духоборчеством, марксизм —
Догматикой, партийность — оскоплением.
Вся наша революция была
Комком религиозной истерии:
В течение пятидесяти лет
Мы созерцали бедствия рабочих
На Западе с такою остротой,
Что приняли стигматы их распятий.
И наше достижение в том, что мы
В бреду и корчах создали вакцину

От социальных революций: Запад
Переживет их вновь, и не одну,
Но выживет, не расточив культуры.

Есть дух Истории – безликий и глухой,
Что действует помимо нашей воли,
Что направлял топор и мысль Петра,
Что вынудил мужицкую Россию
За три столетья сделать перегон
От берегов Ливонских до Аляски.
И тот же дух ведет большевиков
Исконными народными путями.

Грядущее – извечный сон корней:
Во время революций водоверти
Со дна времен взмывают старый ил
И новизны рыгают стариною.
Мы не вольны в наследии отцов,
И, вопреки бичам идеологий,
Колеса вязнут в старой колее:
Неверы очищают православье
Гоненьями и вскрытием мощей,
Большевики отстраивают стены
На цоколях разбитого Кремля,
Социалисты разлагают рати,
Чтоб год спустя опять собрать в кулак.
И белые, и красные Россию
Плечом к плечу взрывают, как волны, –
В одном ярме – сохой междуусобья,
Москва сшивает снова лоскуты
Удельных царств, чтоб утвердить единство.
Истории потребен сгусток воли:
Партийность и программы – безразличны.

6

В России революция была
Исконнейшим из прав самодержавья,
Как ныне в свой черед утверждено
Самодержавье правом революций.

Крыжанич жаловался до Петра:
«Великое народное несчастье
Есть неумеренность во власти: мы
Ни в чем не знаем меры да середины,
Всё по краям да пропастям блуждаем,
И нет нигде такого безнарядья,
И власти нету более крутой».

Мы углубили рознь противоречий
За двести лет, что прожили с Петра:
При добродушьи русского народа,
При сказочном терпении мужика —
Никто не делал более кровавой —
И страшной революции, чем мы.
При всем упорстве Сергиевой веры
И Серафимовых молитв — никто
С такой хулой не потрошил святых,
Так страшно не кощунствовал, как мы.
При русских грамотах на благородство,
Как Пушкин, Тютчев, Герцен, Соловьев, —
Мы шли путем не их, а Смердякова —
Через Азефа, через Брестский мир.

В России нет сыновнего преемства
И нет ответственности за отцов.
Мы нерадивы, мы нечистоплотны,
Невежественны и ущемлены.
На дне души мы презираем Запад,
Но мы оттуда в поисках богов

Выкрадываем Гегелей и Марксов,
Чтоб, взгромоздив на варварский Олимп,
Куриль в их честь стираксою и серой
И головы рубить родным богам,
А год спустя — заморского болвана
Тащить к реке привязанным к хвосту.

Зато в нас есть бродило духа — совесть —
И наш великий покаянный дар,
Оплавивший Толстых и Достоевских
И Иоанна Грозного. В нас нет
Достоинства простого гражданина,
Но каждый, кто перекипел в котле
Российской государственности, — рядом
С любимым из европейцев — человек.

У нас в душе некошенные степи.
Вся наша непашь буйно заросла
Разрыв-травой, быльем да своевольем.
Размахом мысли, дерзостью ума,
Паденьями и взлетами — Бакунин
Наш истый лик отобразил вполне.
В анархии всё творчество России:
Европа шла культурою огня,
А мы в себе несем культуру взрыва.
Огню нужны — машины, города,
И фабрики, и доменные печи,
А взрыву, чтоб не распылить себя, —
Стальной нарез и маточник орудий.
Отсюда — тяж советских обручей
И тугоплавкость колб самодержавья.
Бакунину потребен Николай,
Как Петр — стрельцу, как Аввакуму — Никон.
Поэтому так непомерна Русь
И в своеволии, и в самодержавьи.
И нет истории темней, страшней,
Безумней, чем история России.

7

И этой ночью с напряженных плеч
Глухого Киммерийского вулкана
Я вижу изневоленную Русь
В волокнах расходящегося дыма,
Просвеченную заревом лампад —
Страданиями горящих о России...
И чувствую безмерную вину
Всея Руси — пред всеми и пред каждым.

6 февраля 1924
Коктебель

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ
И ВАРИАНТЫ

Варианты приводятся согласно порядку стихов в основном тексте произведения. Слева от нумерации строк указывается источник варианта. Если он не указан, это означает, что источник тот же, что и для предыдущего варианта. Автографы, местонахождение которых не отмечено, находятся в личном архивном фонде Волошина (ИРЛИ).

Приводятся другие (полные) редакции отдельных стихотворений, а также наиболее существенные разночтения. Варианты даются, по возможности, как нечто связанное, отрывками не менее 3–4 стихов, и только в редких наиболее характерных случаях приводятся один или два стиха. В квадратных скобках даны строки, зачеркнутые Волошиным. Список условных сокращений см. на с. 431–433.

4

Журн. «Наш путь»,
1903, № 8

после 16

Чу! Протяжный и печальный
И далекий звон
Точно отзвук песни дальней
Слышен...

Это он!

Генрих-Бальдур! С кем боролась
Ты за счастье. Кто любил
Лишь тебя, твой ясный голос
С медью колокола слил...

6

Журн. «Наш
путь», 1903, № 8;
Стих.

Венеция — сказка. Старинные зданья
Горят перламутром в отливах тумана.
На всем бесконечная грусть увяданья
Осенних тонов Тициана.

Венеция, 1899

автограф Тт-2

первонач. ред.

Венеция

Венеция — сказка. Старинные зданья
Горят перламутром в отливах тумана
На всем бесконечная грусть увяданья
Осенних и медных тонов Тициана.

Венеция – сказка. Старинные зданья
 На алом пожаре закатного стана
 Печальны и строги, как фрески Орканья.
 Горят перламутром в отливах тумана.

Горят перламутром в отливах тумана
 Далеких лагун огневые сверканья.
 Вечернее солнце, как алая рана.
 На всем бесконечная грусть увяданья...

На всем бесконечная грусть увяданья.
 В шелках Веронеза закатная Кана,
 Доспехи Джорджоне и в небе мерцанья
 Осенних и медных тонов Тициана.

Осенних и медных тонов Тициана
 Цветы облетают. Последнюю дань я
 Плачу пожелтевшим страницам романа...
 Венеция... сказка... старинные зданья...

7

Альм. «Гриф», 1903 5–8

Кончена пьеса... Ушли
 Хор и актеры. Покрыты
 Траурным слоем земли
 Славные плиты.

8

автограф 23–25

И сквозь ветку барбариса
 Спит, свернувшийся в кольцо,
 Амфитеатр Диониса...

9–19

автограф Тт-1 9–10

Сотни маленьких пальцев
 Тянут ниточки шелка

13–16

a

Из минутного мрака
 Мне смеются их лики
 И по темному лаку
 Разбегаются блики.

		б	По поверхности лака Разбегаются блики. Из-за влаги из мрака Мне смеются их лики.
		в	На синюющем лаке Вьются белые блики. В проносящемся мраке Шевелятся их лики.
		20	
<i>автограф</i>	6-7		Средь сказочных лесов воздвигла ты свой герб, И в залах царственных сияет лунный серп
		21	
<i>автографы</i>	21-22		Звук, как треснувшая ваза... Он сторел в своем кольце.
		24	
<i>автограф Тт-2</i>	между 8 и 9		И шарф, прозрачными сетями К челу прильнувший твоему, И желто-алыми шелками У шали тканую кайму;
		27	
<i>черновой автограф</i>	загл. 17-20		Диана [Мчится охота лесистыми щелями, Воют собаки, голодны и злы... Мягко ложатся меж черными елями Просветы, полосы света и мглы.]
		28-31	
<i>автограф</i>	вместо 17-49		4 Мир отрывочен и пуст. Необычно мне сознание Знать весь мир как сочетание Лишь пяти отдельных чувств.

Вечно <сть?> с жгучей красотой
 Неразгаданных чудес
 Скрыта близкой синевою
 Примиряющих небес.
 Мне так радостно и ново
 всё обычное для вас.
 Я люблю свет ваших глаз,
 вашу речь и ваше слово.
 В них мерцает мир вещей
 гармонично и поплёкло,
 как узорчатые стёкла
 в мгле готических церквей.
 Жизнь люблю умом раззять я.
 Но мне дороги мечты,
 ваши детские понятия
 Жизни, зла и красоты.

*Северные цветы –
 1905*

21–25

Я решаюсь лишь несмело.
 Мир отрывочен и пуст...
 Непривычно мне сознание
 Знать его, как сочетание
 Лишь пяти отдельных чувств.

33

*автограф; журн.
 «Золотое руно»,
 1906, № 11/12*

загл.

Детство

1

О, как странно, о как звонко

автограф

после 8

Время медленней и шире...
 Всюду отсветы огней...
 О как странно в этом мире
 Быстро шепчущих теней!..

*журн. «Золотое
 руно», 1906,
 № 11/12*

после 8

Время медленней и шире,
 Всюду просветы аллей...
 О, как ясно в этом мире
 Быстро шепчущих теней.

38

*письмо к
 М.В. Сабашниковой
 от 5 июля 1905*

между 28 и 29

Я буду помнить жизнь вне рамок.
 Поездки в лес на целый день.

Фонтенебло. И парк, и замок.
 Скамью. Фонтан. Каштанов тень.
 Потом в лесу три старых пушки.
 Ущелья. Вечер у опушки
 На диком склоне у сосны.
 Леса, как море... Диск луны.
 Дорога в белом лунном свете.
 Внизу сквозь кружево ветвей
 Миганье радужных огней.
 Я помню их, прогулки эти —
 Я четко помню каждый день
 St. Cloud, Мэдон, Венсенн, Сюреньн.

41

*журн. «Золотое
 руно», 1906, № 10* *после 16*

Необъятною звездною сказкой
 Прижимались к земле небеса,
 И рука с безнадежною лаской
 Разбирала мои волоса.

49

автограф Тт-1 9–12

Улиц гул всё глуше, неуклюже
 В путах сна волочится вдали.
 Стебли трав, как нити тонких кружев.
 Мы цветы страдающей земли.

37–40

[Полки книг и ветви эвкалипта
 И листы бумаги на столах,
 И во тьме улыбка вечной Тайны —
 Белый лик Царевны Таиах.]

автограф 9–12

Мир теней печальных и поплёклых.
 Город смутно плещется вдали.
 Стебли трав, как кружево на стёклах.
 Мы [цветы страдающей] земли.

*письмо к
 М.В. Сабашниковой
 от 11 окт. 1905* 9–12

Гул людской, как дальний рокот моря...
 Там над нами тонут корабли?
 Стебли трав, как кружево... Аморя...
 Мы цветы страдающей земли...

54

<i>автограф</i>	загл.	Одилон Радон
	1—3	Я шел сквозь мглу. И жгучей смерти пламя Лизнуло, как змея. Всё смыто без следа. Лишь вечность зыбится ритмичными веками

59—65

1

<i>автограф Тт-1</i>	1—8	[Улицы с запахом пряным. Бронзовых светов снопы, Площади, полные рдяным Быстрым дыханьем толпы. Прянули ввысь, как в испуге, Прочь от земли и огней Стрелки и тонкие дуги, Молнии серых лучей.]
----------------------	-----	--

2

<i>автограф Тт-1</i>	13—16	Как аметист, душа бессонна И сожжена лиловым днем, И вся прозрачная колонна Горит фиалковым огнем.
----------------------	-------	---

3

<i>автограф Тт-1</i>	1—4	Бархат стерт. Хорутвь во мгле поблёлкла. Лиловаты камни. Тише. Подождем... Темными цветами расцветают стёкла, Светами распяты, съедены дождем.
----------------------	-----	---

4

<i>автограф Тт-1</i>	перед 1	Сияло во мраке священное знамя. Склонясь у подножья, чело на древке — Два дня и две ночи поющее пламя Держал я в простертой руке...
----------------------	---------	--

И развилось огненное пламя,
 Растворилась трепетная мгла,
 И рука, летучая, как пламя,
 Через семь преддверий повела.

5–8 В тьму стремятся четкие пилястры,
 Пчелы свеч усеяли алтарь,
 И сквозь сумрак расцветают астры
 Аметист, рубины и янтарь.

6

автограф Тт-1 9–12 [Эту плоть, мне данную на время,
 Милый груз возлюбленных оков,
 Я отдам, как радостное бремя,
 И рассыплю связки позвонков.]

67–80

2

автограф 5–8 Причашусь я горькой соли
 задыхающейся волны,
 Припаду я грудью с грустью к острым
 срываю горячих гор,
 Я напьюсь струями ветра — соком
 гроздий лиловых туч,
 Облекусь я в скорбный траур — в бурный
 пурпур вечерних гроз,
 Обовью полынью, мятой, горным
 чобром свое чело.
 Здравствуй, ты, в весне распятый, мой
 таинственный Коктебель!

автограф Тт-1 5–8 Припаду грустно грудью к острым
 шебням горячих гор,
 Я напьюсь струями ветра — соком
 гроздий лиловых туч.
 Облекусь в одежды скорби, в черный
 пурпур вечерних гроз,
 Обовью полынью, мятой, горным
 чобром свое чело.
 Здравствуй, ты, в весне распятый, мой
 таинственный Коктебель.

И чаша вод колыхнется широко,
Обведена серебряной каймой.
Мугится мыс, зубчатую стеной
Ступив на зыбь расплавленного тока...

О этот час в затишьи бледных утр,
Когда в горах златится перламутр
И чуткий дым встает со дна долины,

Ручьи журчат, и каждый тихий звук
Звенит струной, и солнце, как паук,
Дрожит в сетях алмазной паутины.

8

автограф Тт-2 1 Я солнца дневный¹ путь от красных
скал Тавриза

10

автограф 2-4 Порос сожженный скат извилистой
долины.
Сереет молочай, пласты размытой глины
Искрятся шифером, и сланцем, и слюдой.

7-8 А выше Карадаг лиловые вершины
Подъемлет над холмом зубчатую стеной.

10-14 И злобный треск цикад, и камней
отблеск ртутный,
И запах душных трав, и клекот хищных
птиц

Слепят сознание. Сам зной дрожит от
крика.
И там — во впадинах разрушенных
глазниц,
Огромный взгляд страдающего Лица...

14

автограф Тт-2 13-14 [Там вечной мглой закрыл свой лик Уран.
То грань Земли — предел киммериян.]

¹ Было: а синий б знойный

81

автограф 5–6 Живая зыбь, как огненный стеклярус.
Лохмотья туч сошлись.

86

автограф Тт-2; 13–16 Склонясь в бессилии,
автограф Я жду гостей
Здесь на развилии
Путей...

87

автограф Тт-2 *загл.* Полдень
после 16 В полдень Духа к Солнцу на вершину
Я принес своей земное Я
И, подняв в лазури, опрокину
В темный пламень чашу бытия.

89

автограф Тт-2 *между 16 и 17* Прыщешь пламенные светы
Гневных солнечных мечей,
Скалы алые одеты
Тяжким золотом лучей.

Здесь не вьется меж камней
Виноградная лоза,
Не сверкнет меж смольных сеней
Струйкой влаги бирюза.

29–32

И стоит скала святая,
Средь морей алтарь судьбы,
В синем небе развевая
Дымов черные клубы.

95

автограф Тт-2 *первонач. ред.* Она забытый сон веков.
В ней несвершенные надежды.
Я шорох знал ее шагов
И шелест чувствовал одежды.

Она сквозит за дымкой мглы.
У губ приподняты углы,
И щек овал волнует тайной
Знакомой и необычайной.

Ее неверная фата
Скрывает взгляд за тканью зыбкой,
Лишь тихо светятся уста
Неотвратимую улыбкой.

В напрасных поисках за ней
Я исследил земные тропы
От Гималайских ступеней
До древних пристаней Европы.

И я читал ее судьбу
В улыбке внутренней зачатья,
В улыбке девушек в гробу
И у любовниц в миг объятья.

Пред Нею падал я во прах,
Целуя пламенные ризы
Царевны солнца Танах
И покрывало Моны-Лизы.

Тревожа древний сон могил,
Я открывал киркою плиты,
Ее искал, ее любил
В чертах Микенской Афродиты.

Пред ликом восковых мадонн
В церквах Толедо и Севильи
К цветным мозаикам окон
Склонялся в сладостном бессильи.

Искал в чертах немудрых Дев
На возносящихся порталах
И, дрему форм преодолев,
Встречал <ее> в музейных залах.

Я свято в памяти храню
 Виденье инокa Бернарда
 И милый лик Tête Inconnue,
 И лик Предтечи Леонардо.

Ее бессмертной красоты
 Они лишь смутные виденья,
 Они разорванные звенья
 Невоплотившейся мечты.

Я знал, как то же пламя тлело
 В земных чертах случайных лиц,
 И кто-то звал со дна темниц
 Больного, призрачного тела...

96–110

2

автограф Тт-2

9–14

Но кто свой дух прошел до дна извилин,
 Над теми мир безволен и бессилен.
 Пусть ураган о скалы челн дробит,

Пусть веет вихрь обиды и гонений,
 Пусть лед тоски, пусть горький яд
 сомнений —
 Явь наших снов земля не истребит!

111

*автограф Тт-2**первонач. ред.*

Моя любовь тебе была веригой,
 Но жгуч мой прах.
 Но я уйду, я стану только книгой
 В твоих руках.

Хранят страниц разорванные звенья
 Твою печать.
 Мою любовь ты можешь в час сомненья
 Перелистать.

Похоронил я сам себя в страницы
 Моих стихов.

Прислушавшись, услышишь пенье
птицы
В могиле слов.

116

автограф *набросок*

И не противясь темной силе,
Что нас к одной тоске вела,
Покорно обнажив тела,
Обряд любви мы сотворили.
Молил неверующий жрец
И жертва тайны не страшилась
И в кровь вино не претворилось
Во тьме кощунственных сердец.
Свершив указанное роком
И встав со страстного одра

автограф Тт-2 *между 8 и 9*

В холодном пламени костра
Мы пили медленные яды,
На ложе страстного одра
Свершая стыдные обряды.

118

черновой автограф *5-9*

Слышать скрип ступеней, гулкий
наголоск зал,
Что<б> не знать, кто пришел, кто
глаза завязал,
Кто коснулся рукою руки в темноте,
Кто шепнул: я с тобой; кто¹
Чтобы верить до смерти не чувствуя ран

119

автограф Тт-2 *после 18*

[И вот на новом перекрестке
Стою, свидетель снов и мук.
Проходят люди. Чужды, жестки
Касанья губ, пожатья рук.

¹ Стих не дописан.

Но сердце шепчет: Скоро... скоро...
Он здесь... Он близко — вождь и друг...
Хранитель тайн... ключарь собора...]

121

автограф Тт-2

Я в мире не знаю свободы.
Но радостью освобожденья
Искуплены цепи природы.

Гляди на текущие воды,
На спящие в них отраженья.
— Я в мире не знаю свободы.

Плетя бесконечные звенья,
Сплетали мы крепкие сети.
— Что в мире прекрасней плененья?

Мы в поле играли, как дети,
Венки из цветов заплетая.
— Да, есть справедливость на свете.

Вот Осень идет золотая,
Плоды ее спелы и красны.
— Скажи же мне, кто ты такая?

Как наручни смерти прекрасны!
9 февраля 1915

автограф

первонач. ред.

К тебе я пришел через воды
Крылатый, готовый в сраженье.
— Мне больше не надо свободы...
Я крепкие выдержу звенья,
Порву непокорные сети.
— Что в мире нежнее плененья...
Мы будем как боги, как дети
Смеяться, цветы заплетая...
— Мне больше нет места на свете.
Вон ждет нас ладья золотая,
Затихшие воды так ясны

И манит прозрачность морская.
— Как наручни смерти прекрасны.

127

автограф Тт-2 *между 8 и 9*

[Скорбь желаний угасла
Перед ликом огня —
Ты, принеся масла,
Не касайся меня.

К душным ульям зачатий
Ночью в дымном бреду
Я, возжаждав объятий,
Припадать не приду.]

128

автограф ДМВ *вместо 3—8*

Мы сквозь смерть во плоти проросли
И с огнем наша схожа природа.

Подымаясь к огню на высоты,
Припадая бессильно к земле,
Неустанно мы строим во мгле
Наших тел шестигранные соты.

В них огонь претворяем мы в мед
И, поднявшись над солнечным краем,
Точно свечи из воска сгораем...

В улье неба века и века

129—131

2

автограф Тт-2

Лиле

В пламенном горне земли мы
крестились огнем и любовью,
Пепел сожженной тоски <?> тлеет в
кадильнице дня.

черновой автограф

Вы спросили меня о моем детстве,
Я взглянул внутрь и ничего не
вспомнил...

И подумал с грустью:
Было ли оно?
О да! Оно было. Но я не знаю его потому,
Что оно еще до сих пор не кончилось...
Ранние годы мои
Стеснены были взрослыми:
Строгими волями, книжными мыслями,
Слишком недвижимыми
Для детской игры.
Точно я шел одним коридором
Безысходным, уставленным гордыми
книгами и статуями богов,
Освещенным пыльным светом,
Пока не вышел
На звонкий и синий простор
Лиловато-розовых отмелей моря,
Где вереск, и ветер, и вешние волны
Переполнили
Сердце – светом.
И я понял в тот миг, что солнце
И море и ветер -
Только игрушки
И жизнь только предлог для игры.
А потом я ушел
В большой и радостный город,
Где живут и играют
Миллионы людей.
Там я полюбил человека,
Его лицо, его тело, его слабости и его
пороки,
Его мечты, его желанья, его паденья.
О, не бойтесь...
Я никогда не играю людьми...
Я люблю всматриваться в их лица,
Читать линии их ладоней,

141

автограф Тт-2 *после 12* Солнце! Млеет даль...
Облачи яры и балки
В дымно-розовый миндаль,
В желтый крокус и фиалки!

142

автограф Тт-2 4 Встают рядами бледных свеч.

после 12 Дождем земные дышат жабры,
Еще разрыв одной плевы,
И в храме вспыхнут канделябры
Зеленым пламенем листвы.

148

автограф Тт-2 *после 8* Мир – чаша, до краев наполненная алым
И черным сумраком... За траурным
 порталом
Звезда затеплилась... за нею две... и три.

И стынет бледный край замедлившей
 зари,
Как влага синяя, напитанная светом.

154

автограф 1 Тт-3 *между 4 и 5* И посреди земных походов
К тебе я приближался встарь –
Памир, праматери народов,
Великой Азии, алтарь!

5–8 От изумрудно-синих взморий,
От влажных западных дверей
Вели ступени плоскогорий
К подножьям земных алтарей.

25–28 Путем безмолвным и суровым
Я шел вперед – к восходу дней
Вдоль по степям солончаковым
По белым выпотам полей.

вместо 33–40 И грудь пустыни так сверкала,
 Что я очей разжать не мог,
 И святость мести обжигала
 Ступни благоговейных ног.
 И Божьи голоса звучали
 Из пламенеющих кустов.
 Синаи белых облаков
 В душе громами громыхали.
 Весь мир лежал у ног вдали.
 Я слушал, ждал, горел и верил
 И взглядом юношеским мерил
 Века и поприща земли.

авт. маш.;
автограф 2 Тт-3;
«Словохи». 1922, № 6

вместо 5–8 О, как я ждал, горел и верил,
 И жаждал новых солнц вдали,
 И взглядом юношеским мерил
 Века и поприща земли.

От изумрудно-синих взморий,
 От влажных западных дверей
 Вели ступени плоскогорий
 К подножьям вечных алтарей.

И посреди моих походов
 Сам Бог к тебе меня привел,
 Памир – Праматери народов,
 Серединой Азии – престол!

между 32 и 33 В душе громами громыхали
 Синаи белых облаков,
 И чьи-то голоса вещали
 Из пламенеющих кустов,

И святость места обжигала
 Ступни благоговейных ног,
 И сердце жадно припадало,
 Целуя пламенный порог.

Безумных и кровавых лет
 Пером, отточенным, как совесть,
 Безжалостным и метким, как стилет.

175

*черновой
 автограф Тт-2*

вместо 10–37

Не считаю терпеливо дни я
 И меня уже не манит вдаль
 Трижды древняя Океания.

Столб огня, бродячая звезда ль
 Уведет ли нас из плена мысли?
 И зажжет ли острую печаль?

Круг орбит души моей исчисли.
 Всех морей мне ближе древний Понт,
 И к нему мои стремятся мысли.

Замкнутый зубчатый горизонт
 Глухо ропшущего Океана
 Что расскажет он тебе — Бальмонт?

Ах, в душе горит живая рана...

177–178

2

*автограф Тт-2;
 автограф*

2

Гонец богов, свершитель вышней воли

179

автограф Тт-2

между 16 и 17

[Бледный профиль нимбами волос
 Нежно обрамлен,
 И вплелись в густые пряди кос
 Ковыли и лен.]

21–24

[И я сам, среди них неуловим,
 К лону вечеров
 Подымаюсь медленно, как дым
 Жертвенных костров.]

181

автограф Тт-2 17–24 Свищущими, вьющими
Тонкую струю
Трелями цветущими
Вею, вьюсь и вью,
Под ночными кушами
Славу бытию
С водами текущими
Я пою.

182–196

4

автограф Тт-2 2–11 Луны восход встречают ржаньем кони,
Стада медуз мерцают в мутном лоне
И спрут и краб ползут на валуны.

Твоим ущербом женщины больны,
Цветок дождей, небесный образ Иони,
В Ионии сладкоголосом стане
Твои тоска и нега сплетены,

А в глубине таинственных извивов,
Крылатых в миг приливов и отливов,
Внутри существ тобой повторены.

6

автограф Тт-2 *первонач. ред.* К тебе растут сквозь мглу моих
распятий,
Сквозь пытку снов, сквозь дым моих
костров,
Сквозь рдяный свет спустившихся
паров,
Сквозь ярый¹ гнев враждою слитых
братий,
Сквозь пурпур битв двух борющихся
ратей,

¹ Незачеркнутый вариант: темный

Сквозь пламени изменчивый покров
Мольбы молитв, ряды алмазных строф...
Чем боль сильнее, тем гимн стройней и
сжатей.

Из-за горы кривится тонкий рог,
Спускаясь вниз, темнея, багровея –
Двурогая, трехликая, Афея!

Мои мольбы с распутья трех дорог
Возносятся в полуночном закате
К Диане бледной, к яростной Гекате!
21 июня 1913

автограф 2–4 Сквозь рдяный дым страстных моих
костров
Мольбы молитв, заклатья нежных строф.
Чем боль сильнее, тем гимн стройней и
сжатей.

7

автограф Тт-2 2–4 Весь трепеща от страха и борьбы,
Я возношу преступные мольбы,
Чертя твой серп на мертвенном агате.

9

автограф Тт-2 2–4 [Безумный сон растерзанных долин.
Я был на дне зияющих теснин:
В провал небес, потоком снежных
градин]

9–13 Ни сумерок, ни радужных теней,
Лишь четкий блеск агатов, сланцев,
шпатов,
Ни шлейфы зорь, ни веера закатов

Не озаряют горних пропастей.
Безвыходен, порывист и нескладен

автограф 2–4 Безумный сон базальтовых теснин.
Я видел мир со дна твоих долин.
В провал небес, как зерна снежных
градин,

10

автограф 2–4 Потоки лавы: обнаженный мозг,
Извивные и бурые, как воск,
Сплетенья спрутов, змей, червей и гадин.

автограф Тт-2 9–14 Когда от язв пузырчатых огня,
Как молнии, лучатся стрелы дня,
[А ночью рдеет факел Аристарха,
И тускло бдит под Vol'юю (звезда
Недвижная над кратером Гиппарха)
Твоих морей блестящая слюда.]

11

автограф Тт-2 9–12 [Ты вся порыв одной мятежной воли,
Вся искаженная от судорожной боли,
Ты носишь шрам на кряже лунных Альп,

Оставленный архангела секирой.]

13

автограф Тт-2 9–14 Ты двери Смерти, ты обитель Ада,
Ты разлагаешь с медленностью яда
Тела в земле и души на луне,

Томящаяся жаждою вампира
И кровь земли сосущая во сне –
Ты жадный труп отвергнутого мира.

15

Стих. *первонач. ред.*

Луна

Бальмонту

Седой кристалл магических заклятий,
Хрустальный труп в покрове тишины,

С мечом пылавшей¹ Синевы,
 Огнем и сумраком повитый,
 Шестикрылатый и покрытый
 Очами с ног до головы.
 И был мне внешний мир показан
 И кладезь внутренний отверст,
 И, знаньем тайных истин связан,
 Я ввержен в мир един, как перст.
 И видел в головокруженьи,
 Как бил копытом Бледный Конь²,
 И снова каждое движенье
 Мое – сопровождал огонь,
 Один среди враждебных ратей –
 Не их, не ваш, не свой – ничей,
 Я – чрево будущих³ зачатий
 Я голос внутренних ключей.

29 августа 1915

автограф Тт-2

1–8

[В сей страшный год Великой Брани,
 когда под знаком Льва прошли
 Столпы в кровавом Океане, –
 Я был восхищен от земли...
 И в глубине небесных сводов
 Я долго слушал, как растет
 Великий вопль земных народов,
 Подобный реву многих вод.]

207

автограф Тт-2

первонач. ред.

Предварение

В минуту тоски
 Швырнул ты на землю
 Весы справедливости
 И дал неразумным
 Свободу весить
 Добро и зло.

¹ *Незачеркнутый вариант:* горящей

² *Незачеркнутый вариант:* И снова в головокруженьи
 По миру мчался Бледный Конь

³ *Незачеркнутый вариант:* огненных

А тесто людское —
Не ты ль замесил его
Круто и крепко?
Не ты ли заквасил его
Дрожжами крови?

Не ты ли топчешь
Грозди народов
В точиле ярости?
Долго будет бродить вино
Гнева Господня.

Не ты ли поэт
Призвал из пустыни
И кинул в пламя
Плавильной печи?
Не ты ль повелел ему
Быть оком и ухом?

Так дай же мне силу
Средь распри мира
Остаться цельным,
Неискаженным
Зерцалом духа.
Ни хмелем гнева
Не опьяниться.

Дай силу сердцу
Обнять любовью
Врага и брата,
Палача и жертву,
И победителя,
И побежденного.

Дай силу мысли
Принять дело твое
Во всех противоречиях,
Что несовместимы
Для нашего разума.

Не дай малодушным
Сложить обиды
На одну из чашек
Человеческой справедливости.
Но дай сохранить равновесие
На острие, указующем
Разницу веса.

Дай мне подняться
На ту высоту,
Откуда великая битва народов
Является страстным объятьем любви,
В котором прольется на землю
Семя
Грядущего мира.

автограф

44–52

Так дай мне силу
Поверить в мудрость
Всемирной брани,
Разверзни время
И дай увидеть
Вражду народов
Как спазму страсти,
Родящей семя
Небесных всходов!

212

автограф Тт-2

27–30

...Они, раздев, ее распяли.
Лизал огонь и ядра рвали
Пречистой плоть. Разрушен храм,
И от земли в порыве муки

214

автограф Тт-2

9–14

[И никогда не чувствовал больней
Присутствия трагических теней
И древний яд отстойной печали,

На дне дворов, под крышами мансард,
Где воль миры, томясь, в себе качали
И юный Дант и отрок Бонапарт.]

Но армии себя терзают сами.
Пожары, кровь, и голод, и чума...

Пророк и вождь, иссекший в слове
племя
Грядущих душ, провидел наше время.
Он видел наш пожар и бил в набат,

И нам кричал, томясь от смертной
жажды,
Что мир спасется красотой, что каждый
За всё, за всех пред всеми виноват.
10 декабря 1917

авт. маш. 1 11–12 Сквозь сумрак прошлых лет он бил в
набат,
Чтоб крикнуть нам, томимым той же
жаждой,

авт. маш. 2 12 Он говорил томимым нашей жаждой,

ДГ 12 Ты говорил томимым нашей жаждой,

227

автограф Тт-2 13–18 [Но тебе сыздетства были любы
Вольные кочевья, да курные срубы,
Монастырь, царев кабак, острог,
Самозванцы, воры, да расстриги,
Буйные похмелья, горькие вериги,
Посвист соловьиный у дорог?]

228

автограф Тт-2 *первонач. ред.*

Да здравствует мир!

Россия кончилась. На последях
Ее мы проплевали, прокурили,
Прощелкали в подсолнухи, пропили,
На грязных проболтали площадях,
Распродали на улицах: «Не надо ль
Кому земли? кому иных свобод?»

Да здравствует Германия!» — И вот
 Она лежит, кишашая, как падаль...
 О, Господи, помилуй! — расточи,
 Сожги огнем, пошли на нас бичи —
 Германцев с запада, Монгол — с востока!
 Отдай нас в рабство — вновь и навсегда,
 Чтоб искупить жестоко и глубоко
 Позор предательства до Страшного
 Суда!

23 ноября 1917

<i>авт. маш.</i>	загл.	Мир. 19 ноября 1917 года
	1–2	В России — мир. Ее на последях Мы сами прогалдели, проболтали,
	13	Чтоб искупить позорно и жестоко
230		
<i>автограф Тт-2</i>	9–12	Их свет — сквозь сумрак Преисподней Сквозит преломленный во зле. Их судьбы — это лик Господний, Из мрака явленный земле.
232		
<i>авт. маш.; автограф Тт-2</i>	загл.	Мать
<i>авт. маш.</i>	3–4	Изранена, в крови, нагая, Под камнями изнемогая,
	14	Что жизнь твоя пройдет в смиренности,
234		
<i>автограф Тт-2</i>	вместо 50–63	В нем брезжит [правда] завтрашнего дня, [А путь] его — всемирное служенье. [Двойным лучом горит его судьба, И в самом имени она двуглава: Скловенец — раб; Славянство — слово, слава; И правда Славии в цепях раба.

Сам приду рассудить вас да счесть.
Тут за мною — не токмо что черная —
Как ужо на Москву ворочусь —
Вся кровавая, пьяная, вздорная,
Окаянная двинется Русь.
Вот тогда рассужу своей силою]

240

- автограф Тт-3* *между 12 и 13* [Одни застывшие в гнев,
Другие, как плод во чреве,
Иные, как боб <в> стручке,
Как тонущий на реке...]
- между 20 и 21* [Их душат жадность и страсти, —
Все неизжитые сны:
Их души в нездешней власти —
В единый клуб сплетены:]
- между 24 и 25* [Где каждый, как тень Аида, —
Вне времени, вне пространств,
Где души точит обида
Трудов, похмелий и пьянств.]
- между 27 и 28* [В вагонах, в трюмах, на трапах,
В больницах, в тюрьмах, в этапах,]
- 46–49 а И не может в жару забыться,
И не может очнуться она...
О, Господи! дай причаститься
Нам всем благодати сна!
- б Не всё ли и всем простится,
Кто выстрадал, как она?
Дозволь нам совсем забыться
Или очнуться от сна!

242

- автограф Тт-3* *вместо 25–32* [Как же можно в такую поверить?
Как ее нам такую избыть?
Не судить нам ее и не мерить,
Но любить, безысходно любить.]

автограф Тт-3; 29–32 Но я верю: расступится бездна,
авт. маш. И во всей полноте бытия –
Всенародно, всемирно, всезвездно –
Просияет правда твоя!

243

автограф Тт-3 *вместо 19–20* [Постылой Петербургскою стряпней,
Голштинской, Прусской, Гессенской
родней.

Зarezанных младенцев, злых царей,
Распутных старцев, спальниц, душегрей,
Расстриг, бродяг, юродивых, калек
Я посылал тебе. Вот пятый век]

33–36 Пойдешь на подвиг жертвенной любви? –
Очнешься пьяной по пояс в крови.
Замыслишь единенье всех людей? –
Ты будешь есть расстрелянных детей.

между 40 и 41 [Но радуйся: по осени ножом
Обрежу грозды, кину в емкий жом
И зернь народов раздавлю на дне,
Чтоб страстный сок перебродил в вине!]

авт. маш. 35–36 Ждешь воссоединенья всех людей?
Начнешь расстреливать и есть детей!

245

автограф Тт-2 <гл. 1> [Ангелы, Архангелы и Силы,
между 12 и 13 Власти, и Начала, и Господства,
Херувимы, Серафимы и Престолы
Теснились, восклицая: «Аллилуйя!
Аллилуйя! Слава тебе, Боже!»]

<гл. 8> [Раз Пашков за меня клещатою пищалью
между 40 и 41 В него стрелял – осеклась трижды.
Добр и разумен человек:
У самого седая борода, а почитал отца
гораздо.]

		246
<i>автограф Тт-3</i>	<i>между 4 и 5</i>	[Палить из ружья без толку, Украв, нести на толчок Две штуки белого шелку И пару дамских чулок.]
		247
<i>автограф Тт-3, корректурный л.</i>	<i>после 43</i>	Но он не верит ни в Россию, Ни в разрушенье старых каст, А ждет и знает, что создаст Сам «новую буржуазию».
		248
<i>авт. маш.</i>	<i>11–14</i>	«Буржуй здесь мой. И не позволю Чужим их резать никому».
		И это слово человечье Решило всё. Он город спас.
<i>автограф Тт-3</i>	<i>после 24</i>	Никто не помянул о нем, А труп, избитый шомполами, Был ночью выкинут волнами На скалы за Карантином.
		249
<i>автограф Тт-3</i>	<i>вместо 34–41</i>	[Чтобы «Совет» их охранил] От Ассирийских переносиц, От семитических носов [И от гортанных голосов...]
		[В те дни турецкий миноносец Пришел с посольством, и Совет В честь турок закатил банкет. Небрит, в каскетке и в матроске, Он председательствовал сам. Все гости были хлестки, броски, Как следует большевикам И природным демократам. Оратора сменял оратор,

Приветствуя, как брата брат,
Турецкий пролетариат!]

250

*автограф Тт-3**между 5 и 6*

Весь мусор интеллигентщины
Вошел в его состав.

С имперской гнилью,
С кровью офицеров,

вместо 20–38

Не смог пожертвовать ей в пользу ни
копейки,

Зато стал сам героем, как они.

Правда –

Из всех военных качеств он усвоил

Одно:

«Спасаться от врагов».

Но этим поработав <для> Единой и

Великой,

Он сделался жесток и беспощаден.

Он не может

Без гнева слышать

О тех предателях, что не бежали

И были настолько малодушны,

Что для того, чтобы спасти какие-то

лоскутья

Погибшей родины,

Пошли к большевикам на службу.

«Тем хуже, что они предотвращали

Казни

И охраняли ценности культуры:

Они мешали коммунистам

Себя ославить до конца.

Как жаль,

Что их самих не расстреляли».

Так мыслит каждый истый

Сознательный буржуй.

А те из них, которые причастны

Искусству, прибавляют,

Что, взяв Москву, они повесят сами
Горького
И расстреляют Блока.

252

<i>автограф Тт-3</i>	11–12	И жив разгульный древний дух Заруцких, Стенек, Кудеяров.
<i>автограф; авт. маш. 1; СоТ</i>	11–12	И жив разбойный древний дух Заруцких, Стенек, Кудеяров.
<i>автограф; авт. маш. 1</i>	18	Свой сон о буржуазном зле,
	20	Вселенском рае на земле...
<i>авт. маш. 1; СоТ</i>	23–24	Прах всех богов и фетишей, Научных вер и суеверий.
<i>авт. маш. 2</i>	23–24	Прах всех угасших алтарей Научных вер и суеверий.

255

<i>черновой автограф</i>	<i>первонач. ред.</i>	Крик, и свист, и лязг, и скрип, и скрежет. Лют и льдист, упорен и жесток, Пену рвет и в море волны режет Тусклый ветер северо-восток.
		Ветер обнаженных плоскогорий, Ветер тундр, увалов и угорий, Черный ветер ледяных равнин, Ветер смут, разгромов и побоищ, Медных туч, багровых окоемов, Злых вестей и роковых годин.
		Жжет огнем, пронзает грудь ножами И шипами хлещет по глазам. Сотни лет он веял над степями, Сотни лет клубился по лесам. Этот ветер был нам старым другом

На распутьях всех лихих дорог,
Сотни лет гнала навстречу вьюгам
Нас судьба на северо-восток.

Разгулялись снежные стихии,
Белым пеллом землю пороша,
В этом ветре вся душа России,
Темная, огромная душа.

В этом ветре Русь ночей морозных,
Русь Малют, Басмановых и Грозных,
Русь кремлевских страшных двойников,
Покаяний, машкеров и пляса,
Палачей, опричников, стрельцов,
Зодчих человеческого мяса —
Русь Петра и Русь большевиков.

2

Шли века, но что же изменилось?
Изжитое Русью не изжилось,
Тот же смрад застенков и костров,
Тот же бред Кремлей и Петербургов,
Творчество заплечных мастеров
И восторг разнузданных <?> хирургов,
Та же дурь и та же трын-трава,
Та же греза, вырвав из подклетья,
Русь швырнуть вперед через столетья
Вопреки закону естества.

257

*автограф Тт-3**между 24 и 25*

[Никто не знал ни числа, ни срока,
Ни имен палачей, ни жертв.
Одни не знали, за что умирают,
Другие — за что казнят.]

260

*авт. маш.**15–17*

Расстреливали голодающих,
Сбивавших просыпь на путях, и дети,
Как угличские отроки, валялись

*автограф**первонач. ред.*

261

1921 г.

«И дернул же меня черт родиться
в России с умом и с талантом».

А. Пушкин

С каждым днем всё диче и всё глуше
Над Россией цепенеет ночь:
Смрадный ветер, как свечи, жизни
тушит.
Ни позвать, ни крикнуть, ни помочь.

Слух ползет, что Гумилев расстрелян.
В Петербурге задохнулся Блок.
Те бегут: бессмыслен и бесцелен
Нескончаемый мартиролог.

Головой сквозь стены не пробиться
В этом доме спертом и немом —
Тем, которых дернул черт родиться
На Руси с талантом и с умом.

Может быть, такой же жребий выну,
Горькая детоубийца — Русь,
И на дне твоих подвалов сгину
Иль в кровавой луже поскользнусь,
Но твоей темницы не покину,
От твоей судьбы не отрекусь.

Страстно верю верую поэта,
Что судьба недаром нас ведет —
Пушкина — под дуло пистолета,
Достоевского — на эшафот.

Доконает голод или злоба,
Черный мор или палач тупой —
Погибать, так погибать с тобой,
И с тобой, как Лазарь, встать из гроба.

5 января 1922 г.

*автограф**вар. начала
первонач. ред.*

1921 г.

«Нагадал же мне черт родиться
в России с умом и талантом».

А. Пушкин

Кровь и голод. Убежал. Расстрелян.
Гумилев казнен. Задохся Блок.
Бедственно-бессмыслен и беспечен
Разрастающийся эпилог.

Угораздило же нас родиться
На Руси с талантом и с умом,
Чтобы лбом о стены биться
В отчем доме смрадном и пустом

*автограф**между 4 и 5*

Кто не скрылся в чуждые пределы —
Всех сотрет неотвратимый рок:
Гумилев казнен. Задохся Блок.
Голод, кровь, усобица, расстрелы...
Неисповедимый путь ведет
На Руси провидца и поэта —

5–6

264

*автограф Тт-3**между 10 и 11*

От моря Белого до Черного,
От Финского залива до Байкала,

266

*автограф 1 Тт-2**загл.*

Феодосия
(март 1918)

вместо 38–42

Гудел набат,
Был слышен раскат орудий
И взрыв гранат.
Безумцы с разящим громом
В слепых руках
На улице перед домом
Взметали прах,
Врывались толпой в ворота,
Вели с собой,

вместо 45–57 А я в толпе многошумной
 И ей чужой
 Бродил между них с безумной
 Своей мечтой.
 Мой город, залитый кровью
 Внезапных битв,
 Покрыть своею любовью,
 Кольцом молитв.
 Блуждая по перекресткам,
 Глядел, как брат,
 В горящие блеском жестким
 Глаза солдат.
 И каждый курок, и руку,
 И гнев, и страсть,
 И жадность, и злость, и муку
 Мечтал заковать,
 Благословляя их пламень
 И древний плен
 И каждый угол и камень
 Усталых стен.
 Собрать воедино огонь их

автограф 2 Тт-2 *между 40 и 41* [Безумцы в плаще разбитом
 На всех ветрах,
 С карающим динамитом
 В слепых руках,]

267

автограф Тт-2 *между 65 и 66* [Ожесточаема жадною хотью,
 Ты выбирала мужей и юнцов —
 С плотью, похожей с ослиною плотью,
 С похотью ярой, как у жеребцов.]

между 71 и 72 [Ты была хуже блудниц и подлей:
 Платят блудницам за ласку и счастье —
 Ты же сама покупала мужей,
 Перстни Мои им даря и запястья.]

270

- автограф Тт-3* *вместо 1–6* [Сорок дён опостыся,
Пойду перекрестясь
Градскими вратами,
Утренними тропами]
- между 19 и 20* [Ни крестов, ни дворцов,
Ни дворов, ни хлебов:]
- между 73 и 74* [Которые слова переговорил – будьте
назад!
Которые недоговорил – будьте впереди!]
- автограф* *между 60 и 61* В еде не заедали,
В питье не запивали,

271

- авт. маш.* *<гл.> 3*
вместо 28–30 Собою длинный начинает ряд
Упрощенных державных автоматов,
Расписанных по прусским образцам
[Три Александра, пара Николаев,
Отточенных, как бритвенный прибор.]
- авт. маш.,*
авт. маш. 2 *между 34 и 35* [Пока его удачливую бомбой
Не разможжит наивный нигилист.]
- авт. маш. 2* *вместо 71–72* [Всем лютеранским голодом души
Царица чтит российские святыни
И ждет чудес и верит в свой народ.]
- авт. маш. 2* *<гл.> 4*
8–10 Он был хирург, убийца и вятедь –
Не в мраморе, а в мясе высекал
Пигмалион живую Галатею,
- авт. маш. 2* *<гл.> 5*
между 43 и 44 [И этим он обязан будет нам,
Воистину болевшим черной оспой.]
- авт. маш. 2* *<гл.> 6*
вместо 64–66 И нет нигде такого своеволя
[И власти нету более крутой,]
И нет истории темнее и страшней –
Безумнее истории России.

КОММЕНТАРИИ

Первый том Собрания сочинений Максимилиана Волошина охватывает содержание всех сборников его оригинальных стихотворений и поэм, вышедших при жизни поэта, а также редакции и варианты текстов некоторых из них. Впервые дается указатель имен к стихотворным произведениям.

При жизни Волошина было издано семь книг его стихов. Первая — «Стихотворения: 1900—1910» (М.: Гриф, 1910) включила 108 стихотворений и 9 переводов с французского. Во вторую книгу — «Anno mundi ardentis 1915» («В год мирового пожара», как переводил с латинского сам Волошин; М.: Зёрна, 1916) вошло 24 стихотворения, разделенные на три цикла: «Внутренние голоса», «Солнечные сплетения», «Армагеддон» — каждый из которых был снабжен стихотворным эпиграфом. (В 2001 г. наборный экземпляр этой книги — с рисованной обложкой работы Волошина — был обнаружен в краеведческом музее города Березники*).

В 1918 г. вышел из печати третий сборник — «Иверни» («Осколки», «Черепки»), изданный московским издательством С.А. Абрамова «Творчество». Он собрал 80 стихотворений из двух первых книг; еще 39 ранее публиковались в периодике или печатались впервые. Четвертая книга стихов Волошина «Демоны глухонемые» появилась в Харькове в 1919 г. под маркой издательства «Камена». Из предыдущих сборников в нее вошло лишь три стихотворения; остальные двадцать, посвященные революции и Гражданской войне, были опубликованы впервые. В том же 1919 г. «Демоны глухонемые» были приняты к печати в Одессе: 19 сентября 1919 г. Волошин торопил издателя Е.И. Рузера со «вторым изданием» «Демонов глухонемых», указывая, что харьковское издание «все разошлось до конца» и «почти никуда, кроме Харькова, не попало». Тираж при этом предполагался в несколько тысяч: «первые две тысячи» экземпляров поэт предлагал издать «на какой придется» бумаге. В 1976 г. были обнаружены гранки этого издания (ныне — в ДМВ**). В Одессе же, в издательстве

* См.: *Купченко В.* Неожиданная находка. — «Русская мысль». Париж, 2002, 3 янв.

** Список условных сокращений см. на с. 431—433.

«Омфалос» предполагался выход двух книг лирики («Годы странствий. 1900–1910») и «Selva oscura» («Темный лес», *итал.*)*, и на задней обложке «Стихотворений» Э. Верхарна (вышедших летом 1919 г.) «1-я и 2-я книги стихотворений» Волошина даже были названы среди уже напечатанных. В сентябре 1923 г. книга «Демоны глухонемые» была переиздана книгоиздательством писателей в Берлине, тиражом 2500 экземпляров — очевидно, без ведома автора. Иллюстрации были сняты, стихотворения же напечатаны не в подбор, а со спусками, — так что вместо 54-х страниц в книге стало 74, причем при наборе были допущены опечатки, которых у Волошина не было**. В 1997 г. в Пизе вышла отдельная книга З.Д. Давыдова и С.М. Шварцбанда «...И голос мой — набат», посвященная истории создания и анализу «Демонов глухонемых».

Шестой прижизненной книгой Волошина стал вышедший в Берлине сборник «Стихи о терроре» (1923), названный так издателями. В него вошло 23 произведения, 20 из них прежде в сборники не включались. Из-за нападок, которым подвергались тогда в Советской России авторы, публиковавшиеся в эмигрантских изданиях, Волошин был вынужден заявить, что стихи напечатаны без его ведома, хотя в действительности сам передал их за границу и ничего не имел против их публикации там (об этом он писал А.К. Шервашидзе 5 апр. 1920 г. и А.С. Яценко 15 нояб. 1922 г.). А вот о сборничке «Усобица: Стихи о революции», выпущенном во Львове издательством «Живое слово» в том же 1923 г., Волошин действительно не знал. В нем всего 11 стихотворений, взятых из разных изданий — в том числе из «Стихов о терроре». (Любопытно, что два стихотворения имеют здесь иные названия, чем у Волошина: «Божий бич» — вместо «Северовосток» и «Правда мятежа» — вместо «Мятеж»). Тираж книжки был, по-видимому, чрезвычайно мал, но именно ей суждено было стать последним прижизненным изданием Волошина. (Цензурный запрет на ввоз «Усобицы» в СССР появился лишь 20 сент. 1925 г.)

Для издательства М.О. Цетлина «Зёрна» была подготовлена, но так и не напечатана вторая книга «Стихотворений» (1910–1920), включившая в себя циклы «Selva oscura», «Киммерийская весна»,

* Они упоминаются в письме Волошина Я.Г. Натансону (19 сент. 1919 г.).

** «Споражнивая дух» (вместо «опоражнивая») в стихотворении «Петроград»; «разверни» вместо «разверзни» (в стихотворении «Мир»), «Еремой» вместо «Еремей» в «Протопопе Аввакуме».

«Облики», «Anno mundi ardentis», а также венок сонетов «Lunaria» («Лунный», *лат.*), переводы трех стихотворений А. де Ренье и оды П. Клоделя «Музы» (всего 106 произведений). Этот рукописный автографический сборник обнаружил и в 2000 г. издал (тиражом 125 экземпляров) московский библиофил и книговед А.Ф. Марков.

Невыпущенными остались подготовленные Волошиным к печати книги «Звезда Полюнь» и «Ad Rosam» («К Розе», *лат.*), подготовленные для издательства В.И. Иванова «Оры» в 1907 г. (В ДМВ сохранились наборные гранки первой из них*). Такая же судьба постигла книгу «Пламена», включившую «Anno mundi ardentis» и «Демоны глухонемые» и отправленную с А.К. Шервашидзе, выехавшим из белогвардейского Крыма в апр. 1920 г., для И.Д. Сытина. Не дошла до печатного станка книга «Selva oscura», составленная из лирических стихотворений 1910–1914 гг., а также отдельных стихотворений позднейших лет (письмо от 16 дек. 1929 г. к Ю.А. Галабутскому). Договор на нее – под названием «Дантов лес» – был оформлен с издательством М. и С. Сабашниковых 19 мая 1924 г. Не вышла и книга стихов Волошина о революции и Гражданской войне «Неопалимая Купина». Обе они в 1922 г. были предложены Государственному издательству РСФСР, рассматривались там, но в итоге были отклонены (подробнее см. ниже в преамбулах к соответствующим разделам комментариев).

В 1925 г., осмысляя в «Автобиографии» (Воспоминания. С. 35) пройденный им творческий путь, Волошин указал порядок, в котором «должны быть изданы» его стихи: 1. «Годы странствий» (1900–1910); 2. «Selva oscura» (1910–1914); 3. «Неопалимая Купина» (1914–1924); 4. «Путями Каина». К осени 1935 г. этот проект осуществил писатель Лев Евгеньевич Остроумов (1892–1955), подготовивший «полное собрание» стихотворений Волошина объемом в 610 машинописных страниц. Помимо четырех книг, «составленных, спланированных и озаглавленных самим автором», Л.Е. Остроумов подготовил пятую книгу «Паралипомена» (по названию книги Ветхого Завета «Паралипоменон», – то есть, по-гречески, «Книги о пропущенном»), куда вошли «различные стихотворения, не отнесенные поэтом ни к какому циклу». На протяжении десятилетий это «полное собрание» служило главным источником распространения произведений Волошина в списках, а в последние годы – и основой многих публи-

* «Звезда Полюнь. Книга стихов» анонсировалась – с пометой «печатается» – в изданиях «Ор» (см., например: *Ремизов А.* Лимонарь. СПб.: Оры, 1907, в конце книги).

каций. Оно же было использовано при подготовке парижского издания «Стихотворений и поэм» Волошина в двух томах (1982–1984) — наиболее полного свода его стихотворных произведений до выхода в 1995 г. тома «Стихотворений и поэм» Волошина в Большой серии «Библиотеки поэта» (422 произведения с приложением редакций и вариантов некоторых из них).

При подготовке настоящего Собрания сочинений составители не сочли возможным повторять те текстологические решения Л.Е. Остроумова, которые непосредственно не отражали авторскую волю Волошина относительно состава и композиции его поэтических книг, закрепленную в вышедших сборниках или в авторизованных материалах его архива. В частности, стихотворения, включенные Л.Е. Остроумовым в книгу «Паралипомена», распределены нами по разделам «Произведения 1925–1929 годов» (завершенные поэтические тексты, созданные Волошиным после формирования «Собрания стихотворений» в четырех книгах) и «Стихотворения 1899–1931 годов, не вошедшие в основное собрание». Они даются в следующем — втором — томе Собрания сочинений, так же, как и поэма «Путями Каина», состав и композиция которой не получили окончательного завершения.

Для настоящего издания все тексты выверены заново. Стихотворения, написанные до 1918 г., печатаются, как правило, по прижизненным сборникам Волошина (включая и полностью подготовленную автором к печати книгу «Selva oscura»). Стихотворения 1918–1931 гг. печатаются с проверкой по рукописям и авторизованным машинописным текстам, хранящимся в архиве Волошина в Рукописном отделе ИРЛИ (фонд 562). Важным источником для уточнения текстов являются три «творческие тетради» поэта (термин М.С. Волошиной), в которых отражен процесс создания большей части его произведений — от черновых набросков до белого текста. В первой тетради представлена работа 1903–1907, во второй — 1907–1918, в третьей — 1919–1931 гг. Поскольку работа каждого года обозначена в тетрадях соответствующими датами, то и не датированные автором произведения, вписанные туда, можно, по их расположению, отнести к определенному времени.

Даты цитированных или упомянутых в комментариях писем Волошина и его корреспондентов приводятся в соответствии с авторским обозначением; в случае отсутствия такой даты — по штемпелю на конверте или по другим косвенным признакам, в связи с чем первой может стоять дата по новому стилю (письма из-за гра-

ницы или сделанные вне России записи), по старому стилю (письма и записи периода пребывания в России); возможен вариант только по новому или только по старому стилю.

При подготовке текста и комментариев учтены посмертные научно подготовленные издания стихотворного наследия Волошина — «Стихотворения» (сост., подгот. текста и коммент. Л.А. Евстигнеевой. Л.: Сов. писатель, 1977, Малая серия «Библиотеки поэта»); «Стихотворения и поэмы» (в 2-х т.; общая редакция Б.А. Филиппова, Г.П. Струве и Н.А. Струве при участии А.Н. Тюрин. Paris: YMCA-Press, 1982—1984); «Избранные стихотворения» (сост., вступ. статья и коммент. А.В. Лаврова. М.: Сов. Россия, 1988) и особенно «Стихотворения и поэмы», составленные В.П. Купченко и А.В. Лавровым для Большой серии «Библиотеки поэта» (СПб.: Наука; Петербургский писатель, 1995).

В комментариях использованы также архивные материалы, подавляющее количество которых сосредоточено в архиве Волошина (ИРЛИ). Это 470 единиц творческих рукописей Волошина, 1440 единиц писем Волошина и к нему, 770 единиц различных документов и материалов. Личные архивные фонды Волошина образованы также в ИМЛИ (фонд 79) и в РГАЛИ (фонд 102), но они насчитывают лишь по несколько десятков дел. Волошинские материалы имеются также в рукописных отделах РГБ, РНБ, ГЛМ, ГРМ, ГИМ, ФКГА, ДМВ, ГТГ, Государственного музея Л.Н.Толстого (ГМТ), в частных собраниях Москвы, Петербурга, Киева, Одессы, Харькова, Ялты и др. Большая их часть изучена и учтена при подготовке данного Собрания сочинений. В результате сопоставления текстов прижизненных изданий и сохранившихся автографов удалось исправить ряд смысловых погрешностей и опечаток, а также сформировать раздел «Другие редакции и варианты». В него включены фрагменты, состоящие, как правило, не менее чем из трех стихов, а также тексты других редакций в полном объеме. Наличие вариантов и (или) других редакций того или иного текста в указанном разделе отмечается в комментариях (а также в содержании тома) звездочкой при номере стихотворения.

Каждое из конкретных примечаний начинается с библиографической справки, в которой приведена первая публикация текста, а затем — через точку и два дефиса — указаны другие прижизненные публикации, как подготовленные автором, так и осуществленные без его ведома (что зачастую установить в точности невозможно). Здесь же освещается творческая история произведения.

Историко-литературный и реальный комментарий в настоящем издании ориентирован на пояснение биографического и локального («коктебельского» в первую очередь) контекста волошинских произведений. Значительное внимание уделяется социально-историческим событиям и фактам русской и западноевропейской жизни первой четверти XX в., философским течениям эпохи, воздействию которых подвергся Волошин и без знания которых обедняется понимание множества поздних его сочинений. Примечания включают архивные материалы: письма Волошина и к Волошину, автокомментарий поэта, его дневниковые записи и т. п. Нуждается сегодня в подробных пояснениях и широкий круг лиц, с которыми был связан Волошин: адресовал им стихотворные послания, упоминал их в своих произведениях, цитировал их высказывания и т. п. Особое внимание обращено на те реалии, толкование которых требует специальных разысканий, и те, что подверглись переосмыслению в контексте волошинских произведений.

Многократно встречающиеся в комментариях имена современников Волошина поясняются лишь при их первом упоминании либо в тексте произведения, либо в виде посвящения к стихотворению или циклу стихов.

Подстрочные ссылки в тексте, не оговоренные как редакторские, принадлежат Волошину.

В начале своего творческого пути (1900—1909) Волошин часто не датировал свои произведения — и затем в печатных изданиях ставил даты по памяти, нередко с ошибками. Установленные и уточненные по другим источникам (письмам, записям в дневниках и т. п.) датировки сообщаются в примечаниях либо указываются в угловых скобках под текстом стихотворения.

О сложности атрибуции некоторых произведений Волошина говорят следующие примеры. Ему приписывалось стихотворение «Обожжет болото» («Москва». 1977, № 5), автором которого является В.А. Моница (см. альм. «Свиток». М., 1922, № 2). Многократно разными публикаторами приписывалось Волошину стихотворение «Чайка и Саломея» (последнее упоминание — «Неделя». 1989, № 27. С. 17), написанное киевским поэтом Михаилом Волошиным. Не принадлежат Волошину эротические стихи «Как жадно я люблю твои уста...», «Первоцвет», «Манящий взор, крутой изгиб бедра...», «Волнообразно двигая спиной...», хранящиеся в ИМЛИ. Первое из них написано К.Д. Бальмонтом (остальные, скорее всего, тоже им) — и лишь переписаны Волошиным.

Загадкой остаются три переведенных Волошиным стихотворения: «Тидальские тени», «Колыбельная песенка» (с шведского) и «Сидела царевна...». Последнее долго считалось оригинальным произведением Волошина — но в 1970-х гг. в ДМВ поступил (от А.А. Арендт) автограф с подписью «Перевод М. Волошина». О «Колыбельной песенке» (см.: «Север». 1977, № 5, с опечаткой в имени: надо «Бланка» вместо «Бианка») известно лишь, что Волошин перевел его летом 1900 г. на Майорке. Все попытки установить авторов этих стихотворений не дали пока результатов.

Составитель комментариев выражает свою признательность Мари-Од Альбер (Париж), Е.Н. Будаговой (СПб.), Н.М. Иванниковой (Москва), Е.И. Лубянской (СПб.), А.Ф. Маркову (Москва), Э.С. Менделевичу, А.В. Меню, С.И. Субботину (Москва — Троицк), Р.П. Хрулевой (СПб.), В.И. Цветкову (Москва) за разнообразную помощь в работе. Особую благодарность он испытывает к памяти М.С. Волошиной (1887—1976) и В.А. Мануйлова (1903—1987), консультациями которых пользовался в работе над наследием поэта. Используются некоторые комментарии Э.С. Менделевича из составленной им книги М. Волошина «Россия распятая» (М.: Агентство Пан, 1992).

Условные сокращения, принятые в примечаниях и в разделе «Другие редакции и варианты»

авт. маш. — авторизованная машинопись.

альм. — альманах.

АМА — *Волошин М. Anno mundi ardentis 1915*. М.: Зёрна, 1916.

Антология — сб. «Антология». М.: Мусажет, 1911.

Б. — Берлин.

БВ — газ. «Биржевые ведомости» (СПб.—Пг.).

б. д. — без даты.

Воспоминания — сб. «Воспоминания о Максимилиане Волошине» / Сост. В.П. Купченко и З.Д. Давыдов. М.: Сов. писатель, 1990.

ВРХД и ВРСХД — журн. «Вестник русского христианского движения» либо «Вестник русского студенческого христианского движения» (Париж).

ГАКО — Государственный архив Крымской области (Симферополь).

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации (Москва).

ГИМ — Рукописный отдел Государственного Исторического музея (Москва).

ГЛМ – Государственный Литературный музей. Отдел рукописей (Москва).

ГРМ – Государственный Русский музей. Отдел рукописей (Санкт-Петербург).

ГТГ – Государственная Третьяковская галерея. Отдел рукописей (Москва).

ДГ – *Волошин М.* Демоны глухонемые. Харьков: Камена, 1919.

ДМВ – Дом-музей М.А. Волошина (Коктебель).

ЕРО – сб. «Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома» (Ленинград – Санкт-Петербург).

Иверни – *Волошин М.* Иверни: Избранные стихотворения. М.: Творчество, 1918.

Изборник – «Сборник литературно-художественных революционных произведений». М.: [Б. и.], 1922. – На обл.: Изборник.

ИМЛИ – Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН. Отдел рукописей (Москва).

ИРЛИ – Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург).

История моей души – *Волошин М.* История моей души / Сост. В.П. Купченко. М.: Аграф, 1999.

Книга – «Книга о русских поэтах последнего десятилетия» / Под ред. М. Гофмана. М.; СПб.: Товарищество М.О. Вольф, 1909.

Книга для чтения – «Книга для чтения по истории новейшей русской литературы» / Сост., вв. статьи и коммент. В.Л. Львова-Рогачевского. Л.: Прибой, 1925. Т. 2.

Кругликова – «Париж накануне войны в монотипиях Е. Кругликовой». Пг.: Унион, 1916.

ЛТ-88 – *Волошин М.* Лики творчества / Изд. подготовили В.А. Мануйлов, В.П. Купченко, А.В. Лавров. Л.: Наука, 1988. (Серия «Литературные памятники»).

МГ – «Московская газета».

Менделевич – *Менделевич Э.* «Пойми простой урок моей земли...»: (Статьи о Максимилиане Волошине). Орёл: Б.С. Вишневская, 2001.

НК – *Волошин М.* Неопалимая Купина (машинописный сборник – ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 141).

НРК – журн. «Новая русская книга» (Берлин).

НРС – газ. «Новое русское слово» (Нью-Йорк).

Пинаев – *Пинаев С.М.* «Близкий всем, всему чужой...»: Максимилиан Волошин в историко-культурном контексте серебряного века. М.: Рос. ун-т дружбы народов, 1996.

Путник по вселенным — *Волошин М.* Путник по вселенным / Сост., вступ. ст., коммент. В.П. Купченко и З.Д. Давыдова. М.: Сов. Россия, 1990.

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).

РГБ — Российская гос. библиотека. Отдел рукописей (Москва).

РНБ — Российская национальная библиотека. Отдел рукописей (Санкт-Петербург).

РР — *Волошин М.* Россия распятая: [Лекция] / Публ. В. Купченко и З. Давыдова // «Юность». 1990, № 10.

Рус. поэзия XX — Русская поэзия XX века / Антология / Сост. И.С. Ежов и Е.И. Шамурин. М.: Новая Москва, 1925.

Северные цветы-1903 — «Северные цветы». 3-й альм. книгоиздательства «Скорпион». М., 1903.

Северные цветы-1905 — «Северные цветы ассирийские». Альм. 4-й книгоиздательства «Скорпион». М., 1905.

Северные цветы-1911 — «Северные цветы». Альм. 5-й книгоиздательства «Скорпион». М., 1911.

СИП-1 — *Волошин М.* Стихотворения и поэмы / Под ред. Б.А. Филиппова, Г.П. Струве и Н.А. Струве. Paris: YMCA-Press, 1982. Т. 1.

СИП-2 — *Волошин М.* Стихотворения и поэмы / Под ред. Б.А. Филиппова, Г.П. Струве и Н.А. Струве при участии А.Н. Тюрина. Paris: YMCA-Press, 1984. Т. 2.

Смф. — Симферополь.

СоТ — *Волошин М.* Стихи о терроре. Б.: Книгоиздательство писателей в Берлине, 1923.

Стих. — *Волошин М.* Стихотворения: 1900—1910. М.: Гриф, 1910.

Стих-2 — *Волошин М.* Стихотворения: Книга вторая (1910—1920) / Предисл. А.Ф. Маркова. М.: Норма, 2000.

Стих-77 — *Волошин М.* Стихотворения / Сост. и коммент. Л.А. Евстигнеевой. Л.: Сов. писатель, 1977 (Библиотека поэта. Малая серия).

Тг-1 — творческая тетрадь Волошина (стихи 1903—1907, ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 5).

Тг-2 — творческая тетрадь Волошина (стихи 1907—1918, ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 6).

Тг-3 — творческая тетрадь Волошина (стихи 1919—1931, ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 7).

ФКГА — Феодосийская картинная галерея им. И.К. Айвазовского. Фонды.

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

Книга первая

ГОДЫ СТРАНСТВИЙ

К моменту выхода из печати своей первой книги (27 февр. 1910) Волошин уже приобрел значительную известность как поэт, литературный и художественный критик. Опубликовав свои стихи в 1903 в журнале «Новый путь» и в альманахе «Северные цветы» (М.: Скорпион), он затем печатался в газете «Русь», в журналах «Весы», «Перевал», «Золотое руно», «Вестник теософии», «Аполлон» и др. Уже в 1909 он удостоился отдельного критического очерка в «Книге о русских поэтах последнего десятилетия» (С. 367–370). Сборника от него ждали давно, что было отмечено и в отзывах на Стих.

Из числа авторов критических откликов книга оставила равнодушным одного Н. Валентинова («Киевская мысль». 1910, 16 марта). «Оторванным от живой жизни», замкнутым «в круге узко-эстетических интересов» декадентом увидел Волошина В.П. Полонский («Всеобщий ежемесячник». 1910, № 5. С. 91–100). Признавая, что поэт «умело создает нужное ему настроение», критик тут же утверждает его неспособность «воплотить» воспринятое. Для В.П. Буренина (скрывшегося за псевдонимом А. Б-ъ) стихи Волошина «попахивают керосином, книжной пылью, затхлостью музеев» («Новое время». 1910, 25 апр.). «Книга ума, а не чувства, тонкой ювелирной работы, а не вдохновения», — писал анонимный автор рецензии в «Золотом руно» (1909, № 11/12. С. 103; по-видимому, С.М. Городецкий). «Изысканная, сложная, но лишенная поэтической силы» книга, — вторил ему В.М. Волькенштейн («Современный мир». 1910, № 4, отд. II. С. 132). «Здесь чувство, переработанное интеллектом, пытается отчеканиться в скульптуру образов», — формулировал О. Б. в газ. «Утро России» (1910, 30 марта).

Немногим снисходительнее были мэтры поэзии. М.А. Кузмин, отмечая две «определяющие» особенности стихов Волошина — импрессионизм и оккультизм, назвал его лирику «внежизненной». «Своеобразная таинственность переживаний, большое мастерство, не похожие на приемы других художников, очень отличают М. Волошина и делают понятным его влияние на многих более молодых поэтов», — словно бы нехотя признавал рецензент («Аполлон». 1910, № 7. С. 37–38). Вяч. Иванов, признавая, что «Волошин — поэт большого дарования и своеобразных, горьких чар», отмечал, что «его вкус не безупречен, а общее тяготение его поэзии — не жизненно» (там же. С. 38).

Более высокую оценку дал книге В.Я. Брюсов. Соглашаясь с тем, что стихи Волошина «не столько признания души, сколько создания искусства», он замечает: «М. Волошин <...> пишет лишь тогда, когда ему есть что сказать или показать читателю нового, такого, что еще не было сказано или испробовано в русской поэзии». По мнению В.Я. Брюсова, стихи Волошина «сделаны рукой настоящего мастера, любящего стих и слово», и они уже сыграли определенную роль «в деле обновления русского стиха» («Русская мысль». 1910, № 5. Отд. III. С. 127–128).

Большинство рецензентов отказали Волошину в искренности переживаний, увидев «маску» вместо лица; лишь двое оказались в этом отношении при особом мнении. С-ов (по-видимому, издатель книги С.А. Соколов) признавал, что Волошин не только «много видел и умел <...> красиво зарисовать», но и прочувствовал все эти впечатления («Столичная молва». 1910, 26 марта). Б. (скорее всего — Э.М. Бескин) также высоко оценил книгу Волошина, указывая, что лучшее у него — «человеческое, интимное, переживное» (МГ. 1910, 1 марта).

Сохранилось предисловие Волошина к книге, оставшееся неопубликованным. В нем он писал:

«Читатель! Вот книга лирики. Я писал ее десять лет. В ней нет иного единства, чем единство моего Я. Оно менялось и преображалось. Вместе с ним менялись стихи. Так что у всей книги нет иного имени, чем мое собственное. Но она состоит из четырех эпох и, значит, из четырех книг.

Каждый писатель, принято говорить, хоронит в себе поэта, умершего молодым. Но и тот, кто остается поэтом, успевае похоронить в себе несколько различных поэтов. Я знаю, что можно любить только умерших: они не меняются. Не бойся же полюбить поэтому тех четырех поэтов, которых я похоронил в этой книге.

Один был юн, наивен, жизнерадостен. Он много ходил по земле, от Аральского моря до Гибралтара, но видел только внешние формы и слышал только внешние слова. Он писал урывками и только делал опыты со стихом. Он написал «Годы странствий». Поэт, сменивший его, жил в Париже в замкнутом кругу музеев и искусства. Они преобразались для него первыми зарницами первой любви. Он написал книгу «Amorі Amara Sacrum» <«Святылище горькой любви», лат.>. В ней несложные чувства и много лиризма. Верно, она понравится тебе. Ее будут знать наизусть молодые девушки, с братьями читать сёстры.

Книгу “Звезда Полынь” написал уже взрослый поэт. Его дух прошел через “горькую любовь” и обратился к горькой Земле. Он старался сознать себя в истории астрологических планет, порядок которых записан в названии дней недели, он искал себя в католическом символизме и христианской мистике, он принадлежал к трагической земле древней Киммерии, ставшей его приемной родиной, он из всего прожитого сплел венок сонетов — Астральную корону.

В этой книге ты встретишь, читатель, много непонятных тебе имен, образов и сравнений. Ни одно из них не случайно. Каждое может быть объяснено, оправдано и доказано. Увы! недоверие читателя к поэту так велико в наши дни, что я должен предупреждать тебя даже об этом.

Поэзия не учебник, она ничего не объясняет, ничего не растолковывает. Прозаик может свысока поучать своего читателя. Поэт говорит всегда как равный с равным или молчит. Он только намекает, напоминает то, что было известно. Мысли “Звезды Полыни” не так сложны, символы ее не так запутаны, чтобы их нельзя было бы пояснить несколькими большими примечаниями. Но я не хочу делать примечаний.

Что даст примечание? Прочитавший его убедится в том, что поэт написал не просто бессмыслицу, как ему показалось сначала, но больше он ничего не получит, и стихотворение ничего не скажет ему, <как> оно может говорить лишь с тем, кто сам вступил уже в эту область сознания, и для кого знание уже оделось чувством. Поэтому не надо примечаний.

Поэт, написавший “Алтари в пустыне”, не умер и еще будет писать. О нем молчу.

У всех четырех отделов есть свои достоинства и свои недостатки. Я сам с удовольствием написал бы о ней интересную статью в “Лицах творчества”. Но, к сожалению, это не принято» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 330).

Первая книга Волошина должна была называться «Годы странствий»: об этом он писал М.В. Сабашниковой 9 авг. 1904. Это название восходит к роману И.В. Гёте «Годы странствий Вильгельма Мейстера» (1821—1829). В конце 1906 Волошин предлагал книгу под таким же заглавием издательству «Знание» (письма к М.В. Сабашниковой от 13 дек., к А.М. Петровой от 17 дек.). Впоследствии (в ответ на запрос Госиздата от 27 окт. 1922 за подписью: Э.Кранц) поэт включил «Годы странствий» наряду с другими своими книгами в список своих стихотворных сборников, предлагаемых Госиздату (16 янв. 1923). Договор на издание сборника «Годы странствий» Волошин подписал

19 мая 1924 с издательством М. и С. Сабашниковых. Все эти проекты так и не были осуществлены. Тем не менее название «Годы странствий (1900–1910)» будет фигурировать и в позднейшем перечне «написанных» книг, составленном Волошиным 16 дек. 1929.

В настоящем разделе Собрания сочинений воспроизводится состав и композиция Стих. со следующими изменениями: 1. Стихотворение «Венеция» приведено в окончательной расширенной редакции (по сб. «Иверни»); 2. Стихотворения «Голова madame de Lamballe», «Предвестия» и «Ангел Мшчэня» перенесены — в соответствии с решением самого Волошина — в НК; 3. Изъят сонет «Луна», поскольку он является (в измененной редакции) магистралом венка сонетов «Lunaria» в составе книги «Selva oscura»; 4. Переводы двух стихотворений Ж.-М. Эредиа («Бегство кентавров», «Ponte Vecchio»), пяти стихотворений Э.Верхарна («На север», «Ноябрь», «Осенний вечер», «Ужас», «Человечество») и двух стихотворений С.Малларме («Лебедь», «...О, зеркало, — холодная вода...») перенесены в том переводов.

1. ГОДЫ СТРАНСТВИЙ

Якову Александровичу Глову

Я.А. Глов (1877–1938, расстрелян) — двоюродный брат поэта; с ним Волошин был дружен, начиная с 1898. Переводчик Ж. Валлеса, историка Д. Стерна, один из соавторов путеводителя по Парижу (М., 1914), журналист, Глов был участником революционного движения (эсер).

Эпиграф к разделу — последняя строфа стихотворения Волошина «Я — Вечный Жид. Мне люди — братья...» (см. т. 2 наст. Собрания, № 302).

1. Пустыня («Монмартр... Внизу ревет Париж...»). «Новый путь». 1903, № 8, с редакторской правкой. - - Стих. Автограф под загл. «Пустыня (Сыр-Дарья — Париж)» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 18, л. 1). В стихотворении отразились впечатления о пребывании Волошина в экспедиции по Сырдарье осенью 1900 на изысканиях Оренбурго-Ташкентской железной дороги. Строки 1–29 вписаны в альбом Н.Л. Ауэр (Миклашевской) в Париже 7 (20) февр. 1902. Окончание стихотворения записано в дневнике Волошина 1902 с пометой: «26 <13> мая. Вечер». По-видимому, осенью 1902 Волошин переслал полный текст стихотворения А.М. Петровой в Феодосию: 1 (14) дек. 1902 он упрекал ее: «Вы мне до сих пор ничего не написали об моей “Пустыне”».

Дворцов и храмов Тамерлана. При полководце Тамерлане (Тимури; 1336—1405) в Средней Азии было построено множество дворцов и мечетей. Самые знаменитые всё еще украшают Самарканд; кое-что (напр., руины т. н. «Белого замка») сохранилось от построек Тамерлана и в Бухаре. *Да одиноко городища* и т. д. В частности, на Волошина произвели большое впечатление развалины города Саурана. *Джюсан* — степная трава.

2. В вагоне. Северные цветы-1903. -- Стих. -- Иверни. Написано в ночь на 25 мая (7 июня) 1901, по пути в Испанию. Первый подход к теме — стихотворение в прозе «Железная дорога» (12 нояб. 1890), где упомянут «мерный, усыпляющий шум колес». В очерках «Листки из записной книжки» («Русский Туркестан». 1901, 9 февр.) Волошин так описал «свисток русского паровоза»: «Ведь в нем так и слышится бесконечная унылая степь, косой дождик, бьющий в скользкие стены вагонов, огоньки затерянной в глуши станции и еще тысячи верст путешествия впереди».

3. Кастаньеты. «Новый путь». 1903, № 8, под загл. «Вальдемоза». -- Книга (под тем же загл.). -- Стих. -- Иверни. Начато в деревне Вальдемоза на острове Майорка (Балеарские острова), где Волошин находился с 8 (21) июня по 18 июня (1 июля) 1901 с художниками Е. Н. Давиденко, А. А. Киселевым и Елизаветой Сергеевной *Кругликовой* (1864—1941), которой и посвящено стихотворение. Описание «бала», устроенного для них в местной таверне, Волошин сделал в записной книжке 8 (21) июня и в письме к А. М. Петровой от 11 (24) июня 1900. Стихотворение положено на музыку Б. А. Прозоровским («Романсы для пения с фортепиано». Ростов/Дон, б. д.) и С. Малявиным (Пг., б. д.).

***4. Via Mala.** «Новый путь». 1903, № 8. -- Стих. В тетради стихов 1899—1900 датировано сент. 1899 — но, по-видимому, было завершено позднее, в Париже. Оттуда Волошин посылал стихотворение И. Х. Озерову 26 окт. (7 нояб.) и А. М. Петровой 1 (13) ноября 1899. Тогда оно было больше на девять строк, позднее отброшенных.

Via Mala (буквально «плохая дорога», *итал.*) — ущелье в долине Западного Рейна, близ селения *Тузис* в Швейцарии. *Раутенделейн* — героиня драматической сказки Г. Гауптмана «Потонувший колокол» (1896), «существо из мира фей».

5. Тангейзер. «Новый путь». 1903, № 8. - - Стих. В письме к А.М. Петровой от 14 (27) авг. 1901 Волошин характеризовал стихотворение как «впечатление спуска в Андорру». В письме к ней же 2 (14) сент. Волошин пояснял: «Это стихотворение называется просто “Тангейзер”, а об Андорре тут я упомянул только потому, что писал его под этим впечатлением. Меня страшно поразила эта картина своим полным тождеством с первым актом вагнеровской оперы, когда грот Венеры исчезает в громе и молнии, а Тангейзер остается один в широкой долине, и торжественно и мирно звучит этот полуцерковный мотив». В записной книжке Волошина (1900) под 10 июня (28 мая) помечено: «Андорра. Спуск в долину. (Тангейзер)».

Тангейзер – миннезингер XIII в. Согласно легенде, богиня Венера увлекла его в грот на горе Гезельберг, где он провел с нею семь лет. Этот сюжет использован в опере Р. Вагнера «Тангейзер» (1845). *Андорра* – небольшое государство в Пиренеях, между Испанией и Францией.

***6. Венеция.** «Новый путь». 1903, № 8, в виде одной строфы, с пометой и датой: «Венеция. 1899». - - Стих (в той же редакции). - - Окончательный текст – Антология, Иверни и Рус. поэзия XX. Печ. по Иверни. Первоначальный вариант записан в дневнике 1902. Затем Волошин работал над стихотворением летом 1909 в Коктебеле (автограф в Тт-2, л. 28 об.) и в начале 1910 в Петербурге. В Антологии стихотворение посвящено Александру Яковлевичу Головину (1863–1930) – живописцу, художнику театра. Он упоминал об этом стихотворении так: «Верные и тонкие намеки дали в своих стихах о Венеции Блок и Волошин» (*Головин А. Встречи и впечатления.* Л.; М.: Искусство, 1940. С. 39).

Орканья (наст. имя Андреа ди Чоне; ок. 1308 – ок. 1368) – итальянский живописец и скульптор. *Шелков Веронеза закатная Кана.* Подразумевается картина итальянского живописца венецианской школы Паоло Веронезе (наст. фамилия Кальяри; 1528–1588) – «Брак в Кане» (между 1562 и 1563; хранится в Лувре). *Тинторетто* (наст. фамилия Робусто) Якопо (1518–1594) и *Тициан* (Тициано Вечеллио; ок. 1476/1477 или 1489/1490–1576) – итальянские живописцы, представители венецианской школы.

***7. На Форуме.** Альм. «Гриф». М., 1903. - - Стих. В «Журнал путешествия», который Волошин вел по очереди со своими спутниками-студентами в Европе, стихотворение было вписано 2 (15) июля 1900,

на третий день пребывания в Риме. Перед этим В.П. Ишеев записал: «На Форуме очень приятно бродить среди сохранившихся выше-где колонн, развалин, арок <...>. Макс сидел мечтательно на высоких развалинах базилики Константина под мощными арками...».

Цицерон Марк Туллий (106—43 до н. э.) — римский политический деятель, оратор и писатель. *Пинии* — деревья семейства хвойных, итальянские сосны (*Abies balsamea*).

***8. Акрополь. «Око».** СПб., 1906, 6 окт. -- Стих. Вариант — автограф (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 90, л. 4 об.). Волошин был на афинском Акрополе 22 июля (4 авг.) 1900. «Самое характерное для него — это стройный белый профиль тонкой ионийской колонны на темно-синем небе», — записал он в тот день в «Журнале путешествия». Однако само стихотворение возникло много позднее: авторская датировка указывает лишь на время пребывания Волошина в Греции. Наброски стихотворения находим в Тт-1, без даты, перед записью от 27 мая 1903. 1 февр. (19 янв.) 1904 Волошин послал стихотворение А.М. Петровой, которая в ответ напомнила, что оценила его еще в 1903 в Крыму.

Пропилеи — парадный вход на афинский Акрополь. *Кефиз* (Кефисс, ныне Кифисос) — река, орошающая равнину, на которой расположены Афины. *Эрехтейон* — памятник древнегреческой архитектуры (421—406 до н. э.), храм Афины и Посейдона-Эрехтея на Акрополе. *Театр Диониса* у подножия Акрополя — главное зрелищное сооружение Атики.

9—19. Париж. Стих.

Волошин впервые посетил Париж в 1899, жил там в 1901—1905 и в 1915—1916, приезжал в 1906, 1908, 1911. «Он меня совсем покори́л, уничтожил и влюбил в себя», — писал поэт А.М. Петровой 4 дек. (22 нояб.) 1899. А в 1910 заметил: «Париж — нервный узел всей Европы, солнечное сплетение ее чувствующих и сознающих тканей». Начиная с этого цикла, многие стихи Волошина обязаны своим возникновением или прямо обращены к Маргарите Васильевне Сабашниковой (1882—1973). Они познакомились весной 1903 в Москве, поженились весной 1906. Художница-портретистка, писавшая стихи, М.В. Сабашникова имела в 1904—1905, во время их встреч в Париже, огромное влияние на Волошина. 29 июня 1905 он отметил в дневнике: «Всё, что я написал за последние два года, — всё было только обращением к М<аргарите> В<асильевне> и часто только ее словами».

1. С Монмартра. Стих. Стихотворение было послано А.М. Петровой 9 июня (27 мая) 1905 (загл. «На Монмартре»), в числе других, с пояснением: «Стихов я писал этот год очень мало. <...> Те, что написал, прилагаю».

Твой образ — Слава! Лучи, как символ славы, приняты в иконописании. *Мистические свечи.* Согласно учению Каббалы, Бог создавал мир, отделяя от себя свои эманации — сефиры. Семь низших эманаций изображались в виде семисвечника, который, по-видимому, и напоминал Волошину соцветия парижских каштанов.

***2. Дождь.** Северные цветы-1905, без загл. - - Стих. - - Иверни. Вариант — автограф в Тг-1 (л. 12). В письме от 16 (3) февр. 1904 Волошин писал М.В. Сабашниковой из Парижа: «Когда я распахнул окно, ворвалась струя влажного грозового воздуха. Над высотами Монмартра текли и клубились серые грозовые тучи. <...> И тут вдруг хлынули, закрутились и понеслись серые, ласковые, влажные феи дождя». Чуть ниже следует текст комментируемого стихотворения с правкой и зачеркнутой строфой, после чего Волошин добавлял: «Я начал говорить Вам начало и неожиданно нашел конец. Похоже это на дождь?».

Морды чудовищ — скульптуры на верхней площадке собора Парижской Богоматери (*Notre-Dame*): химеры, олицетворяющие человеческие пороки.

3. «Как мне близок и понятен...». «Новый путь». 1903, № 8. - - Стих. Автограф стихотворения — в дневнике Волошина за 1902, б. д.; по контексту — не ранее 24 мая. Связано с началом занятий живописью.

4. «Осень... Осень... Весь Париж...». «Новый путь». 1903, № 8 («Утро. Пасмурный Париж...»). - - Стих. - - Иверни. Вписано в дневник Волошина 1902—1903, в конце тетради, в числе четырех стихотворений, с пометой: «То, что было написано с марта 1901 г. до декабря 1902 г. в Париже». Стихотворение было послано А.М. Петровой 14 (1) дек. 1902 как «новое».

5. «Огненных линий аккорд...». Северные цветы-1905. - - Стих. Автограф — под загл. «Черное в золотом» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 25, л. 1). Послано А.М. Петровой 1 февр. (19 янв.) 1904 из Парижа, вместе с другими, с пояснением: «Стихов я действительно написал много новых и посылаю их. Как приехал в Москву, так меня и прорвало. Теперь снова мало пишу». В Москве поэт находился с начала ноября по 27 нояб. 1903.

Обелиск — стоящая в центре *Place la Concorde* (площади Согласия) монолитная гранитная колонна, привезенная из Луксорского дворца (бывшие Фивы) египетского фараона Рамсеса II (XIII в. до н. э.).

6. «Закат сиял улыбкой алой...». Северные цветы-1905. -- Книга, под загл. «Париж». -- Стих. -- Иверни. В стихотворении отражены впечатления от поездки по Сене вместе с М.В. Сабашниковой в Сен-Клу 13 июня (31 мая) 1904. В дневнике «История моей души» Волошин в тот день записал: «Смотрите, какой праздник на воде». Праздник серых теней. Вечером был праздник и огни танцевали в реке. Кто-то проносил большие алмазы. Пароходы проходили, оставляя зеленых танцующих змеек». Стихотворение было послано М.В. Сабашниковой из Женевы 9 авг. (27 июля) 1904, где аттестовалось как (еще не написанная) «вторая часть» стихотворения «Письмо».

Медон — город близ Парижа.

7. «В серо-сиреневом вечере...». «Весы». 1907, № 1, под загл. «В Булонском лесу», в цикле «Картины Парижа». -- Стих. -- Иверни. Черновой автограф — под загл. «В Булонском лесу» (Тт-1, л. 40). Послано А.М. Петровой, судя по штемпелю, 9 июня (27 мая) 1905; в Тт-1 датировано 2 июля. М.В. Сабашниковой послано 3 июня (20 июля). Стихотворение было высоко оценено В.Я. Брюсовым. Он (согласно записи Волошина в тетради 1907) говорил, приведя первую строфу: «Здесь все звуки оправдывают один другой. В начале это повторение звуков *с* и *р*, которые дают ощущение вечера. Потом “радостны сны”. Это — *сны*, *сны* — было бы некрасиво, если бы ударение не стояло так далеко, — радостны и это — *сны* — не скрадывалось бы совершенно. И затем все звуки подготавливают и разрешаются в конечном слове “Леонардо да Винчи”. И тут же легкое изменение размера, нарушающее строгий порядок. Эти четыре стиха я могу считать образцом». Однако А.А. Бурнакин в статье «От Сциллы к Харибде и оттуда... в пролёт двух стульев» приводил строчки «Алым трепетом пали на статую Золотистые пятна», как пример частого у декадентов «диссонанса окрасок» (альм. «Белый камень». М., [1907]. С. 104). *Иванова Анна Николаевна* (1877–1939) — двоюродная сестра М.В. Сабашниковой.

«Вечеря» — фреска Леонардо да Винчи «Тайная вечеря» (1495–1497) на стене трапезной миланского монастыря Санта Мариа делле Грацие. Волошин смотрел ее во время пребывания в Милане 1 июля 1900, записав тогда же: «Все в ней стройно и соответственно, как в математической выкладке» (записная книжка № 26). Высылая стихотворение М.В. Сабашниковой, Волошин сообщал, что читает книгу А.Л. Вольнского «Леонардо да Винчи» (СПб.: А.Ф.Маркс, 1899).

8. «На старых каштанах сияют листья...». «Русь». 1906, 1 нояб. -- Стих. -- «Керчь-Феодосийский курьер». 1913, № 77, под загл. «Весною». -- Иверни. Стихотворение было послано М.В. Сабашниковой

23 (10) марта 1906 с таким комментарием: «Вот плохонькие строчки, которые я написал вчера. <...> В них несколько строк еще прошлого года».

Строй геральдических лилий. Имеются в виду изображения лилий в гербах французских королей, по своей форме напоминающие листья каштанов.

9. «В молочных сумерках за сизой пеленой...». Стих. - - Иверни. Написано, по-видимому, весной 1909 в Коктебеле. 1 мая Е.И. Дмитриева уже получила в Петербурге текст от Волошина и сообщала: «Ваш <сонет> о Трианоне страшно хорош».

Трианон — парковые дворцы в Версале (Большой и Малый).

10. «Парижа я люблю осенний строгий плен...». Стих. - - Иверни - - Рус. поэзия XX. Согласно Тг-1, работа над стихотворением начата в 1908, закончена в 1909.

Большое Колесо — гигантское колесо обозрения с подвесными сиденьями, аттракцион Всемирной выставки в Париже (1900). *Башня-великанша* — Эйфелева башня, построенная к такой же выставке (1889) на Марсовом поле у Сены.

11. «Перепутал карты я пасьянса...». Стих. Авторская датировка неточна. 17 (4) дек. 1908 стихотворение было послано А.М. Петровой с пометой: «Вот несколько строф, что я написал месяц тому назад».

Герцык Аделаида Казимировна (Лубны-Герцык, в замужестве Жуковская; 1874—1925) — поэтесса, переводчица, критик. Волошин познакомился с ней и с ее сестрой Е.К. Герцык зимой 1906/1907 в Петербурге; начиная с лета 1907 не раз бывал у них на даче в Судак. *Иль де Франс* — наследственное владение Капетингов, ставшее основой и центром французского государства; провинция, включающая Париж. 12 июля 1908 Волошин писал А.М. Ремизову: «Иль де Франс — самая красивая страна: леса и хлебные поля, замки с парками, и старинные городки, совсем пустынные, сплошь из камня сложенные, и аллеи по дорогам». *Версаль* — дворцово-парковый ансамбль в 20 км от Парижа, в прошлом — резиденция французских королей. *Грааль* — в средневековых западноевропейских легендах — сакральный сосуд (чаша с кровью Христа). *Монсальват* — в бретонском цикле легенд «гора спасения» на севере «готической» Испании с построенным там замком, где хранится св. Грааль. *Меганом* — мыс в восточном Крыму, между Коктебелем и Судакком.

***20. Диана де Пуатье.** «Русская мысль». 1907, № 6. - - Стих. - - Иверни. Вариант — автограф (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 25, л. 13). 23 марта 1907, находясь в пути из Петербурга в Крым, Волошин сооб-

щал М.В. Сабашниковой: «Я все писал в уме сонет о Фонтенебло и Диане де Пуатье». 26 марта из Коктебеля ей был отправлен полный текст стихотворения. «Великолепным» назвал этот сонет В.П. Полонский («Всеобщий ежемесечник». 1910, № 5. С. 95). Л.П. Гроссман позднее привел его в статье «Поэтика русского сонета» как образец сонетной формы (*Гроссман Л.* Борьба за стиль. Изд. 2. М.: Никитинские субботники, 1929. С. 130).

Диана де Пуатье, герцогиня Валантенуа (1499–1566) – возлюбленная короля Франции (1547–1559) Генриха II (1519–1559). *Фонтенебло* – лес окружностью около 90 километров. В его центре находится дворец и сады Фонтенебло, ныне место прогулок жителей Парижа. *Над троном Валуа ты свой воздвигла герб с лунный серп средь лилий Генриха и саламандр Франциска...* Три белые лилии – герб династии Валуа (1328–1589), к которой принадлежали и Генрих II, и Франциск I (1494–1547), король Франции (1515–1547); впоследствии – герб французских королей династии Бурбонов. Генрих II подписывал письма буквой «Н», к которой примыкали два полумесяца. Полумесяц был личной эмблемой Генриха, но он обозначал также и небесное светило, которое олицетворяла прекрасная Диана. Буква «Н» и два полумесяца образовывали два латинских «D». Этот вензель можно было видеть, напр., над каминами во всех королевских замках, так же как и изображении саламандры – эмблемы Франциска I. Последняя имеет вид маленькой ящерицы или бескрылого дракона (иногда с фигурой, похожей на человеческую или собачью) среди языков пламени. *Замимф* как священное покрывало карфагенской богини Танит, тождественной Астарте – богине Луны у финикийцев, описывается в романе Г. Флобера «Саламбо» (1862; рус. пер. 1863); Волошин упоминает замимф в письме к А.М. Петровой от 13 нояб. 1899. *Олень-Актеон...* Фрагмент скульптуры Ж. Гужона (см. о нем ниже), сюжет которого восходит к античному мифу: богиня Артемида (в римской мифологии Диана), разгневанная тем, что охотник Актеон увидел ее нагой перед купанием, превратила того в оленя. *Гужон Жан* (1510–1572) – французский скульптор, изваявший обнаженную фигуру Дианы-охотницы с оленем. Она предназначалась для украшения паркового фонтана у замка в Анэ, принадлежавшего Диане де Пуатье; находится в музее Лувра.

*21. В *цирке*. «Двадцатый век». 1906, 5 апр. -- Стих. -- Рус. поэзия XX. Автограф – с посвящением «М. В. С.» (М.В. Сабашниковой), вариант (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 19, л. 13–13 об.); автограф – под

загл. «На арене», вариант (там же, ед. хр. 90, л. 3). В стихотворении, по-видимому, отразились впечатления вечера в Московском литературно-художественном кружке 18 нояб. 1903, на котором К.Д. Бальмонт прочел лекцию об О. Уайльде, вызвавшую издевательскую реакцию большинства зала, настроенного против «декадентов». М.В. Сабашникова в своем дневнике так описала выступление *Андрея Белого* (Бориса Николаевича Бугаева; 1880–1934) в прениях после этой лекции: «Он вышел спокойный и тихий и посмотрел на публику своими узкими и проникновенными глазами. — Апостол Павел сказал... — публика покатывается со смеху; он остановился и посмотрел, она затихла, он продолжал говорить. Странно слышать этого мальчика и его чистые слова среди этого содома».

22. Рождение стиха. Северные цветы-1905. - - Книга - - Стих. В янв. 1904 Волошин в письме к М.В. Сабашниковой так описывал «вечер в Кремле» в нояб. 1903: «Башни и соборы силуэтами висели в воздухе. По реке и по густо-красному небу тянулись клубы морозного дыма и тишина. Вися в пространстве без линий, поблескивала красным и зеленым — жидким светло-зеленым Москва-река. И в душе была такая темная апрельская певучесть. Во мраке вспыхивали парно рифмы и созвучия, как влюбленные светящиеся жучки в Апеннинах. Потом начинали тянуться длинные волокна ползучего ритма». 28 (15) янв. 1904 Волошин послал М.В. Сабашниковой в письме полный текст стихотворения.

Константин Дмитриевич *Бальмонт* (1867–1942) дружил с Волошиным с 1902.

23. «К твоим стихам меня влечет не новость...». Стих. Об отношении Волошина с поэтом-символистом Юргисом Казимировичем *Балтрушайтисом* (1873–1944) см.: *Купченко В.* Юргис Балтрушайтис и Максимилиан Волошин. — «Дружба народов». 1978, № 1. С. 283–284.

***24. «Концом иглы на мягком воске...».** Стих. - - Иверни. Вариант — автограф в Тт-2 (л. 37 об.). Написано летом 1909 в Коктебеле, в соревновании с А.Н. Толстым, Н.С. Гумилевым и Е.И. Дмитриевой. Софья Исааковна *Толстая* (урожд. Дымшиц, во втором браке Песса-ти, 1889–1963) — художница, вторая жена А.Н. Толстого, рассказала об этом в своих воспоминаниях (сб. «Воспоминания об А.Н. Толстом». М.: Сов. писатель, 1973. С. 74).

25. «К этим гулким морским берегам...». Стих. - - Иверни.

Дмитриева Елизавета Ивановна (в замуж. Васильева; 1887–1928) – поэтесса (псевд. Черубина де Габриак), переводчица. Результатом творческого содружества Волошина и Е.И. Дмитриевой стала на шумевшая мистификация в «Аполлоне» – один из наиболее громких эпизодов литературной жизни предреволюционного Петербурга (см.: *Черубина де Габриак. Исповедь / Сост. В.П. Купченко и И.А. Репина; автор вступ. статьи М.С. Ланда. М.: Аграф, 1998*). Стихотворение положено на музыку А.А. Шеншиным (1932; см.: *Русская литература в советской музыке. М.: Сов. композитор, 1975. Вып. 1. С. 152*).

26. «Эти страницы – павлинье перо...». Стих.

Лафорг Жюль (1860–1887) – французский поэт-символист. Стихотворение написано Волошиным (по-видимому, в 1903) на томике полного собрания стихов Ж.Лафорга (*Oeuvres complètes de Jules Laforgue. Paris: Société du Mercure de France, 1902*), сохранившемся в библиотеке ДМВ.

***27. «Небо запуталось звездными крыльями...».** «Новый путь».

1903, № 8, под загл. «Охота», без строфы 1. - - Книга (под тем же загл.) - - Стих. Черновой автограф – под загл. «Диана», вариант (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 18, л. 16); автограф – под загл. «Охота» (там же, л. 21). Некоторые образы стихотворения и строки 13, 15–16 возникли у Волошина весной 1900: они приведены в его письме к А.М. Петровой от 7 апр. 1900 из Москвы. Полный текст был ей послан (видимо, с оказией) из Парижа осенью 1902: 23 окт. (5 нояб.) 1902 А.М. Петрова благодарила за это стихотворение, отмечая: «В нем чувствуется, что Вы занимаетесь живописью».

Муромцева Ольга Сергеевна – двоюродная сестра В.Н. Буниной (урожд. Муромцевой), парижская знакомая Волошина, в которую он был влюблен в 1902; позднее – врач. *Олень-Актеон*. См. коммент. 20. *...ночи богиня ∩ Феба сестра* – Артемида (см. коммент. 20). *Allée d'Observatoire (фр.)* – Аллея Обсерватории.

28–31. Когда время останавливается. Стих. 28 сент. 1905 Волошин писал М.В. Сабашниковой: «Почему время перестало у меня теперь останавливаться, как оно иногда останавливается в детстве по вечерам при свете лампы?» В письме к ней же 28 (15) янв. 1904 Волошин излагал свое восприятие времени подробно: «Я время считаю за наше восприятие четвертого измерения. Точно так же третье измерение будет являться временем для существа второго измерения. В чет-

вертом измерении время станет чисто пространственным отношением. И оттуда человеческая жизнь будет представляться одним цельным куском, идущим от рождения до смерти. Пространственно, конкретно, как длинная лента, — представляете? Так что там это, конечно, все завершено, потому что это уже заключено в самый организм. <...> Мы все давно умерли и еще не родились. По этой целой материальной ленте, тянущейся от рождения до смерти, пробегает волна. Волна движется, но частицы материи остаются на своих местах. И вот в этой волне, в этом моменте и движется и наше сознание, и наше представление о времени». Эти воззрения были изложены также в статье «Аполлон и мышь» (см.: ЛТ-88. С. 100).

1. **«Тесен мой мир. Он замкнулся в кольцо...».** Северные цветы-1905. - - Книга. - - Стих. - - Иверни. Автограф — с пометой: «Посв. Мар<гарите> Вас<ильевне>» (Сабашниковой), датировка: «St. Cloud. 15 июня 1904» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 20, л. 2). Работа над стихотворением относится к лету 1903. В письме к А.М. Петровой (около 10 авг. 1904) Волошин сообщал: «Конец последней строфы существовал даже задолго до первой, и я, помнится, его как-то Вам читал еще в Феодосии». 3 марта 1904 в письме к В.Я. Брюсову (а 10 марта — к А.М. Петровой) была послана первая строфа. По-видимому, в июне 1904 А.М. Петровой был послан полный текст стихотворения: она отозвалась о нем в письме от 4 июля 1904. В письме к М.В. Сабашниковой 28 июля 1905 Волошин писал: «Как тесен тот мир, в котором мы живем всегда, и как бесконечно велик и свободен тот, который открывается, когда закрываешь глаза...».

Лампу Психеи несущая в руке. Согласно рассказу об Амуре и Психее в «Метаморфозах» Апулея (V, 22–23), Психея, нарушив запрет никогда не видеть лица своего загадочного супруга, ночью зажигает светильник и восхищенно смотрит на юного бога. В библиотеке Волошина сохранилась книга М. Швоба (Schwob) «La Lamp de Psyche» (Paris: [Société du Mercure de France, б. г. <1903>]), возможно, повлиявшая на переосмысление образа этого светильника как источника познания.

2. **«Быть заключенным в темнице мгновенья...».** «Час». М., 1907, 5 дек. - - Стих. Работа над стихотворением шла летом 1904 (Тт-1), завершившись 12 июля 1905. 13 июля 1905 Волошин послал стихотворение М.В. Сабашниковой, уведомляя: «Я сегодня написал еще стихотворение, только в нем есть что-то, что меня не удовлетворяет». 16 июля ей же был послан окончательный вариант.

Нить Ариадны — образ, восходящий к известному эпизоду греческой мифологии о путешествии Тезея по лабиринту критского царя

Миноса. *Время свергается в вечном падении*. Пример предощущения Волошиным постулатов оккультизма — ср. с его позднейшей выпиской из оккультного труда П.Д. Успенского «*Tertium organum: Ключ к загадкам мира*» (СПб., 1911, с. 189): «В этом мире время должно существовать пространственно, т. е. временные события должны существовать, а не случаться...». *Смерть и Рождение — вся нить бытия...* — аллюзия на слова Духа из «Фауста» И.В. Гёте (первая картина («Ночь») первой части).

3. «И день, и ночь шумит угрюмо...». «Родная земля». 1907, 5 февр., под загл. «Море». - - Стих.

*4. «По ночам, когда в тумане...». Северные цветы-1905, под загл. «Когда время останавливается». - - Стих. - - Иверни (лишь первые три строфы). Вариант — автограф (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 19, л. 1—1 об.). 9 июня (27 мая) 1905 Волошин писал А.М. Петровой об этом стихотворении: «Я его считаю стихотворением не цельным — это энциклопедия целого периода и нуждается во многих комментариях. Но отдельные строфы очень ценны для меня, и я изменять не буду. Только выброшу строфу с пятью чувствами, как неуклюжую до ужаса».

Брюсов Валерий Яковлевич (1873—1924) — поэт, основоположник русского символизма. *Близкий всем, всему чужой*. Ср. у К.Д. Бальмонта: «Я всем чужой, всегда» (стихотворение «Разлука», 1899).

II. AMORI AMARA SACRUM

Весь раздел «Святылище горькой любви» (*лат.*), кроме стихотворений 34, 39 и 41, связан с М.В. Сабашниковой (см. преамбулу к коммент. 9—19).

32. «Я ждал страдания столько лет...». Стих. - - «Керчь-Феодосийский курьер». 1913, 17 марта, под загл. «Боль». - - Иверни. Авторская датировка неточна. 1 июля 1905 Волошин сообщал А.М. Петровой, что стихотворение написано в «1903. В поезде между Москвой и Парижем». (Отъезд Волошина из Москвы состоялся 27 нояб.) Стихотворение сначала имело посвящение К.Д. Бальмонту, и Волошин (видимо, с дороги) послал его старшему поэту 30 ноября в закрытом письме. Тот показал стихотворение М.В. Сабашниковой (запись в ее дневнике). Автограф — под загл. «Бальмонту», с эпиграфом: «О, боль, когда бы ни пришла, Всегда приходит слишком рано! Бальмонт» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 90, л. 4). Эпиграф — неточная цитата из стихотворения К.Д. Бальмонта № 7 из цикла «Вода» (сб. «Литургия красоты», 1905).

***33. «О, как чутко, о, как звонко...».** «Золотое руно». 1906, № 11/12, под загл. «Детство». - - Стих. Автограф — под загл. «Детство», вариант (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 90, л. 5 об.). Послано в письме к М. В. Сабашниковой 6 янв. 1904. Положено на музыку Ю. Ф. Львовой (*Смолевский А. А.* Воспоминания о М. Волошине. — Рукопись. 1960. ДМВ).

***34. «Спустилась ночь. Погасли краски...».** «Новый путь». 1903, № 8. - - Стих. Написано 24 мая 1902 (черновой автограф — в рабочей тетради 1901—1903, вариант строк 14—15 — ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 4, л. 4). Связано с чувством к Марии Львовне Ауэр (в замуж. Унковской; 1883—1959), дочери скрипача Л. С. Ауэра, с которой Волошин встретался в Париже весной 1902.

35. Портрет. «Золотое руно». 1906, № 10, без загл. - - Стих. - - Иверни, без загл. Печ. по Стих. Автограф — с пометой «К портрету Мар<гариты> Вас<ильвны>» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 19, л. 3 об.); автограф — под загл. «К одному портрету» (там же, ед. хр. 90, л. 2 об.). В письме к А. М. Петровой 11 июля 1905 Волошин датировал это стихотворение: «Ноябрь 1903. Москва».

Там, где фиалки и бледное золото. В дневнике Волошина за 3 июля 1902 (в Аяччо) записано: «Горы из бледного золота и фиалок. Берег розовый и голубой». Положено на музыку И. Чекрыгиным (*Чекрыгин И.* Романсы для одного голоса с сопровождением фортепиано. СПб., б. д.).

36. «Пройдемте по миру, как дети...». Стих. Автограф — с пометой: «Маргарите Васильевне» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 19, л. 15). Стихотворение записано М. В. Сабашниковой в дневник 27 нояб. 1903 («... вот его стихи, обращен<ные> ко мне»). 10 марта 1904 Волошин писал А. М. Петровой об этом стихотворении: «Главное в первой строфе, а не в последней».

Ребенок — непризнанный гений. Мысль А. Франса из «Книги моего друга» (1885) (*Франс А.* Собр. соч. М., 1957. Т. 1. С. 558.)

37. «Сквозь сеть алмазную зазеленел восток...». «Золотое руно». 1906, № 10. - - Стих. Авторская датировка неточна. В Тт-1 записано *перед* стихотворением «Портрет» (нояб. 1903); послано М. В. Сабашниковой в письме 6 янв. 1904 (24 дек. 1903).

***38. Письмо.** «Перевал». 1907, № 12. - - Стих. - - Иверни (в сокращении, под загл. «Отрывки из посланий. I»). Печ. по Стих. 15 — М. Волошин

Авторская датировка неточна. Стихотворение написано после отъезда М.В. Сабашниковой из Парижа в Россию, который состоялся 21 (8) июня; послано ей 5 июля (22 июня), сразу после написания. (В письме к А.М. Петровой от 1 июля 1905 Волошин сообщил, что стихотворение «помечено июнем 1904 г. Париж. Rue du Vas 3. Мансарда в том доме, где родился Коро, с видом на Сену.») В стихотворении запечатлены воспоминания о встречах с М.В. Сабашниковой в марте–июне 1904. «От Вашей поэмы я в восторге, особенно хороша готика и примитивы», — писала М.В. Сабашникова 8 (21) июля 1904 в ответ.

1. **«Я соблюдаю обещанье...».** *Я соблюдаю обещанье.* 10 июня 1904 в музее Трокадеро Волошин предложил: «Мы будем писать не словами, а только рисунками и стихами?» (запись в его дневнике). *Как стих «Онегина».* Стихотворение написано «онегинской» строфой. *Ритурнель* — вступительный и заключительный отыгрыши в танцевальной музыке.

2. **«Всю цепь промчавшихся мгновений...».** *Таиах* (иначе: Тайа, Тия) — египетская царица, жена Аменхотепа III. Копию ее скульптурной головы Волошин увидел в парижском музее Гимэ 6 июня 1904 и усмотрел в ней сходство с М.В. Сабашниковой. Позднее он приобрел в Берлине гипсовый слепок со скульптуры (сохранился до наших дней в ДМВ). Подробнее см.: *Купченко В.* Муза меняет имя? — «Советский музей». 1985, № 3. С. 42–44.

3. **«Рассвет. Я только что вернулся...».** *Я только что вернулся...* <9 авг. 1904> Волошин вспоминал в письме к М.В. Сабашниковой: «Однажды, вернувшись на рассвете, я нашел Ваше письмо и тогда-то написал первые строфы своего послания». *...подводный Китеж* — образ из русских народных преданий о городе, скрывшемся во время татарского нашествия от завоевателей на дне озера Светлояр.

4. **«Гляжу в окно сквозь воздух мгlistый...».** *Тюильри* — парк между площадью Согласия и Лувром, с двумя флигелями, сохранившимися от дворца Тюильри, сожженного в 1871.

5. **«Для нас Париж был ряд преддверий...».** *Как жезл сухой* — реминисценция библейского мифа о жезле Аарона (Числа, XVII, 6–8).

6. **«Любить без слез, без сожаленья...».** Включено как отдельное стихотворение в Рус. поэзию XX.

...без слез, без сожаленья... — отзвук арии Алеко из оперы С.В. Рахманинова «Алеко» (1892; либретто Вл.И. Немировича-Данченко по мотивам поэмы А.С. Пушкина «Цыганы»): «Я без забот, без сожаленья Веду кочующие дни...» (ср. в поэме: «Он без забот и сожаленья Ведет кочующие дни»).

7. **«Здесь всё теперь вспоминанье...».** *Я слышу Вашими ушами...* 4 июля 1905 Волошин писал М.В. Сабашниковой: «Когда я писал все

те стихи, что я послал Вам, я ведь не знал, где кончалась моя мысль, где начиналась Ваша. Так пророки говорят, исполнившись Св. Духа». *И беден мой язык* — реминисценция из стихотворения А.А. Фета «Как беден наш язык! Хочу и не могу...» (1887). Ср. также: «И бедный, звучный их язык» (из поэмы А.С. Пушкина «Цыганы»; 1824).

8. «И всё мне снится день в Версале...». *Тропинка в парке... 27 сент. 1905*, по сообщению в письме к М.В. Сабашниковой, Волошин снова бродил «около той тропинки, по которой Орфей уходит в Аид (“тропинка в парке между туй”)». *Фонтан и кони Аполлона*. Имеется в виду версальский фонтан «Аполлон» (художник Ш.Лебрен, скульптор Ж.-Б.Тюби; 1671).

9. «Я помню тоже утро в Hall'e...». *Утро в Hall'e. Halles Centrales* — крытый рынок в центре Парижа (ныне снесен). 16 июня 1904 Волошин записал в дневнике: «На рассвете в Hall'e. Река утром. Корзины с ягодами. Цветы».

10. «Я буду помнить Лувра залы...». *Лувра залы*. 11 июня 1904 Волошин записал: «В Лувре. Ватто — скрипучие шелковые платья с чеканными серебряными складками. Шарден. Фрагонар». *Грёз Жан Батист* (1725—1805), *Ватто Жан Антуан* (1684—1721), *Буше Франсуа* (1703—1770), *Шарден Жан Батист Симеон* (1699—1779), *Коро Камиль* (1796—1875), *Милле Жан Франсуа* (1814—1875), *Делакруа Эжен* (1798—1863), *Фрагонар Оноре* (1732—1806) — французские живописцы, чьи картины выставлены в музее Лувра. *Saint-Germain l'Auxerrois* (Сен-Жермен л'Оксерруа) — церковь периода поздней готики (основана в VII в., перестроена в XIII и XV вв.).

11. «Vitreaux — камней прозрачный слиток...». *Vitreaux* — витражи (фр.) *Там ангел держит*. В дневнике М.В. Сабашниковой записано: «Цветные стекла сияют в полумгле. На одном Иоанн Креститель оперся и слушает детей. Мы опять долго смотрим на лилового трагического ангела и на радостный экстаз Магдалины. Потом на то окно, кот<орое> похоже на крылья ночной бабочки». *Tête Inconnue* (голова неизвестной, фр.) — бюст работы итальянского мастера Франческо Лаураны (Франьо из Враны, ок. 1430—1502), хранящийся в Лувре. Волошин приобрел гипсовый слепок с него (впоследствии перевезен в Коктебель). *Джоконда* — Мона Лиза, супруга богатого флорентийца Франческо Джокондо, оригинал портрета работы Леонардо да Винчи (ок. 1503; ныне в Лувре).

12. «Леса готической скульптуры!...». *Сибиллы* (сивиллы) — именование странствующих пророчиц в Древней Греции. *Здесь всё есть символ*. Увлечение Волошина искусством Средневековья позднее привело его к работе над книгой «Дух готики» (1913—1914, не завершена).

13. «Мир шел искать себе обитель...». *Лукавый Соблазнитель*. В публикации в сб. «Чтец-декламатор» (Киев, 1908. Т. 3 — примечание: «Группа Страсбургского собора “Соблазнитель и Соблазненный мир”»; эта скульптурная группа находится в южном портале собора.

14. «Есть беспощадность в примитивах...». *Есть беспощадность в примитивах*. Выставку французских художников-примитивистов Волошин определил как «самое крупное художественное событие из всех, которые переживал Париж за последние годы» («Письмо из Парижа». — «Весы». 1904, № 5). *Фуке Жан* (1420 — ок. 1480) — французский живописец. «Портреты Жана Фуке раскрывают нам историю страстей XV века», — писал Волошин в статье «Константин Богавский» («Аполлон». 1912, № 6. С. 5).

15. «Им мир Редона так созвучен...». *Мир Редона*. Одилон Редон (1840—1916) — французский художник-символист. Волошин познакомился с ним в начале 1904, был глубоко увлечен его творчеством и стал первым пропагандистом в России искусства О. Редона. *Дьявол* — описание литографии О. Редона из третьей серии «Искушения св. Антония» (1896), иллюстрация к одноименной драме Г. Флобера. «Это такое лицо, что я чувствовал, глядя на него, что у меня слезы подступают к глазам», — писал Волошин 22 авг. 1904 А.М. Петровой.

16. «Как горек вкус земного лавра...». *Кентавр* — скульптура (1899) Огюста Родена (1840—1917), изображающая женщину-кентавра; репродукция ее висела в парижской мастерской Волошина.

17. «Я поклоняюсь вам, кристаллы...». *И Мать-Земля, И Царь-Огонь!* В письме к А.М. Петровой (ок. 10 авг. 1904) Волошин пояснял, что взял эти образы «из книги Максимова» (имеется в виду: *Максимов С.В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903). *Я телом — конь*. Это же языческое ощущение Волошин отмечал в «Автобиографии»: «...Прошлое моего духа представлялось мне всегда в виде одного из тех фавнов или кентавров, которые приходили в пустыню к св. Иерониму» (Воспоминания. С. 36). *Я полон ужаса вещей*. Протест против вещей, созданных машинами, «чуждых нам духовно и ничем внутренне с нами не связанных», Волошин выражал неоднократно в статьях («Демонизм машины»; см. коммент. 177—178, 1) и письмах.

39. Старые письма. «Русская мысль». 1907, № 12, без загл. - - Стих. - - Иверни и Рус. поэзия XX, без загл. Печ. по Стих. Стихотворение послано М.В. Сабашниковой в начале марта 1904, А.М. Петровой — 10 марта. Еще 9 сент. 1902 Волошин вспоминал в дневнике, как весной писал М.Л. Ауэр о том, «как приятно перебирать старые письма и что мне казалось, что она меня вчера подвела к своему письмен-

н<ому> столу и вынула из ящика пачку старых пожелтевших писем». 18 сент. 1904 Волошин писал М.В. Сабашниковой: «Я часто перебираю Ваши письма...»

Гольштейн Александра Васильевна (1850—1937; урожд. Баулер, в первом браке Вебер) — писательница, переводчица, политэмигрантка, постоянно жившая в Париже. Имела большое влияние на Волошина в 1900-х годах. *Это деревья Познанья Облетевшие цветы...* 27 июня 1905 Волошин записал в дневнике: «Я думаю об большом отделе стихотворений, который будет называться “Старые письма”. Это будут исключительно лирические и личные стихотворения. Туда войдет весь этот дневник, прошедший сквозь горн слова».

40. Таиах. «Русь». 1908, 1 янв., под загл. «Эпилог». - - Стих. - - Иверни. Автограф в Тт-1 (л. 16), под загл. «Эпилог». В данном стихотворении имеется в виду М.В. Сабашникова. 14 мая 1905 Волошин записал в дневнике: «Эти стихи я писал частью у Ковалевского на масонском экзамене, частью вчера утром». Там же вклеен автограф стихотворения из письма к М.В. Сабашниковой: «Это последние слова к Вам. <...> Простите меня, если можете. <...> Прощайте, царевна Таиах!». О перипетиях любовных отношений Волошина и М.В. Сабашниковой см.: История моей души и *Купченко В.* Странствие Максимилиана Волошина. СПб.: Logos, 1997.

Таиах — см. коммент. 38 (2). *Не царевич я!* В письме к М.В. Сабашниковой от 12 окт. 1905 Волошин указывает, что «царевичем» (*fils de roi*) граф Ж.-А. де Гобино (во многом предвосхитивший Ф. Ницше) называл сверхчеловека.

***41. «Если сердце горит и трепещет...».** «Золотое руно». 1906, № 10. - - Стих. - - Иверни. Стихотворение посвящено Вайолет Элизабет *Харт* (в замужестве Полуниной, 1878—1950), художнице-ирландке, с которой Волошин сблизился в мае 1905. 9 июля он записал в дневнике: «Вчера я написал, мысленно обращаясь к W. H.:

...Расплескали мы древние чаши,
Налитые священным вином.

И они обе живут во мне, и я могу примирить, допустить M<аргариту> при W, но при M<аргарите> V<асильевне> не допускаю Wiolet». Впоследствии (в 1910) М.В. Сабашникова протестовала, что Волошин поместил в отделе, посвященном ей, «стихотворение о Вайолет».

42. «Мы заблудились в этом свете...». Стих. Черновой автограф датирован 29 июня 1905 (Тт-1, л. 42 об.). Послано М.В. Сабашнико-

вой 29 июня 1905 с припиской: «Это надпись к “барельефу” Орфея». В письме к А.М. Петровой 1 июля — под загл. «Надпись на античном барельефе». Речь идет о барельефе в версальском парке, изображающем Орфея, уходящего в царство мертвых.

Орфей родную тень зовет ∞ Лепечет имя Эвридики. Отзвук известного античного мифа, навеянный версальским барельефом.

43. Зеркало. «Русская мысль». 1907, № 12. - - «Вестник Европы». 1909, № 4, с эпиграфом (в переводе Волошина): «О, зеркало, холодная вода, — Кристалл уныния, застывший в льдистой раме! О, сколько вечеров, в отчаяньи, часами, Усталая от снов и чая грез былых, Опавших как листья в провалы вод твоих, Сквозила из тебя я тенью одинокой... Но — горе! — в сумерки, в воде твоей глубокой Постигла я тшету своей нагой мечты...» Маллармэ. “Иродиада”. - - Стих. - - Иверни. Черновой автограф датирован 1 июля 1905 (Тт-1, л. 43 об.). Тема стихотворения подсказана М.В. Сабашниковой в Сен-Клу 13 июня 1904 (запись Волошина в дневнике): «Сумерки в мастерской. Кто-то смотрит в зеркало. Часы тикают. Капля капает из крана. Иногда перебивая. “Да, да... да. Так... Тик-так... да-да”. В зеркале видны только большие грустные безнадежные глаза и черные губы. За окном город. Вечерний. Громады домов. И так как будто он вдруг лопнет от напряжения». Эти образы соединились с собственными мыслями Волошина о себе: «“Я губка” — это то же, что “я — зеркало” <...>. У меня нет непосредственного чувства “добра” и “зла”. Я отношусь к ним с одинаковым интересом» (запись в дневнике 15 июля 1902. — История моей души. С. 61 и 36–37). 4 июля 1905 Волошин писал М.В. Сабашниковой: «И где же кончается я и где начинается отражение во мне? <...> Когда я отражаю, то я сам, весь, целиком, без всякой остаточной мысли становлюсь этим отражением».

44. «Мир закутан плотно...». «Русская мысль». 1907, № 12. - - Стих. Написано в июне 1905 (Тт-1); 3 июля послано в письме к М.В. Сабашниковой с пометой: «Стихи снова зазвучали во мне».

С грустью принимаю. В письме 10 сент. 1905 Волошин писал М.В. Сабашниковой: «Надо спуститься добровольно в мир. Смиренно, своей волей надеть цепь жизни, “тягу древних змей”... <...> Примем на себя тягу всего человеческого». *Майя* (инд. миф.) — иллюзорность бытия, вселенной; действительность, понимаемая как греза божества. «Медленную Майю русской жизни» Волошин упомянул в статье «Творчество М. Якунчиковой» («Весы». 1905, № 1. С. 35). Говоря о

необходимости «победить Майю», Волошин в письме к М.В. Сабашниковой от 23 июля 1905 включил в это понятие «обман рдяного человеческого дыхания, обманы воспаленных слов», окружающих человека в городе. В письме к ней же от 10 сент. 1905 Волошин называл Майей «цепь жизни», «тягу всего человеческого»: страдания, любви, чувства и чувственности, рамок и цепей — и на этот раз призывал принять эти «оковы».

45. «Небо в тонких узорах...». «Русская мысль». 1907, № 12. - - Стих. - - Иверни. Черновой автограф датирован 6 июля 1905 (Тт-1, л. 46 об.). Стихотворение написано в ночь на 7 июля. В письме к М.В. Сабашниковой, начатом утром 6-го, Волошин сообщал: «Перед самой ночью я ходил по парку... Теперь идет дождь... Я хожу по комнате, прислушиваюсь, и в душе у меня складываются и плывут строфы, которые еще в парке всё пели и пели и никак не могли найти себя». Далее — текст стихотворения.

46. «Эта светлая аллея...». «Весы». 1907, № 1, под загл. «St. Cloud», в цикле «Картины Парижа». - - Стих. - - Иверни. Послано А.М. Петровой 9 июня (27 мая) 1905 (под загл. «На заре»). Положено на музыку Ю.Ф. Львовой (ее письмо к Волошину от 3 сент. 1916).

47. «В зеленых сумерках, дрожа и вырастая...». Стих. - - Иверни. - - Рус. поэзия XX. Черновой автограф (датирован: 26 июня) — под загл. «Resignation» (Тт-1, л. 40 об.). К 22 (9) июня 1905 относится такой разговор с М.В. Сабашниковой, записанный Волошиным в дневнике: «— Какие стихи мне написать? — “Resignation” <покорность судьбе, безропотность, *фр.*> — смирение молодой души. — Я все время чувствовал на душе непримиримый грех, который давил меня: и вот он вдруг сегодня вечером искуплен». 24 июня 1905 Волошин посылает М.В. Сабашниковой «заказанное» ею стихотворение, добавляя: «Я теперь понимаю смирение. У меня есть один путь, один выход — забыть о себе». А 26 июня поясняет в дневнике происходящее с ним: «Я теперь знаю, что это не любовь, а что-то более чистое, более драгоценное, и никогда больше не переступлю запретной черты». 1 июля (18 июня) 1905 стихотворение было послано А.М. Петровой.

48. Второе письмо. «Золотое руно». 1906, № 7/9, под загл. «Amogli Sacrum» <«Святых лище любви», *лат.*>. - - Стих. - - Иверни, под загл. «Отрывки из посланий. II». Черновой автограф датирован: 29 июня

(Тт-1, л. 43). В стихотворении запечатлена поездка с М.В. Сабашниковой в Сен-Клу 13 июня (31 мая) 1904. Позднее Волошин вспоминал об этом дне: «Желание отойти, расстаться в самый высший момент подъема счастья, самому оборвать, добровольным отречением от возможного будущего запечатлеть навсегда настоящее мгновение было у меня единственный раз в жизни — весною 1904 г. весенним вечером, когда мы возвращались с М<аргаритой> В<асильевной> на пароходе из St. Cloud... Всё, что было потом, — только ослабление того дня. Нужно понять умирание и растворение» (записи Волошина на отдельных листках — ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 402, 195, 447). Начало стихотворения было послано М.В. Сабашниковой в письме б. д. (сент. 1904). 29 (16) июня 1905 Волошин послал ей всё стихотворение, именно в тот день законченное. А.М. Петровой оно было послано 1 июля (18 июня) 1905, с пометой: «Первые строфы его написаны год тому назад в мае».

Ты говорила и т. д. Изложение слов М.В. Сабашниковой, записанных Волошиным в дневнике 13 июня (31 мая) 1904 и 10 апр. (28 марта) 1905. Об этом же она писала в своем дневнике (15–28 марта 1905): «Такие, как я, должны устраняться, тени, похожие на живых, которые не могут любить, алчные пропасти, которые жаждут любви». *Брожу, как тень Аида* ∞ *Мне надо снова воплотиться И крови жертвенной напиться...* *Аид* (греч. миф.) — подземное царство мертвых, где души покойников бродят в виде теней. Чтобы получить способность понимания и памяти, они должны напиться крови жертвенного животного. *Лета* (греч. миф.) — река забвения в царстве мертвых. *Какая темная обида*. «Я думал о Деве-Обиде», — пояснял Волошин в письме к М.В. Сабашниковой 7 июля (24 июня), имея в виду образ из «Слова о полку Игореве». «*Как Калибан из лжи поэта*» — это выражение приведено в статье Волошина «Анатоль Франс» («Русь». 1904, 25 мая). *Калибан* — персонаж пьесы У. Шекспира «Буря». «*Некий встал с востока*» и т. д. — стихи М.В. Сабашниковой, записанные Волошиным в дневник 21 (8) июня 1904 (первая строка: «И вот, другой встает с Востока...»).

*49. **В мастерской.** «Русь». 1906, 25 дек. - - Стих. - - Иверни. Вариант — автограф в Тт-1 (л. 57 об.—58), автограф (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 91, л. 11), автограф в письме к М.В. Сабашниковой от 11 окт. 1905 (там же, оп. 3, ед. хр. 110). В стихотворении описывается мастерская Волошина (бульвар Эдгар Кине, 16), в которой он обосновался в начале окт. 1905. В письме к М.В. Сабашниковой от 10 окт. (27 сент.)

1905 возникают некоторые образы будущего стихотворения: «В одном окне — оно большое и матовое, ночью всегда какой-то светлый, холодный, голубовато-подводный свет.. У меня теперь много цветов — хризантем и каких-то фиолетовых маргариток». На другой день, 11 окт., М.В. Сабашниковой был послан первый вариант стихотворения. Закончено оно было в сент. 1906 в Богдановщине.

Химеры с Notre-Dame. Имеются в виду гипсовые уменьшенные копии скульптур собора. *Таиах* — см. коммент. 38 (2).

50. Вослед. «Речь». 1906, 25 дек. -- Стих. -- Иверни. Авторская датировка неточна: стихотворение написано после отъезда М.В. Сабашниковой из Парижа в Россию (5 марта 1906 она писала Волошину с дороги, из Кёльна). 21 (8) марта Волошин сообщал ей, что стихи очень нравятся К.Д. Бальмонту — и он «все просит повторять их».

Дух мой в России... Ведет Антигона Знойной пустыней слепца. Отзвук мифологического рассказа об Антигоне, дочери царя Эдипа, сопровождавшей слепого отца, когда тот был отправлен в изгнание. *В дальней и жуткой стране.* Имеется в виду ситуация в России после поражения революции 1905 года, с ежедневными казнями, о которых сообщали газеты.

51. «Как Млечный Путь, любовь твоя...». «Белые ночи: Петербургский альм.» СПб., 1907. -- Стих. Отражены смуты в отношениях Волошина с М.В. Сабашниковой (см. коммент. 52). Послано М.В. Сабашниковой в открытке из Санкт-Петербурга в Царское Село 15 марта 1907.

52. In mezza di cammin... Стих. -- Иверни, без загл. Печ. по Стих. Написано после расхождения с М.В. Сабашниковой, причиной которого стал поэт Вяч. Иванов (см. коммент. 66), подразумеваемый в образе *Солнечного Зверя*.

In mezza di cammin (правильно — *nel mezzo del cammin* — «на половине пути», *итал.*) — начало первого стиха 1-й песни «Ада» («Божественная комедия» Данте). ...*темный Дантов лес...* Недвусмысленное свидетельство тому, что название «Selva oscura» взято Волошиным из «Божественной комедии». Ср. у Данте: «Mi ritrovai per una selva oscura» (в пер. М.Л. Лозинского: «Я очутился в сумрачном лесу»). *С безумной девушкой.* 7 авг. (25 июля) 1905 Волошин записал в дневнике о М.В. Сабашниковой: «Безумная Девушка... Милая, бедная девочка».

III. ЗВЕЗДА ПОЛЫНЬ

Александр Михайловне Петровой

Звезда Полынь — образ из Откровения св. Иоанна (VIII, 10–11). Весной 1907 Волошин готовил книгу стихотворений под таким названием для издательства Вяч. Иванова «Оры» (письмо к М.В. Сабашниковой от 1 апр. 1907). Туда должны были войти «мистические и оккультные стихотворения». Рукопись была уже набрана, но затем Волошин отказался от своего замысла (в ДМВ сохранились гранки набора).

А.М. Петрова (1871–1921) — большой, многолетний друг Волошина (см. письма Волошина к ней в сб. «Максимилиан Волошин. Из литературного наследия») (СПб.: Наука, 1992. Вып. 1. С. 5–215; СПб.: Алетейя, 1999. Вып. 2. С. 102–223). «Она оказалась моим очень верным спутником во всевозможных путях и перепахутиях моих духовных исканий», — определял сам поэт. После ее смерти Волошин написал статью «Киммерийская сивилла (памяти А.М. Петровой)», в которой отметил: «В развитии моего поэтического творчества <...> А.М. Петрова сыграла важную и глубокую роль».

53. «Быть черною землей. Раскрыв покорно грудь...». «Перевал». 1907, № 3. -- Книга. -- Стих. -- Иверни. Написано в имении Сабашниковых Богдановщина (в Смоленской губернии), где Волошин находился с М.В. Сабашниковой 8–17 сент. 1906. Сохранились сделанные им там фотоснимки вспаханного поля. Разбор стихотворения см.: Пинаев. С. 70.

Слово — здесь: в значении «Логос»; по евангельскому учению — откровение существа Бога, его предвечный образ. *Руны* — древнескандинавские письменные знаки, основной магический алфавит Северной Европы.

54. «Я шел сквозь ночь. И бледной смерти пламя...». Северные цветы—1905, под загл. «Одилон Рэдон». -- Книга. -- Стих. -- Иверни. В автографах — загл. «Одилон Рэдон», вариант строк 1–3 (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 20, л. 4). Написано в мае 1904: 3 июня (21 мая) было послано В.Я. Брюсову.

Рэдон — см. коммент. 38 (15). *Ангел, проклятый* и т. д. Офорт О. Редона, изображающий ангела, висел в парижском ателье Волошина (ныне в ДМВ).

55. Кровь. Стих. Авторская датировка неточна: Волошин написал стихотворение 16 дек. 1906 и в тот же день отправил Сабашниковой с припиской: «“Кровь” я посвящаю Вяч. Иванову. Я думал имен-

но о нем, когда писал его, и мне кажется, что в нем отразилось веяние его духа, веяние “Эроса”...». Произведение является откликом на стихотворение Вяч. Иванова «Двойник» (1906). В основу стихотворения Волошина легла оккультная теория происхождения крови, пересказанная поэту А.Р. Минцловой (1865—1910), переводчицей и теософкой, оказывавшей в то время сильное воздействие на духовное самоопределение Волошина. «Она успела мне только сказать, что у крови есть связь с Сатурном, — писал Волошин Сабашниковой 12 нояб. 1906. — Она возникла — там. При разрыве с каждой планетой бывает страшная трагедия, которая и заложена в той стихии, которая выработалась на этой планете. Кровь — трагедия Сатурна <...>. Кровь знает больше человека. От ужаса крови человек может умереть». Эти воззрения излагаются, в частности, в книге Р. Штейнера «Из летописи мира» (М.: Духовное знание, 1914. С. 250, 255).

Книга «Эрос» — сборник стихов Вяч. Иванова (СПб., 1907), в который вошло стихотворение «Двойник». *Меня — Эдипа*. Уподобление герою греческой мифологии, который по неведению убил отца, а затем женился на своей матери. Узнав о том, что с ним произошло, Эдип ослепил себя.

56. Сатурн. «Вестник теософии». 1908, № 3. - - Стих. Послано Вяч. Иванову из Москвы 30 апр. 1907. В стихотворении отображена теософская космогония. 6 апр. 1907 А.Р. Минцлова писала Волошину: «Расскажите о “Сатурне” <...>, о том Сатурне, где витали — не люди еще, нет! но призрако-люди <...>. На Сатурне человек был — звук». (См. также: *Штейнер Р.* Из летописи мира. М.: Духовное знание, 1914. С. 172—184).

Эртель Михаил Александрович (1880-е — начало 1920-х) — историк, близкий к кругу символистов, теософ.

57. Солнце. Стих. - - Иверни. - - Рус. поэзия ХХ. Начато в конце 1906 (Тт-1). «Зрение и ошупь — трагедия Солнца», — эти слова А.Р. Минцловой Волошин привел 12 нояб. 1906 в письме к М.В. Сабашниковой. 10 апр. 1907 он обращался к А.Р. Минцловой: «Напишите мне, сколько возможно, о возникновении стихий жизни на разных планетах. Сатурн — кровь и звук. Солнце — зрение и ? Луна — пол и ?» В этом произведении усматривается влияние орфического гимна «К Солнцу» и стихотворения Вяч. Иванова «Хвала Солнцу» (1904) (Пинаев. С. 60, 80, 82).

Леман Борис Алексеевич (псевд. Б. Дикс; 1880—1945) — поэт и критик, антропософ. Стихотворение было положено на музыку Ю.Ф. Львовой (письмо к Волошину Н.К. Кедровой от 20 нояб. 1922).

58. Грот нимф. «Золотое руно». 1907, № 4, в составе цикла «Terre antique» («Древняя земля», *фр.*). - - Стих. Автограф в Тг-1 — под загл. «Пещера Нимф» (л. 94). Стихотворение было послано А.Р. Минцловой 10 апр. 1907 как «написанное в эти смутные дни ожидания» (вестей от М.В. Сабашниковой). Оно было навеяно, по словам Волошина, трактатом античного философа-неоплатоника Порфирия (232/233 — между 301 и 304) «О пещере нимф». Волошин определил это сочинение как комментарий «к тем строкам “Одиссеи”, где описывается пещера на Итаке, куда был высажен феаками сонный Одиссей» (письмо к М.С. Цетлиной 15 (2) сент. 1915; феаки — мифический народ мореплавателей, обитавший на о. Схерия (отождествлялся позднее с о. Керкира). Если к ним попадали потерпевшие кораблекрушение, то феаки считали своим долгом доставить их на родину, что и было сделано с Одиссеем). Здесь же Волошин пояснял: «Я долго колебался, прежде чем решил написать его. Но мне кажется, что эти темы, касающиеся тайны рождения <...>, могут и должны быть предметом поэзии, если они взяты достаточно глубоко». (Это оправдание, по видимому, было вызвано реакцией А.Р. Минцловой, которая 15 апр. 1907 написала Волошину: «Что-то душное, затхлое есть в этих стихах...») Анализ стихотворения см.: Пинаев. С. 66—69, 71.

Словьев Сергей Михайлович (1885—1942) — поэт-символист, критик, переводчик. Летом 1907 был в Коктебеле. Волошин назвал его («Любви и скорби», *лат.*). В библиотеке Волошина сохранилась книга о Венеции Мориса Барреса (Mauris Barres) «Amori et dolori Sacrum: La mort de Venise», Paris: Felix Juven, 1902 («Святылище любви и скорби: Смерть Венеции»). *Сотов грани.* В статье о трагедии Ф. Сологуба «Дар мудрых пчел» («Русь». 1907, 14 июня) Волошин писал: «В образе пчелиных сот скрыт прообраз жизни: восковые личины преходящих форм исполнены вешим медом духа» (ЛТ-88. С. 435).

59—65. Руанский собор. «Перевал». 1907, № 8/9, с прозаическим истолкованием цикла, озаглавленным «Крестный путь». - - Стих. Авторские датировки неточны: весь цикл был послан А.М. Петровой из Петербурга 17 дек. 1906. Фрагмент «Крестный путь» располагался в первой публикации между третьим и четвертым стихотворениями:

«Семь ступеней крестного пути соответствуют семи ступеням христианского посвящения, символически воплощенного в архитектурных кристаллах готических соборов. Мистический крестный путь начинается омовением ног. Поэтому в мозаиках, украшающих пол древних соборов, часто изображались сивиллы, сидящие над водой, или олени, пьющие из ключа.

Вторая ступень – бичевание. Это ощущение острой физической боли, сердца Богоматерей, пронзенные семью мечами скорбей.

Третья – алый свет – ощущение текущей крови – терновый венец. Четвертая – стигматы – знаки пригвождения на руках. Пятая ступень – это смерть на кресте. “Мировая душа распята на кресте мирового тела”*. Распятие – это символ божества, воплощающегося в материи. Символически сам человек с распростертыми руками являет крест. (“Облеченный в крест тела своего”).

Смерть – это экстаз, момент высшего восторга жизни.

Шестая ступень – погребение, причащение земле. Плоть, себя сознавшая, глаголящая и видящая, возвращается к темной и страдающей праматери.

Седьмая ступень – воскресение из мертвых».

В цикле отразились впечатления Волошина от Руанского собора, который он осматривал 24–25 (11–12) июля 1905 вместе с А.Р. Минцловой (см. коммент. 55). О мистическом подъеме, испытанным им в эти дни, Волошин писал М.В. Сабашниковой 25 июля: «Что-то совершилось... Я никогда не испытывал такой радости, силы и уверенности. <...> Не было земли, были только уступы, арки, пилястры, тонкие дуги, кружевные стрелки, которые, как музыка, плавным и властным порывом уносились в темное звездное небо. Они были все осыпаны, все сияли звездной пылью. Неподвижно расширяясь, подымаясь без движения, точно у этих каменных глыб были птичьи крылья». Высоко оценил цикл Б.А. Леман, писавший: «М. Волошин – единственный русский поэт, сумевший понять и передать нам сложное очарование готики и воплотить в русском стихе опьянение мистикой католицизма» (Книга. С. 368).

*1. *Ночь*. Книга. Вариант – автограф в Тт-1 (л. 72).

*2. *Лиловые лучи*. Иверни, без загл. Вариант – автограф в Тт-1 (л. 71).

Роза – круглое окно собора, расчлененное фигурным переплетом, обычно цветное.

*3. *Вечерние стёкла*. Иверни, без загл. Вариант – автограф в Тт-1 (л. 70).

* Русский перевод (Е.Ф. Писаревой) вольного пересказа Р. Штейнером фрагмента диалога Платона «Тимей» (подробнее об этом см. комментарий С.В. Казачкова и Т.Л. Стрижак в кн.: *Штайнер Р.* Из области духовного знания, или антропософии. Статьи, лекции и драматическая сцена в переводах [с нем.] начала века. М.: Энигма, 1997. С. 483).

Кана Галилейская — место, где совершилось первое чудо Иисуса Христа: претворение воды в вино на брачном пиршестве (Иоанн. II, 1–11).

*4. **Стигматы.** Книга. - - Иверни, без загл. Первонач. набросок, варианты — автографы в Тт-1 (л. 68, 69).

Стигматы — покраснения кожи, кровоподтеки или язвы, непроизвольно появляющиеся на теле некоторых глубоко верующих людей в тех местах, где, согласно Евангелиям, у распятого Христа были раны от тернового венца и гвоздей. *Пилястры* — вертикальные выступы в стене в виде части встроенного в нее четырехгранного столба.

5. **Смерть.** Книга, под загл. «На башне. Смерть».

Лития — краткое молитвословие об упокоении душ усопших.

*6. **Погребенье.** Иверни, без загл. Вариант — автограф в Тт-1 (л. 74).

Крипта — в средневековой западноевропейской архитектуре часовня под храмом (обычно под алтарной частью), использовавшаяся как место для почетных погребений.

7. **Воскресенье.** Иверни, без загл.

И стоит собор — первопричастница и т. д. — Этот образ возник еще в письме Волошина М.В. Сабашниковой из Руана от 24 июля 1905: «А снаружи весь собор, светлый и пышный, был похож на тринадцатилетнюю первопричастницу, которая, осторожно подобрав кисеи, кружева и ленты своего белого облака, ступает кончиками ног по черным плитам запыленного временем города».

66. **Гностический гимн Деве Марии.** «Вестник теософии». 1908, № 2, под загл. «Гностический гимн». - - Книга. - - Стих. Авторская датировка неточна; еще 11 нояб. 1906 Волошин сообщил В.Я. Брюсову: «“Гностический гимн Деве Марии” вышлю Вам на днях: не успел переписать» (Литературное наследство. / Валерий Брюсов и его корреспонденты. М.: Наука, 1994. Т. 98. Кн. 2. С. 250); в тот же день Волошин читал стихотворение А.Р. Минцловой: «Оно произвело на нее страшное впечатление. Она говорит, что оно совпадает почти дословно с тайной молитвой розенкрейцеров, известной только посвященным, которая начинается призывом — “Майа”» (письмо Волошина к М.В. Сабашниковой от 12 нояб. 1906). С Вячеславом Ивановичем *Ивановым* (1866–1949) Волошин познакомился в Женеве в авг. 1904, особенно сблизился с ним в Петербурге в конце 1906 — начале 1907.

Mula-Prakriti (Мула-Пракрити) и *Парабрама* (Парабраман) — понятия ведической философии. В книге Н.К. Рериха «Семь великих тайн космоса» говорится: «Первичным материалом или “сырьем” для Космической Материи является Предкосмическая Субстан-

ция — непроявленная девственная материя. В восточных легендах она называется Мула-Пракрити, что значит Корень Материи. <...> Из нее создаются все виды Космической Материи — от тончайшего до самого грубого». По словам Н.К. Рериха, «Мула-Пракрити, будучи аспектом Парабрамана, вечна». О Парабрамане мыслитель пишет: «В древнеиндусской священной книге “Вишну-Пурана” есть такое место: “Не было ни дня, ни ночи, ни земли, ни тьмы, ни света, ничего, кроме Единого, непостижимого разумом, или Того, что есть Парабраман”. “Парабраман” — То, что лежит за Браманом, что находится по ту сторону Брамана—Космоса. Это Единое и Бесконечное Начало существует от вечности». *Покров Божества с Отца Парабрамы*. По словам Е.И. Рерих, «мы знаем о Едином Элементе, называемом Духо-Материей. Восточная философия утверждает, что Парабраман не имеет проявления вне покрова Мула-Пракрити, или что Дух без материи — ничто» (Письма Елены Рерих (1929—1938). В 2-х т. Минск: Белорусский фонд Рерихов; ПРАМЕБ, 1992. Т. 2. С. 356). *Майа* — здесь: понятие ведической философии; то, из чего возникают обусловленные формы сознания и объективного существования. *Мара* (будд. миф.) — божество, олицетворяющее зло и всё, что приводит к смерти. *Амор-Мария*. Любовь-Мария (лат.) *Из влаги рожденная с Афродита* (греч. миф.; пенорожденная) — богиня любви и красоты. *Майею в мире рождается Будда*. — Будда (основатель буддизма Сиддхартха Гаутама; 623—544 до н. э.), родившийся в Северной Индии, был сыном короля Шуддходаны и королевы Маха Майя Деви. *Майа, принявшая бога на крест*. Здесь Мария у креста Иисуса (Матфей. XXVII, 56) отождествлена с Майей древности. Ср. с пассажем А. Дрекса в его «Мифе о Христе» (1909): «Кто в Марии Магдалине и других Мариях, стоявших у креста и гроба Спасителя, не может узнать индийскую, малоазиатскую и египетскую богиню-мать Майю, Мариамму, Мариталу <и т. д.>, “тот пусть не суется в религиозно-исторические вопросы” (выражение Вейса)». *Майа, зачавшая вечер — Гермеса*. Подразумевается одна из дочерей мифического героя Атланта — Майя, родившая от Зевса сына Гермеса, который стал вестником богов. Он служил также проводником душ умерших в Аид, его жезл усыплял людей (отсюда «вечер»). *Ave Maria!* («Богородице Дево, радуйся») — возглас, с которого у католиков начинается молитва к Богородице. Стихотворение положено на музыку Ю.Ф. Львовой (сообщено А.А. Смольевским).

67—80. Киммерийские сумерки. Стих. Киммерия — так Волошин называл восточный Крым, от Судака до Керчи, имея в виду кимме-

рийцев, обитавших в этих местах в начале I тысячелетия до н. э. Название «Киммерийские сумерки» было предложено Волошину Вяч. Ивановым в письме от 3 мая 1907. 17 авг. 1907 А.Р. Минцлова писала Волошину: «Что-то поразительное, страшное и прекрасное есть в Ваших “Киммерийских сумерках”. И что-то несказанное чувствуется за этим... *Так* — еще не говорил никто, до Вас, об этой неизвестной, таинственной земле». В цикле отразилась душевная драма, пережитая Волошиным после расставания с М.В. Сабашниковой.

Богаевский Константин Федорович (1872—1943) — художник-феодосиец, друг Волошина. Рисунками Богаевского иллюстрированы Стих.

1. Польшь. Илл. приложение к газ. «Русь». 1907, 6 февр., под загл. «Коктебель». - - Книга. - - Стих. - - Иверни. - - Рус. поэзия XX. Автограф — под загл. «Польшь (Коктебелю)» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 24, л. 1). Авторская датировка неточна: стихотворение было послано М.В. Сабашниковой 14 дек. 1906, Вяч. Иванову Волошин читал его 13 дек.; тогда оно называлось «Звезда Польшь» (образ из Откровения св. Иоанна (VIII, 11), предвстие конца мира).

Я сам — уста твои. Этот образ возник у Волошина еще в статье «Одилон Рэдон» («Весы». 1904, № 4): «Одилон Рэдон в его земном воплощении только иссохшие уста, через которые Вечность шепчет свои воспоминания» (ЛТ-88. С. 236). *О, мать-невольница!* Отзвук стихотворения В.С. Соловьева «Земля-владычица! К тебе чело склонил я...» (1886).

***2. «Я иду дорогой скорбной в мой безрадостный Коктебель...».** «Золотое руно». 1907, № 4, в составе цикла «Тегге antique». - - Стих. - - Иверни. Вариант — автограф (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 25, л. 7), автограф в Тг-1 (л. 82 об.). Авторская помета под текстом не соответствует месту создания: стихотворение написано в поезде по пути из Москвы в Крым, послано Вяч. Иванову из Курска 22 марта 1907. Написано редким античным размером — галлиямбом, в подражание знаменитому стихотворению Катулла «Аттис». Положено на музыку А.А. Шеншиным (см. коммент. 25). О своем восприятии Коктебеля Волошин писал М.В. Сабашниковой 2 апр. 1907: «Коктебель для меня никогда не был радостен. Он всегда был горек и печален. <...> Но каждый раз в этой горечи рождались новые ростки и новая жизнь, все перекипало, оседало, прояснялось в жизнь. Он моя горькая купель».

Дорогой скорбной. Волошин часто, с гимназических лет, ходил в Коктебель из Феодосии пешком, через холмы Тепе-Оба и Биюк-

Янышар. *Орарь* — часть облачения дьякона, длинная широкая лента. Ее название происходит от *orare* (лат.) — молиться; своим орарем дьякон призывает всех к молитве. Орарь дьякона символизирует как бы ангельские крылья за спиной. *Чобр*, чабрец, богородская травка — растение *Thimus seophillum*.

*3. «Тёмны лики земли. Замутились влагой долины...». «Золотое руно». 1907, № 4, в составе цикла «Terre antique». -- Стих -- Иверни. Первонач. набросок, варианты — автографы в Тг-1 (л. 86 об., 88). Стихотворение написано архилоховой строфой (по имени Архилоха, греческого поэта VII в. до н. э.). 31 марта 1907 Волошин писал М.В. Сабашниковой: «Я теперь все делаю разные опыты с древними ритмами. Это очень интересно, но в начале страшно трудно». Положено на музыку А.А. Шеншиным (см. коммент. 25).

4. «Старинным золотом и жёлчью напитал...». Альм. «Цветник Ор». СПб., 1907. -- Стих. -- Иверни. Написано 4 апр. 1907; в письме к М.В. Сабашниковой от 5 апр. Волошин выражал свое удовлетворение, по-видимому, именно этим сонетом. В стихотворении описан Карадаг — вулканический массив к юго-западу от Коктебеля (высшая точка — 576 м над уровнем моря).

*5. «Здесь был священный лес. Божественный гонец...». Альм. «Цветник Ор». СПб., 1907. -- Стих. Вариант — автограф в Тг-1 (л. 89 об.), автограф (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 25, л. 8). Написано 3 апр. 1907; в этот день Волошин сообщал М.В. Сабашниковой: «Сегодня <...> я написал сонет и послал его на открытке Вячеславу».

Божественный гонец — Гермес (см. коммент. 66).

*6. «Равнина вод колышется широко...». «Золотое руно». 1907, № 4, в составе цикла «Terre antique». -- Стих. Первоначальная редакция — автограф в Тг-1 (л. 98). Сонет был послан Вяч. Иванову 18 апр. 1907 — как «написанный сегодня».

Раскрыл златое око. Этот же образ — в письме Волошина к М.В. Сабашниковой от 3 июля 1905: «День раскрывает свое око и сей-час же закрывает его». *Стань лилией долины ∞ Дитя огня и глины!..* В «Песни песней» Господь говорит: «Я нарцисс саронский, лилия долин!» (II, 1), а в мифах многих народов (в частности, в греческой мифологии) отмечается, что «люди... были созданы богами в глубине земли из огня и земли» (Мифы народов мира: Энциклопедия. В 2-х т. М.: Сов. энциклопедия, 1982. Т. 2. С. 338). По-видимому, иносказание поэта можно трактовать так: «Стань богом, человек!».

7. «Над зыбкой рябью вод встает из глубины...». «Русская мысль». 1907, № 9. -- Книга. -- Стих. -- Иверни -- Рус. поэзия XX. Послано М.В. Сабашниковой не ранее 20 июня 1907, как написанное «на днях».

Семизвездье — скорее всего созвездие Большая Медведица.

***8. Mare Internum.** Стих. - - Иверни. Вариант – автограф в Тг-2 (л. 9).

Mare Internum (Внутреннее море, *лат.*) – древнее название Средиземного моря, которое, по античным представлениям, омывало весь мир. *Тавриз* (Тебриз) – с XIII века один из крупнейших городов Ближнего и Среднего Востока; ныне город в Восточном Азербайджане (северо-запад Ирана). *Кадикс* (Кадис, древний Гадес) – город в Испании на берегу Атлантического океана; согласно легенде, Геракл около Кадиса совершил свой десятый подвиг, водрузив по берегам пролива, в память своих странствий, две скалы. *Стикс* (греч. миф.) – река в царстве мертвых. *Оникс* (опух, *греч.*) – минерал, разновидность агата с глазком, очковый агат. *Одиссея* – здесь имеется в виду поэма Гомера.

9. Гроза. «Русская мысль». 1907, № 9, без загл. - - Стих. - - Иверни. Послано М.В. Сабашниковой в письме от 13 июля 1907. Эпиграф – неточная цитата из «Слова о полку Игореве».

Тутнуть – стонать, гудеть. *Ардавада* (Ардабда) – древнее название Феодосии (видимо, аланское); Волошин считал, что киммерийское. *Корсунь* – русское название Херсонеса, греческой колонии на западном побережье Крыма. *Посурожье* – производное от древних славянских названий: город Сурож – ныне Судак, Сурожское море – Черное море. *Весть Стрибожью*. Аллюзия на «Слово о полку Игореве», где ветры именуются «стрибожьими внуками». Стрибог – божество древнерусского пантеона. *Обида вещь* – см. коммент. 48.

***10. Полдень.** «Золотое руно». 1907, № 4, в составе цикла «Тегге antique». - - Стих. - - Иверни, без загл. Стихотворение было начато в марте 1907 в Москве, закончено в мае (Тг-1). Вариант – автограф (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 25, л. 14). В 1930 Волошин указывал, что сонет «был в свое время перепечатан в крымском журнале виноградарства» (в кн. «Пейзажи Максимилиана Волошина». Л., 1970. С. 19); публикация не обнаружена.

Молочай (*Euphorbia*) – род растений семейства молочайных, содержащих млечный сок. *Каперсы* колючие (*Capparis spinosa* L.) – небольшой кустарник, высотой около 1 м. *Маслина* дикая – так в Крыму называют лох серебристый (*Elaeagnus* L.), небольшое дерево или кустарник с темно-бурой или коричнево-бурой корой, с серебристыми удлиненными побегами.

11. Облака. Стих. Текст был послан Н.С. Гумилеву с предложением ответить сонетом на эти же рифмы; около 20 мая 1909 тот выслал ответное стихотворение «Нежданно пал на наши рощи иней...».

Марный (от: марево) — туманный. *Пинии* — см. коммент. 7. *Глицинии* — крупные деревянистые листопадные лианы рода *Wisteria* семейства бобовых. *Эриннии* (греч. миф.) — богини мщения. *Ассуры* (инд. миф.) — демоны; однако Волошин имеет в виду, по-видимому, Азуров теософии — духов тьмы (см.: *Штейнер Р.* Из летописи мира. М.: Духовное знание, 1914. С. 179—180).

12. Сехмет. Стих. Сонет построен на заданных рифмах. 1 мая 1909 Е.И. Дмитриева писала Волошину: «Вяч. Ив<анович> рассказал, что можно написать сонет и другой должен ответить, повторяя рифмы, но по возможности избегая в одной и той же катр<ене> одинаковых слов. <...> Гумилев прислал мне сонет, и я ответила: посылаю на Ваш суд. Пришлите и Вы мне сонет». К письму прилагались рукописи сонетов Н.С. Гумилева («Тебе бродить по солнечным лугам...») и Е.И. Дмитриевой («Закрыли путь к некошеным лугам...»). 13 мая, по получении сонета «Сехмет», Е.И. Дмитриева писала Волошину: «Ваш сонет о “гиене” лучший из трех».

Сехмет (егип. миф.) — богиня войны и палящего зноя, вместе с тем богиня-целительница; изображалась в виде женщины с головой львицы. *Луда* — блестящая наволока (по Далю). *Персть* — прах, пыль.

13. «Сочилась жёлчь шафранного тумана...». Стих. - - Иверни. Автограф — под загл. «Грех (сонет)» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 27, л. 4). В Тт-2 датировано 30 авг. 1910 — с опиской в годе, так как находится среди текстов 1909. М.С. Шагинян увидела в стихотворении «душевную драму любви, трагическое разделение любящих в самый момент слияния, утрату истины любви — в ее земном завершении» («Приазовский край». 1919, 27 янв.). В стихотворении имеется в виду Е.И. Дмитриева (ср. коммент. 25).

Как раненая львица. Имеется в виду знаменитый рельеф из дворца Ашшурбанипала в Ниневии (VII в. до н. э., Куянджик).

***14. Одиссей в Киммерии.** Стих. - - Иверни, без загл. Вариант — автограф в Тт-2 (л. 12). Мысль «сделать серию — Одиссей в Киммерии» Волошин высказывал в письме к Вяч. Иванову еще 18 апр. 1907. Подразумевается эпизод из путешествий Одиссея: «Скоро пришли мы к глубокотекущим водам Океана; Там киммериян печальная область, покрытая вечно Влажным туманом и мглой облаков» (Гомер. «Одиссея». XI, 13—15; пер. В.А. Жуковского).

Зиновьева-Аннибал Лидия Дмитриевна (1866—1907) — писательница, жена Вяч. Иванова. Стихотворение датировано днем ее кончины. *Персефона* (греч. миф.) — владычица царства мертвых. *Раина* — ракета, итальянский, южный, украинский тополь, *Populus pyramidalis*.

***81. «Зеленый вал отпрянул и пугливо...».** «Русь». 1907, 25 дек. - - Стих. Автограф — под загл. «В пустыне вод», вариант (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 25, л. 2); автограф — под загл. «Пустыня вод» (там же, ед. хр. 90, л. 1). Написано, видимо, в начале 1904: в письме от 7 февр. 1904 мать поэта, Е.О. Кириенко-Волошина, сообщала ему свое мнение о стихотворении.

Как папоротник красный. По народному поверью, папоротник цветет раз в году, в Иванову ночь (24 июня), кроваво-красным цветом, указывая место зарытого в землю клада.

82. «Вещий крик осеннего ветра в поле...». «Остров». 1909, № 1. - - Стих. - - Иверни. Автограф в Тт-2 — под загл. «Слёзы Деметры» (л. 20); автограф — под загл. «Бурный вечер» (РГБ, ф. 386, карт. 3, ед. хр. 8). Стихотворение написано сапфической строфой (впервые примененной древнегреческой поэтессой Сапфо, жившей в 6—7 в. до н. э.). Положено на музыку А.А. Шеншиным (см. коммент. 25).

Слёзы (вопли) Деметры — отголосок античного мифа о похищении Персефоны, дочери Деметры, владыкой царства мертвых Аидом. Безутешная Деметра оплакивала дочь до тех пор, пока Зевс не повелел Аиду раз в год отпускать Персефону к матери.

83. «Священных стран...». «Остров». 1909, № 1. - - Стих. - - Иверни.

84. Осенью. Сб. «Чтец-Декламатор». Киев, 1908. Т. 3, под загл. «Осень». - - Стих. - - Иверни. - - Рус. поэзия XX. Авт. маш. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 24, л. 12), с посвящением П.С. Соловьевой (см. о ней след. коммент.).

Вир — пучина.

85. «Над горестной землей — пустынной и огромной...». «Русь». 1908, 1 янв. - - Стих. - - Иверни.

Соловьева Поликсена Сергеевна (псевд. Allegro; 1867—1924) — поэтесса, имела в Коктебеле дачу. *Сын старший Хаоса* — Солнце.

***86. «Возлюби просторы мгновенья...».** Стих. - - Иверни. Вариант — автограф в Тт-2 (л. 23 об.—24), автограф (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 27, л. 3). Стихотворение было послано Волошиным матери 2 янв. 1909 (20 дек. 1908) из Парижа — как написанное осенью, с признанием: «Эту осень у меня бывали моменты глубокой грусти».

Бальмонт Екатерина Алексеевна (урожд. Андреева; 1867—1950) — переводчица, вторая жена К.Д. Бальмонта. *Просторы мгнове-*

нья. 9 авг. 1904 Волошин записал в дневнике: «Мы заключены в темницу мгновения. Из нее один выход — в прошлое. Завесу будущего нам заказано поднимать. Кто подымет и увидит, тот умрет, т. е. лишится иллюзии свободы воли, которая есть жизнь». *Дарит смерть*. 13 июня 1904 Волошин записал в дневнике: «Смерть это радость — это высший подъем жизни». *Излоги* — долины. *Схима* — монашеский чин, налагающий особо строгие правила; *синяя схима* — метафорическое обозначение неба.

IV. АЛТАРИ В ПУСТЫНЕ

Александре Васильевне Гольштейн

О замысле цикла Волошин писал И.Ф. Анненскому в начале июня 1909, думая включить туда «стихи об Аполлоне». «Все эти стихотворения, — сообщал Волошин летом 1909 С.К. Маковскому, — я писал <...>, лишь стараясь постичь подлинный характер эллинского Аполлона» (РНБ, ф. 124, ед. хр. 975). Определенный импульс могла дать ему картина К.Ф. Богаевского «Жертвенники» (1907), о которой поэт писал в статье «Золотой век»: «Дымами клубятся алтари над утренней землей. Я знаю эти плоскогорья-жертвенники. В Крыму, в пустынной области мертвых городов, воздвигших свои циклопические стены на высотах Чуфут-Кале и Тепе-Кермена, прозрел их Богаевский» («Русь». 1908, 24 февр.). В 1908 художник сделал (в числе иллюстраций к Стих.) рисунки тушью «Алтари в пустыне». Об *А.В. Гольштейн* см. коммент. 39.

***87. «Станет солнце в огненном притине...».** Стих. — Иверни. Автограф в Тт-2 — под загл. «Полдень», вариант (л. 39).

Притин — полуденное стояние солнца, высшая его точка. *Ликей*, *Фойбос*, *Эйос* — эпитеты бога солнца Аполлона (греч. миф.): волчий, сияющий, заревой.

88. Καντιχοί (зовы, призывы, *греч.*). «Весы». 1909, № 10/11. — Стих. — Иверни.

Вайи (греч.) — пальмовые листья. *Зарный бог* — Аполлон. *Дельфуза*, иначе Дельфы, — город у подножья горы Парнас, где Аполлон убил дракона *Лифона* и основал свое святилище. *Сивиллы* — см. коммент. 38 (12). *Зель* — молодая озимь, до колошения. *Оры* (греч. миф.) — юные богини, ведавшие сменой времен года, порядком в природе;

дети Зевса и Фемиды. *Кифаред* — одно из имен Аполлона как мастера игры на кифаре. *Порожденный в лоне Геи Геры ревностью глухой*. По соответствующему мифологическому сюжету, Гера преследовала своей ревностью не Гею, а мать Аполлона богиню Лето, запретив земле (Геи) дать ей место для разрешения от бремени. *Ликий* — см. коммент. 87.

***89. Дэлос.** «Аполлон». 1909, № 1. - - Стих. - - Иверни. Вариант — автограф в Тт-2 (л. 32). В стихотворении ошутим отзвук гомеровского гимна «К Аполлону Делосскому».

Делос — остров в Эгейском море; согласно греческой мифологии, родина бога Аполлона (он же Феб). *Маковский* Сергей Константинович (1878—1962) — поэт и художественный критик, редактор журнала «Аполлон». *Горгона* (*Горгона Медуза*) — в греческой мифологии чудовище, своим взглядом обращавшее всё живое в камень. *Сирос*, *Парос*, *Мирто*, *Наксос*, *Микон* — острова в Эгейском море. *Гневный лучник! Вождь мгновений! Предводитель мойр и муз!* — Аполлон. Атрибутами бога были серебряный лук и золотые стрелы; он был также покровителем муз (еще одно его имя — Мусaget) и предсказателем будущего. Последнее, по Волошину, неким образом объединяло Аполлона с богинями судьбы (в греческой мифологии — *мойры*, в римской — *парки*). Об этом в авг. 1909 он писал И.Ф. Анненскому: «...мне пришла в голову <...> связь одного из наименее определимых ликов Аполлона — вождя времени с парками, которые тоже так странно повторяют идею прошлого, настоящего и будущего» (ЕРО на 1976 год. Л., 1978. С. 251). Об Аполлоне как боге времени Волошин написал философско-лирическую статью «Ногomedon» (т. е. «Вождь времени» — «Золотое руно». 1909, № 11/12). *Эллада* — древнее наименование Греции. *Циклады* (Киклады) — группа островов Эгейского моря, в состав которой входит Делос. *Цинт* (Кинф) — гора на Делосе, у подножья которой находится храм Аполлона.

90. Дельфы. Стих. Работая над стихотворением, Волошин использовал произведения Страбона, Демосфена, Еврипида, Эсхила; в Тт-2, в частности, выписано: «Дельфы — тяжелый воздух, насыщенный парами, тенистая долина. Звучное эхо Федриад повторяет малейший звук. (Логово змея.) Здесь древний культ земли, ночи и Фемиды. Ручьи — как пчелы. Трещина Пифии — уста Земли. Белый камень означает пуп земли. Гроб Диониса. Дельфийский лавр у входа в пещеру». В письме к И.Ф. Анненскому (начало июня 1909) Волошин писал: «Жалею, что не могу сейчас послать последнего стихотворе-

ния “Дельфы”, в котор<ом> не дописаны последние строки» (РГАЛИ, ф. 6, оп. 1, ед. хр. 307).

Федриады – скалы у Дельф. *Зевсовы орлы*. Орел считался символом Зевса (греч. миф.). *Но не вольна праматерь Гея рождать сынов. Пифон умолк*. Имеется в виду миф о Пифоне, чудовищном змее, рожденном Геей, которому суждено было погибнуть от руки Аполлона. См. также коммент. 88. *Дельфийский волк* – символ бога Аполлона. *Ископытъ* – здесь: источник, выбитый ударом копыта. *Сивиллы* – см. коммент. 38 (12). ...*место ∪ где бог гонимого Ореста Укрыл от гнева Эвменид*. Подразумевается эпизод мифа об Оресте: после убийства своей матери Клитемнестры (мстя за то, что она убила его отца и своего мужа Агамемнона), преследуемый богинями мщения Эринниями-Эвменидами, Орест ищет (и находит) защиту в Дельфийском храме у Аполлона (см. пролог трагедии Эсхила «Эвмениды»). *Дионис – в гробу пред храмом Аполлона!* Гроб Диониса в Дельфах выступает как *opthalos*, «пуп земли» и центр мироздания.

91. Призыв. Стих. - - Иверни. В Тт-2 – последнее стихотворение за 1908 год. 8 янв. 1909 А.Н. Толстой писал Волошину о нем: «Стихи твои очень хороши, звучны и искренни, немного нехорошо, что повторяется “темным золотом”, а потом “белым золотом”». При публикации Волошин заменил второй из этих эпитетов на «беглым». Стихотворение, по-видимому, обращено к М.В. Сабашниковой (ср. с ее автохарактеристикой, процитированной Волошиным в стихотворении «Второе письмо»: «Среди живых я только тень»... и т. д.).

Лета – см. коммент. 48. *Гранатовое зерно*, данное Аидом Персефоне (см. коммент. 67–80 (14)) в греческой мифологии символизирует неразрывность брака. Оно заставило Персефону вернуться в подземное царство. *Я солью в сосуде медном*. Волошин писал об этом четверостишии Ю.Л. Оболенской 15 октября 1913: «Это почти точный перифраз неоплатоников (Порфирий...)» (см. об этом философе коммент. 58). В статье «Лики творчества: Федор Сологуб» («Русь». 1907, 14 июня) Волошин упоминает «жёлчь жизни и мед смерти» как «символы леонтинских мистерий» (ЛТ-88. С. 435; имеются в виду тайные празднества античности в городе Леонтины на острове Сицилия).

92. Полдень. «Аполлон» 1909, № 1. - - Стих. Авторская датировка неточна: в Тт-2 работа над стихотворением относится к концу 1907. Здесь, в частности, записано: «Травы знают преступленья и не могут их сказать, кричат запахом. Вихри пыли стремятся к солнцу. В прахе

страшные следы. В нас живет прерывистое дыхание мертвых» (л. 26). «Истомленность, знойность и аромат изомлевших за день трав» Волошин находил в картине М.С.Чуйко «Лунная ночь» (письмо к М.В. Сабашниковой от 2 окт. 1905).

93. «Сердце мира, солнце Алкиана...». «Русь». 1907, 25 дек. - - Стих. - - Иверни.

Алкиан (Альциона) — наиболее яркая звезда в звездном скоплении *Плеяд*, находящемся в созвездии Тельца. Согласно немецкому астроному И.-Г. Медлеру (1794—1874), Альциона — центр, вокруг которого вращается вся наша звездная система. В библиотеке Волошина есть брошюра В.-Э. Мишле «Сердце Алкионы» («Le Cœur d'Alcyone». Paris: Librairie Hermetique, 1910), в которой дается теософское толкование мифа. Стихотворение было положено на музыку Ю.Ф. Львовой (см. коммент. 33) под загл. «Гимн пифагорейцев». В письме в ЦКУБУ (Центральная комиссия по улучшению быта ученых) от 12 нояб. 1924 Волошин указывал, что «Сердце мира...» было переведено на латинский язык (Н.Н. Павлиновой) и «исполнялось как гимн в Индии». (В Тт-2 латинский текст вписан в 1916).

Возносясь над чуткою водою, Золотые числа Пифагора Выпадают мерной чередою. В узком смысле пифагоровыми числами называют такие тройки чисел, как 3, 4 и 5 или 5, 12 и 13. Они имеют геометрическую интерпретацию: если два числа из тройки приравнять длинам катетов прямоугольного треугольника, то третье число будет равно длине его гипотенузы. Их эпитет «золотые», скорее всего, связан с понятием т. н. золотого сечения (гармонического деления; деления отрезка на две части таким образом, что большая его часть является средней пропорциональной между всем отрезком и меньшей его частью). Следует подчеркнуть, что Пифагор (VI в. до н. э.) сделал тайным знаком своей философско-математической школы (с помощью которого пифагорейцы отличали своих от чужих), пентаграмму — звездчатый пятиугольник, составленный из диагоналей правильного пятиугольника. Для Пифагора и его учеников пентаграмма стала священным символом телесно-духовной гармонии, и не случайно: ведь она является геометрическим выражением отношения золотого сечения, т. е. числа $F = \sin 72^\circ / \sin 36^\circ = 1,61803\dots$ Впрочем, «звездная» образность, пронизывающая строки стихотворения Волошина, вызывает ощущение неявной связи его текста не только с внешним видом пентаграммы, но прежде всего с эзотерическими ее смыслами. *Как рыбак из малой Галилеи.* Это уподобление имеет, по крайней мере, два плана. Галилейскими рыбаками (см. Матфей. IV, 18—21) были уче-

ники Иисуса; некоторые из них стали апостолами Его учения. Однако *Малой* Галилеей именуется также район Иерусалима. Он получил такое название потому, что во время земной жизни Иисуса там, на склоне Елеонской горы, находился самый бедный квартал города, где останавливались галилейские рыбаки, приезжавшие по делам из своей провинции в столицу. *Халдейские волхвы*. Матфей (II, 1) говорит, что волхвы пришли в Иерусалим «с востока», но не уточняет, из какой именно местности. В святоотеческой литературе существуют разные суждения на этот счет. Волошин разделяет здесь позицию бл. Августина, считавшего, что волхвы прибыли из Халдеи — в то время области Вавилонии (где родился праотец Авраам).

94. Созвездия. «Аполлон». 1909, № 1. - - Стих. - - Иверни. 3 (16) февр. 1908 М.В. Сабашникова благодарила Волошина «за письмо со стихами о звездах». В письме к А.М. Петровой от 17 (4) нояб. 1908 Волошин просил разрешения посвятить стихотворение ей. Источник эпиграфа не установлен; сходные мотивы есть в «Песне духов над водами» И.В. Гёте в пер. Д. Недовича («Души людские Водам подобны: Нисходят с неба, Восходят к небу») — но разница все-таки ощутима.

Весы (лат. Libra) — зодиакальное созвездие. ...*вкруг остия* — вокруг оси. ...*в водах Архипелага* — т. е. в водах именуемого этим словом Эгейского моря. *Созвездья островов*. В Эгейском море множество островов: Кандия, Евбея, группа Цикладских островов (Парос, Милос, Андрос, Наксос и др.), острова: Атос, Лимнос, Тазос, Митилены (Лесбос), Хиос, Самос, Икарция, Родос и др. *Гнездо Гиад*. Имеется в виду рассеянное звездное скопление Гиады, видимое на звездном небе вправо от Альдебарана — самой яркой звезды созвездия Тельца. Название «гнезда» — мифологического происхождения: Гиады (греч. миф.) — это нимфы, дочери Атланта и Плейоны, одной из океанид; сёстры Плеяд. *Плеяды* — см. коммент. 93. *Великий Воз* — Возничий (лат. Auriga), созвездие Северного полушария. *Зоркий Волопас* (лат. Bootes) — созвездие Северного полушария с звездой большой яркости — Арктур. *Циклады* — см. также коммент. 89. *Хавон*. По-видимому, имеется в виду название Феодосии в древности (см.: Словарь Брокгауза-Ефрона. Т. 82. С. 918). 1 (14) июля 1916 М.С. Цетлина недоумевала: «Что такое за “стены Хавона” в “Созвездьях”? Ни в одном словаре мы его не нашли». *Алмазный торс гиганта Ориона, ловца зверей, любовника зари*. Речь идет об одноименном экваториальном созвездии (лат. Orion). Здесь же бегло характеризуется герой, именем которого созвездие названо: это смертный юноша Орион (греч. миф.),

выдающийся охотник, влюбившийся в богиню утренней зари Эос. *Солнцу путь затмила тень Геракла*. Подразумевается эпизод из мифологического рассказа о десятом подвиге Геракла: для достижения этой цели герой оказывается на берегу Океана; ему нужно переправиться на остров Эрифейю; Геракл преграждает путь колеснице Гелиоса-Солнца, и бог помогает герою достичь Эрифейи. *Зевс воздвиг на небе льдистый трон*. Трон бога находился на Олимпе. Возможно, здесь реминисцирован фрагмент поэмы Дж. Мильтона «Потерянный рай» (1667): Зевс «похитил трон отца И незаконно царство основал. На Крите и на Иде этот сонм Богов известен стал сперва; затем Они к снегам Олимпа вознеслись И царствовали в воздухе срединном, Где высший был для них предел небес» (пер. Арк. Штейнберга). *Андромеда* (лат. Andromeda) и *Персей* (лат. Perseus) — созвездия Северного полушария, названные именами героев древнегреческих мифов. *В себе тая все летописи мира*. По-видимому, намек на теософскую летопись Акаша — тонкую, сверхчувственную духовную сущность, наполняющую всё пространство, будто бы хранящую сведения обо всех событиях во Вселенной с незапамятных времен (см.: Штейнер Р. Из летописи мира (Aus der Akasha-Chronik). М.: Духовное знание, 1914). *Златыми пчелами расшитая порфира* — метафора звездного неба. *Иония* — группа Ионических островов в Ионическом море, также западное побережье Малой Азии, колонизированное племенем ионийцев в XI—IX вв. до н. э. Иония стала колыбелью ионийской философской школы; была знаменита и своими изобразительными искусствами, и как центр ранней греческой поэзии.

Стихотворение положено на музыку Ю.Ф. Львовой (см. коммент. 66).

***95. Она.** Стих. - - Иверни. - - Рус. поэзия XX. Первонач. ред. — автограф в Тг-2 (л. 40 об.). Вариация на тему Вечной Женственности В.С. Соловьева (поэма «Три свидания», 1898). Сходные мотивы — в раннем стихотворении Волошина «Истина» («Русь». 1905, 1 янв.), в рукописи также называвшемся «Она».

От Гималайских ступеней. Находясь в 1900 в Средней Азии, Волошин писал матери: «Не отправиться ли мне пешком через Памир и Гималаи в Индию?». Однако путешествие это не осуществилось. *Афродита Микенская* — скульптурное изображение богини Афродиты (второе тысячелетие до н. э.) *Таиах* — см. коммент. 38(2). *Мона Лиза* (Джоконда) — см. коммент. 38 (11). *На знойных улицах Севильи*. Религиозную процессию со статуей Богоматери, увиденную в Севи-

лье (в 1901), Волошин описал в статье «Театр — сонное видение» («Русь». 1906, 9 дек.).

96—110. Corona Astralis. Стих. - - Иверни. Один из первых в России венков сонетов: цикл из четырнадцати сонетов, сплетенных в единое целое, благодаря повторяющимся строкам, образующим ключевой пятнадцатый сонет-магистрал. Волошин считал венок программным произведением: «Мое отношение к миру см. “Corona Astralis”», — отмечал он в «Автобиографии» (Воспоминания. С. 39). В нем выражено эзотерическое (тайное, понятное лишь посвященным) восприятие мира, сложившееся у Волошина благодаря его занятиям оккультизмом. В теософии «астральный мир» противопоставлен материальному (физическому) как невидимый и относящийся «к миру страстей». Б.А. Леман писал Волошину о «Короне»: «Она в стиле средневековой энциклопедии какого-нибудь монаха, вроде Бёме, где есть и мифы, и естественные науки, и искусство, и все пронизано одной мистической нотой» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 777). Есть сведения, что венок «имел большое влияние» на композитора А.Н.Скрябина «в последний год его творчества» (письмо Волошина к Н.К. Кедровой от 25 февр. 1923).

Перевод названия может быть двояким: «звездная корона» и «астральная корона»; *Corona Astralis* может быть истолковано также как «Астральный венец» — от теософского понятия «астрального света»: невидимой эфирной сферы, окружающей земной шар. Волошин, по-видимому, предпочитал как раз такое толкование; см. выше (с. 436) авторское предисловие к Стих. Анализ венка сонетов см.: Менделевич. С. 79—84; Герасимов К.С. (в кн. «Волошинские чтения 1991 года». Коктебель, 1997. С. 98—115); Пинаев. С. 98—102.

Е.И. Дмитриева — см. коммент. 25.

1. «В мирах любви неверные кометы...». *Икар* (греч. миф.) — юноша, погибший при полете к Солнцу на крыльях из перьев, скрепленных воском. *По путям парабол безвозвратных.* Большинство комет, приблизившись к Солнцу, затем навсегда удаляются по разомкнутой кривой — параболе.

***2. «Закрыт нам путь проверенных орбит...».** Вариант — автограф в Тт-2 (л. 44). *Сзади наша Троя.* Здесь параллель с судьбой мифологического героя Энея, после разрушения Трои отплывшего с оставшимися в живых горожанами на поиски нового пристанища.

3. «Явь наших снов земля не истребит...». *Ночей — разверстых на Фаворе.* Подразумевается Преображение Иисуса Христа (см. Матфей. XVII, 1—13).

4. «**Полночных солнц к себе нас манят светы...**». *Альфа Пса* — Сириус, самая яркая звезда звездного неба; находится в созвездии Большого Пса. *Вега* — звезда в созвездии Лиры; на всей небесной сфере — четвертая по яркости. *Бета Медведицы* (Мерак, Мегрец) — одна из звезд созвездия Большая Медведица, нижняя звезда в стороне «ковша», противоположной его «ручке». *Плеяды* — см. коммент. 93. *Лета* — см. коммент. 48.

5. «**Ах, не крещен в глубоких водах Леты...**». *Орковы ключи* (римск. миф.) — источники мертвой воды в загробном мире. Ср. со строкой из стихотворения К.Н. Батюшкова «Выздоровление» (1807): «От Орковых полей, от Леты берегов». ...*рой теней Персефонеи* — т. е. обитателей царства мертвых в греческой мифологии. *Пелид* — сын Пелея Ахилл, герой «Илиады».

6. «**Наш горький дух... (И память нас томит...)**». *Навий яд* — трупный яд.

7. «**В нас тлеет боль внежизненных обид...**». ...*дух* ∞ *Лаокоон...* Уподобление скульптурной группе «Лаокоон» (ок. 50 до н. э.) работы родосских мастеров Агесандра, Полидора и Атенодора на мифологический сюжет гибели Лаокоона, жреца бога Аполлона в Трое, и его сыновей. *Грааль* — см. коммент. 19.

8. «**Изгнанники, скитальцы и поэты...**». В строке — отзвук перевода Ф.И. Тютчева «Из Шекспира» (1832): «Любовники, безумцы и поэты...». У *птиц* — *гнездо*. Восходит к тексту Евангелия: «Лисицы имеют норы и птицы гнезда, а Сын человеческий не имеет, где преклонить голову» (Матфей. VIII, 20). *Рансод* — странствующий певец в Древней Греции.

9. «**Тому, кто зряч, но светом дня ослеп...**». *Феб* — см. коммент. 87 и 89. *Скрыт в яслях бог*. Образ, навеянный евангельским эпизодом Рождества Христова (Лука. II, 12, 16). *Пещера заточенья превращена в Рождественский Вертеп*. Здесь, скорее всего, имеется в виду не столько святочное кукольное представление о Рождестве Иисуса Христа, сколько традиционный рождественский подарок — «игрушечная» пещера со Святым Семейством: Младенцем Иисусом, лежащим в яслях, Матерью Его Марией и Ее мужем Иосифом. На Младенца ласково смотрят животные, у входа стоят пришедшие поклониться пастухи и волхвы с дарами. *Праматерь ночь*. У греков Никта, персонафикация ночи, была дочерью Хаоса, одной из форм первобытия. *Тому, кто в тьму* и т.д. Стрелы Аполлона (солнечные лучи) могли быть причиной слепоты, но «тьма» — это и подземное царство мертвых.

10. «**Тому, кто жив и брошен в темный склеп...**». *Видны края расписанной гробницы*. Возможная аллюзия на росписи гробниц Древне-

го Египта. Волошин видел их в зале «Мастаба» в Лувре, о котором писал 19 (6) июля 1906 М.В. Сабашниковой: «Там собрано все, что есть лучшего из Египта. Это гениальная зала <...>. Это гробница – внутренность гробницы, покрытая барельефами. <...> Какие фигуры! Какие рисунки!» *Плащаница* – покрывало, в т. ч. для тела усопшего.

11. «Кому земля – священный край изгнания...». *Себя забывший бог*. Реминисценция начальных строк стихотворения В.С. Соловьева: «Бескрылый дух, землюю полоненный, Себя забывший и забытый бог...» (1883). *Он тот, кому погибель не дана*. Имеется в виду Агасфер («Вечный Жид»), обреченный скитаться, дожидаясь второго пришествия Христа.

12. «Кто видит сны и помнит имена...». *Изиды пелен*. Изиды (Исида, егип. миф.) – богиня плодородия, воды и ветра; символ женственности. Пелена Изиды – смерть. *Менада* – в Древней Греции жрица бога Вакха. *Орфей* – см. коммент. 42.

13. «Тому в любви не радость встреч дана...». *Рамена* – плечи. *Живые звенья, которыми связует нас Луна*. Отзвук теософских представлений о том, что именно на Луне развиваются образные представления человеческого духа. (*Штейнер Р.* Из летописи мира. М.: Духовное знание. 1914. С. 200–215). *Кто оцет жаждал...* Подразумевается распятый Иисус, которому вместо воды поднесли губку, смоченную уксусом (см.: Иоанн. XIX, 28–30).

Книга вторая

SELVA OSCURA

В начале 1920-х Волошин писал: «Книга “Selva Oscura” включает в себя лирические стихи, написанные в 1910–1914 гг., являясь естественным продолжением первой книги лирики (1900–1910). Война и Революция помешали ей выйти отдельной книгой в свое время, но отдельные стихотворения ее вошли в сборник моих избранных стихотворений “Иверни” (1919 г.). С начала войны я уже не писал больше чистой лирики, но несколько стихотворений, дописанных в последующие годы, включены мною в эту же книгу» (предисловие к книге. – ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 140, л. 2). О происхождении названия книги см. коммент. 52.

В 1922 сборник поступил в Государственное издательство РСФСР, где получил официальную рецензию К.Н. Лавровой – политического редактора (т. е. внутреннего цензора) Госиздата:

«Selva Oscura / Максим<илиан> Волошин / Госиздат / 90 <стр.> / 1½ л<иста>».

Стихи, как таковые, прекрасны. Думается, что М. Волошина уже нельзя рассматривать с точки зрения какой-либо “нужности” и “полезности” его. Конечно, М. Волошину было бы больше к лицу издаться где-нибудь в старом частном издательстве, но Госуд<арственное> Изд<ательство> греха на себя не возьмет, если издаст его книжку, поэт — большой и хоть не родной, но и не враждебный, вообще он — вне этих оценок, по крайней мере в этой книжке. Такие стихи, как на стр. 9, 27, 52, 53, такие мысли, как на стр. 26, 49, — конечно, Госуд<арственному> Изд<атель>ству не нужны, но не в них дело, не стоит даже вычеркивать; отмеченные стихи в этом роде как раз оказались и с т<очки> зр<ения> стихотворной менее удачными. Но вот веноч сонетов — “Lunaria” — гимн луне — жемчужина стихотворн<ого> искусства, но было бы преступлением отыскивать здесь какое-либо осязаемое полезное “содержание”. “Подмастерье” — риторично и “полезно”, и только Волошин здесь преодолел тему и не сник в прозу.

У Волошина есть и мистика, но какая-то трезвая, скорее — прием, нежели мироощущение.

Заключение политредактора о напечатании

Следует издать, тем более что были прецеденты: принятые книжки Мандельштама <“Аониды”> и Ходасевича <“Тяжелая лира”>, котор<ые> идеологически не ближе Волошина, а по мастерству менее значительны.

Кл. Лаврова.

12 VII 1922 г.» (ГАРФ, ф. 395, оп. 9, ед. хр. 176, л. 354—355).

На следующий день (13 июля) состоялось очередное заседание распорядительной комиссии Госиздата в составе: А.К. Воронский, А.Г. Калашников и секретарь Ортнер. В его протоколе № 63 записано: «5. Принять к изданию стихи Волошина — “Selva oscura” разм<ером> 1434 стих<отворных> стр<оки> и заключить договор» (там же, оп. 9, ед. хр. 150, л. 43).

Затем (19 июля 1922) сборник поступил в издательский сектор Госиздата РСФСР (ГАРФ, ф. 395, оп. 9, ед. хр. 45, л. 110 об.), а в августе того же года с издательством был заключен договор на его выпуск под названием «Selva oscura: 2-я книга лирики (1910—1914)» объемом 1434 стихотворных строки (там же, оп. 9, ед. хр. 39, л. 130) и тиражом 3000 экз. (там же, оп. 1, ед. хр. 245, л. 65). Представителям Волошина в Москве был даже выдан аванс за эту книгу (но до автора деньги дошли с большим опозданием, сильно обесценившись)... Сборник вклю-

чал 80 стихотворений и должен был выйти в Госиздате в 1923 (анонс появился в «Известиях» 5 сент. 1922).

По-видимому, сборник был сдан в набор через Петроградское отделение Госиздата — позиция «Волошин 3 1/2 <так!>» (название не указано, скорее всего, из-за его латинского шрифта) значится в рубрике «Рукописи набранные, но не законченные» сводного машинописного перечня под заголовком «Сведения о состоянии работ и материалов Госиздата в петроградских типографиях к 12 ч. дня 1 декабря 1922 г.» (ГАРФ, ф. 395, оп. 1, ед. хр. 258, л. 37).

Однако после набора корректура книги вновь вернулась на повторное цензурное рассмотрение.

Сохранилось (на бланке «Редакционный сектор Государственного Издательства РСФСР. Политический отзыв») заключение поллитредактора М. Волкова:

«Волошин. Ст<ихотворе>ния. 3 1/2 л<иста>. Рец<ензент> Пинсон.

Издать с предисловием (просить т. Воронского).

Слова “бог”, “господь” и т. д. с маленькой буквы» (ГАРФ, ф. 395, оп. 9, ед. хр. 176, л. 353).

Заключение не датировано, но время его написания (до 6 марта 1923) устанавливается по письму редакционного сектора Госиздата в его же издательский сектор (№ 224 от 6 III-23):

«...стихотворения Волошина будут изданы с предисловием тов. Воронского, если он согласится.

Редакционный сектор просит обратить внимание, чтобы в этой книге слова “бог”, “господь” и т. д. писались с маленькой буквы.

Корректура возвращается» (ГАРФ, ф. 395, оп. 1, ед. хр. 297, л. 239).

Через три месяца, 4 июня 1923, С.Я. Парнок, которая вела в Москве дела по изданию «Selva oscura», сообщила Волошину, что «теперь Госиздат требует “советской ориентации”» и поэтому сборник лирики отклонен.

Действительно, в составленном не ранее окт. 1923 сводном машинописном «Списке рукописей, отклоненных Распорядительной Комиссией и Отделами Редсектора ГИЗ’а» под № 265 значится волошинский сборник «Selva oscura», названный по-русски — «Темный лес» (ГАРФ, ф. 395, оп. 9, ед. хр. 77, л. 6).

Текст книги «Selva oscura» печатается по авторизованной машинописи (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 140).

I. БЛУЖДЕНИЯ

В «Автобиографии» (1925) Волошин определил период своей жизни в 1905–1912 как «блуждания».

***111. «Теперь я мертв. Я стал строками книги...».** Сб. «Весенний салон поэтов». М.: Зёрна, 1918. - - Иверни. - - «Камена». Харьков, 1918, № 1. - - Стих-2 (с датой). Та же дата – в Тт-2 (л. 58 об.). Первоначальная редакция – автограф в Тт-2 (л. 52 об.).

Я стал строками книги. Имеется в виду выход из печати Стих. Обращено к Е.И. Дмитриевой (см. коммент. 25). *Не отходи смущенной Магдалиной – мой гроб не пуст.* Отзвук евангельского эпизода о приходе Марии Магдалины к гробу Иисуса и о воззвешении ей Ангелом Господним, что Его там нет (Матфей. XXVIII, 1–8).

112. «Судьба замедлила сурово...». Стих-2 (дата: «Февраль 1910»). Обращено к Е.И. Дмитриевой (см. коммент. 25), в отношении которой к Волошину в это время произошло сильное охлаждение. 19 янв. 1910 она писала ему: «...не хочу видеть тебя, п<отому> ч<то> боюсь, мне очень больно уходить от тебя каждый раз. А нужно».

113. «Себя покорно предавая сжечь...». Иверни. - - Стих-2 (с датой). Та же дата – в Тт-2 (л. 60 об.). Автограф – под загл. «Разлука» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 36, л. 7). Обращено к Е.И. Дмитриевой (см. коммент. 25).

Напрасно обоюдоострый меч. Средневековый обычай брака «по представительству» у немецких князей, при котором посол жениха ложился в постель с невестой с обнаженным мечом между ними.

114. «С тех пор, как тяжкий жёрнов слепой судьбы...». Стих-2 (дата: «1 марта 1910. Коктебель»). - - «Радуга». Киев, 1982, № 10. - - СИП-1. Автограф (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 6, с. 112, 115) – под загл. «Amor fati» (любовь к судьбе, *лат.* – термин стоицизма, использованный Ф. Ницше). Обращено к Е.И. Дмитриевой (см. коммент. 25). Летом 1909 она рассказывала Волошину в Коктебеле: «Мне было 13 лет, когда в мою жизнь вошел тот человек. <...> Да, Макс, это было... Он взял меня» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 442, л. 80). 15 марта 1910, получив стихотворение Волошина, она писала ему: «Макс, я хочу, чтоб ты из своего “Amor fati” вычеркнул “Тринадцать лет” – я тебя очень прошу». Волошин снял слова «в 13 лет», которыми сначала заканчивалась первая строка («С тех пор как тяжкий жернов в 13 лет...»).

115. «Пурпурный лист на дне бассейна...». Иверни. - - Стих-2 (с датой). Та же дата — в Тг-2 (л. 53). Обращено к Е.И. Дмитриевой (см. коммент. 25).

И буду ждать. Перед отъездом Волошина из Петербурга (4 февр. 1910) Е.И. Дмитриева писала ему: «Не знаю, когда приду, только ты жди меня».

***116.** «В неверный час тебя я встретил...». «Gaudeamus». 1911, № 1. - - Иверни. - - Стих-2 (дата: «1910. С.-Петербург»). Первоначальный набросок — автограф (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 27, л. 6); вариант — автограф в Тг-2 (л. 52). Обращено к Е.И. Дмитриевой (см. коммент. 25).

И в кровь вино не претворилось. Намек на церковный обряд причащения.

117. «Раскрыв ладонь, плечо склонила...». «Ветвь: Сб. клуба московских писателей». М., 1917. - - Иверни. - - Стих-2 (с датой). Обращено, по-видимому, к М.И. Цветаевой; в воспоминаниях «Живое о живом» она описывала такой эпизод при первом визите Волошина: «Сидим, он на диване, я на валике (я — выше), гадаем, то есть глядим: он мне в ладонь, я ему в темя...» (*Цветаева М.* Соч.: В 2-х т. М.: Худож. литература, 1980. Т. 2. С. 196). Волошин увлеченно занимался хиромантией; 22 дек. 1913 он писал Е.Я. Эфрон: «Занятие хиромантией очень одобряю. <...> Теорию нужно знать, конечно, но главное — практика и умение говорить» (РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 43). Ср. стихотворение «Мой пыльный пурпур был в лоскутках...».

Венерино кольцо — термин хиромантии. Линия ладони, именуемая кольцом (или поясом) Венеры, начинается между бугром Юпитера и Сатурна (от промежутка между указательным и средним пальцами) и полукругом доходит до промежутка между безымянным пальцем и мизинцем. Считается, что обладатель кольца Венеры, как правило, подвержен сильным, чаще всего дурным, страстям. *Раздвоенные линии воли.* Линией воли и храбрости у хиромантов считается т. н. линия головы. Она начинается между большим и указательным пальцем, проходя по равнине Марса и Луны. Ее соединение с линией сердца характеризует человека, у которого сердечные влечения господствуют над велениями рассудка. Если при этом головная линия разветвляется на два отростка, один из которых поднимается к бугру Луны (справа вблизи запястья), то это выдает человека, готового всем пожертвовать ради какой-либо склонности.

***118. «Обманите меня... но совсем, навсегда...».** БВ. 1915, 5 мая, под загл. «Встречной». - - Иверни. - - Стих-2 (дата: «1911»). Вариант — черновой автограф (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 29). Стихотворение может быть соотнесено с А.Р. Минцловой (см. коммент. 55), предсказаниям которой Волошин поначалу гипнотически верил, но затем все чаще вынужден был разочаровываться. Ср. у А. Франса: «Всё чудесное — обман. Мы знаем это и хотим, чтобы нас обманывали» (статья «Роман и магия», 1889).

***119. «Мой пыльный пурпур был в лоскутках...».** Иверни. - - Стих-2 (с датой). Вариант с той же датой — автограф в Тг-2 (л. 86 об.).

Мой пурпур. Имеется в виду пурпурный плащ; в древности пурпурная краска была драгоценной, и носить одежду, окрашенную пурпуром, могла только знать. Волошин в данном случае отождествляет себя с римским аристократом или князем в изгнании (почему «пурпур» — в лоскутках). *Узор которой <ладони> в знаках четных.* Четные знаки — здесь термин хиромантии; усматривается также перекличка с толкованием «нечетности» в диалоге Платона «Федон».

120. «Я к нагорьям держу свой путь...». «Аполлон». 1915, № 4/5, под загл. «Венчание». - - Иверни. - - Стих-2 (с датой). - - Рус. поэзия XX. Та же дата — в Тг-2 (л. 96 об.).

Возносящиеся ступени. Волошин имеет в виду видение праотца Иакова: лестницу к небу, символ восхождения к Богу (Бытие. XXVIII, 12).

***121. «К тебе я пришел через воды...».** Стих-2 (с датой: «10 февраля 1915»). - - СИП-1. Первоначальная редакция — автограф в Тг-2 (л. 109 об., дата: 9.II.1915), автограф (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 39, л. 11); автограф под загл. «Персей и Андромеда» (РГАЛИ, ф. 537, оп. 1, ед. хр. 127). Возможна также связь с сюжетом оперы Р. Вагнера «Лоэнгрин», написанной по мотивам средневекового сказания: рыцарь Лоэнгрин приплывает в ладье, влекомой лебедем, из замка Грааль на защиту Эльзы Бранбантской.

Наручни — запястья.

122. «Я глазами в глаза вникал...». Стих-2 (с датой). - - Стих-77. Дата — автограф (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 39, л. 7). Написано в состязании с Бальмонтом (на тему «отражения»). Впоследствии Волошин вспоминал: «Иногда с утра <мы> оба садились за стихи на

темы, которые сами себе задавали. <...> В этих состязаниях мы ободряли и поддерживали друг друга» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 445, л. 97 об.).

123. «Я быть устал среди людей...». «Аполлон» 1915, № 4/5, под загл. «Усталость». - - Иверни. - - Стих-2 (с датой). Та же дата — в Тт-2 (л. 96 об.). Отражение того «остракизма», которому Волошин был подвергнут после его выступления с критикой картины И.Е. Репина «Иван Грозный и сын его Иван». («О самом себе». — Воспоминания. С. 42). Нашла здесь отражение и усталость от летнего «людоворота» в Коктебеле.

И я спешу, смущаясь, мимо. Переключка со стихотворением М.Ю. Лермонтова «Пророк» (1841).

124. «Как некий юноша в скитаньях без возврата...». «Черноморский альманах». Новороссийск, 1914, № 1. С. 29. - - «Аполлон». 1915, № 4/5, под загл. «Странник». - - Иверни. - - Стих-2 (с датой). Та же дата — в Тт-2 (л. 87). Толчком для создания стихотворения явилась притча Платона «о юноше, в раннем детстве похищенном разбойниками» («Государство». — *Платон*. Соч.: В 3-х т. М., 1971. Т. 3. С. 350—351). «И он, выросши, идет из края в край, и от шатра к шатру, в поисках своих родителей, — писал Волошин 9 дек. 1930 К.М. Добрианицкому. — И люди его принимают <...>, но он, который помнит о своей семье только одно, что все там были счастливы и мудры, увидав их житейские недостатки, сам покидает их и идет по свету дальше искать своего отца и свою семью, без удовлетворения и без достижения».

125. «Ступни горят, в пыли дорог душа...». «Вестник теософии». 1916, № 10, под загл. «К Невидимому Граду». - - Стих-2 (дата: «Январь 1910»). - - Сб. «Норд». Баку, 1926. С. 288. В Тт-2 — первое стихотворение за 1910.

Невидимый град — вряд ли град Китеж (см.: Стих-77. С. 410); скорее, речь о том «внутреннем Граде», который Волошин позднее упомянет в стихотворении «Петроград» (1917). *Осокорь* — тополь. *Учись внимать*. В тетради тезисных выписок из трудов по оккультизму у Волошина записано: «Нужно научиться сосредоточивать свое внимание одновременно на внешнем явлении и на внутреннем <...>. Надо учиться различать звуки, исходящие от вещей бездушных» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 459). Ср. в 12-м сонете из «Corona Astralis»: «Кто

слышит трав прерывистые речи»... 21 мая 1910 Б.А.Леман (некоторое время игравший роль ментора Волошина) писал ему: «Учитесь языку птиц, пчел, цветов, чтобы научиться понимать язык людей».

126. «И было так, как будто жизни звенья...». Альм. «Стремнины», № 2. М., 1918. - - Иверни. - - Стих-2 (с датой). Та же дата — в Тт-2 (л. 91).

И на меня из влажной бездны плыли. Ср. у Ф.И. Тютчева: «Небесный свод, горящий славой звездной, Таинственно глядит из глубины, — И мы плывем, пылающею бездной Со всех сторон окружены» («Как океан объемлет шар земной...». 1830).

***127. «Я, полуднем объятый...».** МГ. 1911, 6 сент. - - Иверни. - - Стих-2 (с датой). Начато летом 1909 (Тт-2). Вариант с той же датой, что и в Стих-2, — автограф в Тт-2 (л. 57); вариант — автограф (воспроизведен в СИП-1. С. 455). Автограф под названием «Мужское» — в собрании В.А. Петрицкого (см.: *Петрицкий В.* Над рукописями Максимилиана Волошина. — «Книжное обозрение». 1985, 18 окт.).

Плоть моя осмуглела... По верному замечанию Э.С. Менделевича, поэт здесь представляет себя варваром или даже «фавном в духе С. Малларме», оставаясь (как ранее в образе кентавра) в античной традиции. *Мне враждебны рабыни Смертно-влажной Луны* — т. е. женщины. В древних мифах (Египет, Китай) Луна, в противоположность Солнцу, является женским началом — пассивным, темным, влажным. В 1910 Волошин вписал в Тт-2 некий гимн Луне: «Богиня всего влажного!.. Женщины в родах призывают твое имя!» См. далее стихотворение 182—196 (5).

***128. «Дети солнечно-рыжего мёда...».** Стих-2 (дата: «1910. С.-Петербург»). - - Стих-77. Вариант — автограф на обороте фотографии Волошина (СПб., фотограф Денар), ДМВ. В Тт-2 (л. 51 об.) стихотворение посвящено А.Н. Толстому. Знакомство Волошина с ним (быстро перешедшее в дружбу) состоялось в 1908 в Париже (об их взаимоотношениях см.: «Литературное обозрение». 1983, № 1. С. 107—108). Стихотворение написано под воздействием оккультных теорий о постепенном создании человеческого тела (состоящего из физического, эфирного и астрального планов) на других планетах, с участием Духов Огня. Среди записей Волошина на эту тему находим такие: «Наше тело — это наша карма, закристаллизовавшаяся и оформленная. <...> Слой огня — воля и импульс. <...> Человек строит тело как минерал» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 459).

...как пчелы у чресл Афродиты. — В древнегреческих мифах богиня любви и красоты Афродита иногда изображается идущей по земле в сопровождении птиц и зверей с роем пчел, вьющихся вокруг ее бедер.

129—131. Надписи. СИП-1.

1. «Еще не отжиты связавшие нас годы...». Стих-2. — В кн.: *Куприянов И.* Судьба поэта. Киев, 1978. С. 105. Надпись на экземпляре Стих., подаренном Волошиным Вяч. Иванову 7 марта 1910 (РГБ, отдел редкой книги); автограф в Тт-2 — с той же датировкой (л. 60 об.). 9 апр. 1910 Вяч. Иванов благодарил Волошина за книгу, добавляя: «И один из двух голосов твоей души благодарю я, за произнесенное им слово “любовь”. Другому же голосу говорю: “да не будет!”».

*2. «В горькой купели земли крещены мы огнем и тоскою...». Стих-2 («В пламенном горне земли мы крестились огнем и тоскою...»). Обращено к Е.И. Дмитриевой (см. коммент. 25); автограф в Тт-2 — вариант, помета «Лиле» (л. 52 об.).

3. «Вместе в один водоем поглядим ли мы осенью поздней...». Стих-2. — «Современные записки». Париж, 1933, кн. 52, в эссе М.И. Цветаевой «Живое о живом». Обращено к Лидии Павловне Брюлловой (в замуж. Владимировой; 1886—1954), подруге Е.И. Дмитриевой. Автограф — в Тт-2, с пометой: «Лиде Брюл<ловой>» (л. 52 об.).

132. «Я верен темному завету...». БВ. 1915, 5 апр., под загл. «Путиами усталости». — Иверни. — Стих-2 (с датой). Та же дата — в Тт-2 (л. 29). Выражение, ставшее первоначальным заглавием стихотворения, находим в эпитафии к «Повести о странствиях блудной души» И.Г. Эренбурга (посвященной Волошину): «Брама сказал: “Одни придут ко мне путиами подвига, другие путиами страсти, а третьи путиами усталости”. Тихо улыбнувшись, еще сказал Брама: “И путиами усталости придут все”. Индусская легенда» (*Эренбург И.* Стихи о канунах. М., 1916. С. 102). Написано под влиянием идей «Бхагавадгиты» — философской поэмы, входящей в шестую книгу индийского эпоса «Махабхарата».

Быть всей душой в борьбе. Завет Кришны царевичу Арджуне перед битвой; цитируется Волошиным (в его переводе с французского) в статье «Откровения детских игр» (см.: ЛТ-88. С.497). *Велишь убить, — любя, убью.* 9 (22) марта 1906 Волошин писал М.В. Сабашниковой: «Не будем предрекать своей жизни. Кто не прислушивается к своим инстинктивным порывам, тот режет лучшие побегии возможной жизни. Теперь я говорю и пишу: “Не убий”. Но если Кришна скажет

“убей”, то надо убить». *Нерастворимо в смерти «Я»*. Индийская идея перевоплощения (реинкарнации), изложенная и в «Бхагавадгите» (в записи Волошина): «Гленное тело рождается от Вечной Души, не уничтожаемой, бессмертной. Тот, кто мнит, что она убивает или что она м. б. убита, ошибается: она не убивает, она не может быть убита» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 4).

133. «Замер дух — стыдливый и суровый...». БВ. 1915, 25 дек., под загл. «Грехопадение». - - Иверни. - - Стих-2 (с датой). В основе стихотворения лежат теософские идеи. В тетради выписок Волошина они сформулированы так: «Дух должен пройти через грехопадение. Духовное существо, как говорит Гёте, должно быть помрачено и ограничено. Это необходимо для полного вочеловеченья» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 4). В письме к Е.П. Орловой от 26 янв. 1918 Волошин так трактовал эту идею: «Не надо отрицать — надо понять смысл плоти. Ради нее мы воплощены. Не отрицать, не презирать, а собою ее преобразить, просветить, спасти. Не бежать от греха и порока, а идти ему навстречу в самом себе, побеждать не отрицанием, а любовью».

Через грех взыскует тварь Господь. В тексте лекции «Пути Эроса» Волошин писал: «В каждом человеке живет Христос и Иуда, и в каждом человеке Иуда приносит в жертву Христа, плоть предает Эроса, и только благодаря ей Эрос—Христос может воскреснуть» (сб. «Максимилиан Волошин. Из литературного наследия». СПб.: Алетейя, 1999. Вып. 2. С. 34).

134. Пещера. Иверни. - - Стих-2 (дата: «31 августа 1915»). - - Рус. поэзия XX. Даты в Тг-2: 12.IX.1915 (л. 129); 13.IX.1915 (л. 131); автограф: 13.IX.1915 (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 38, л. 9). Вариант загл.: «Пещера нимф» (Тг-2, л. 131). Так же, как в стихотворении «Грот нимф» (см. коммент. 58), Волошин отталкивается здесь от трактата Порфирия и дает антропософское толкование деторождения. 28 марта 1907 Волошин писал М.В. Сабашниковой: «Дух должен причаститься плоти <...>. Надо войти в таинственную Пещеру Нимф, где водные нимфы ткут пурпурную пряжу жизни, где один вход для богов и один выход для людей. Это святая пещера зачатий». В письме к М.С. Цетлиной от 15 (2) сент. 1915 Волошин пояснял: «Мне кажется, что в мировой гармонии у чувственности — явления по самому существу противоположному любви, нет иного объяснения, кроме того, что так в нашем мире проявляется чье-то желание воплощения».

135. Материнство. Стих-2 (с датой). - - ВРХД. 1977, № 120. Вариант строфы 1 занесен в Тг-2 в конце 1912. Автограф с датой: 5 июля 1917 — в Тг-2 (л. 152 об.—153). Толчком к написанию стихотворения послужил сон Е.О. Кириенко-Волошиной, рассказанный ею сыну в письме от 27 июня 1915. «Она видела, что она будто меня настойчиво спрашивает: “Макс, скажи мне свое имя?.. имя?..” — писал Волошин 9 сент. (27 авг.) 1915 Ю.Л. Оболенской. — Спрашивает много раз, с отчаянием. А я молчу». 16 (3) авг. 1915 Волошин писал А.М. Петровой, что этот сон «даже не символичен, а вполне реален. Это общая формула всей жизни и всех наших отношений». Посылая стихотворение 17 июля 1917 А.М. Петровой, Волошин писал: «Я очень стою за него: оно образует параллель “Пещере”».

Дитя растет, и в нем растет иной... 21 сент. 1907 Волошин написал в дневнике: «Разлад между детьми и родителями в том, что дети второй раз рождаются в мечте. Этого ни одна мать не может понять, ни простить. Это рождение — окончательное отдаление» (История моей души. С. 175).

***136. «Отроком строгим бродил я...».** Иверни. - - Стих-2 (дата: «1911»). Первоначальная редакция — черновой автограф (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 27, л. 10—10 об.); вариант — автограф в Тг-2 (л. 75).

И дух мой незрячий Томился Тоскою древней земли. Переехав из Москвы в Коктебель в 1893, шестнадцати лет, Волошин поначалу «видел только скупость и скудость природы и красок». «А их необыкновенная выразительность и элегантность для меня оставалась недоступной», — вспоминал он в 1932 (История моей души. С. 281). *Орион* — см. коммент. 94. *Пламя, тоскующее в разделенности тел.* Намек на притчу Платона о разделении людей Зевсом на две половины, которые затем ищут друг друга («Пир». — Платон. Соч.: В 3-х т. М., 1970. Т. 2. С. 116—118). *Я никогда не нарушил того, что растет.* Возможно, отражение высказывания М.В. Сабашниковой о Р. Штейнере: «Он единственный, может быть, не тронет, не помнет нежного растения души» (письмо Волошину от 4 дек. 1908). *Жалостлив был в те мгновенья, когда надо быть жестоким* — ср.: «Из жалости я должен быть жесток» (У. Шекспир. «Гамлет», пер. М. Лозинского).

***137. «Склоняясь ниц, оваян ночи синью...».** «Аполлон». 1915, № 4/5, под загл. «Благодарность». - - Иверни. - - Стих-2 (с датой). Вариант с той же датой — СИП-2. Автограф в Тг-2 (л. 65).

II. КИММЕРИЙСКАЯ ВЕСНА

Впервые цикл под этим загл. (из семи стихотворений) — в Антологии (№ 138—143, 311).

138. «Моя земля хранит покой...». Антология. - - Иверни. - - Стих-2 (с датой). Та же дата — в Тт-2 (л. 56). *Эвксинский понт* (Гостеприимное море) — античное название Черного моря.

139. «Седым и низким облаком дол повит...». Антология. - - Иверни. - - Стих-2 (с датой). Начало работы — 1909 (Тт-2). Стихотворение написано алкеевой строфой, названной по имени древнегреческого поэта Алкея (первая половина VII — конец VI в. до н. э.). 4 мая 1910 Волошин писал А.М. Пешковскому: «Я, когда уехал из Москвы после нашего разговора, целый месяц выстукивал в уме алкееву строфу и сделал потом несколько опытов».

140. «Яры, увалы, ширь полей...». Антология. - - Иверни. - - Стих-2 (с датой). Начато в конце 1909 (Тт-2); первоначально начиналось со второй строки. *Глыбы плантажа* — состояние почвы после ее глубокой (40—80 см) обработки под виноградник.

***141.** «Солнце! Твой родник...». Антология. - - «Вестник теософии». 1916, № 10, под загл. «Солнце». - - Иверни. - - Стих-2 (с датой). Вариант с той же датой — автограф в Тт-2 (л. 56).

***142.** «Звучит в горах, весну встречая...». Антология. - - Иверни. - - Стих-2 (с датой). Вариант с той же датой — автограф в Тт-2 (л. 57). 1 марта 1910 Е.И. Дмитриева писала Волошину об этом стихотворении (имевшем 4 строфы): «Стихотворение о “семисвечнике” мне очень близко, но выбрось последние четыре строчки; жабры, плевы — всё это никуда; плохо и то, что семисвечник обращается в канделябр, почему не в люстру или лампу?» Волошин последовал этому совету.

Введение Весны. Сопоставление с праздником Введения во храм Богородицы. *Как семисвечник* — см. коммент. 9—19 (1).

143. «Облака клубятся в безднах зеленых...». Антология. - - Иверни. - - Стих-2 (с датой). Начато в 1908 (Тт-2).

Киик-Атлама (прыжок дикой козы, *тат.*) — мыс, замыкающий Коктебельскую бухту с востока.

144. «Над синевой зубчатых чаш...». Стих-2 (под названием «Ливень», с датой). - - Стих-77. Та же дата, что и в Стих-2, — в Тт-2 (л. 91).

Гамадриады (греч. миф.) — нимфы деревьев, которые, в отличие от дриад, рождаются и гибнут вместе с деревом. Образ взят из записей французского прозаика Барбе д'Оревиля (1808—1889): «Вчера и позавчера — проливные ливни и безумные порывы ветра. Природа похожа на кричащую гамадриаду» (тетрадь выписок Волошина).

145. «Сквозь облак тяжелые свитки...». Стих-2 (с датой). - - Альм. «Свиток». М., 1922, № 2. - - Альм. «Возрождение». М., 1922. Т. 1. Та же дата, что и в Стих-2, — авт. маш. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 115, л. 1). Автограф под загл. «Предгорья») в цикле «Киммерийское» (ГЛМ, оф 4701/14216). Положено на музыку А.А.Шеншиным (см. коммент. 25).

146. «Опять бреду я босоногий...». Стих-2 (с датой). - - «Сполохи». Б., 1922, № 4 (февр.). - - Альм. «Возрождение». М., 1922. Т. 1. - - Альм. «Свиток». 1926, № 4. Автограф под загл. «В степи» (ГЛМ, оф 4701/14216). Та же дата, что и в Стих-2, — авт. маш. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 100, л. 6; ед. хр. 115, л. 1 об.).

147. «Твоей тоской душа томима...». Альм. «Стремнины». М., 1918, № 2. - - Иверни. - - Стих-2 (с датой: «Август 1912»). Начало работы — 1912, затем — лето 1913 (Тт-2).

***148.** «Заката алого заржавели лучи...». «Вестник теософии». 1916, № 10, под загл. «Закат». - - Иверни. - - Стих-2 (с датой: «Июнь 1913»). Начато в 1911, закончено в 1913 (Тт-2, л. 88 — вариант).

149. «Ветер с неба ключья облак вытер...». Альм. «Стремнины». М., 1918, № 2. - - Стих-2 (с датой). - - Альм. «Возрождение». М., 1922. Т. 1. Начато в 1916 (Тт-2). Та же дата, что и в Стих-2, — авт. маш. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 100, л. 6). 7 июля 1917 Волошин писал А.М. Петровой, что стихотворение «задумано чисто музыкально».

Спутники <Юпитера> стремительно бегут. Четыре самых крупных спутника Юпитера (из тринадцати) были открыты Г.Галилеем (в 1610); видны только в телескоп. *Змею препояшу...* Имеется в виду, по-видимому, теософское понятие «кундалини»: «электроспиритуальная сила», располагающаяся кольцеобразно в теле йога, ниже пояса. Ср. также с эпизодом из рассказа аввы Евстафия об искушении бесами, явившимися ему в виде эфиопов: они «схватили меня <рассказчика>

и <...> змеєю препоясали меня по моим чреслам» (Еп. Игнатий (Брянчанинов). Отчник. СПб., 1903, с. 118). *...препояшу и пошлю*. Отзвук слов Иисуса, обращенных к Петру: «...другой тебя препояшет, и поведет, куда не хочешь» (Иоанн. XXI, 18). *Возношу с Чашу, Переполненную светами, — себя*. В статье Волошина «Лики творчества: Ф. Сологуб. “Дар мудрых пчел”» («Русь». 1907, 14 июня) встречается тот же образ: «...Лаодамия умирает. Она сама несет Персефоне глубокую восковую чашу, полную вином и медом, — себя» (ЛТ-88. С. 437).

150–151. Карадаг. Стих-2 (с датами). - - Лит. прилож. к «Накануне». Б., 1923, 28 янв.

1. «Преградой волнам и ветрам...». Кн. «Акварели М.А. Волошина» (Л., 1927). Та же дата, что и в Стих-2, — в Тт-2 (л. 185 об.).

Самофракийская Победа — античная статуя богини победы Нике, найденная при раскопках на острове Самофракия в Эгейском море. На одном из автографов стихотворения — примечание Волошина: «Без головы и без рук — один смерч клубящихся складок, Ника из Самофракии является одним из гениальнейших памятников эллинского искусства. Находится в Лувре на лестнице Дарю». В древности эта статуя стояла под открытым небом, в нише, вырубленной для нее в скале.

Стихотворение положено на музыку А.А. Шеншиным (см. коммент. 25).

2. «Над черно-золотым стеклом...». «Южный альманах». Смф., 1922, № 1. Начато в 1913, продолжено в 1915 (Тт-2). Та же дата, что и в Стих-2, — в Тт-2 (л. 186).

Окаменелых Керубу. Имеются в виду херувимы — ангелоподобные существа-стражи. В статье «Константин Богаевский» («Аполлон». 1912, № 6) Волошин писал: «На базальтовых стенах Карадага, нависших над морем, можно видеть окаменевшее сложное шестикрылье Херубу, сохранившее формы своих лучистых перьев» (ЛТ-88. С. 316). *Вход в Ауд*. Так Волошин называл Ревущий грот в обрыве Карадага.

152. «Как в раковине малой — Океана...». Альм. «Парус». Харьков, 1919, № 1, под загл. «Коктебель». - - Стих-2 (под загл. «Коктебель», с датой). - - Альм. «Свиток», 1922, № 2, под загл. «Киммерия». - - Кн. «Выставка акварелей М.А. Волошина». (М., 1927). Начато в 1917 (Тт-2). Авт. маш. — под загл. «Киммерия» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 100, л. 6). Та же дата, что и в Стих-2 — автограф в Тт-2 (л. 185, под загл. «Киммерия»).

Киммерия — см. коммент. 67–80. *С тех пор как отроком* и т. д. В автобиографии (1909) Волошин определил: «Коктебель — самое ценное и важное на всю жизнь» (Книга), а в «Автобиографии» (1925) уточнял: «Коктебель не сразу вошел в мою душу: я постепенно осознал его как истинную родину моего духа. И мне понадобилось много лет блужданий по берегам Средиземного моря, чтобы понять его красоту и единственность» (Воспоминания. С. 37). *Изваян профиль мой!* Наблюдаемый из Коктебеля южный склон горы Кок-Кая на Карадаге, обращенный к морю, напоминает очертания профиля Волошина. Стихотворение было прочитано на похоронах Волошина 12 авг. 1932 на вершине Кучук-Янышар.

153. «Акрополи в лучах вечерней славы...». Каталог «Мир искусства». М., 1916. — Альм. «Стремнины». М., 1918, № 2, под загл. «Города в пустыне». — Иверни, под тем же загл. — Стих-2 (то же, с датой). Та же дата — автограф в Тт-2 (л. 139 об.; под загл. «Города в пустыне»), автограф (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 40; под загл. «Города в пустыне. Венок сонетов»). Стихотворение осмыслялось поэтом как магистрал к ненаписанному венку сонетов. В 1916 Волошин создал серию пейзажей «Города в пустыне», каждый из которых был подписан строкой из сонета. Серия в том же году демонстрировалась на выставке «Мир искусства» в Москве.

Кастилия — государство в центральной части Пиренейского полуострова в XI–XV вв. *Трояда* (Троада) — портовый город на северо-западе Малой Азии (древняя Троя); ныне развалины к югу от Дарданелл. *Апулия* — область Италии на крайнем юго-востоке Апеннинского полуострова. Здесь эти названия как бы символизируют ушедшие в историю государства и цивилизации.

***154.** *Пустыня*. Стих-2 (с датой). — «Сполохи». Б. 1922, № 6. — Лит. прилож. к «Накануне». Б., 1923, 20 янв. Варианты — два автографа в Тт-3 (л. 45, 50). Некоторые строки стихотворения записаны в 1910 и 1912 (Тт-2). Та же дата, что и в Стих-2, — авт. маш. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 100, л. 6–6 об.; ед. хр. 116, л. 2–2 об.). О своем восприятии Средней Азии Волошин писал в апр. 1919: «Мне было дано почувствовать в пустыне материнство Азии. Европа — кактус среди пустыни (Азии)».

И я был сослан в глубь степей... Волошин вспоминает здесь свой отъезд в 1900 на изыскания Оренбургско-Ташкентской железной дороги: он был вынужден по предписанию охранного отделения покинуть Москву. *Чернобыльник* — полынь *Artemisia vulgaris*. *Чобр* — см. коммент. 67–80 (2). *Откуда некогда, бушуй*. 23 окт. 1900 Волошин писал

Я.А. Гловову о «центре Азии» — «котле, где кипела всегда народная буря, выбрасывавшая свою пену до самых отдаленных стран Запада и затоплявшая своим внезапным разливом обширные низменности Восточной Европы». *Вослед пылающим столпам*. Намек на два чудесных огненных столпа, ночами указывавших путь «сынам Израиля» во время исхода из Египта (Исход. XIII, 21–22). ...*лилий Неопалимой Купины*. И контекст, в котором стоят эти слова, и строчные буквы, употребленные здесь поэтом, вызывают в памяти эпизод явления Бога Яхве Моисею в горящем, но не сгорающем кусте (Исход. III, 2–4), а также икону Богородицы «Неопалимая Купина». Однако слово «лилия» наводит на мысль и о другом — земном — плане этого образа. На Карадаге произрастает ясенец, или неопалимая купина (*Dictamnus albus*) — растение, цветы которого выглядят как нарядные и роскошные свечи, напоминающие цветки дикой лилии. Особенностью ясенца является то, что эфирные пары, его окружающие, могут легко воспламениться и вызвать ожоги у неосторожного виновника вспышки. Но само растение (как и библейский терновый куст) останется при этом невредимым.

155. «Выйди на кровлю... Склонись на четыре...». «Новые стихи». М., 1927. Сб. 2. Отдельные строки записаны в 1921 и 1923. Дата — автограф в Тг-3 (л. 144; там же — первоначальный вариант строки 1: «Так... обнаженный — склонись на четыре»). Автограф с той же первой строкой, что и в автографе в Тг-3, и датой записи «19 18/X 24 г.» — в альбоме (ГМТ) С.А. Толстой (в то время Сухотиной; с осени 1925 — Толстой-Есениной); его факсимиле вместе с акварелью Волошина, под которой было записано стихотворение, — «Наше наследие». М., 2002, № 63/64. См. также коммент. 157. В очерке «О самом себе» (1930) Волошин приводил это стихотворение для характеристики своих пейзажей восточного Крыма (Воспоминания. С. 46).

Выйди на кровлю. Переключка с характеристикой Э.Верхарна, данной Реми де Гурмоном: «Он выходит на крышу своего дома и посылает проклятия на четыре стороны света» (приведено Волошиным в тексте его лекции о Верхарне — ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 316). Плоская площадка на крыше дома Волошина («вышка») служила поэту и для «поклонения солнцу» — ежеутреннего медитативного приветствия наступающему дню.

156. Каллиера. В кн.: *Лесина Н.* Планерское. Смф., 1969. Дата — авт. маш. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 48, л. 5–7), автограф (л. 162 об.;

там же — первоначальный вариант строки 1: «Здесь был по картам Тавро-Скифский порт»).

Каллиера — венецианская гавань в восточном Крыму, основанная на месте древнего «порта тавро-скифов» в XIV в.; впервые упоминается в 1358. Вскоре перешла в руки генуэзцев; на итальянских морских картах-портоланах отмечалась в 1367, 1480, 1487, 1497, 1514, 1570. Сергей Васильевич *Шервинский* (1892—1991) — переводчик, поэт, жил в доме Волошина летом 1924—1926 и 1928. *Остатки мола*. При подводных исследованиях Р.А.Орбели в 1939 в Коктебельской бухте действительно был обнаружен фундамент средневекового гидротехнического сооружения. *Амфоры и пифосы* — античные керамические сосуды, выделявавшиеся в Крыму также и в Средние века. *Разливом диких орд*. Средневековый город на плато Тепсень близ Коктебеля был разрушен в XIII в. при нашествии печенегов. «*Иссыпанная Корона*» — скала в северо-западной части Тепсеня, по-болгарски — Испанна Карана. Взорвана на щебень в 1953—1960.

157. «*Фиалки волн и гиацинты пены...*». Альм. «День поэзии в Крыму». Смф., 1965. Дата — автограф в Тт-3 (л. 162 об.), авт. маш. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 48, л. 7). 9 дек. 1926 Волошин отправил это стихотворение и стихотворение «*Выйди на кровлю... Склонись на четыре...*» А.П. Остроумовой-Лебедевой, сообщив ей: «*Посылаю 2 маленьких стихотворения о Коктебеле, написавшихся после стольких лет лирического молчания*».

III. ОБЛИКИ

Волошин, будучи живописцем, всегда внимательно всматривался в лица людей. В 1913 он предлагал Ю.Л. Оболенской «сажать натуру и писать стихотворные портреты», — отмечая в ее стихах «то, что утеряно, — способность характеристики». В 1911 им был задуман цикл «*Портреты женщин*» (Тт-2). Впервые цикл под загл. «*Облики*» (из восьми стихотворений) был послан С.К. Маковскому 22 июня 1916. Цикл «*Облики*» в составе четырех стихотворений (№ 172—174, 176) опубликован в «*Русской мысли*» (1917, № 11/12), в составе четырех других стихотворений (№ 117, 163, 166, 168) — в альм. «*Ветвь*» (М., 1917), в составе шести стихотворений (№ 158, 160—162, 164, 165) — в альм. «*Творчество*» (М.; Пг., 1918, кн. 2). Несмотря на критическое в целом отношение к поэзии Волошина, И.А. Бунин признавал: «*Удаются ему и портреты*» (в кн. «*Устами Буниных*». Франкфурт-на-Майне, 1977. Т. 1. С. 311).

158. «В янтарном забытии полуденных минут...». Сб. «A Book of Homage to Shakespeare». London-Oxford, 1916, под загл. «Portia» (Порция, героиня пьесы У. Шекспира «Венецианский купец»), где дан также перевод стихотворения на английский язык, выполненный Невиллом Форбсом. - - Альм. «Творчество». М.; Пг, 1918, кн. 2. - - Иверни. - - Стих-2 (с датой). Та же дата — автограф в Тт-2 (л. 86). Сб. «A Book of Homage to Shakespeare» был издан к 300-летию со дня смерти (27 апр. 1616) драматурга. Предложение участвовать в нем Волошин получил в Париже от шекспироведа И. Голланса (в письме от 19 (6) февр. 1916), с условием присылки произведения не позже 20 марта. 28 (15) дек. 1916 М.О. Цетлин сообщал Волошину о публикации в этом сборнике его «поддельной <видимо, имелось в виду, что стихотворение посвящено отнюдь не героине Шекспира, а его название избрано лишь для того, чтобы соответствовать теме книги> «Порции»». Начато в конце 1912 (Тт-2).

Тьеполо Джованни Баттиста (1696—1770) и *Джиорджоне* (Джорджоне; наст. имя и фамилия Джорджо Барбарелли да Кастельфранко; 1476 или 1477—1510) — итальянские живописцы, представители венецианской школы. *Акант* (медвежья лапа) — растение *Acanthus mollis* или *Acanthus spinosis*. *Буксус*, самшит вечнозеленый — кустарник *Vuxus sempervirens* семейства молочайных. *Веласкес* (Родригес де Сильва Веласкес) Диего (1599—1660) — испанский живописец.

159. «Ты живешь в молчаньи темных комнат...». Альм. «На расвете». Казань. 1910, кн. 1, под загл. «Черубине де Габриак». - - Иверни (без загл.). - - Стих-2 (под загл. «Черубина де Габриак», с датой). Та же дата — автограф в Тт-2 (л. 56, под загл. «Черубине де Габриак»). Обращено к Е.И. Дмитриевой (см. коммент. 25). Об интерьере, описываемом в стихотворении, она писала 26 марта 1922 Е.Я. Архиппову из Екатеринодара: «Скучаю о моей комнате в Петербурге, затянутой темно-лиловыми розами, о бюсте Данте из мрамора, о старинной, затканной жемчугом иконе “Всех Скорбящих”, о гравюре XVI в. — св. Терезе, о письменном столе красного дерева и темном фиалковом кресле» (РГАЛИ, ф. 1458, оп. 2, ед. хр. 22).

Киот — божница. *Бензой* — росный ладан, смола коры бензойного дерева. *Нард* — восточное ароматическое вещество, добываемое из травянистого растения семейства валерьяновых того же названия. *Содома* (Джованни Антонио Бацци, 1477—1549) — итальянский живописец сиенской школы. *Змийность уст у женщин Леонардо*. В статье «Гений головокружения» (МГ. 1911, 2 окт.) Волошин писал об

улыбке Джоконды (см. также коммент. 95) как об одной «из тех сложных улыбок», что «скрывают целую формулу человеческого духа».

160. «Двойной соблазн — любви и любопытства...». Альм. «Творчество». М.; Пг., 1918, кн. 2. - - Иверни. - - Стих-2 (с датой: «Декабрь 1911. Париж»). Автограф — под загл. «Сонет о Монтичелли» (Тг-2, л. 75 об.).

Монтичелли Адольф (1824—1886) — французский художник. В статье «Москва. Выставки» («Русская художественная летопись». 1911, № 1. С. 29) Волошин назвал творчество Монтичелли «высочайшим достижением нашего времени в области пышности красок». *Андрогина*, андрогин — двуполое существо. *Куперен* Франсуа (1668—1733) и *Рамо* Жан Филипп (1683—1764) — французские композиторы и органисты; любимые композиторы Волошина. *Так смотрит вдаль* ∞ *Влюбленный паж на барке у Ватто*. Имеется в виду картина Ж.А. Ватто «Паломничество на остров Цитеру» (1717).

161. «Не успокоена в покое...». Альм. «Творчество». М.; Пг., 1918, кн. 2. - - Иверни. - - Стих-2 (с датой). Начало работы — февр. 1911 (Тг-2); та же дата, что и в Стих-2, — автограф в Тг-2 (л. 140). Обращено к Татьяне Давидовне Цемах (1890—ок. 1943), бактериологу, сотруднице Карадагской биологической станции и поэтессе (псевд. Татида).

Гоморра (библ.) — город в долине р. Иордан; по Божию повелению сожжен за нечестие. *Мирра*, смирна — благовонная смола из дерева того же названия. *Клинок невидимой секиры*. Намек на библейское предание о Юдифи (Книга Иудифь. XIII, 6—8).

162. «Пламенный истлел закат...». Альм. «Творчество». М.; Пг., 1918, кн. 2. - - Иверни. - - Стих-2 (с датой: «19 июля 1916»). Автограф — под загл. «Зов» (РГБ, ф. 1, картон 2, ед. хр. 12).

***163.** «В эту ночь я буду лампадой...». Альм. «Ветвь». М., 1917. - - Иверни. - - Стих-2 (с датой: «Июль 1914»). Вариант — автограф в Тг-2 (л. 100 об.—101). Возможно, обращено к Р. Штейнеру.

164. «То в виде девочки, то в образе старушки...». Альм. «Творчество». М.; Пг., 1918, кн. 2. - - Иверни. - - Стих-2 (с посвящением «Н. А. М.» и с датой). Автограф в Тг-2 — с датой: 24 декабря 1911 (л. 76 об.). В машинописи стихотворения (ДМВ) имеются инициалы

посвящения «Н. В. М.», означающие (с опечаткой в одном из них) Наталью Алексеевну *Милюкову* (урожд. Саввинскую, артистический псевд. Н. Миль), танцовщицу, с которой Волошин встречался в Париже зимой 1911/1912. 22 сент. 1912 она писала Волошину из Москвы: «Добрые семена и советы, что Вы сеяли в душе Ваших маленьких парижских подруг, не пропали даром! По крайней мере, в душе “девочки-старушки” они пустили глубокие корни». И.Г. Эренбург посвятил Н.А. Милюковой стихотворение «Твои манеры милой тетки...» (январь 1912). В нем он замечал: «Как странно встретить у ребенка, В минуту тихого мечтанья, Какой-то след усмешки тонкой Неправимого познания!..» (*Эренбург И.* Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1977. С. 66. — Библиотека поэта. Большая серия).

Всё великое, земное — безысходно. 9 авг. 1905 Волошин записал в дневнике фразу из письма А.Р. Минцловой: «Безысходность и глубина — это величайшие таинства земли».

165. «Безумья и огня венец...». Альм. «Творчество». М.; Пг., 1918, кн. 2. - - Иверни. - - Стих-2 (с посвящением «А. Р. М.» и с датой: «Декабрь 1911»). Поэтический портрет А.Р. Минцловой (см. коммент. 55). Будучи близорукой, Минцлова плохо различала лица людей, но, по ее словам, видела «с ними рядом сияние» разного цвета (запись Волошина в дневнике 18 июля 1905). В дек. 1910, сообщая о ее таинственном исчезновении (за четыре месяца до этого), М.В. Сабашникова писала Волошину: «Она уже часто последнее время при разлуке прощалась навсегда, говоря о смерти. <...> Это было очень большое, очень светлое явление, несмотря на все».

166. «Альбомы ныне стали редки...». Сб. «Ветвь». М., 1917. - - Иверни. - - Стих-2 (с посвящением «М. Н.» и с датой «1912»). Уточнение датировки — по Тт-2. Автограф с посвянительными инициалами «М. Н.» (ДМВ), которые можно расшифровать как «Мусе Новицкой». Мария Алексеевна *Новицкая* (1896—1965) — дочь искусствоведа, академика А.П. Новицкого, в 1912 построившего в Коктебеле дачу. В ее дневнике за 1912 читаем: «Макс я, наконец, решила попросить написать в мой альбом стихотворение. Он обещался. <...> 28 или 29 <июля> Макс отдал мне мой альбом. Он написал там большое стихотворение, посвященное мне лично» (частное собрание, Киев).

Пуссен Никола (1594—1665) — французский живописец, любимый художник Волошина. В частности, поэт писал в 1909, что «нимфы и гамадриады у Пуссена <...> говорят о природе суровым и неж-

ным человеческим языком» («Архаизм в русской живописи». — ЛТ-88. С. 280—281).

167. «Над головою подымая...». Альм. «Гриф»: 1903—1913. М., [1914] — в виде стихотворного посвящения венка сонетов «Lunaria» — «Майе». — Иверни. — Стих-2 (под загл. «Майе», с датой). Та же дата — автограф в Тт-2 (л. 97, под загл. «Майе»).

Майя — Мария Павловна Кювилье (1895—1985, в замуж. Кудашева, во втором браке Роллан), поэтесса, переводчица. Она познакомилась с Волошиным в Москве в янв. 1913 по собственной инициативе и сразу влюбилась в поэта.

Имя звучит, как мира вечный сон. Имеется в виду майя в индуистском понимании (см. коммент. 44). *И вот приносишь ты Подсолнечник...* В коктебельском дневнике Ю.Л. Оболенской 1913 г. записано, как однажды в мастерскую Волошина «вошла Майя <Кювилье> с подсолнечником в руке» (Воспоминания. С. 304). *Дрок* — род кустарников и полукустарников семейства бобовых (*Genista*).

168. «И будут огоньками роз...». Сб. «Ветвь». М., 1917. — Иверни. — Стих-2 (под загл. «Вечернее», с датой). Автограф в Тт-2 — под загл. «Вечернее» (л. 90), с той же датой.

169. «Любовь твоя жаждет так много...». Иверни. — Стих-2 (с датой). Та же дата — автограф в Тт-2 (л. 101). Обращение к М.П. Кювилье (см. коммент. 167). В начале 1914 она была влюблена в архитектора В.А. Веснина. 11 марта 1914 Волошин писал о ней матери: «Надо ей помочь внутри самой себя измениться, надо дать ей другое понятие о любви, о самой себе, о ценности человека, свободе. <...> Ее любовь очень сильна. Но она так молода, что ведь ей почти все равно, на кого она направлена <...>. Она не видит, не ценит и не знает того человека, которого она любит. Она любит только свою мечту. <...>. У нее темперамент сильный, жадный, волевой (несмотря на то, что она ребенок)».

***170. «Я узнаю себя в чертах...».** Иверни. — Стих-2 (с датой). Вариант с той же датой — автограф в Тт-2 (л. 85 об.).

Отриколийский кумир — бюст Зевса из Отриколи в Италии, римская копия с греческого оригинала IV в. до н. э.; хранится в Ватикане. Аналогичное сходство Волошин видел в своем бюсте работы Эдварда Виттига (см. стихотворение «Ты из камня вызвал мой лик...» и ком-

мент. к нему в т. 2 наст. издания), о котором писал матери в нояб. 1908: «Он лепит меня в венке, с обнаженными плечами и грудью, с наклоненной головой. Выходит совсем Зевс Отриколийский». *Быком, и облаком, и птицей...* Зевс являлся в образе быка перед Европой, в образе облака — перед Ио, в образе лебедя — перед *Ледой*. Другие его возлюбленные — *Семела* (мать Диониса) и *Даная* (мать Персея). *И детский дух* ☽ *Уносит царственный орел*. Имеется в виду Ганимед, сын троянского царя, похищенный Зевсом, превратившимся в орла.

***171. М.С. Цетлин.** Стих-2 (с датой). - - СиП-1. Вариант с той же датой, что и в Стих-2, — автограф в Тг-2 (л. 150).

Мария Самойловна *Цетлина* (урожд. Тумаркина, 1882—1976) — жена чаеоторговца М.О. Цетлина, поэта (псевд. Амари) и мецената. *Как увидал тебя Серов*. Валентин Александрович Серов (1865—1911) писал портрет М.С. Цетлиной осенью 1910 в Биаррице, на вилле супругов Цетлиных. *В те дни судьба определяла*. Знакомство Волошина с Цетлиными произошло весной 1915, в разгар мировой войны. 26 (13) июля 1917, получив в Париже стихотворение, М.С. Цетлина писала Волошину: «Это подарок, лучше которого нет на свете».

172. Р.М. Хин. «Русская мысль». 1917, № 11/12. - - Стих-2 (с датой). Та же дата — автограф в Тг-2 (л. 99). Рашель Мироновна *Хин* (в замужестве Фельдштейн, во втором браке Гольдовская; 1858—1928) — писательница. Знакомство ее с Волошиным произошло, по-видимому, еще в 1902 в Париже. В своем дневнике Р.М.Хин так характеризовала Волошина: «Милый, добрый, ласковый, всезнающий, всех любящий и ко всем равнодушный Макс! Ученый эклектик, перипатетик, поэт, художник, философ, хиромант и божий человек-юродивый “без руля и без ветрил” — русский “обормот” с головой Зевса и животом Фальстафа» (15 февр. 1913; РГАЛИ, ф. 128, оп. 1, ед. хр. 22). Стихотворение было послано Р.М. Хин с надписью: «Примите, как дар, к наступающему году этот “Rosaire”, сплетенный мною из имен Ваших друзей. Он вышел более грустным, чем я хотел» (ИМЛИ, ф. 79, оп. 1, ед. хр. 7; *rosaire* — чётки, *фр.*). 14 янв. 1914 Р.М.Хин благодарила Волошина «за нежный изяшный подарок к Новому году. Стихи прелестны». 7 янв. 1914 Волошин писал матери, что это стихотворение — «исполнение обещания, данного еще много лет назад — написать стихи лично для нее, — такие, которые не были и не будут нигде напечатаны».

Бодлер Шарль (1821—1867) — французский поэт. *Флобер Гюстав* (1821—1880) и *Франс Анатоль* (1844—1924) — французские прозаики.

Верлен Поль (1844–1896) — французский поэт-символист. *Бальзак* Оноре де (1799–1850) — французский романист. *Гонкуры*, братья: Эдмон (1822–1896) и Жюль (1830–1870) — французские писатели. *Соловьев* Владимир Сергеевич (1853–1900) — философ. *Урусов* Александр Иванович (1843–1900) — адвокат, литературовед. *Стороженко* Николай Ильич (1836–1906) — литературовед. *Брандес* Георг (1842–1927) — датский литературовед. Волошин встречался с ним в Париже. *Банг* Герман (1857–1912) — датский писатель и критик. *Танеев* Владимир Иванович (1840–1921) — юрист, философ, социолог; знакомый А.Р. Минцловой. *Минцлов* Рудольф Рудольфович (1845–1904) — писатель, юрист, общественный деятель (отец А.Р. Минцловой). *Кони* Анатолий Федорович (1844–1927) — юрист, общественный деятель, мемуарист.

Положено на музыку Д.Ф. Тухмановым: диск «По волне моей памяти» (1976).

***173. Ропшин.** «Русская мысль». 1917, № 11/12. - - Стих-2 (с датой). Вариант с той же датой — автограф в Тг-2 (л. 137 об.; под загл. «В. Ропшин»), автограф (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 36, л. 6; под загл. «Ропшину»). *В. Ропшин* — литературный псевд. Бориса Викторовича *Савинкова* (1879–1925), политического деятеля, писателя. Волошин познакомился с ним в Париже в 1915. Получив стихотворение, Б.В. Савинков 25 (12) дек. 1915 писал: «Мне Ваши стихи нравятся, понравился и Лось, но при чем же я тут».

Блуа — старинный город и замок во Франции. *Клуэ* Франсуа (ок. 1505–1572) — французский живописец и рисовальщик, мастер портрета. *Валуа*. См. коммент. 20. *Лось* — с крестом на голове фигурирует в западноевропейских религиозных легендах (жития св. Губерта, Евстерия, Норберта) и исторических преданиях (об Иоахиме II Бранденбургском). *Судья и меч...* Б.В. Савинков, один из руководителей Боевой организации эсеров, участвовал в подготовке убийства министра внутренних дел Российской империи В.К. Плеве и московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича.

174. Бальмонт. «Русская мысль». 1917, № 11/12. - - Стих-2 (с датой, в цикле «Бальмонт» из двух стихотворений). Та же дата — автограф (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 36, л. 4). В письме к А.М. Петровой 15 февр. 1915 послано под загл. «Бальмонту». Гранки — под загл. «II. Портрет во весь рост», в цикле «Бальмонт» (там же, ед. хр. 95, л. 19). В начале 1915 Волошин жил в Париже на квартире К.Д. Бальмонтова в Пасси. «Это было хорошее время: по утрам длинные разговоры с

Бальмонтом, — вспоминал Волошин позднее. — Потом работа в Национальной библиотеке» (История моей души. С. 354). Посылая это стихотворение матери, Волошин писал ей 15 февр. 1915: «По-моему, он вышел очень похож, а Бальмонт весьма горд ими [стихами]».

Веласкес — см. коммент. 158. *Рупост* — в фехтовании ответный удар или укол.

***175. Напутствие Бальмонту.** Стих-2 (с датой). - - СиП-1. Та же дата, что и в Стих-2, — автограф в Тт-2 (л.79). Вариант — черновой автограф (Тт-2, л. 77 об.). Автограф — под загл. «Бальмонту в январе 1912 г.» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 30, л. 1—2). Гранки — под загл. «III. Отплытие», в цикле «Бальмонт» (там же, ед. хр. 95, л. 19). Написано к 25-летию литературной деятельности К.Д. Бальмонта, отмечавшемуся (судя по ряду эпистолярных источников) 24 (11) янв. 1912 в Париже. «Праздновалась годовщина первого появления в печати его стихов; стихов детских, в которых еще не было ни Бальмонта, ни бальмонтского стиха», — писал Волошин в марте 1915 (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 304). 1 февр. 1912 К.Д. Бальмонт отправился (из Лондона) в кругосветное путешествие.

Южный Крест (лат. Стух) — созвездие Южного полушария. *Лемурия* — мифический материк к югу от Азии (от Цейлона до Мадагаскара): согласно антропософскому учению — родина предков человека, «третьей коренной расы». В статье «Устремления новой французской живописи» («Золотое руно». 1908, № 7/9) Волошин писал, что на островах Океании — «самое старое земное человечество, человечество трижды доисторической Лемурии, сохранило наивную свежесть первой юности» (ЛТ-88. С. 246). В тетради выписок Волошина помечено, что «Лемурия погибла от огня». *Солон* (ок. 640 — ок. 559 до н. э.) — афинский политический деятель. «Вы, эллины, дети, и старца нет эллина» — слова египетского жреца Солону в диалоге Платона «Тимей», где излагается легенда о затонувшем в океане острове *Атлантида* (Платон. Соч.: В 3-х т. М., 1971. Т. 3. Ч. 1. С. 457). *Майя* — здесь имеется в виду одна из древнейших цивилизаций в Америке. Стихи, посвященные памятникам майя, вошли в книгу К.Д. Бальмонта «Птицы в воздухе» (1908); его же путевые письма из Мексики «Змеиные цветы» изданы в 1910.

176. Фазтон. «Русская мысль». 1917, № 11/12. - - Стих-2 (без загл., с датой, в цикле «Бальмонт»). Та же дата — автограф в Тт-2 (л. 100; под загл. «Бальмонту»); начато в конце 1913. Гранки — первое в цикле из

трех стихотворений «Бальмонт» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 95, л. 19).

Фазтон (греч. миф.) — сын бога солнца Гелиоса. В стихотворении отразилась легенда о гибели юноши. *С белой мышью на плече*. Этот эпизод из жизни К.Д. Бальмонта Волошин упомянул в статье «Аполлон и мышь» (Северные цветы-1911; ЛТ-88. С. 96). *Молитва на мече*. Имеются в виду слова молитв и девизов на старинных клинках. «*Быть как солнце!*» — обыгрывается заголовок книги стихов К.Д. Бальмонта «Будем как солнце» (М., 1903). *Рухнуть с горней высоты*. Здесь намек на попытку самоубийства К.Д. Бальмонта, в юности выбросившего с третьего этажа на мощный двор. *Чтоб огонь, упавший с неба, Взвился снова в небеса*. В тетради выписок и замыслов Волошина (ок. 1907) находим: «Возьми факел и жги. Жги всё, что на небе и на земле. Когда сожжешь всё, уничтожь лампаду, т. к. ничто не должно быть передано. Пусть огонь, нисшедший с неба, войдет на небеса» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 396, л. 14).

177—178. Два демона. АМА. - - Стих-2 (с датой). Трапезников Трифон Георгиевич (1882—1926) — искусствовед, музейный работник, антрополог. Концептуальный анализ цикла см.: Менделевич. С. 61—67.

1. «Я дух механики. Я вещества...». Начато в 1911 в Коктебеле, закончено в февр. 1915 в Париже (Тг-2, л. 69).

Я князь земли. Фраза, избличающая в первом демоне Сатану, именуемого в Новом Завете «князем мира сего» (Иоанн. XII, 31; XIV, 30; XVI, 11). *Я тот, кто кинул шарики планет В огромную рулетку Зодиака*. В Тг-2 (л. 69) записано высказывание французского математика Анри Пуанкаре (1854—1912): «Мы можем смотреть на Зодиак как на громадную рулетку, по которой Творец разбросал большое число шариков, сообщив им различные начальные скорости...». *Зодиак* (греч. zōdiakós, от zoon — животное) — зодиакальный круг, 12 созвездий (Овен, Телец, Близнецы, Рак, Лев, Дева, Весы, Скорпион, Стрелец, Козерог, Водолей, Рыбы), расположенных вдоль видимого годового пути Солнца среди звезд. Название «Зодиак» связано с тем, что большинство зодиакальных созвездий еще с древних времен носит названия животных. *В сердцах машин...* В наброске статьи «Демонизм машины» Волошин писал: «Они повинуются нам как рабы <...>. Но проходит время, и мы вдруг начинаем сознавать, что совсем не они наши рабы, а что мы безвозвратно продали им в рабство свою вольную душу» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 222).

*2. «На дно миров пловцом спустился я...». Начато в 1912, работа шла и в 1914. Вариант, дата — автограф в Тг-2 (л. 107 об.), автограф (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 39, л. 7). Написано в состязании с К.Д. Бальмонтом (на тему «Радуга»; см. коммент. 122).

Лития — см. коммент. 59—65 (5). *Отливами горю я, как змея*. Змей в Библии — символ познания. *Клюй, корщун, печень!* — намек на миф о Прометее. *Цевница* — духовой музыкальный инструмент (свирель или флейта Пана).

IV. ПЛЯСКИ

*179. «Кость сожженных страстью — бирюза...». БВ. 1916, 3 апр., под загл. «Бирюза», с эпиграфом: «Бирюза — кость умерших от любви. Персид<ское> поверье». — Иверни. Начато в 1911. Вариант, дата — автограф в Тг-2 (л. 79 об.). В стихотворении, по-видимому, отразились впечатления от студии пластических танцев Е.И. Рабенек (Книппер), которую Волошин пропагандировал в статьях 1911—1912 (см. статью «О смысле танца» — ЛТ-88. С. 395—399).

180. Осенние пляски. Иверни. Дата — в Тг-2 (л. 107). Автограф — под загл. «Танцы», с пояснением: «(музыка из Глюковской “Ифигении”: танец девушек)» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 39, л. 5); автограф — под загл. «Из цикла “Пляски”. 1. Осень» (там же, л. 13—14).

Локоном хмеля увенчанный бог! — Дионис. *Тирс* — жезл Диониса, обвитый плющом и виноградными листьями.

*181. Трели. Иверни. Работа над стихотворением шла в 1909—1911. Вариант — автограф в Тг-2 (л. 108). Дата — автограф (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 39, л. 8). Автограф — под загл. «Из цикла “Пляски”. 2. Трели» (там же, л. 15). Об этом стихотворении Волошин писал А.М. Петровой 26 окт. 1915 из Парижа: «Посылаю Вам одно стихотворение, не имеющее никакого отношения к войне, написанное еще зимой <...>. Оно написано на мотив из глюковской “Ифигении”, много лет не дававшей мне покою».

«*Filiae et filii*» «Дочери и сыновья!» (лат.). *Головокружение Глубины*. В тетради выписок Волошина находим: «Юноша, который впервые сознательно подходит к истокам жизни, приближаясь к женщине, испытывает головокружение глубины» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 459).

182—196. *Lunaria*. Альм. «Гриф»: 1903—1913. М., [1914] — с указанием под текстом: «“Lunarij” — начаты 16 июня, окончены 1 июля

1913. Коктебель. Воспаленные дни гроз и ветра между июньским ущербом и июльским полнолунием»; та же запись — в Тт-2 (л. 95). — Иверни. — Стих-2. Весной 1907 возник сонет «Луна» (альб. «Белые ночи». СПб., 1907). Положен на музыку Ю.Ф. Львовой (см. коммент. 66). В 1910 был составлен такой план произведения: «1. Колдовство. Фесалийские колдуньи. Средневековые. Числа. 2. Смерть. 3. Зачатие. 4. Приливы физическ<ие>. 5. Приливы чувств <енные>. 6. Мучени<ки> страсти. 7. Диана и Геката. 8. Первородный грех. 9. Лунное небо. 10. Лунная географ<ия>. 11. Трагическ<ий> пейзаж. 12. Отчаяние. 13. Ледяной Ад. 14. Космическое проклятие». 1—4 разделы объединены темой «Действо», 5—6 — «Лирика», 7—8 — «Молитва», 9—11 — «Патетическ<ое> описание», 12—14 — «Эзотерическ<ое>» (Тт-2, л. 63). В этом венке сонетов Волошин собрал сведения о Луне, почерпнутые им как из научных трудов, так и из мифологий разных народов и оккультных учений. Среди источников автором названы древнегреческие философы Анаксагор, Анаксимандр, Фалес, Эмпедокл, поэты Гесиод и Феокрит, астрономы Джованни Риччоли, Иоганн Кеплер, Ян Гевелий (основатель селенографии), Франческо Гримальди, математик и философ Джироламо Кардано, наконец, — «Тайная доктрина» Е.П. Блаватской. «Мое представление о Луне в “Венке” — “люциферическое”», — писал Волошин А.М. Петровой 2 дек. 1913. Согласно оккультным представлениям, Луна — одна из форм развития, через которые прошла Земля: треть воплощения планеты, которому во внутреннем составе человека соответствует астральное тело (см. преамбулу к коммент. 96—110). *Lunaria*, лунник — также растение семейства крестоцветных. Анализ произведения см.: Пинаев. С. 85—86.

1. «Жемчужина небесной тишины...». *Владычица зачатий*. В статье «Федор Сологуб. “Дар мудрых пчел”» Волошин упоминал: «Луна, в тех фазах, когда она покровительствует зачатиям, называется пчелой» (ЛТ-88. С. 435).

2. «Лампада снов! Владычица зачатий!..». *Селена* (греч. миф.) — дочь титанов Гипериона и Тейи, олицетворение Луны; к ней обращались со словами заклятий и колдовскими манипуляциями, желая привлечь возлюбленного. *Гиматий* — у древних греков: прямоугольный длинный кусок ткани, надеваемый поверх хитона.

3. «Кристалл любви! Алтарь ночных заклятий!..». *Эммузы* (греч. миф.) — чудовища из окружения богини Гекаты (см. ниже № 7).

*4. «Царица вод! Любовница волны!..». Вариант — автограф в Тт-2 (л. 92). *Йони* — женские гениталии, в индийской мифологии — символ божественной производящей силы.

5. «С какой тоской из влажной глубины...». *Океан, плененный в руслах жил*. Волошин опирается здесь на теорию французского физиолога Рене Кентона (1867–1925) о тождестве крови «живых существ» и морской воды (по химическому составу и т. п.). См. также статью Волошина «Театр и сновидение» («Маски». 1912/1913, № 5; ЛТ-88. С. 349).

*6. «К тебе растут сквозь мглу моих распятий...». Первоначальная редакция — автограф в Тт-2 (л. 92 об.); дата: 21 июня 1913. Вариант — автограф (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 93, л. 7). *Афея* (Бритомартида) — критская богиня, покровительница рыболовов и моряков. В позднейшей мифологической традиции отождествлялась с Артемидой и, наряду с последней, почиталась как божество Луны.

*7. «К Диане бледной, к яростной Гекате...». Вариант — автограф в Тт-2 (л. 93).

Диана (рим. миф.) — богиня растительности, родовспомогательница, олицетворение луны; отождествляемая с греческой Артемидой и Гекатой, получила эпитет Тривии (богини трех дорог). *Геката* (греч. миф.) — богиня мрака, ночных видений и колдовства. *Я так устал от гнева и борьбы*. Отражение «репинской истории» (см. коммент. 123). *Треглавая*. У Волошина записано: «Трехголовая — собачья, лошадиная и львиная» (Тт-2).

8. «Змеинные, непрожитые сны...». «*Станете как боги*» — слова Змия, соблазнившего Еву (Бытие. III, 5). *Тавром греха мы были клеймены*. Имеется в виду первоубийца Каин, получивший от Бога, при изгнании, клеймо — «каинову печать». *Клейменный лик луны*. Пятна, различимые на диске полной Луны, представляют по средневековой традиции (Данте) отражение «печати» Каина.

*9. «И сладостен, и жутко безотраден...». Вариант — автограф в Тт-2 (л. 93 об.), автограф (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 93, л. 10). *Ни воздуха, ни вод*. Поверхность Луны не подвержена эрозионному воздействию атмосферы, гидросферы и биосферы (сохраняя поэтому следы отдаленнейших космогонических катаклизмов).

*10. «Алмазный бред морщин твоих и впадин...». Вариант — автограф в Тт-2 (л. 93 об.), автограф (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 93, л. 11). *Кратер Гиппарха* — одна из кольцевых гор на Луне, названная (по предложению Д. Риччоли) именем основоположника астрономии древнегреческого астронома Гиппарха Никейского (ок. 190–125 до н. э.). *Volva* (лат. вращающаяся) — «имя, данное селенитами Земле, по Кеплеру», — объяснял сам Волошин в письме к Ю.Л. Оболенской 13 февр. 1914. Это слово было принято цензором альманаха «Гриф» за латин-

ское обозначение влагалища (vulva) — вследствие чего альманах был подвергнут аресту (затем снятому).

*11. «Твоих морей блестящая слюда...». Вариант — автограф в Тт-2 (л. 94).

От Моря Бурь до Озера Видений. Лунные «морья» представляют собой равнинные низменности — с Земли более темного оттенка, чем другие области. Поэтические названия участкам Луны: Океан Бурь, Море Дождей, Залив Радуги и т. п. дал в 1651 Дж. Риччоли из Феррары. *Mare Tenebrarum* (лат.) — лунное Море Мрака. Ты вся порыв, застывший в гневе яром. В письме к М.В. Сабашниковой от 23 июля 1905 Волошин пересказывал впечатление А.Р. Минцловой от наблюдения Луны в телескоп: «Мир, застывший в порыве исполинской безнадежной борьбы... Окаменевшие руки, окаменевшие деревья». *Лунные Альпы.* Горная гряда на Луне, названная по аналогии с земными Альпами.

12. «Лик Ужаса в бесстрастности эфира...». *Химера* (греч. миф.) — чудовище, рожденное Ехидной и Тифоном, опустошавшее Грецию. Ты уверень разбитого Потира. Уподобление Луны осколку разбитой чаши для Св. Причастия. *Денница-Люцифер.* Здесь: синоним Сатаны. *Князь Зенита и Надира*, т. е. повелитель света (Денница) и князь тьмы (Люцифер).

*13. «Ты вопль тоски, застывший глыбой льда...». Вариант — автограф в Тт-2 (л. 94 об.). *Грааль* — см. коммент. 9—19 (11). *Голгофой души* и т. д. У Волошина записано: «Души разлагаются на Луне, как трупы» (Тт-2).

14. «Ты жадный труп отвергнутого мира...». *Иошуа бен-Пандира* (т. е. Иисус сын Пандира) — наименование в талмудических текстах Иисуса Христа, будто бы бывшего сыном римского легионера. Волошин опасался, что именно эти строки могут послужить поводом для вмешательства цензуры (письмо к Ю.Л. Оболенской от 7 февр. 1914).

*15. «Жемчужина небесной тишины...». «Белые ночи: Петербургский альм.». СПб., 1907 (первоначальная редакция), под загл. «Луна», дата: 1907. - - Стих. (первоначальная редакция).

V

*197. *Подмастерье.* «Ипокрена». Харьков, 1917, № 1. - - Иверни. Вариант, дата — автограф в Тт-2 (л. 150 об.—151 об.; под загл. «Путь ученичества»). В стихотворении отразились оккультные идеи о пути к «посвящению» через ученичество, почерпнутые, прежде всего, в теософских книгах «Свет на пути» и «Голос безмолвия», которые Волошин штудировал в 1905. 29 (16) сент. он писал М.В. Сабашнико-

вой: «Требования от людей и от учеников различны. “Убивай желание” — это относится к ученикам. “Не бойся желаний и искушений” — это к тем, которые еще идут к ученичеству. Учеником ведь нельзя сделать. Им можно только стать, когда придет время <...>. Надо знать себя раньше, держать в руках все свои достоинства и недостатки, и пороки, прежде чем кинуться на этот путь». Придавая стихотворению значение «поэтического символа веры» («Автобиография». — Воспоминания. С. 39), Волошин пояснял А.М. Петровой в письме от 17 июля 1917: «“Подмастерье” и есть по замыслу стихотворение дидактическое и написано, и обработано как таковое. Оно написано вполне по тому рецепту, который в нем изложен: “Речение, в котором все слова притерты, пригнаны и сплавлены... становится лирической строфой...” <...>. Я вовсе не “переделывал” мою прозу в стихи: я просто ее продолжал обрабатывать и чеканить до тех пор, пока она не стала стихом». Львова Юлия Федоровна (1873—1950) — композитор и пианистка, теософ; жила у Волошина в Коктебеле летом 1916 и 1917. О «Подмастерье» она писала Волошину 2 окт. 1917 из Петрограда: «Часто его читаем вслух. Наши теософы потрясены им глубоко».

Словесного, святого ремесла — реминисценция строки «Мое святое ремесло!..» из стихотворения К.К. Павловой «Ты, уцелевший в сердце нищем...» (1854). *Тернуг* — напильник. *Тацит* Корнелий (ок. 55 — ок. 117) — римский историк. В июле 1900, находясь во Флоренции, Волошин заметил о «римских бюстах»: «Это страницы Тацита, запечатленные в мраморе. Каждый из них дает полную законченную характеристику целого типа» (Журнал путешествия, 9 июля (26 июня) 1900. — Сб. «Максимилиан Волошин. Из литературного наследия». СПб.: Наука, 1991. Вып. 1. С. 262). *Медный текст закона*. Имеются в виду «законы двенадцати таблиц» — не дошедший до нас первый кодекс римского права (V в. до н. э.). *Для ремесла и духа...* Разрабатывается мотив, характерный для И.В. Гёте (стихотворение «Природа и искусство», 1800: романы о Вильгельме Мейстере). *Ты должен отказаться* и т. д. Среди выписок Волошина по оккультизму читаем: «Молчание — власть. Отречение от власти — воля. Отречение от воли — чувство. Отречение от чувства — самосознание». *Ты будешь Странником*. Ср. со словами, которыми Бог проклял Каина: «Ты будешь изгнанником и скитальцем на земле» (Бытие. IV, 12). *Срединной Азии И западных морей*. Упоминание, переводящее стихотворение в автобиографический план. *Ты вспоминаешь самого себя*. Одно из положений мастера Януса — персонажа драмы «Аксэль» (1872—1886) Ф.-О.-М. Вилье де Лиль-Адана: «Познание — это воспоминание. Человек не учится — он только находит потерянное: вселенная лишь

предлог для развития всезнания» (пер. с фр. Волошина; 1909). *Слово, их к бытию призвавшее*. Здесь имеется в виду как библейское именование «Словом» Бога, так и «слово» в значении «имя». В конспекте «Теургии» Порфирия (см. коммент. 58) Волошин записал: «Словом, которое есть земное тело мысли, мы можем осознать дорогу перед собой, и мгновенное, осознанное словом, становится частью нашего астрального тела <...>. Слово заклинает будущее». Эту же идею развивала его статья «Магия творчества» («Весы». 1904, № 11). *Изнавать Всех духов*. Мысль о назначении поэзии, повторявшаяся Волошиным неоднократно. Так, в «Предварении» к сб. «Иверни» он писал: «Во всех вещах и явлениях мира пленено то божественное слово, которое их вызвало к бытию. Цель поэзии найти его: угадать подлинное имя каждой вещи, изнавать все явления, расколдовать вселенную». *Выплавить из мира Необходимости и Разума...* Ср. с выражением Ф. Энгельса о «скачке человечества из царства необходимости в царство разума» (в его кн. «Анти-Дюринг» (1878). Отд. 3. Гл. 2). *Вселенную Свободы и Любви*. В набросках статьи «Демократизация искусства» (весна 1917?) Волошин писал: «Все положительные творческие силы человека в Любви. Любовью он вносит в мир новое, ею он соучаствует в работе Иерархий в качестве одной из них. Задачу человека в мире можно определить так: человек погружен во вселенную мудрости, в которой все связано архитектурой причинности. Его задача оставить после себя вселенную любви» («Кодры». 1989, № 12. С. 143). Сходная идея — в стихотворении В.С. Соловьева «Ex Oriente lux» («Свет с востока», лат.; 1890): европейская цивилизация основалась «силой разума и права», — но «Душа вселенной тосковала О духе веры и любви!».

Книга третья

НЕОПАЛИМАЯ КУПИНА

Стихи о войне и революции

Замысел этой книги возник летом 1919 (письмо Волошина к Л.А. Недоброво от 28 июля 1919). В архиве Волошина сохранился авторский макет невышедшей книги «Неопалимая Купина (1917–1919)» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 99), с пометой «Полный экземпляр» и сквозной авторской нумерацией страниц (всего 69). В этой редакции стихотворения, включенные в книгу, были распределены по трем разделам. Первый раздел — «Ангел Мшенья» (с эпиграфом: «Выпросил у Бога светлую Россию Сатана да очервлнит ю кровью мученической»). Протопоп Аввакум) — составляли стихотворения: «Предвес-

тия», «Ангел Мшенья», «Россия (1915 г.)», «Москва (1917 год. Март)», «Петроград (1915–1917)», «Трихины», «Мир», «Голова madame de Lamballe», «Две ступени. I. Бастилия. II. Бонапарт», «Термидор» (1–4), «Плаванье», «Бегство», «Гражданская война». Второй раздел – «Демоны глухонемые» (с эпиграфом: «“Одни зарницы огневые, Воспламеняясь чередой, Как демоны глухонемые, Ведут беседу меж собой”. Тютчев») – включал стихотворения: «Демоны глухонемые», «Видение Иезекииля», «Написание о царях Московских», «Dmetrius-Imperator», «Стенькин суд», цикл «Личины» («I. Красногвардеец», «II. Матрос», «III. Большевик», «IV. Буржуй», «V. Спекулянт», «VI. Феодосия (Весна 1918)»). Третий раздел – «Неопалимая Купина: Стихи Революции» (с зачеркнутым эпиграфом «“...В Россию можно только верить...” Ф. Тютчев») – состоял из стихотворений: «Святая Русь», «Русь глухонемая», «Из бездны», «Родина», «Молитва о городе», «Неопалимая Купина», «Русская революция», «На вокзале», «Китеж», «Преосуществление», «Европа», «Посев», «Закрытие о русской земле».

Затем состав книги постепенно расширялся, она включила в себя стихотворения из АМА и ДГ (полностью). В архиве Волошина сохранились авторские планы сборника «Неопалимая Купина (Стихи Революции)», три раздела которого включали 45 стихотворений, и сборника «Пламена (Война и Революция)», состоящего из трех разделов («Армагеддон», «Демоны глухонемые», «Неопалимая Купина»), включавших 54 стихотворения (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 143, л. 4, 7).

По-видимому, об одном из этих вариантов идет речь в письме Волошина А. В. Луначарскому из Коктебеля (получено адресатом до 25 сент. 1921):

«...Позвольте мне обратиться к Вам с личной просьбой: я давно стремлюсь издать полностью мою книгу стихов о Революции “Неопалимая Купина” (стихов [60 <зачеркнуто>] 50 больших размером). Влад<имир> Александр<ович> Базаров, который навел справки в Москве, сообщил мне, что в центре об издании нечего и думать. <...> Нет ли возможности сделать так, чтобы Московск<ое> Государ<ственное> Издат<ельство> купило ее у меня, а издана она будет в Феодосии, где есть издательск<ие> материалы? <...> Если есть возможность приобретения моих стихов Московск<им> Госиздатом, то я буду хоть на этот год обеспечен. Текст книги есть у Базарова...» (Сов. архивы. 1991, № 5. С. 90–91; здесь дается по автографу: ГАРФ, ф. 2306, оп. 1, ед. хр. 604, л. 122–122 об.)

В дек. 1921 Волошин (с С.Я. Парнок, выезжавшей из Крыма) отправил в Москву еще один вариант «Неопалимой Купины», состоявший из 31 стихотворения. Вскоре сборник был предложен Госиздату. 4 марта 1922 С.Я. Парнок написала Волошину, что «Неопалимая Купина» «пока не может быть издана».

Однако через несколько месяцев сборник всё же прошел в Госиздате внутреннее рецензирование. Под текстом отзыва, поступившего в издательство 15 июля 1922, стоит не вполне разборчивая подпись — А. Усачев (или Усатов?). Рецензент писал:

«Неопалимая Купина / Стихи 1919–1921 / Максимилиан Волошин.

В “чисто художественном” отношении стихи безусловно хороши, но в политическом отношении многие из них весьма нецензурны. Таковы, например: “Красногвардеец”, “Матрос”, “Гражданская война”, “Бойня”, “Террор”, “Терминология”, “Хвала богоматери”, “Заключение о Русской земле”. Эти стихотворения не могут быть разрешены для печатания даже частными издателями. В остальных стихотворениях имеется целый ряд нецензурных мест. Кроме того, общий тон всех произведений М. Волошина абсолютно неприемлем для Государственного издательства. Это — какая-то интеллигентская мешанина из великороссийского национализма, православно-го благочестия, слюнявого брюзжания и филистерского воздыхания по поводу ужасов революции и гражданской войны.

Этот сборник стихов *в целом* вообще не может быть разрешен для печатания.

Могут быть изданы лишь отдельные стихотворения, главным образом, из I и IV отдела. Но и они не могут быть рекомендованы для издания Госиздатом» (сб. «Цензура в СССР: Документы 1917–1991 / Сост. А.В. Блюм» (на обл.: A.V. Bljum. Zensur in der UdSSR. Teil II. Project Verlag). Vochum/Бохум, 1999. S. 31–32, с ошибкой в дате и другими неточностями; здесь дается по подлиннику: ГАРФ, ф. 395, оп. 9, ед. хр. 176, л. 356–357).

В графе «Заключение политредактора о печатании» стоит резолюция: «Не печатать. ЛП. 15/VII», принадлежащая заместителю заведующего незадолго перед тем организованного Главлита — П.И. Лебедеву-Полянскому.

Через три дня (18 июля 1922) состоялось очередное заседание распорядительной комиссии Госиздата в составе: А.К. Воронский, А.Г. Калашников и секретарь Ортнер. В его протоколе № 65 значилось: «XI. Отклонить стихи М. Волошина — «Неопалимая Купина»

(заключение Л<итературно>-Полит<ического> Отдела» (ГАРФ, ф. 395, оп. 9, ед. хр. 150, л. 42).

Окончательный вариант книги включал 80 произведений 1914–1924.

Раздел «Война» состоит в основном из стихотворений, ранее входивших в АМА. Вышедшая в начале 1916 (до 25 апр.), эта книга вызвала целый ряд откликов. Б.Олидорт увидел в ней всё того же Волошина — «испытанного эстета», автора стихов, «иногда до странности похожих на переводы с французского» («Приазовский край». Ростов/Дон, 1916, 13 окт.). Вторил ему Д.И. Выгодский, считавший, что Волошин «остался строгим и холодным парнасцем» («Летопись». Пг., 1917, № 1. С. 250). В.Я. Брюсов, досадуя на «привычку» Волошина говорить «напряженно и вычурно», отказывал книге в «светлости, прозрачности и легкости», но все-таки считал ее «благородным исключением» среди современных «военных стихов» и признавал, что ее читаешь «с волнением» («Русская мысль». 1916, № 6. Отд. III. С. 1–2). Более решительным был в оценке аноним в «Известиях книжных магазинов М.О. Вольфа» (1916, № 6. С. 91), отмечавший, что новая книга Волошина «значительно разнится» от прежних и «займет особое место» в числе сборников «военной поэзии». В.М. Жирмунский увидел в этих стихах отражение «смысла мировой войны» в сознании религиозном» и признавал, что поэт «глубоко и скорбно» захвачен событиями (БВ. 1916, 9 сент.). Наиболее высокую оценку дал сборнику Г.В. Иванов: отмечая эмоциональную силу стихов, он считал, что со страниц новой книги «впервые явственно прозвучал голос Волошина-поэта» («Аполлон». 1916, № 6/7. С. 71). Получив АМА, А.А. Блок писал Волошину 29 апр. 1916, что ему «запомнится из этой книги, вероятно, не главное; а именно — “Реймская Богоматерь”, несколько описаний Парижа в дни войны и “Под знаком Льва”» («Литературное наследство». М., 1987. Т. 92. Кн. 4. С. 528).

Основным текстологическим источником книги «Неопалимая Купина» является авторский машинописный сборник в холщовом переплете, выполненный Е.А. Новской (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 141), по которому Волошин обычно читал свои произведения гостям в Коктебеле (НК). Однако, по свидетельству М.С. Волошиной, этот сборник имелся в четырех экземплярах (по числу машинописных копий) — и дошедший до нас третий экземпляр явно не был насковзь выправлен Волошиным, так как содержит — при множестве опечаток — лишь единичные его пометы. Кроме того, поскольку сборник в этом виде не предназначался для печати, текст в нем во многих

отношениях был упрощен и даже искажен: иноязычные написания заменены русскими, сняты посвящения к стихам и эпитафии, в ряде случаев не упорядочено строфическое деление и т. д. Поэтому, воспроизводя без изменений состав и композицию НК, при установлении основного текста стихотворений мы использовали и другие источники. Стихотворения из НК, включавшиеся ранее в состав АМА и ДГ, печатаются по тексту, представленному в этих книгах (с учетом позднейших исправлений, сделанных автором и удостоверенных документальными источниками). Тексты остальных стихотворений устанавливаются путем сверки машинописи НК, принятой за основной источник, с беловыми автографами и другими авторизованными текстами, хранящимися в архиве Волошина. Из многочисленных вариантов отдельных строк предпочтение отдавалось тем, в которых имелись основания видеть последнюю авторскую волю в отношении данного текста. Все датировки стихотворений – авторские, восходящие к автографам и (или) авторизованным машинописным спискам.

Из состава НК изъято стихотворение «Хвала Богородице» (из 7-го раздела) как включенное автором в состав поэмы «Святой Серафим».

І. ВОЙНА

198. Россия. «Власть народа». 1917, 28 июля, под загл. «России», с подзаголовком «Во время галицийского отступления». - - Иверни, под загл. «Русь», с тем же подзаголовком. - - ДГ. - - Стих-2 (с датой). - - Рус. поэзия XX. Автограф (под загл. «Русь») и дата – в Тг-2 (л. 122), там же эпитафия из Евангелия: «Если хочу, чтобы он пребыл, пока приду, что Тебе?» (Иоанн. XXI, 22). Автограф – под загл. «России», с посвящением К.Ф.Богаевскому (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 33, л. 7); автограф – под загл. «России» (там же, ед. хр. 37, л. 12). В АМА в разделе «Внутренние голоса» вместо текста стихотворения – строки отточий, с примечанием: «Седьмое стихотворение этого цикла, обращенное к России, не должно быть напечатано теперь по внутреннему убеждению автора». Стихи высоко оценил И.Г.Эренбург, писавший Волошину 1 сент. 1915: «Они мне очень близки и дороги. Всё это приходило не раз». Стихотворение несет отпечаток славянофильской концепции об особом пути и предназначении России (со своих позиций поддержанной также Р.Штейнером). А.В.Лавров отмечает также родство «пророчесственного пафоса и риторического стиля» этого стихотворения со стихотворением А.С.Хомякова «России» (1854).

Люблю тебя побежденной. Идею благотворности завоевания для родной страны высказывали еще библейские пророки (Исайя. X; Иеремия. XXVII). Волошин еще в 1908 (статья о Барбэ д'Оревилю) сочувственно цитировал соответствующее высказывание французского писателя Вилье де Лиль-Адана: «В его груди жило не сердце пошлого триумфатора с глазами, пламенеющими наглостью, а гордое сердце побежденного, переполненное пеплом печали» (ЛТ-88. С. 43). В 1916 в письме военному министру с отказом от воинской службы Волошин формулировал: «Тот, кто убежден, что лучше быть убитым, чем убивать, и что лучше быть побежденным, чем победителем, т. к. поражение на физическом плане есть победа на духовном, — не может быть солдатом» (сб. «Ново-Басманная-19». М.: Худож. литература, 1990. С. 221). *Наотмашь хозяин хлещет.* Переключку с Ф.М. Достоевским — образ избиваемой лошади в сне Раскольникова («Преступление и наказание», ч. I, гл. V) и рассказе «Акушкин муж» в «Записках из Мертвого дома») — Волошин сам подтверждал в письме к Ю.Л. Оболенской от 19 нояб. 1915: «Я хотел, чтобы <в> этой строфе было напоминание о Достоевском, т. к. считаю это мировым символом России». *Биарриц* — город на юге Франции (близ границы с Испанией), на берегу Бискайского залива, курорт. Волошин жил там (на вилле Цетлиных) с середины июля до начала нояб. 1915.

199. В эти дни. «Русская мысль». 1915, № 4. -- АМА. -- Сб. «Салон поэтов весенний первый: Избр. стихи за 1914—1916 гг.». М.: Зёрна, 1917*. С. 38, с ошибочной датой: «5.11.1915». -- Сб. «Весенний салон поэтов». М.: Зёрна, 1918. -- Иверни, без загл. -- Стих-2. Письмая А.М. Петровой 7 февр. 1915 из Парижа несколько стихотворений о войне, Волошин писал: «Они лучше скажут все, что делалось внутри. Особенно “В эти дни...”». В письме к матери от 13 апр. 1915 Волошин отмечал, что больше других ценит это стихотворение — «по точности и искренности».

Эренбург Илья Григорьевич (1891—1967) — поэт, прозаик, переводчик, публицист. Волошин сблизился с ним в Париже в начале 1915. Он посвятил Волошину свои «Стихи о канунах» (М., 1916). Стихотворение потрясло Эренбурга (письмо к Волошину б. д., — по-видимому, сент. 1915). *Всё во мне и я во всех.* Ср. у Тютчева: «Всё во мне, и я во всём» («Тени сизые смешались...», 1835).

* Сборник этот крайне редок (не учтен справочниками «Литературно-художественные альманахи»); о его наличии в частном собрании сообщено С.И. Субботиным.

200. Под знаком Льва. «Русская мысль». 1915, № 4. -- АМА. -- Иверни, без загл. -- Стих-2. Еще в июле 1905 Волошин пересказывал в письме к А.М. Петровой пророчество Р. Штейнера: «С этого года мир вступает в новый цикл, находящийся под созвездием Льва. Это будут самые кровавые годы Европейского человечества, и лицо Европы будет через пять лет неузнаваемо».

Вошел последним внутрь ковчега — сопоставление с ковчегом праотца Ноя. Около 6 июля 1914 Волошин выехал, по приглашению Сабашниковой, из Коктебеля в Швейцарию — на строительство антропософского храма Иоганнес-Бау (Гетеанума), начатое в сент. 1913 «на перекрестке трех стран», у границы с Германией и Францией. 31 (18) июля — в день объявления войны между Россией и Германией — он прибыл на место строительства, в селение Дорнах (в 8 км от Базеля) и записал в блокноте: «Я приехал буквально с последним поездом: всю дорогу вслед за мной прекращались сообщения, точно двери за спиной запирались. <...> Я чувствовал себя одним из нечистых животных, запоздавших и приходящих в ковчег последним».

***201. Над полями Эльзаса.** «Русская мысль». 1915, № 4. -- АМА. -- Сб. «Салон поэтов весенний первый: Избр. стихи за 1914—1916 гг.». М.: Зёрна, 1917. -- Сб. «Весенний салон поэтов». М.: Зёрна, 1918. -- Стих-2. Вариант - автограф в Тг-2 (л. 102 об.—103).

Эльзас (Эльзас) — провинция на востоке Франции, с 1871 по 1919 входившая в состав Германии. *Тишина гудит*. Бои в Эльзасе шли с 7 по 22 авг. 1914. Волошин записал 12 авг.: «Та канонада, что мы слышали позавчера, была отзвуком битв при Альткирхе и Мюльгаузене». «Война идет рядом, и канонада в близости будит по ночам», — сообщал он А.М. Петровой (письмо б. д.). *Напой народы яростным вином*. Повеление Бога Иеремии: «Возьми из руки Моей чашу сию с вином ярости и напой из нее все народы, к которым Я посылаю тебя» (Иеремиа. XXV, 12; этот же образ — Откр. XIV, 9—10).

202. Посев. «Русская мысль». 1915, № 4. -- АМА. -- Иверни, без загл. -- Стих-2.

Недобрый Сеятель — реминисценция мифов об Ясоне и Кадме, сеявших зубы дракона. Здесь же — отзвук евангельской притчи о пшенице и плевелах (Матфей. XIII, 24—30).

203. Газеты. АМА. -- Стих-2. В Тг-2 (л. 120 об.) и в других автографах — под загл. «Утренние газеты». Отрицательное отношение к

газетной «полуправде» Волошин высказывал неоднократно. 28 окт. 1905 он писал М.В. Сабашниковой: «Я с утра отравляюсь газетными телеграммами; это страшно вредно. Мысль загрязнена на целый день».

Трихины — глисты, паразитирующие в мышцах и кишечнике. Однако Волошин имел в виду и образ из эпилога «Преступления и наказания» Ф.М.Достоевского, где трихины — микроскопические существа, вселяющиеся в тела людей, которые «становились тотчас же бесноватыми и сумасшедшими». *Ложь завлакивает мозг*. «Самое страшное для меня в настоящей войне — ложь и то, что все говорят одно и то же. Всё сделано, чтобы ожесточить обе стороны», — писал Волошин А.М. Петровой 29 апр. 1915. *Застыть как соль...* Реминисценция библейского образа жены Лота (Бытие. XIX, 15–26). *Дозволь не разлюбить врага*. Во время войны Волошин видел свой долг в том, чтобы «не поддаваться соблазну ненависти, презрения, “святого” гнева» и «не уставать любить и врагов, и извергов, и даже союзников» (письмо к А.М. Петровой от 26 окт. 1915).

204. Другу. АМА. - - Стих-2. Строки о феодосийских холмах записаны еще в 1914 в Коктебеле (Тт-2). Эпиграф — неточная цитата из стихотворения А.С. Пушкина «Арион» (1827). Автограф в Тт-2 (л. 124) — под загл. «Богаевскому», эпиграф: «Нас было много на челне...». Обращено к К.Ф. Богаевскому (см. преамбулу к коммент. 67–80), который в 1915 был призван в армию. 30 июня 1915 А.М. Петрова в письме к Волошину рассказывала о совместном с супругами Богаевскими «прощальном» посещении Коктебеля: «По дороге в Коктебель он вспомнил стихи Пушкина “Арион” — его любимые, — стал говорить их и прибавил: — “Останется один Макс”. Получив это письмо в Биаррице, Волошин писал А.М. Петровой 16 (3) авг. 1915: «Я действительно “таинственный певец, на берег выброшен волною”: предвидя возможность призыва единственных сыновей, судьба заботливо сломала мне правую руку, отняв у меня возможность стрелять и убивать <...>. И еще так таинственно увела с “челна” в самый последний момент перед войной». Стихотворение было высоко оценено (в письмах к Волошину) А.К. Герцык (17 мая 1916) и Б.В. Савиновым (9 сент. 1915); И.Г.Эренбург же нашел в нем «слишком много непозволительного холода» (письмо б. д.).

Ардава — см. коммент. 67–80 (9). *Крылатый парус напрягли* — неточная цитата из пушкинского «Ариона». *Нити прях*. В античной мифологии богини судьбы Мойры (Парки) — три старухи, прядущие и обрывающие нить жизни каждого человека.

***205. Пролог. АМА.** - - Стих-2. Работа над третьей строфой стихотворения началась еще в 1912–1913; первоначальная редакция («1905–1914»), дата: 29 авг. 1915 – в Тт-2 (л. 126 об.). Вариант – автограф в Тт-2 (л. 130). В письме к М.С. Цетлиной от 15 (2) окт. 1915 Волошин указывал, что это стихотворение представляется ему «как “Пролог” к книге стихов о войне».

Андрей Белый (см. коммент. 21) участвовал в строительстве Гетанума (см. коммент. 200). Позднее Волошин вспоминал, что во второй половине 1914 «часто бывал у А. Белого»: «Это был период, когда между нами опять вспыхнула горячая словесная дружба и мы разговаривали часами и с неослабевающим упоением» (Путник по вселенным. С. 314). *В начальный год Великой Брани Я был восхйщен от земли.* Имеется в виду приезд Волошина в Дорнах (см. коммент. 200). *И на замок небесных сводов.* Здесь уподобление Дорнаха, находящегося в горах, Небесному Иерусалиму, куда «на великую и высокую гору» ангел вознес св. Иоанна «в духе» (Откр. XXI, 10). *На землю кинул он ключи ∞ тучи саранчи.* Контаминация образов из Апокалипсиса: ангел, имеющий «ключ от бездны» (Откр. XX, 1) и «кладезь бездны», из которого вышла чудовищная саранча (Откр. IX, 1–10). *Мир пасти жезлом железным.* См.: Откр. II, 27 и XII, 5. *Один среди враждебных ратей.* Чуть позднее в статье «Судьба Верхарна» Волошин сформулировал эту позицию так: «Когда на земле происходит битва, разделяющая всё человечество на два непримиримых стана, надо, чтобы кто-то стоял в своей келье на коленях и молился за всех враждующих: и за врагов, и за братьев. В эпоху всеобщего ожесточения и слепоты надо, чтобы оставались люди, которые могут противиться чувству мести и ненависти и заклинать обезумевшую реальность – благословением. В этом высший религиозный долг, в этом “дхарма” поэта» («Речь». Пг., 1917. 1 янв.).

206. Армагеддон. АМА. - - Стих-2. В Тт-2 (л. 134) и других автографах – эпиграф по-латыни «“Congregabit illos in locum qui vocatur Armageddon...” (Арос<alipsis>. XVI, 13–16)».

Армагеддон (библ.) – место последней битвы на исходе времен, с участием «царей всей земли обитаемой», в которой будут уничтожены полчища Антихриста (Откр. XVI, 14–16). *Бакст* Лев Самойлович (1866–1924) – художник; автор обложки АМА. Волошин знал его по Петербургу (1906, 1909) и Парижу (1911, 1915). «Недавно Бакст смотрел мою живопись», – сообщал Волошин матери 4 июня (22 мая) 1915.

***207. «Не ты ли...».** АМА, под загл. «Над законченной книгой». - - Иверни. - - Стих-2 (загл. «Над законченной книгой»). Автограф ранней редакции – Тг-2 (л. 135); вариант – автограф (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 37, л. 17).

В точиле гнева? Образ из Апокалипсиса (Откр. XIV, 19 и XIX, 15). *Стрелой, указующей разницу веса?* Приехав из Дорнаха в Париж, Волошин писал Ю.Л. Оболенской: «Как тяжело было сидеть в той точке, на которую опирается коромысло двух чашек весов, и как невозможно найти равновесящую справедливость в своей душе для двух враждующих рас, которые вовсе не хотят ее».

208. Усталость. АМА. - - Сб. «Салон поэтов весенний первый». М.: Зёрна, 1917. - - Иверни. - - Стих-2. Автограф – под загл. «Он придет» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 33, л. 14). Воробьева-Стебельская Мария Брониславовна (псевд. Маревна; 1892–1984), художница, жившая в Париже. Некоторое время находилась вместе с Волошиным в Биаррице. В письме от 24 (11) окт. 1915 к М.С. Цетлиной Волошин так характеризовал ее: «Это очень чистая, правдивая по природе девушка, но страшно изломанная и измученная и детством, и обстоятельствами жизни, беспризорная, нервная, больная и с глубоким отчаянием в душе». Эпиграф имеет в виду «отрока», который – согласно пророку Исайе – «возвестит народам суд <...> по истине». Историки считают, что пророчество имело в виду персидского царя Кира II Великого (? – 530 до н. э.), который, установив власть над всем Передним Востоком, сумел прекратить многовековые варварские войны между Вавилоном и Ассирией.

Исайя (VIII в. до н. э.) – первый из «больших пророков» Ветхого Завета. *Биарриц* – см. коммент. 198.

II. ПЛАМЕНА ПАРИЖА

В этот раздел вошли как стихотворения из АМА, так и более ранние (1906), и более поздние, посвященные Великой французской революции. Некоторые из них опубликованы в книге «Париж накануне войны» (Пг.), вышедшей из печати в дек. 1915. Участвовать в этом сборнике предложила Волошину (в письме от 3 апр. (21 марта) 1915) Е.С. Кругликова. 20 апр. он сообщал матери, что специально для сборника пишет «цикл стихов о Париже».

209. Весна. Кругликова. - - АМА. - - Иверни. - - Стих-2. Автограф – под загл. «Весна 1915 года» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 37, л. 11).

Гольштейн — см. коммент. 39. *Весна... и не весна*. В письме к матери от 13 апр. (31 марта) 1915 Волошин писал: «В Париже как-то сразу распустились деревья. Всюду уже зелень на каштанах, а весны все еще нет внутри». «Какой необычайный Париж в этом году, — писал поэт 19 (6) мая 1915 Ю.Л. Оболенской. — Он не мертв, а замер. Всё вобрал в себя: огни, радость, жизнь».

210. Париж в январе 1915 г. «Русская мысль». 1915, № 4, под загл. «Париж». — Кругликова, под тем же загл. — АМА, под загл. «Париж в январе». — Иверни, под загл. «Париж в 1915 г.». — Стих-2 (под загл. «Париж в январе»). Автограф — под загл. «Париж (январь 1915 г.)» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 36, л. 3). 23 янв. 1915, через неделю по приезде из Дорнаха, Волошин писал Ю.Л. Оболенской: «Весь Париж подтянулся, душевно очистился. <...> Он траурен и праздничен». Первые впечатления «военного» Парижа Волошин изложил также в статье «Париж и война: Литература в 1915 году» (БВ. 1915, 18 июня).

Аргутинский-Долгоруков Владимир Николаевич, князь (1874—1941) — искусствовед, хранитель Эрмитажа. В 1915 находился в Париже. *Маленькие блудницы* — проститутки; выражение из «Книги Моеллы» (1896) М. Швоба.

211. Цеппелины над Парижем. «L'Élan» (Париж). 1915, 15 июня (факсимиле автографа, здесь же рисунок Волошина на тему стихотворения). — Кругликова, под загл. «Ночь весеннего равноденствия 1915 года (Цеппелины над Парижем)». — АМА, под загл. «Ночь весеннего равноденствия (Цеппелины над Парижем)». — Иверни. — Стих-2 (под загл. «Ночь весеннего равноденствия»).

Иванова А.Н. — см. коммент. 9—19 (7). В 1915 жила в Париже с Бальмонтами. *Цеппелины* — дирижабли, названные по имени немецкого конструктора графа Ф. Цеппелина (1838—1917), применялись в Первой мировой войне. Налет цеппелинов на Париж в ночь на 22 марта Волошин описал в статье «Париж и война: Цеппелины над Парижем» (БВ. 1916, 3 марта). *Руны* — см. коммент. 53. Созвездие *Тельца* — зодиакальное созвездие, в котором в древности (с 4000 до н. э. по 1700 до н. э.) находилась точка весеннего равноденствия. *Кассиопея* (лат. Cassiopeja) — созвездие Северного полушария, расположенное в Млечном Пути.

***212. Реймская Богоматерь.** «Русская мысль». 1915, № 4. — АМА. — Сб. «Салон поэтов весенний первый». М.: Зёрна, 1917, с ошибочной датой: «19.11.1915». — Иверни. — Стих-2. Вариант — автограф

в Тт-2 (л. 111 об.). Эпиграф — из книги О. Родена «Cathédrale de France» («Кафедральные соборы Франции»; Paris: Armand Colin, 1914).

Реймская Богоматерь — собор Нотр-Дам в Реймсе, шедевр зрелой французской готики XIII в., место коронации французских королей. Волошин находил в соборе «удивительную тонкость и грацию» («Листки из записной книжки». — «Русский Туркестан». 1901, 28 янв.). Немецкие войска подвергли Реймский собор методическим бомбардировкам, не имевшим никакого военного оправдания. Узнав об обстрелах собора, Волошин писал 1 нояб. (19 окт.) 1914 А.М. Петровой: «Реймс — это совсем нестерпимо». Откликнулись стихами на эти известия О.Э. Мандельштам и И.Г. Эренбург. *Цетлина М.С.* — см. коммент. 171. *Vue de trois-quarts, la Cathédrale de Reims évoque une grande figure de femme agenouillée, en prière. Rodin (фр.)*. Видимый на три четверти, Реймский собор напоминает фигуру огромной женщины, коленапреклоненной, в молитве. Роден. *Овиди Шампани* — горизонты той из провинций Франции, где расположен Реймс.

213. Lutetia Parisiorum. Кругликова. - - АМА. - - Стих-2.

Заголовок стихотворения — древнее именование Парижа (селение паризиев на острове Лютетия), упоминаемое в 53 г. до н. э. в «Записках о Галльской войне» Юлия Цезаря. *Fluctuat nec mergitur (лат.)* — его качает, но он не тонет (девиз Парижа на его гербе с изображением парусника). *Заупрени Изиды*. Культ Изиды был распространен за пределами Египта в эпоху эллинизма; в Галлию его принесли римляне. О том, что на месте Notre-Dame в Париже «был раньше храм Изиды», Волошину сообщила 18 (3) июля 1905 А.Р. Минцлова. *Ладья Озириса*. Осирис (егип. миф.) — бог производительных сил природы, царь загробного мира; был погублен заговорщиками: обманом заключен в ящик-саркофаг, брошенный затем в воды Нила.

***214. Парижу.** Кругликова. - - АМА. - - Иверни, без загл. - - Стих-2. Вариант — автограф в Тт-2 (л. 117).

Кругликова — см. коммент. 3. *Юный Дант*. Данте Алигьери (1265—1321) был в Париже, согласно утверждению Д. Боккаччо, не в юности, а в зрелые годы (в 1307 или 1308). *Отрок Бонапарт*. Наполеон I Бонапарт (1769—1821) учился в парижской Военной школе в 1784—1785.

215. Голова madame de Lamballe. «Двадцатый век». 1906, 26 июня, под загл. «Голова Princesse de Lamballe». - - «Красное знамя». Париж, 1906, № 1 и «Вольница». СПб., 1906, № 2, под загл. «Голова принцес-

сы Ламбаль». - - Стих. - - Иверни. - - ДГ. Автограф в Тт-1 (л. 55) — под загл. «Princesse de Lamballe». Мария-Тереза-Луиза *де Ламбаль* (1749—1792), принцесса Кариньян, приближенная королевы Марии-Антуанетты. Растерзана толпой 4 сент. 1792 за отказ поклясться в ненависти к королю и королеве. 27 (14) сент. 1905 Волошин писал Сабашниковой, что вчера читал в «Истории Французской революции» Ж. Мишле, «как отрубленную голову маркизы де Ламбаль принесли к куафёру — он завил ее, напудрил, и ее после понесли на пике к окну Марии-Антуанетты». Посылая текст стихотворения М.В. Сабашниковой 16 марта 1906, Волошин сообщал, что писал его «всё утро», добавляя: «Мне было почти отвратительно писать это стихотворение. Но я не мог не написать его».

Тирс — см. коммент. 180. *Тамплъ* — замок в Париже (некогда принадлежавший ордену тамплиеров), куда был заключен в 1792 Людовик XVI с семьей. Стихотворение исполнялось А.Н. Вертинским как мелодекламация.

216—217. Две ступени. «Ипокрена». Харьков, 1918. № 2/3, без загл. цикла. - - ДГ. *Цветаева* Марина Ивановна (1892—1941) — поэтесса, прозаик, переводчица, критик. Автор воспоминаний о Волошине «Живое о живом» (1933). Посвящение цикла связано с пребыванием ее в нояб. 1917 в Коктебеле.

1. Взятие Бастилии. «Ипокрена». Харьков, 1918, № 2/3, под загл. «14 июля (1789)». - - ДГ. Вариант загл.: «14 июля» (черновой автограф — ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 44; автограф — Тт-2, л. 160 об.), «Бастилия (14 июля 1789 года)» (авт. маш. — ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 99, л. 12). В статье «Дневник Людовика XVI» Волошин писал о вынесенной в эпиграф стихотворения дневниковой записи последнего короля Франции: «Политика его не интересует и не волнует совершенно, но и это “ничего” трагически оттеняет почти все великие даты революции» («Двадцатый век». 1906, 28 апр.).

«14 juillet 1789. — *Riens*». *Journal de Louis XVI (франц.)*. «14 июля 1789 — Ничего». Дневник Людовика XVI. *Сент-Антуан* — предместье Парижа, где находилась тюрьма Бастилия. *Пале-Рояль* — дворец напротив Лувра, построенный в 1629—1636. Его сады и торговые галереи долго служили центром общественной жизни Парижа. *Демулен* Камиль (1760—1794) — журналист, деятель Великой французской революции. *Бертье* де Совиньи (1739—1789) — интендант Парижа. *Де-Лоней* (Лонэ) Бернар Рене (1740—1789) — комендант Бастилии. *Марли ле Руа* — лесистая местность на левом берегу Сены в 12 км от Парижа.

Стихотворение исполнялось А.Н. Вертинским под загл. «Люю XVI».

2. Взятие Тюильри. «Слову – свобода!» М., 1917, 10 дек., под загл. «Бонапарт». – ДГ, под загл. «Бонапарт». Под тем же загл. – автограф в Тг-2 (л. 156), автограф (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 47, л. 1), авт. маш. (там же, л. 3; ед. хр. 99, л. 12; ед. хр. 106, л. 9 об.).

10 авг. 1792 восставший народ штурмовал дворец *Тюильри* (см. коммент. 38 (4)) – тогдашнюю резиденцию короля (вскоре арестованного). Главный результат этого выступления – низвержение монархии. *Je me manque deux batteries pour balayer toute cette canaille la (фр.)*. Слова Бонапарта в изложении Л.-А.Ф. Бурьенна: «Достаточно двух батарей, чтобы смести эту сволочь». *Бурьенн* Луи-Антуан Фовеле (1769–1834) – французский дипломат, соученик и друг Бонапарта по Бриеннской военной школе, с 1797 по 1802 – его секретарь. «Мемуары о Наполеоне, Директории, Консульстве, Империи и восшествии Бурбонов» были изданы в Париже в 1829 в 10 томах; рус. пер. – СПб., 1831–1836. *Швейцарцы* служили в охране Людовика XVI. *Лафайет* Мари Жозеф (1757–1834) – в начале Великой французской революции командующий Национальной гвардией. *Марат* Жан Поль (1743–1793), *Робеспьер* Максимильен (1758–1794), *Дантон* Жорж Жак (1759–1794) – деятели Великой французской революции, вожди якобинцев. *Жиронда* – здесь политическая группировка времен Великой французской революции, состоящая преимущественно из представителей буржуазии.

218–221. Термидор. ДГ. В Тг-2 (л. 161 об.–162) и в письме к А.М. Петровой от 19 дек. 1917 – под загл. «Робеспьер». Работа над циклом шла с 25 нояб. по 17 дек. Волошин писал о нем 17 янв. 1918 неизвестной: «Я над ним работал больше всего и чувствую его наименее удовлетворительным. Я слишком хотел сжать его». *Термидор* – одиннадцатый месяц (19/20 июля – 17/18 авг.) французского республиканского календаря в 1793–1805. 9 *термидора* III года Республики (27 июля 1794) произошло падение якобинской диктатуры. Волошин считал этот день «величайшей психологической загадкой революционного безумия» («Революционный Париж». – «Око». СПб., 1906, 8 авг.).

1. «Катрин Тео во власти прорицаний...». *Тео Катрин* (1725–1794) – предсказательница. Рассказ о посещении *Максимильяном* (Робеспьером) ее секты Волошин изложил в статье «Пророки и мстители» (ЛТ–88. С. 204–205). «*Верховный жрец...*» Робеспьер считал себя основателем новой государственной религии – культа «верховного существа», празднество которого состоялось в Париже 8 июня 1794.

2. «Разгар Террора. Зной палит и жжет...». В *Монморанси, где веет тень Руссо...* — В долине Монморанси (близ Парижа) было расположено поместье госпожи д'Эпине Шверетт, прославленное как временная резиденция писателя Жана Жака Руссо (1712–1778).

3. «Париж в бреду. Конвент кипит, как ад...». *Тюрбо* де ла Розьер (1753–1829) — адвокат, депутат Конвента. *Сен-Жюст* Луи (1767–1794) — деятель Великой французской революции, член Комитета общественного спасения. *Леба* Филипп Франсуа Жозеф (1765–1794) — адвокат, член якобинского Комитета общественного спасения. Покончил жизнь самоубийством (застрелился). *Кутон* Жорж Огюст (1755–1794) — адвокат, член Комитета общественного спасения. Из-за болезни ног передвигался в коляске. *Но он Кладет перо*. В статье «Революционный Париж» Волошин писал: «И в то время, когда вся судьба в руках Робеспьера и одна его подпись под воззванием к народу может сделать его снова господином положения, он, написав первые буквы своего имени, отстраняет бумагу». *Последний путь свершает Робеспьер*. Робеспьер и двадцать его сподвижников были гильотинированы утром 28 июля 1794; перед казнью их долго возили по улицам под оскорбления толпы.

4. «Уж фурии танцуют карманьолу...». *Карманьола* (от названия итальянского города в Пьемонте) — французская народная революционная песня-пляска; впервые прозвучала на улицах Парижа 10 авг. 1792 после взятия Тюильри.

III. ПУТИ РОССИИ

Послереволюционные стихи принесли Волошину признание и популярность: они широко публиковались в различных журналах и альманахах, исполнялись с эстрады, распространялись в виде листовок, переписывались от руки (как в одном, так и в другом стане). «Мне говорили, что при большевиках в Харькове не было ни одного литературного вечера или концерта, где бы не читались “Брестский мир”, “Бонапарт” и “Св. Русь”», — писал Волошин 28 авг. 1919 Л.А. Недоброво. Уже 6 дек. 1917 Ю.Л. Оболенская так отозвалась о новых стихотворениях Волошина: «Совсем новые слова опять появились у Вас, и ритмы неожиданные, и хорошо, что именно для России». Сам Волошин в «Автобиографии» отрицал свое «перерождение как поэта»: «Я подошел к русским, современным и историческим, темам с тем же самым методом творчества, что и к темам лирического первого периода моего творчества. Идеи мои остались те же. Разница только в палитре, которая изменилась соответственно те-

мам и, может быть, большей осознанности формы» (Воспоминания. С. 39).

***222. Предвестия.** «Русь». 1905, 14 авг. -- Стих. -- ДГ. Авторская дата является элементом текста; стихотворение написано в Париже 20 июня 1905 (дата, вариант — в Тг-1, л. 42). Авт. маш. — под загл. «Предвестия. 9 января 1905 года» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 107, л. 1). 1 июля (18 июня) 1905 Волошин сообщал А.М. Петровой, что написал это стихотворение «несколько недель тому назад», под впечатлением того, что ему «пришлось увидеть, услышать и перечувствовать в январе в Петербурге». Волошин приехал в Петербург из Москвы утром 9 янв. 1905, был свидетелем Кровавого воскресенья — и описал его в статье, появившейся на французском языке в парижском еженедельнике «L'Europeen Souvenir» 11 фев. (29 янв.) 1905. 19 (6) июня 1905 Волошин записал в дневнике, что вел с А.Р. Минцловой «разговоры о мистических предвестиях Великой революции». Анализ стихотворения см.: Менделевич. С. 125—137.

Немезида — богиня возмездия в греческой мифологии. *Умей читать условные черты.* Здесь аналогия со словами Иисуса Христа: «Лицемеры! Различать лице неба вы умеете, а знамений времени не можете?» (Матфей. XVI, 3). *Иды* — день полнолуния у древних римлян. 15 марта 44 до н. э. (в *Мартовские Иды*) был убит Юлий Цезарь. *Гудели в храмах медные щиты.* Двенадцать щитов хранились в храме основателя Рима Ромула со времен Нумы Помпилия (715—673 до н.э.). *Скиния* — походный храм древних евреев: шатер, разделенный внутри завесой на «святилище» и «святая святых». В момент смерти Христа эта завеса в Иерусалимском храме сама собой разодралась надвое (Матфей. XXVII, 51). *Трепещет смутный мир.* В этот момент произошло также землетрясение. *Бронзовый гигант* — памятник Петру I в Петербурге, «Медный Всадник». *Солнце гневное явило лик тройне.* В статье «Кровавая неделя в Санкт-Петербурге» Волошин отмечал: «В этот момент я увидел на небе три солнца — явление, которое наблюдается в сильные холода...» (Путник по вселенным. С. 91). В статье «Три солнца Максимилиана Волошина» С.А. Алимов отмечает, что «в Гидрометеоцентре не удалось обнаружить подтверждения факта наблюдения трех солнц» в этот день; не заметили их и другие очевидцы Кровавого воскресенья (включая А.Белого). (Сб. «М.А. Волошин — поэт и мыслитель». Смф.: Крымский архив, 2000. С. 118). *Уж занавес дрожит перед началом драмы.* Схожий образ находим в стихотворении Волошина «Ужасный век! Ужасные явления!», написанном 20 сент. 1893: «Грядущего приподнялась завеса... *Пентаграмма* — пятиконечная

звезда, древний магический знак (символ тайны и совершенства); см. также коммент. 93.

223. Ангел мщения. «Двадцатый век». 1906, 29 июня. -- «Красное знамя». Париж, 1906, № 1. -- «В борьбе». СПб., 1906. Вып. 3. -- Стих. -- Иверни. -- ДГ. -- Изборник. -- Рус. поэзия XX. Сообщая текст стихотворения в письме М.В. Сабашниковой от 15 (2) марта 1906 как написанный «сегодня», Волошин подчеркивал: «Мне очень хочется, чтобы эти слова прочли многие. Только боюсь, что все увидят в этом не надвигающийся ужас, а призыв к анархии, — такое впечатление оно произвело на Бальмонта».

Я камни закляну и т. д. Талмудическая реминисценция: на месте убийства пророка Захарии триста лет кипела кровь, требуя отмщения; понадобилось убить несколько сотен тысяч, чтобы кровь застыла (Талмуд, Гиттин, 57 б). «*Знаки Рыб*». Зодиакальный знак рыб: три сплетенные рыбы, образующие треугольник, — распространенный мотив средневековой архитектуры, олицетворение смерти и тьмы. По Волошину — «символ тайного отмщения». «*Завет мой — Справедливость!*» Уже в янв. 1907 П.Б. Струве отмечал точность этой характеристики революционного сознания: «В этой “справедливости”, перед которой “нет пощады” врагу, т. е. несогласно мыслящему, схваченной психической сущности многих явлений русской революции, накопившей внутри себя такой огромный капитал иррационального недоверия и озлобления» («Из размышлений о русской революции» — «Русская мысль». 1907, № 1. Отд. II. С. 129—130). *Им сын заколет мать*. Ср. в Евангелии: «Восстанут дети на родителей и умертвят их» (Матфей. X, 21). *Принявший меч погибнет от меча*. Ср.: «Взявшие меч — мечом погибнут» (Матфей. XXVI, 52).

***224. Москва.** «Слову — свобода!». 1917, 10 дек., под загл. «Март». -- ДГ. Автограф — в Тг-2 (л. 182 об.) под загл. «12 марта 1917», вариант загл.: «Март 1917», помета под текстом: «Март 1917. Москва (закончено 20 ноября 1917 в Коктебеле)»; вариант. Толчок к написанию стихотворения дали Волошину его наблюдения в Москве 12 марта 1917, о которых он вспоминал в статье «Революция, проверенная поэзией» (1919): «Москва переживала революционную идиллию. Принято было говорить о “бескровной революции”. Был назначен парад в честь торжества Революции на Красной площади. Я был там. Две вещи обратили внимание: плакаты с лозунгом “Без аннексий и контрибуций” — иностранные слова, впервые появившиеся в тот день, и слепцы, пришедшие в этот день в Москву (раньше их не пускала по-

лиция). Слепцы стояли у Лобного Места и на папертях и пели старинные песни: “Стих об Алексее человеке Божиим”, “Стих о Голубиной Книге”. От этого заунывного пения разверзались незапамятные горизонты души, проваливался революционный парад, и оставались только красные лоскуты знамен и кокард, точно пятна крови, проступившей из-под исторических камней, напитанных ею, да глухой шорох надвигающейся толпы <...>. В этот день революция впервые осозналась роковой и кровавой» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 338).

Рогозинский Владимир Александрович (1882–1951) – инженер и архитектор. У него на квартире Волошин жил в Москве зимой 1916/1917. *У церкви Покрова*. Покровский собор, что на Рву, иначе – храм Василия Блаженного (1555–1560).

***225. Петроград.** Листовка, выпущенная, по-видимому, крымским Освагом (Осведомительным агентством, или отделом пропаганды денкинской армии). – - ДГ. Подзаголовок в корректурном листе: «(1915–1917)» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 99, л. 8). Вариант – автограф в Тт-2 (л. 158 об.). Посылая стихотворение А.М. Петровой 9 дек. 1917, Волошин подчеркивал: «Именно это опозоренное имя в отличие от Петербурга» (ср. стихотворение и коммент. 330).

Эфрон Сергей Яковлевич (1893–1941) – муж М.И. Цветаевой, литератор. В нояб. 1917 находился в Коктебеле, в отпуске из армии. *Они вошли в свиное стадо*. Эпизод из Евангелия об исцелении Иисусом Христом бесноватого (Матфей. VIII, 28–32; Марк. V, 2–14; Лука. VIII, 26–39).

***226. Трихины.** ДГ. Первоначальная редакция – в Тт-2 (л. 159 об.) дата: 10 дек. 1917, здесь вариант загл.: «Появились [какие-то] новые трихины...», «Достоевский». Вариант – авт. маш. 1 (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 106, л. 2 об., под загл. «Появились новые трихины...»), авт. маш. 2 (там же, ед. хр. 99, л. 9).

Эпиграф – из «Преступления и наказания» Ф.М. Достоевского (см. коммент. 203). *Мор, голод и война*. Ср. в пророчестве св. Иоанна о «коне блед»: «Дана ему власть <...> умерщвлять мечом и голодом, и мором, и зверями земными» (Откр. VI, 8) – образ, восходящий к Книге пророка Иеремии (XXVII, 8). За *всех во всем пред всеми виноват* – неточная цитата из «Братьев Карамазовых» (*Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы*. – Полн. собр. соч. Л.: Наука, 1976. Т. 14. С. 270). В этих словах Волошин видел «величайший порыв интуиции сердца» и пояснял в одной из лекций (зимой 1913): «В этом чувстве личной вины без остатка сгорает голод возмездия» («Жестокость в жизни и

ужасы в искусстве». — Сб. «Максимилиан Волошин. Из литературного наследия». СПб.: Алетейя, 1999. Вып. 2. С. 69).

***227. Святая Русь.** «Слову — свобода!». 1917, 10 дек. - - ДГ. Печ. текст (листочка) с подзаголовком, вписанным Волошиным: «(1917-ый год)» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 99, л. 35). Вариант — автограф в Тт-2 (л. 155 об. — 156). Одно из наиболее популярных стихотворений Волошина пореволюционной поры. В письме к Б.А. Леману от 25 нояб. 1919 поэт выражал удовлетворение тем, что «Святую Русь» «распространяют большевики и запрещают местные исправники». В письме к Е.П. Орловой от 26 янв. 1918 Волошин отмечал: «В “Св. Руси” есть и ирония (в имени), но надо видеть сущность народа сквозь текущее».

Об *А.М. Петровой* см. коммент. к разделу «Звезда Полынь» (с. 458). 9 дек. 1917 Волошин писал ей: «Я не нахожу, чтобы между “Миром” и “Св. Русью” было противоречие: одно обращено к душе России, к духу расы, а другое к государству, к империи: одно к Руси, другое к России. У меня есть вера в Русь, но есть и отношение европейца к Российскому государству». *Плотник-Царь* — Петр I Великий. *Соловьиный посвист*. Подразумевается былинный Соловей-разбойник. *Враг шенгал*. Намек на Сатану, в образе Змия прельстившего тайной речью Еву. *Посмею бросить камень...* Казнь путем побивания камнями была принята у древних евреев в библейское время (см.: Второзаконие. XVII, 7). Ср. с ответом Христа «книжникам и фарисеям», которые привели к нему блудницу и спросили, нужно ли побивать ее (следуя закону Моисея) камнями: «Кто из вас без греха, первый брось на нее камень» (Иоанн. VIII, 3—7).

***228. Мир.** «Слову — свобода!». 1917, 10 дек. - - ДГ. Первоначальная редакция — автограф в Тт-2 (л. 156 об.), под загл. «Да здравствует мир!», дата: 23 ноября 1917. Авт. маш. — под загл. «Мир. 19 ноября 1917 года» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 47, л. 4), вариант; авт. маш. — под тем же загл. (там же, ед. хр. 106, л. 3). Стихотворение представляет собой отклик на переговоры советского правительства о сепаратном мире с Германией. 15 нояб. 1917 было объявлено об этом решении, 20 нояб. переговоры начались в Брест-Литовске. 17 нояб. Волошин писал М.В. Сабашниковой: «Для меня, европейца, непремено то, что мы изменили и предали наших союзников, совершили акт, лишаящий нас чести, но этим мы принимаем на себя искупление той лжи, которая породила теперешнюю войну».

Пошли на нас ~ Германцев с запада. Первая публикация стихотворения шокировала «литературные круги» Москвы. 18 дек. 1917 в газ. «Мысль» появилась реплика: «Определенно выраженное поэтом желание увидеть страну “под немцем” является <...> шагом, обнаруживающим большую политическую нетактичность». Волошин же, допуская военную победу Германии над Россией, так представлял ее последствия: «Славянство, которое окажется внутри Германской империи, я думаю, больше сделает для преобразования ее, чем то, которое будет отчаянно и безуспешно, вопреки своему историческому темпераменту, бороться с нею извне. <...> Можно было бы в течение двух-трех поколений подточить и разрядить германский империализм изнутри, тем анархическим христианским зарядом, что заложен в славянстве» (письмо к А.М. Петровой от 15 янв. 1918).

229. Из бездны. ДГ. 19 янв. 1918 Волошин писал Ю.Ф. Львовой: «Несмотря на все угрожающие беды, у меня почему-то настроение радостное и почти ликующее. См. стихотворение “Из бездны”».

Из бездны — от библейского «Из бездны взываю к Тебе, Господи» (Пс. СХХІХ, 1), часто обозначаемого начальными словами латинского текста «De profundis». *Новинский* Александр Александрович (1878—1960) — капитан третьего ранга, начальник Феодосийского торгового порта при белых; Волошин познакомился с ним летом 1916. *Полночные вздулись воды.* Имеется в виду захват власти красногвардейцами и матросами в Петрограде, произошедший в ночь с 24 на 25 окт. 1917. *Имперский столп* — колонна Александра I на Дворцовой площади. *Ах, в самом косном и темном Пленен мировой дух!* Мысль французского философа Леона Блуа (наст. имя Мари Жозеф Каэн Маршнуар; 1846—1917), не раз повторявшаяся Волошиным: «Душа каждого — будь это идиот или негр — неизмеримо драгоценнее всех мыслимых сокровищ» (Тт-2, л. 107).

***230. Демоны глухонемые.** Сб. «Весенний салон поэтов». М.: Зёрна, 1918. - - ДГ. Вариант — автограф в Тт-2 (л. 165). Загл. восходит к стихотворению Ф.И. Тютчева «Ночное небо так угрюмо...» (1830): «Одни зарницы огневые, Воспламеняясь чередой, Как демоны глухонемые, Ведут беседу меж собой». Это четверостишие является эпиграфом к тексту ДГ в целом. 30 дек. 1917, посылая стихотворение А.М. Петровой, Волошин писал: «Ведь Демон <...> не непременно бес — это среднее между Богом и человеком: в этом смысле ангелы — демоны и олимпийские боги — тоже демоны. В земной манифеста-

ции демон может быть как человеком, так и явлением. И в той, и в другой форме глухонемота является неизбежным признаком посланничества, как Вы видите и по эпитафье из Исайи. Они ведь только уста, через которые вещает Св. Дух. Они только знак, который сам себя прочесть не может, хотя иногда сознает, что он знак».

231. Русь глухонемая. ДГ. Автограф в Тт-2 — под загл. «Глухонемая Русь», эпитафья: «“Дух немой и глухой! Повелеваю тебе — выйди!”». Марк. IX, 25» (л. 166); авт. маш. — под загл. «Русь одержимая», тот же эпитафья (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 106, л. 6). За основу стихотворения взят евангельский эпизод (см. коммент. 225), использованный и Ф.М. Достоевским в эпитафье к роману «Бесы». Комментируя стихотворение в РР, Волошин писал: «Большевизм нельзя победить одной силой оружия, от бесноватости нельзя исцелиться путем хирургическим. <...> Раздавленный силой, он будет принимать только новые формы, вспыхивать в новом месте и с новой силой».

Куёт постами меч молитв... Подобную миссию Волошин в годы Гражданской войны принимал и на себя лично. 1 марта 1918 он писал А.М. Петровой: «Наступает момент, когда ничего нельзя делать <...>, а можно только молиться за Россию». 13 нояб. 1919 в письме к А.К. Герцык поэт повторил: «Внутренняя же <моя> жизнь — это непрекращающаяся молитва о России»...

***232. Родина.** «Ялтинский голос». 1918, 17 нояб. - - ДГ. Первоначальное загл. — «Мать» (автограф в Тт-2, л. 184; авт. маш. — ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 111, л. 6). Эпитафья — неточная цитата из Книги пророка Исайи (XLVII, 15); в первоисточнике: «Каждый побрел в свою сторону; никто не спасает тебя». Начиная с 1910, Волошин гадал в ночь под Новый год, — несколько раз открывая наугад книгу (обычно Библию) и записывая «выпавшие» слова в «творческой тетради».

Правда Славии. 9 дек. 1917 Волошин писал А.М. Петровой: «Знаменательно имя “славяне”. Для Запада оно звучит, как имя рабов (esclavi). Раб и славянин по латыни — синонимы, и для Германии Россия “славянский навоз”. Но внутренний смысл Славянства, то, что оно тайно несет в себе — это Слава, Слово: Право Славии». Здесь — влияние идей не только славянофилов, но и Р. Штейнера; еще 19 (6) июня 1905 Волошин записал в дневник его слова: «У Славянской расы есть особые силы. Она четвертая мировая раса и из нее должна выйти шестая».

233. Преосуществление. ДГ.

Преосуществление (христ.) — превращение хлеба и вина в истинное тело и кровь Иисуса Христа во время таинства причастия. *Богословский* — см. преамбулу к коммент. 67–80. «*Postquam devastationem XL aut amplius dies Roma fuit ita disolata, ut nemo ibi hominum, nisi bestiae morarentur*». *Marcellini Commentarii* (лат.). «После разрушения 40 или более дней Рим оставался настолько опустошенным, что из людей никто в нем не задерживался, но только звери». Комментарии Марцеллина. Взято из книги римского историка *Аммиана Марцеллина* (ок. 330–ок. 400), в многотомном труде «Деяния» описавшего события от правления императора Нерона до 378 (до нас дошли книги 14–31). О замысле стихотворения Волошин писал 4 янв. 1918 Р.М. Хин-Гольдовской: «Теперь я читаю перед сном Грегоровиуса “История города Рима в средние века” <...>. Вычитал там один факт, до сих пор мне неизвестный и глубоко меня поразивший: в истории Рима был такой момент (он длился 40 дней), когда во всем Риме не было ни одного живого человека — только дикие звери. Он еще не был тогда разрушен. Это было в 6-м веке. Затем он снова стал населяться. Такие черты очень говорят сердцу в наши дни». (Указанный труд Ф. Грегоровиуса в трех томах (СПб., 1903–1904) сохранился в ДМБ.) В лекции РР Волошин комментировал: «Эти сорок дней безлюдья и запустения отделяют императорский Рим от Рима папского, который постепенно вырастает из развалин и вновь поднимается до мирового владычества, на этот раз духовного. Избрание Патриарха в октябрьские дни в Москве, когда окончательно были смыты и унесены последние остатки царской власти, невольно приводило сознание к этой исторической аналогии». «*Акты Остготских королей*» — сочинение готского историка VI в. Иордана (в некоторых сочинениях именуемого епископом) «О происхождении и деянии гетов». *Соракта* — гора в Этрурии, в 40 км от Рима. *Тотила* — остготский король (541–552): при нем была истреблена значительная часть римского населения; оставшиеся жители были выведены из города и размещены по тюрьмам Кампаний. «*Священный Путь*» — *Via Sacra*, улица на римском Форуме, ведущая на Капитолий, обычный путь римских триумфов. *Орлиная разжалась лапа*. Орел был символом римской власти. *Принял папа державу*. Концом Западной Римской империи считается 476 год, когда предводитель одного из отрядов германских наемников на римской службе Одоакр (варвар из племени ругиев, по др. данным, из племен скиров) сверг последнего римского императора Ромула Августула. Первым папой, сосредоточившим в своих руках не только церковную, но и светскую власть, стал Григорий I Великий (ок. 540–604,

папа — с 590). *Так семя, дабы прорасти, Должно истлеть.* Реминисценция слов Христа: «Если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» (Иоанн. XII, 24).

***234. Европа.** ДГ, под загл. «Ангел времен». — «Современные записки». Париж, 1921, № 4. Автограф в Тт-2 (л. 171 об.—172) — вариант; варианты загл.: «Славия», «Ангел времен говорит». Авт. маш. — вариант, дата: «25 апр. 1918. Коктебель» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 111, л. 7). О замысле стихотворения Волошин писал А.М. Петровой 26 янв. 1918: «Меня сейчас мучит и волнует один образ, который не знаю, удастся ли выявить в стихах: очень он труден и опасен по теме. Посмотрите на карту Европы: Константинополь с системой проливов и Мраморным морем — это материнские органы Европы. И это не только внешне, но и внутренне: Византия в свое тысячелетнее царство была сосредоточием всех нервных — страстных — волокон — похотником Европы. Греция и Рим — они невинны — они до сознания пола, которое приходит только с христианством. Только в четырнадцатом веке, когда мужская сила Ислама насильственно овладевает Константинополем, Европа становится женщиной и зачинает. Ее плод, еще не выношенный, но созревающий и уже вызывающий родовые схватки — Россия. Родиться для мировой своей роли она сможет только через проливы». От работы над стихотворением Волошин отвлекали «внешние события»; 10 мая он писал А.М. Петровой, что «Европу» «уже много переделывал», но не чувствует ее «законченной».

Рюмина Варвара Леонидовна жила в Коктебеле в 1917—1918. *Блудницею, сидящую на звере.* Образ из Апокалипсиса (Откр. XVII, 1—6), символ Вавилона (располагавшегося на каналах — «реках вавилонских»). *На водах многих.* Библейский образ (см. Псалтирь. СXLIII, 7). *Девушкой, лежащей на быке,* т. е. Европой (греч. миф.), дочь финикийского царя, похищенной Зевсом, превратившимся в быка. *Пчельный рой у чресел Афродиты* — см. коммент. 128. *Раскинул острова Архипелаг* — см. коммент. 94. *Влумины* — ямины, впадины, лунки. *Бычий Ход* — пролив Босфор. *Махмут-завоеватель* — Мехмед II Фатих (1430—1481), турецкий султан (1451—1481), в 1453 завоевал Константинополь, Македонию, Фракию, положив конец Византийской империи. *Русь — третий Рим.* Имеется в виду теория старца Филофея (XVI в.) «о Москве как о третьем Риме» (после Рима и Константинополя), хранителе правдой христианской веры. *Неистовый Хирург* — Петр I. *Славия воссветится из непра!* В РР Волошин заметил: «Мне представляется возможным образование Славии — славянской юж-

ной империи, в которую, вероятно, будут втянуты и балканские государства, и области южной России. <...> Славия будет тяготеть к Константинополю и проливам и стремиться занять место Византийской империи».

235. Написание о царях московских. Стих-77. Черновые наброски и автограф в Тт-3 имеют также второе загл. — «Запись о смутных» (л. 4, 41 об.—42 об.). Первый опыт Волошина в переложении в стихи произведения древнерусской литературы. Работа начата в февр. 1919 в Одессе, закончена 5 сент. (23 авг.) 1919 в Коктебеле (Тт-3). За основу «Написания» взята последняя глава книги «Написание вкратце о царях московских, о образех их и о возрасте и о нравех», автором которой считается князь Иван Михайлович *Катырев-Ростовский* (ок. 1580—1640 или 1641), приближенный царя Михаила Федоровича. К «галерее» И.М. Катырева-Ростовского Волошин добавил еще два собственных портрета — Марины Мнишек и Федора-Филарета. По мнению А.В. Лаврова, «опыт освоения древнерусского литературного и языкового материала имел большое значение» для Волошина «для осмысления современности в исторической перспективе» (*Лавров А. Жизнь и поэзия Максимилиана Волошина. — Волошин М. Стихотворения и поэмы.* СПб., 1995. С. 61). По словам А.С. Яценко, «самый стих его приобрел необычайную силу и часто словно вычеканен древнерусским мастером из дорогого металла» («Русская поэзия за последние три года». — «Русская книга». Б., 1921, № 3. С. 16). Текстологическое сопоставление произведений Волошина и И.М. Катырева-Ростовского провела О.Ф. Коновалова (Труды отдела древнерусской литературы [ИРЛИ]. Л.: Наука, 1979. [Т.] XXXIII: Древнерусские литературные памятники. С. 380—384).

Царь Иван — Иван IV Грозный (1530—1584), великий князь московский и «всея Руси» с 1533, первый русский царь с 1547, из династии Рюриковичей. *Поклятый* — гнутый, крючковатый. *Федор* — Федор Иванович (1557—1598), последний царь (с 1584) из династии Рюриковичей; сын Ивана IV и Анастасии Романовны Захарьиной-Юрьевой. *Царь Борис* — Борис Годунов (ок. 1552—1605), царь с 1598; брат жены Федора Ивановича и фактический правитель государства при нем. *Срачица* (церк.) — сорочка. *Царевич Федор* — Федор Борисович (1589—1605), царь в апр.-мае 1605, сын Бориса Годунова. *Крин* — лилия. Ср.: Матфей. VI, 28; Лука. XII, 27. *Пустотное* — суетное, мало-важное. *Царевна Ксения* — Ксения Борисовна Годунова (в монашестве Ольга; ?—1622). *Бровьми союза* — со сросшимися бровями. *Чредима* —

порядочна, ладна. *Зелная* (от зело) — особая. *Расстрига* — Лжедмитрий I (казнен в 1606), предположительно Юрий Богданович (в монашестве Григорий) Отрепьев (род. 1580), русский царь с 1605. *Тавлея* — шашки или шахматы. *Марина Мнишек* (ок. 1588 — ок. 1614), русская царица (1606), дочь польского магната; жена Лжедмитрия I, а затем и Лжедмитрия II. *Царь Василий* — Василий IV Шуйский (1552—1612), царь в 1606—1610. *Федор* — Федор Никитич Романов (ок. 1554—1633, в монашестве Филарет), боярин, отец царя Михаила Федоровича; патриарх (в 1608—1610 и с 1619).

236. Dmetrius-Imperator. ДГ. В РР Волошин отмечал: «Наравне с Разиновщиной, еще более жуткой загадкой ближайшего, может быть завтрашнего дня, вставала Самозванщина на фоне Смутного времени. Мне показалась заманчивой и благодарной идея написать все Смутное время, как деяния одного и того же лица, много раз убиваемого, но неизбежно воскресающего, неистребимого, умножающегося». Историю Смутного времени Волошин изучал по работам В.О. Ключевского, Н.И. Костомарова, П.О. Пирлинга, С.Ф. Платонова. 15 янв. 1918 он писал А.М. Петровой: «Мне, может, удастся выявить после и лики русских демонов, не только бесов. Пока у меня единый русский демон — “Дмитрий-Император”. Он уже историческое выявление демонизма, в свое время распыленного тоже между тысячами бесов (“имя ему — легион”). Ведь Дмитрий вполне реален — так именно он должен был представляться тем его современникам, которые шли последовательно за всеми самозванцами». В авт. маш. имеется помета Волошина, объясняющая даты, вынесенные в заголовок стихотворения: «1591 — убийство Дмитрия в Угличе; 1613 — казнь сына Дмитрия в Москве».

Царевич *Дмитрий* (1581—1591) — сын Ивана Грозного, погиб 15 мая 1591. Его смерть послужила началом Смутного времени. *Imperator*. Лжедмитрий I называл себя императором, чтобы подчеркнуть свою ориентацию на Европу, где императоров короновал Папа Римский. М.С. Альтман записал в своем дневнике (1929) такое мнение Волошина о том, кем был Самозванец: «Я думаю, — подлинным сыном Иоанна, стоит посмотреть на его портрет: такое сходство. И он был ставленником Романовых. Вообще все самозванцы с Смутного времени — это путь к власти бояр Романовых» (Воспоминания. С. 587). *Оболенская* Юлия Леонидовна (1889—1945) — художница, приятельница Волошина с 1913. *Голод был*. Три года подряд (1601—1603) были неурожайными, и на Руси начался страшный голод. *Межа* — разного

рода мякоть: картофельные выжимки, получающиеся при выделке муки, молодая кора. *Мерзли у набитых закровов*. Скорее всего, опечатка в не вычитывавшихся Волошиным изданиях: по смыслу надо «мерли». *Вышел я*. 15 авг. 1604 Лжедмитрий I с войском двинулся на Москву. *Пасолницы* – побочные солнца, явление атмосферного отражения. *На московском венчаный престоле*. Лжедмитрий I венчался на царство 21 июля 1605, приняв титул императора. Брак его с *Маринной* Мнишек был заключен 8 мая 1606 в Москве. *Сопель* – дудка (из бузиновой палочки, ивовой коры). *Пепл собрали* и т. д. Лжедмитрий I был убит заговорщиками в ночь на 17 мая 1606, тело его было сожжено, прахом выстрелили из пушки в сторону Польши. В 1607 на сцену выступил самозванец Лжедмитрий II, ставленник польской и литовской шляхты. ...*тогда меня уж стало много*. После гибели Лжедмитрия I объявлялось около двух десятков самозванцев. *Царь Василий, не стыдась позора* и т. д. Василий Шуйский при Лжедмитрии I признавал в нем царевича Дмитрия, но, став царем после гибели Самозванца, приказал перевезти тело царевича из Углича в Москву. Вдовствующая царица Мария Федоровна Нагая (?–1612), также признававшая Лжедмитрия своим сыном, тоже затем отреклась от него. *Тушино* – село под Москвой, где находился военный лагерь Лжедмитрия II. Марина Мнишек тайно обвенчалась с ним в 1608. *Умерщвлен татарами и жмудью...* Лжедмитрий II был убит 11 декабря 1610 братьями Урусовыми, мстившими ему за убийство бывшего касимовского царя. *Жмудь* – древнелитовское племя из низовий Немана. *Воскрешала новых мертвецов*. Весной 1611 объявился Лжедмитрий III, называвшийся также Сидоркой и «псковским вором». Арестован летом 1612 и казнен. *Яик* – название реки Урал до 1775. ...*младенца ∩ казнили казнию последней*. Сын Марины Мнишек Ивашка, родившийся в 1611, был удушен в июне 1614.

*237. *Стенькин суд*. ДГ. - - Рус. поэзия XX. Вариант – автограф в Тт-2 (л. 164–165). 25 дек. 1917, посылая стихотворение А.М. Петровой, Волошин писал ей: «Тема ультрасовременная. Мне хотелось Св<ятой> Руси противопоставить Русь грешную и окаянную. Сейчас начинается настоящий Стенькин Суд. Самозванчество, разбойничество... вот основные элементы всякой русской смуты». «Мой замысел был – дать только психологическую картину исконного русского мятежа и связать ее, не намекая на это, с современностью», – пояснял он 1 февр. 1918 Ю.Л. Оболенской. В РР Волошин рассказывал о возникновении замысла стихотворения: «Когда в октябре 17-го года

с русской Революции спала интеллигентская идеологическая шелуха и обнаружился ее подлинный лик, то сразу начало выявляться ее сродство с народными движениями давно отжитых эпох русской истории. <...> Прежде всего проступили черты Разиновщины и Пугачевщины и вспомнилось старое волжское предание, по которому Разин не умер, но, подобно Фридриху Барбароссе, заключен внутри горы и ждет знака, когда ему вновь “судить русскую землю”. Иногда его встречают на берегу Каспийского моря, и тогда он расспрашивает: продолжают ли его предавать анафеме, не начали ли уже в церквах зажигать сальные свечки вместо восковых, не появились ли уже на Волге и на Дону “самолётки и самоплавки”? Эти вопросы, столь напоминающие совершавшееся теперь, и самая идея Страшного Суда, вершавшегося над Русской землей темными и мстительными силами, раздавленными русской государственностью и запечатанными в гробах церковной анафемой, внушили мне поэму “Стенькин суд”.

Кедров Николай Николаевич (1871–1940) – певец, профессор Петроградской консерватории, жил у Волошиных в Коктебеле в 1916 и 1917. *Море Хвалынское* – старое название Каспийского моря. *Шихан* – крутой холм. *От змия горынского*. В неоконченной статье «Как Стенька Разин придет русскую землю судить» Волошин пересказывает «народное сказание», по которому сердце Стеньки в горе «с восхода до заката» сосет «великий змей» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 325). *Гребенская*. Гребенские казаки (гребенцы) произошли от донских, из числа живших в XVI в. у Гребенских гор на реке Акташ; затем переселились на Терек. *Сарынь* – толпа, ватага. *Струг* – плоскодонное гребное судно. Василий Родионович *Ус* (ум. 1671), руководитель казачьего восстания в 1666, и Федор *Шелудяк* (ум. 1672) – сподвижники С.Т. Разина. *В священных цепях* – по-видимому, в смысле: в освященных (для предотвращения колдовства). *Мне к чему царевать да насиловать* – цитата из «прелестных писем» (прокламаций) С.Т. Разина. *Пугач* – Емельян Иванович *Пугачев* (1740 или 1742–1775), донской казак, предводитель казацко-крестьянской войны в 1774–1775.

238. Китеж. «Объединение». Одесса. 1920, № 5. - «Родная земля». Нью-Йорк, 1921. Сб. 2. Печатный текст – с пометой рукой Волошина: «(1919 г. Во время наступления Деникина на Орел)» – ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 99, л. 43. Волошин считал «Китеж» самым значительным «из написанного летом» 1919 (письмо к Е.И. Васильевой от 25 нояб. 1919). На машинописи стихотворения, посланной А.М. Петровой, приписка Волошина: «Александра Михайловна, эти стихи о

“граде Китеже” написаны по вашему заказу. Мах» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 114, л. 2). Н.Я. Рыкова вспоминала, что «Китеж» и «Дикое Поле» производили на слушателей «потрясающее впечатление» и воспринимались «как пророчество» (Воспоминания. С. 513).

1. *Пал* — пламя, огонь. *Огнищане*. По «Русской Правде» (XIII в.) имя огнищан носил высший служилый класс, приравненный к «княжим мужам». *Сергиев* (имеется в виду монастырь) — Троице-Сергиева лавра, знаменитая русская обитель, основанная Сергием Радонежским около 1335. *Оптина* пустынь — Введенская-Макариева мужская пустынь в Калужской губернии, основанная, по преданию, бывшим разбойником Оптою (в иночестве Макарий) в XIV в. *Саров* — Саровская мужская пустынь в Тамбовской губернии, основанная в XVII в.; место подвижничества св. Серафима Саровского. *На поток* — на расхищение, на грабеж. *Светлояр* — озеро, образовавшееся на месте града Китежа, по легенде ушедшего под землю во время нашествия Батыя.

2. *Дети Калиты* — Симеон, Иван, Андрей, продолжавшие политику отца, Ивана Калиты. *Правёж* — взыскивание долга с истязаниями. *Темный* — прозвище Василия II Васильевича (1415—1462), великого князя московского (с 1425), подвергнувшегося ослеплению. *Изветчик* — клеветник. *Зарезанный младенец* — царевич Дмитрий (см. коммент. 236). *Отродье Кошки и Кобылы*. Андрей Иванович Кобыла (ум. до 1351) — боярин времен Ивана Калиты, родоначальник дома Романовых. Федор Андреевич Кошка (ум. не ранее 1393) — боярин, младший из пяти сыновей А.И.Кобылы. Оба они — прямые предки царского дома Романовых. *Пожарский* Дмитрий Михайлович (1578—1642), князь, в 1613—1618 руководил военными действиями против польских интервентов. *Своих пяти императриц*. Имеются в виду: Екатерина I Алексеевна, Анна Иоанновна, Анна Леопольдовна, Елизавета Петровна и Екатерина II. *В смеси кровей Голштинской с Вюртембергской*. Петр III (Карл Петр Ульрих), император в 1761—1762, был сыном герцога Карла Фридриха Шлезвиг-Гольштейн-Готторпского и Анны, дочери Петра I; сын Петра III Павел I был женат на Софье Вюртембергской (Марии Федоровне) и имел от нее 10 детей, в числе которых — императоры Александр I и Николай I. *И вырвались со свистом из-под трона*. В единственном источнике текста — ДГ — вместо принятого в наст. издании «свистом» стоит «свитой». Из контекста следует, что это несомненная опечатка. *Мазена* Иван Степанович (1644—1709), гетман Левобережной Украины (1687—1708).

3. *Ярая свеча* — из ярого (белого и чистого) воска. *Вья* — шея.

*239. **Дикое Поле.** Однодневная газ. «На борьбу с голодом». Феодосия. 1922, 1 янв., под загл. «Скифское поле», с искажениями текста. - - «Южный альманах». Смф., 1922, № 1. - - Альм. «Наши дни». М., 1922, № 1. - - Альм. «Трилистник». М., 1922, № 1. - - «Русская мысль». Прага, 1922. № 1/2. О первой публикации Волошин писал матери 15 февр. 1922: «Стихи появились с примечанием: “Редакция сочла нужным переделать стихи Волошина <...>” Переделка такова: опущены все строфы, где упоминались имена русских царей, это “монархизм”, а последние строки <...> переделаны: “Эх, пропьем до конца нашу волю И скуемся в единую цепь”. Это “революция”». Авт. маш. - с посвящением рукой Волошина: «Посв. атаману Махно» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 108, л. 5-5 об.). Весной 1919 в Феодосии Волошин встречался с одним из махновских атаманов, батькой Иваном (сообщено А.И. Цветаевой).

1. *Припонтийское Дикое Поле* - причерноморская степь. *Туга* - печаль, горе. *Индевела* - покрывалась инеем. *Равенские ворота.* Имеется в виду итальянский город Равенна, в начале V в. - резиденция императора Гонория. *Всадников и лошадей.* Ср. с выражением в очерке П. де Сен-Виктора «Аттила» в переводе Волошина: «В несколько дней обе Германии и Галлия исчезают под водоворотами лошадей и всадников» (в его кн.: «Боги и люди». М., 1914. С. 112). *Обры* - славянское летописное название авар. «Погибоша, аки обри» - выражение из «Повести временных лет» (в смысле: исчезли без следа). *Улусы* - феодальные уделы кочевых племен.

2. Аристотель *Фиоравенти* (Фьоравенти, ок. 1420 - ок. 1486) - итальянский инженер и архитектор. *Московские Иоанны.* Здесь речь может идти только об Иване Грозном. *Ермак* (наст. имя Василий Тимофеевич Алёнин, ок. 1540-1584 или 1585) - казачий атаман, предводитель похода в Сибирь. *Никола Угодник* - Николай Чудотворец (IV в.), архиепископ Мирликийский, христианский святой, считавшийся покровителем воинов и моряков. *Егорий* - Георгий Победоносец (?- ок. 303), покровитель в военных делах, а также в земледелии и скотоводстве. В русском фольклоре Егорий, во время одного из своих путешествий, уговорил стадо волков разойтись и не нападать на людей.

3. *Печерских церквей.* Помимо Киево-Печерской лавры может иметься в виду Псковский Печорский монастырь.

*240. **На вокзале.** «Помощь». Смф., 1922, № 1. - - Альм. «Трилистник». М., 1922. № 1, под загл. «1919 год». Вариант - автограф в Тт-3 (л. 35 об.). Стихотворение отразило впечатления Волошина от

многочисленных поездок в 1918–1919 по Крыму и южной России. Начало работы над стихотворением – апр. 1919; тема была сформулирована так: «Сон. (Вокзалы III класса). Причастие сна. Исступленность поз. Корчащиеся. Заключенные в кокон. Неродившиеся. В утробе сна. Единство сознания России» (Тт-3). Артист К.Н.Кедров, декламировавший стихи Волошина в Морском собрании Севастополя 2 нояб. 1919, сообщал автору, что «после чтения “На вокзале” был такой взрыв аплодисментов, что жутко даже стало».

241. Русская революция. «Таврический голос». Смф., 1919, 18 (31) авг., под загл. «Революция». – «Новый журнал». Нью-Йорк, 1954, № 34. Вариант загл. в Тт-3: «Социальная революция», «Стигматы», «Наша революция», «Революция» (л. 19, 20, 20 об.). Волошин писал: «В русской революции, прежде всего, поражает ее нелепость, социальная революция, претендующая на всемирное значение, раздражается <...> в стране, где нет ни капитализма, ни рабочего класса. Потому что нельзя же считать капиталистическую страну <...>, торговый оборот которой мог бы свободно уместиться, даже в годы расцвета ее промышленности, в кармане любого американского миллиардера» (РР). В «Автобиографии» Волошин отмечал, что стихотворение «было названо лучшей характеристикой революции двумя идейными вождями противоположных лагерей (имена их умолчу)» (Воспоминания. С. 33). Один из этих вождей – В.М. Пуришкевич, монархист, член Государственной Думы; Волошин встретился с ним 28 июня 1919, по пути из Керчи в Новороссийск, и читал ему «всю серию <...> последних стихов о Революции», причем Пуришкевич «пришел в полный восторг» (История моей души. С. 334–335). Установить имя второго «вождя» позволяет письмо Волошина к М.С. Цетлиной от 18 (5) апр. 1920: «Мне передавали: несколько месяцев тому назад в “Правде” была статья Троцкого обо мне, где он называл меня самым крупным из современных поэтов». «В момент высшего напряжения гражданской войны, когда вся Россия не могла столкнуться ни в чем», Волошину, по мнению автора статьи, удалось «найти такие слова, которые одинаково затрагивали и белых, и красных, и именно в определении сущности русской революции» (История моей души. С. 334).

Наш «пролетарий» – голытьба. В России перед Первой мировой войной насчитывалось приблизительно сто миллионов крестьян и только 2–3 миллиона рабочих (причем треть из них составляли сезонные работники из крестьян). *Не нам ли суждено изжить.* Волошин объяснял свою точку зрения: «Россия – социально наиболее здо-

ровая из европейских стран — совершает в настоящее время жертвенный подвиг, принимая на себя примерное заболевание социальной революцией, чтобы, переболев ею, выработать иммунитет и предотвратить смертельный кризис болезни в Европе» (РР). *Пусть дом наш пуст.* Намек на пророчество Иисуса Христа о гибели Иерусалима за грехи его жителей: «Се, оставляется дом ваш пуст» (Матфей. XXIII, 38). *Но да не минет эта чаша.* Парафраз молитвы Иисуса в Гефсиманском саду (Матфей. XXVI, 39). *Святой Франциск* — см. коммент. 269. *Стигматы* — см. коммент. 59—65 (4). Волошин писал: «Россия в лице своей революционной интеллигенции с такой полнотой религиозного чувства созерцала социальные язвы и будущую революцию Европы, что, сама не будучи распята, приняла своею плотью стигмы социальной революции» (РР).

***242. Русь гулящая.** Лит. приложение к газ. «Накануне». Б., 1923, 18 февр. — «Россия». 1924, № 2. — Книга для чтения. Автограф (Тт-3, л. 113 об.), авт. маш. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 106, л. 11—11 об.; ед. хр. 108, л. 12) — вариант, под загл. «Русь», с посвящением М.С. Заболоцкой, эпиграф: «“В Россию можно только верить”. Ф. Тютчев». Заболоцкая Мария Степановна (1887—1976) — вторая жена Волошина (фактически с 1922, официально с 1927). «Она стала самым мне близким человеком и другом... — писал Волошин М.В. Сабашниковой 24 февр. 1923. — Ее любовь для меня величайшее счастье и радость». Стихотворение подверглось нападкам в «Крокодиле» (*Писака*. Литературная лоханка. — 1924, № 16) и в журн. «Печать и революция» (*Лежнев А.* Заметки о журналах. — 1924, № 6. С. 126).

Русь гулящая. Э.С. Менделевич видит здесь связь с библейским сюжетом о женщине, любимой мужем, но прелюбодействующей (Осия. III, 1), — символизирующей любовь Бога к своему народу. *Шлѣндить* — шляться без дела, бродить от безделья. *О младенцах, засоленных впрок.* Речь идет о голоде 1922 в Крыму; 30 апр. 1922 Волошин писал Вересаеву: «Теперь мы в периоде убийств и засолки впрок матерью своих детей». В июне 1922 феодосийская газ. «Рабочий» привела официальные цифры смертности от голода в Крыму: в нояб. 1921 — 8 тысяч человек, в янв. 1922 — 10, в марте — 19, в апр. — 13 тысяч. Общее число погибших, по данным газ. «Красный Крым» (25 окт. 1922), составило 90 тысяч человек (около 12 тысяч — крымского населения). См. также: *Вересаев В.* В Крыму. — «Московский понедельник». 1922, 12 июня). *Просияет правда твоя!* По воспоминаниям Н.Д. Жуковского, Волошин в конце 1920-х говорил его брату Дании-

лу, что всё плохо и идет к худшему; когда тот напомнил об оптимистических концовках его стихов («Русь глухонемая», «Из бездны», «Русь гуляющая») — Волошин пояснил: «Когда я пишу стихи, я заклиная»... (Запись 1 мая 1978).

***243. Благословение.** ВРХД. 1977, № 120. Вариант — автограф в Тт-3 (л. 121 об. — 122), авт. маш. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 108, л. 10—11; ед. хр. 112, л. 3 об.). К.И. Чуковский в письме к Волошину от 5 мая 1924 выделял в этом стихотворении «антитезу целей и следствий в русской истории».

Виска — орудие пытки.

244. Неопалимая Купина. «Таврический голос». Смф., 1919, 15 (28) авг. — «Руль». Б, 1920, 9 дек. — «Вершины». Екатеринослав. 1920, № 1. — «Родная земля». Нью-Йорк, 1921. Сб. 2. Автограф — с датой и пометой: «1919. Апрель. Одесса» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 101, л. 10 об.). Волошин писал: «Особая предназначенность России подтверждается также той охраняющей силой, которая бдит над нею в самые тяжелые эпохи ее истории и спасает ее, вопреки ее собственным намерениям и устремлениям. Лишь только чужеземная рука касается ее жизненных средоточий, немедленно рождается неожиданный ответный удар, который редко исходит из сознательной воли самого народа, а является разрядом каких-то стихийных, охраняющих ее сил. Татары, поляки, Карл XII, Наполеон — все в свое время испытывали его. Последней испытала его Германия» (РР).

Неопалимая Купина (библ.) — горящий, но не сгорающий куст, из которого Бог вещал Моисею (Исход. III, 2); в православии этот образ сливался с образом Богородицы. См. также коммент. 154. *В эпоху бегства французов из Одессы.* 4 апр. 1919 Волошин пометил в Тт-3: «Суматоха. Общее бегство». 6 апр. французские войска покинули Одессу, куда в тот же день вошли части Красной Армии (под командой атамана Н.А. Григорьева). *Каждый, коснувшийся дерзкой рукою...* Намек на библейский эпизод об некоем Озе, который прикоснулся к ковчегу Божию и был за это поражен Господом (2-я книга Царств. VI, 6—7). *Карл под Полтавой.* Имеется в виду Полтавская битва (1709) между войсками шведского короля Карла XII и российского императора Петра I. *В Германии русское вече.* Речь идет о революции в нояб. 1918 в Германии (с провозглашением в Баварии советской республики). *Не суйся, товарищ!* Восстание французских моряков в 1919 стало причиной ухода кораблей интервентов от Одессы. *Святой Серафим*

(в миру Прохор Мошнин; 1759–1833) — иеромонах Саровского монастыря (см. коммент. 238), прославился как великий подвижник; канонизирован в 1903. Сохранилась запись голоса Волошина, читающего это стихотворение, сделанная С.И.Бернштейном в Ленинграде 20 апр. 1924 (грампластинка «Голоса, зазвучавшие вновь». М., <1977>).

IV

***245. Протопоп Аввакум.** «Родная земля». Киев, 1918, № 1. - - ДГ. Автограф — в Тт-2 (л. 172 об.—183), вариант, помета под текстом: «19 мая 1918 г. Коктебель. Воскресенье. 8 ч. утра. Начато в апреле на Страстной». Волошин использовал не только «Житие протопопа Аввакума» (между 1672—1675), но и его «Книгу бесед», послания и челобитные царю. Собственные переживания Волошина периода Гражданской войны также входили в поэму составным элементом. Впервые о замысле поэмы Волошин писал А.М. Петровой 25 дек. 1917, а 30 дек. сообщал, что «“Аввакум” <...> пока застрял». 25 февр. 1918 он делился с Ю.Л. Оболенской трудностями работы: «Записки Аввакума так великолены, что хочется закрепить их целиком, и руки опускаются. Не могу найти подходящего ритма: раз уже написал почти половину, но теперь хочется все сызнова написать». В начале мая Волошин сообщал А.М. Петровой: «Пишу все время “Аввакума”. Очень длинная вещь получается. <...> Хочется очень самому стусшеваться, предоставив речи самому Аввакуму <...>. Хочется не упустить ни одного ценного его слова и потому потерян пока в мелочах». 10 мая Волошин жаловался ей же, что работа «идет туго», но 18 мая 1918 поэма все-таки была завершена. После чтения Волошиным «Аввакума» 18 (5) апр. 1919 Бунину, тот записал: «Справился с ним хорошо, фигура написана выпукло. Техника стиха превосходна» («Устами Буниных». Франкфурт-на-Майне, 1977. Т. 1. С. 234).

Поэма посвящена живописцу Василию Ивановичу Сурикову (1848—1916), автору картины «Боярыня Морозова» (1887), центральной фигурой которой является Ф.П. Морозова, духовная дочь протопопа Аввакума. Вскоре после кончины В.И. Сурикова Волошин написал о нем монографию, опубликованную при жизни автора лишь во фрагментах («Речь». 1916, 17 июня; «Аполлон». 1916, № 6/7). Книжное издание: *Максимилиан Волошин. Суриков / Публ., вступ. статья и коммент. В.Н. Петрова. Л.: Художник РСФСР, 1985.*

1. *Силы небесными кругами...* Согласно библейской мифологии, ангелы делятся на три иерархии: высшая — Серафимы, Херувимы,

Престолы, средняя — Господства, Силы, Власти, низшая — Начала, Архангелы, Ангелы.

2. *За Кудмою-рекой*. Кудма — правый приток Волги. *Во попы поставлен*. Аввакум был рукоположен в священники в 1644. *Дондеже* — до тех пор, пока. *Понеже* — так как, поскольку. *Щегла* — мачта.

3. *Хари* — маски. *Паки* — опять, снова. *Боярин Шереметьев*, или Шереметев, Василий Петрович (ум. 1659). Отправился из Москвы на воеводство в Казань летом 1648. *Образ блудоносный*. Мода брить бороду пришла на Русь с Запада в XVI в. и имела тогда эротический привкус, соотносясь с мужеложеством. *А мати — некрещеного младенца*. Аввакум женился семнадцати лет на дочери кузнеца Настасье Марковне (1624—?). В 1648 они вынуждены были бежать из села Лопатицы от преследования местных властей в Москву с новорожденным ребенком. *В те поры Никон*. Патриарх Никон (в миру Никита Минов, 1605—1681) начал проведение церковных реформ (поправка икон и богослужебных книг по греческим и древнеславянским образцам, введение троеперстия и изменений в обряде богослужения, что вызвало яростное сопротивление раскольников) весной 1653. *Приспе* — настало.

4. *Взяли меня от всенощной*. Аввакум был арестован в сент. 1653 за выступления против Никона. *К Андронью* — т. е. в московский Андроньев (Спасов) монастырь. *Сослать меня в Сибирь с женою и детьми*. В Сибирь Аввакум был отправлен около 17 сент. 1653. В то время у него было три сына и дочь.

5. *Пашков* Афанасий Филиппович (ум. 1664) — енисейский воевода, в авг. 1655 получил приказ отправиться в Даурию (старинное название местности за Байкалом) для покорения лежащих по Амуру земель. *Тунгуска* — Большая, или Верхняя, Тунгуска, приток Енисея, вытекает из озера Байкал. *Долгий* — порог на Ангаре. *Сице* — так. *Расноп* — поп-расстрига, лишенный сана. *Беть* — поперечная скрепа балок. *Под капелью* — под дождем.

6. *Нерча* — приток реки Шилки.

7. *У Пашковой снохи* — боярыни Евдокии Кирилловны.

8. *Мунгальское царство* — Монголия. *Сами иноземцы*. С Еремеем в поход шли 72 казака и 20 иноземных наемников.

9. *В Москву мне ехать*. Аввакум выехал из Сибири в июне 1662, прибыл в Москву весной 1664 (т. е. ехал не три года, а около двух). *Повалуша* — спальня. *Зайцы великие*. Имеется в виду «морской заяц», нерпа байкальская. В ДГ опечатка: «заиды великие». Исправлено по соответствующему месту «Жития протопопа Аввакума» (по Прииши-

никовскому списку): «Вода пресная, а нерпы великия в нем и зайцы» (М., 1960. С. 326). *Паче* — тем более, лучше.

10. *Государь* — Алексей Михайлович (1629—1676), царь с 1645. *Мурманка*, мурмолка — шапка. *Царица* — Марья Ильинична (урожд. Милославская, 1625—1669). *Ртищев* Федор Михайлович (1626—1673) — государственный и общественный деятель, приближенный царя Алексея Михайловича. *Морозова* Федосья Прокофьевна (урожд. Соковнина, 1632—1675) — боярыня, последовательница Аввакума.

11. *В тонцем сне*. Тонкий сон — нечто среднее между сновидением и видением.

12. *В Даурех мученой*. Аввакум был в ссылке в Забайкалье, у русских называвшемся тогда Даурия. *Лутари*, *Гусяти* и *Колвинцы* — то есть лютеране, гуситы и кальвинисты. *Галлия*, *Парис* — Франция, Париж. В *училище Соборном* — в Сорбонне. *Вертоград* — сад. *Арсен* — Арсений Грек (?— после 1666), церковный деятель, в России с 1649. По поручению Никона руководил исправлением богослужебных книг. *Су* — частица при обращении. *Любодейный* — блудный. *Романея* — виноградное вино высокого качества. *Вем* — ведаю, знаю. *Докука* — просьба, ходатайство. *Кирие-элейсон* — «Господи, помилуй» (*греч.*). Молитва на греческом языке, после реформы Никона вошедшая в канон службы Русской православной церкви.

13. *Пырскать* — брызгать слюной, блевать, нападать. *В соборном храме стригли*. Аввакум был расстрижен в Успенском соборе 13 мая 1666. *На суд Вселенских Патриархов*. Патриархи, заседавшие на церковном соборе, судившем Аввакума 17 июля 1667, — Макарий III Антиохийский (патриарх с 1648), Паисий Александрийский и Иосаф II Московский (?—1672, патриарх с 1667). «*Мы ведь — уроды...*» Искаженная цитата из Первого послания апостола Павла к коринфянам (IV, 10).

14. *Княгиня Урусова* — Евдокия Прокофьевна (урожд. Соковнина, ?—1675), княгиня, старообрядка, сестра Ф.П.Морозовой. После заключения в тюрьму ее развели с мужем, князем П.С.Урусовым. Сослана с сестрой в Боровск в 1673. *Уэтой сына уморили*. Сын Морозовой, Иван Глебович, стольник, заболел с горя от разлуки с матерью. Умер в 1671 или 1672. *Ликоваться* (церк.) — целоваться, здоровствуя друг друга, прикладываясь щекой к щеке. *С Федором*. Юродивый Федор, духовный сын Аввакума, был повешен в Мезени в марте 1670. *Афанасьюшка*. Афанасий, в иночестве Авраамий, был преданным учеником Аввакума, автором нескольких сочинений. Сожжен в Москве на Болоте весной 1672. *Хованский* Иван Андреевич, князь

(ум. 1682) — приверженец старообрядчества, в 1682 во время московского восстания руководил Стрелецким приказом. После подавления стрелецкого мятежа казнен 17 сент. 1682. К тому времени Аввакума уже не было в живых, так что здесь Волошин допускает отступление от исторической достоверности. *Как Исаяю*. Исаяя — дворовый человек боярина Петра Салтыкова. *Иван и Прокофий* — сыновья Аввакума. *Лазарь* (ум. 1682) — священник из города Романова-Борисоглебска (ныне Тутаев Ярославской обл.), один из видных деятелей раннего старообрядчества. Сожжен в Пустозерске. *Старец Епифаний* — инок Соловецкого монастыря. Ему и Лазарю языки были «резаны легко» 27 авг. 1667. См. также текст и коммент. 295.

15. *Сослани в Пустозерье*. В Пустозерск Аввакум был отправлен в конце авг. 1667, прибыл туда 12 дек. *Под землю закопали*. Аввакум был брошен в земляную тюрьму 14 апр. 1670. *Да если б Богу угодно было* ∞ *Что воск, в единую минуту*. Мысль Леона Блуа (см. коммент. 229), любимая Волошиным и отсутствующая у Аввакума. 4 окт. 1917 Волошин цитировал ее в письме к А.М. Петровой: «Если бы по божественному соизволению мы смогли увидеть человеческую душу такой, как она есть, то мы погибли бы в то же мгновение, как если бы были брошены в пылающий горн вулкана». Интересно, что сходная мысль возникла еще у Волошина-гимназиста: в стихотворении «Памяти Тургенева», написанном 18 октября 1893 г., он формулировал: «Ты выучил нас уважать человека В несчастнейшем нищем и в жалком рабе». *А вывели казнить*. Аввакум и его союзники поп Лазарь, инок Епифаний и дьякон Федор были сожжены на костре 14 апр. 1682.

V. ЛИЧИНЫ

Цикл стихов под этим заголовком Волошин задумал в апр. 1919 в Одессе; в это время в Тт-3 были зафиксированы такие его темы: «Монархист, Террорист, Матрос, Большевик, Царь, Налетчик, Доброволец, Распутин». 25 сент. 1919 Волошин писал Ю.Л. Сазоновой: «Мне хочется стать гораздо ближе к реальности и закрепить в стихах ряд масок революции, которые потом исчезнут. Мне хочется дать стихам историческую документальность преходящего». В ответ на критику Ю.Л. Оболенской, определившей «Личины» как «заметки из памятной книжки», Волошин 14 янв. 1923 зашифал цикл: «“Личины” <...> необходимы, как фактическая запись, свидетельство поэта-очевидца, экстракт действительности — со всеми словечками, отмечающими дух эпохи: я отмечал и фиксировал то, что казалось ценным в записях других эпох. Я не думаю равнять личины с

ликами. Но пишу и личины, сознавая их необходимость, потому что ужасно мало документов сохранится от нашего времени, а стихи имеют больше шансов запомниться и как отдельный цикл в большой книге».

***246. Красногвардеец.** «Южное слово». Одесса, 1919, 16 (29) нояб. -- Листовка Освага. Вариант — автограф в Тт-3 (л. 26 об.). Подзаголовок («Тип разложения старой армии») зачеркнут в НК. С прототипами стихотворения Волошин впервые встретился в янв. 1918, когда, пытаясь предотвратить разгром имения Юнге по соседству с Коктебелем, вызвал из Феодосии отряд красногвардейцев. «Мне было очень любопытно беседовать и иметь дело эти дни с красногвардейцами, местными большевиками и погромщиками, — писал он М.В. Сабашниковой 13 янв. — И, в общем, у меня осталось от них благоприятное впечатление. Первоисток всего нашего хаоса это беспредельная, совершенно детская доверчивость и такая же детская вера в возможность немедленного осуществления социалистического рая, а рядом с этим, как основной порок, очень примитивная жадность. Весело смотреть, как им приятно играть в революцию: скакать, распоряжаться, спасать, карать, произносить обращения к народу, стрелять из ружей. <...> Все это сопровождается и настоящим смертоубийством и кровью, но все же не в таком количестве, как могло быть». 1 февр. 1918 поэт рассказывал Ю.Л. Оболенской о дальнейшей судьбе своих знакомых: «На днях узнал, что пятеро из моих “приятелей” красногвардейцев, что приезжали водворять большевистский строй в Коктебеле, расстреляны под Старым Крымом матросами за грабеж и убийства. А они мне обещали приехать позировать... Очень между ними хорош был “старшой” — залихватским юно-петушиным видом, с головой немного набок и набекрень, очень он хорошо в “народном собрании”, прежде чем начать говорить, шелкал — точно бич развертывал — многосложным площадным ругательством». Еще одно сходное впечатление — в письме к А.М. Петровой от 27 февр. 1918: «Приезжали красногвардейцы искать оружия: кто-то распространяет, что у меня почему-то должно быть оружие. Но, к счастью, и они были очень вежливы, сказали: “Мы ведь Вас знаем: Вы художник”».

Стоять за Родзянку в марте. Имеется в виду Михаил Владимирович *Родзянко* (1859—1924), один из лидеров партии октябристов, председатель Государственной Думы (с 1911). В дни Февральской революции 1917 возглавлял Временный комитет Государственной Думы, осуществлявший процедуру отречения от престола Николая II, а за-

тем великого князя Михаила Александровича. *Муравьев* Михаил Артемьевич (1880–1918) — левый эсер, подполковник; с дек. 1917 — начальник штаба Южного революционного фронта, в начале 1918 командовал войсками Одесской советской республики; инициатор мятежа против советской власти в Симбирске в июле 1918. *Горище* — чердак. *Раздельная* — железнодорожная станция под Одессой. *Красный Рог* — село в Черниговской губ. (ныне Брянская обл.). *Петлюра* Симон Васильевич (1879–1926) — один из организаторов Украинской Центральной рады (1918) и Директории (ее глава в 1919). *Григорьев* Никифор Александрович (1878–1919) — бывший штабс-капитан, служил последовательно в войсках Центральной рады, гетмана П.П. Скоропадского, петлюровцев и в Красной армии. В мае 1919 возглавил мятеж против советской власти. *Котов*, *Таранов* — атаманы «повстанческих» соединений в Крыму. В отряд тарановцев — «бывших каторжников, пользовавшихся в Крыму грозной славой», Волошин попал в Ак-Мечети 14 (1) мая 1919 при возвращении из Одессы (Воспоминания. С. 381). *Махно* Нестор Иванович (1888–1934) — анархист-террорист, в 1910 приговорен к повешению, замененному бессрочной каторгой. После окт. 1917 возглавлял на Украине партизанскую армию, попеременно выступавшую то на стороне советской власти, то против нее.

***247. Матрос.** «Таврический голос». Смф., 1919, 4 (17) авг. - - «Южное слово». Одесса. 1919, 16 (29) нояб. - - Листовка Освага. Автограф — с эпиграфом: «“Я своей супруге туалетов на десять тысяч сделал, потому что, когда Революция кончится, нельзя же ей будет так показаться: мы ведь теперь новую буржуазию образовываем”. Из разговора в 1919 году» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 101, л. 1–1 об.); авт. маш. — с эпиграфом: «“Мы теперь новую буржуазию образовываем...” Из матросских разговоров в 1919 году» (там же, ед. хр. 100, л. 5). Вариант — автограф в Тг-3 (л. 23), корректурный лист (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 88, л. 15). Одним из прототипов был, по-видимому, Иван Андреевич Назукин (1892–1920), севастопольский матрос-большевик (подпольная кличка «Ванька-Сыч»), бывший в мае–июне 1919 наркомом просвещения Крымской республики. Арестован белыми в дек. 1919, расстрелян 24 февр. 1920. Стихотворение отметила в очерке «Живое о живом» М.И. Цветаева: «Матрос его — настоящий матрос» (Воспоминания. С. 266).

Кабошон — драгоценный камень, выпукло отшлифованный с одной или с двух сторон. *При Керенском* — то есть в период Времен-

ного правительства, со 2 марта до 25 окт. 1917. *Баткин* Федор Исаакович (? — ок. 1922) — эсер, председатель делегации Черноморского флота в Петрограде в апр. 1917, участник корниловского похода; с 1920 — эмигрант. В 1922 вернулся на Украину и в окт. был арестован в Харькове. Адмирал Александр Васильевич *Колчак* (1873—1920) командовал Черноморским флотом в 1916—1917 (до 7 июня). «Пронзительный» и «Фидониси» — миноносцы, участвовавшие в установлении советской власти в Феодосии 4—5 янв. 1918. *Алиса* — императрица Александра Феодоровна (1872—1918). *Саблин* Михаил Павлович (1880—1920) — вице-адмирал, командующий Черноморским флотом с 22 марта по 2 июня 1918. Отнюдь не «топил», а противодействовал уходу флота из Севастополя в Новороссийск (где часть его была 18 июня 1918 затоплена). *Буржуи ваши живы?* В статье «Молитва о городе» Волошин вспоминал о Феодосии в 1918: «Иногда навещался миноносец из Севастополя <...> и спрашивал: “Что, ваши буржуи до сих пор живы? Вот мы сами с ними управимся”» («Дело». Одесса, 1919, 23 марта). *Инкерманский известняк*. Пригород Севастополя Инкерман расположен среди крутых известняковых скал.

***248. Большевик.** НРС. 1952, 27 янв., под загл. «Председатель». Вариант — авт. маш. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 99, л. 28), автограф в Тт-3 (л. 43).

Барсов (Барзов) Михаил Федорович — портовый грузчик, первый советский комендант Феодосии в янв.-апр. 1918. Арестованный немцами, был освобожден «по ходатайству населения», указавшего, что «в бытность комиссаром приложил все силы, чтобы спасти город от банд», собиравшихся накануне прихода немцев разгромить Феодосию («Южные ведомости». 1919, 1 апр.). Арестован белыми в янв. 1919 и 28 марта 1919 расстрелян в числе двадцати четырех заключенных. *Буржуй здесь мой*. В статье «Молитва о городе» Волошин подтверждал: «Благодаря всему этому Феодосия избегла резни и расстрелов, бывших в Севастополе, в Симферополе, в Ялте» («Дело». 1919, 23 марта).

***249. Феодосия.** СиП-1. Авт. маш. — с подзаголовком «(Весна 1918)» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 99, л. 31—31 об.; ед. хр. 100, л. 5 об.; ед. хр. 108, л. 13—13 об.). Вариант — автограф в Тт-3 (л. 43—43 об.). Написано под впечатлением пребывания в Феодосии в марте-апр. 1918. 15 апр. 1918 Волошин сообщил Ю.Л. Оболенской: «...все Черное море теперь полно транспортами <...>, на которых скитаются и

бегут самые неожиданные племена, народы, расы... Всех судьба гонит преимущественно в Феодосию. Армяне — беженцы из Трапезунта, русские солдаты из Анатолии, армянские ударники с Кавказа, румынские большевики из Константины, остатки Сербского легиона из Одессы. Не Феодосия, а Карфаген времен мятежа наемников...» Этот период описан и в статье «Молитва о городе» (см. коммент. 247).

«*Богом дан*» — перевод греческого названия «Феодосия» (город основан греками-милетцами в VI в. до н. э.). *Турчанок — пятьдесят за пару*. В янв. 1918 через Феодосию шла эвакуация демобилизованных и, в основном, деморализованных частей Кавказского фронта — всего до 80 тысяч человек. «Прибывшие солдаты везли с собой на пароходах разнообразную “добычу” — до молодых турчанок включительно, превращая феодосийский порт в ярмарку» (*Ремпель Л.* Красная гвардия в Крыму. Смф., 1931. С. 73). Об этом сообщала и газ. «Вольный юг» (Севастополь, 1918, 24 янв.). *На том же рынке*. В Средние века Феодосия (тогда — Кафа) была центром работоторговли пленников, захваченных татарами в набегах. *Затравленные пароходы*. После занятия Одессы 14 марта 1918 австро-немецкими войсками в Феодосию начали прибывать беженцы оттуда. Среди них — Совнарком Одессы, организация одесских анархистов, штабы одесской Красной гвардии и т. д. «*Румчерод*» — Центральный исполнительный комитет Советов рабочих, солдатских, матросских и крестьянских депутатов Румынского фронта, Черноморского флота и Одесского военного округа, созданный в мае 1917 на I съезде советов в Одессе. Октябрь встретил враждебно, ликвидирован в апр. 1918. *Политический банкет*. В письме к Ю.Л. Оболенской от 25 февр. — 15 апр. 1918 Волошин рассказывал: «Приходил турецкий транспорт с умирающими от голода русскими пленными. Им устраивали обед: но не русским пленным, а туркам. Говорили речи: “Скажите вашему пролетариату и вашей молодежи... торжество социализма... всемирное счастье... Третий интернационал... да здравствует мир без аннексий...”». *Его Величеству — Султану*. Султаном Османской империи был в тот период Мехмед V Решад (1844—1918), посаженный на трон в 1909 партией младотурок (и подчинявшийся их триумvirату).

*250. *Буржуй*. СиП-1. Вариант — автограф в Тт-3 (л. 38 об.), авт. маш. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 99, л. 29—29 об.; ед. хр. 101, л. 5—5 об.; ед. хр. 111, л. 5—5 об.). Критическое отношение к русской буржуазии, которая не стала, по своей малочисленности, классом, Волошин не раз высказывал в статьях и письмах 1918—1920. «С точки зрения Града Господня и “буржуазия”, и “пролетариат” это — едино, ибо осно-

вано на том же эгоизме и жажде благополучия», — писал он 9 мая 1917 А.М. Петровой. См. также коммент. 251.

Гражданская война дохнула в его уста — подобно тому, как Бог, творя человека, вдунул в него «дыхание жизни» (Бытие. II, 7). *Они повесят сами Максима Горького И расстреляют Блока*. В статье «Соломонов суд» Волошин писал: «Сколько раз мне приходилось слышать в разговорах от “буржуев с военн<ой> психологией”, что необходимо после занятия севера “повесить Горького” и “расстрелять Брюсова и Блока”» («Урал». 1990, № 3. С. 166).

251. Спекулянт. «Южное слово». Одесса, 1919, 30 (17) нояб. - - Альм. «Трилистник». М., 1922, № 1. - - Изборник. Автограф в Тт-3 (л. 37), авт. маш. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 100, л. 5 об.) с датой: 14 августа 1919; автограф (там же, ед. хр. 101, л. 3—4) с пометой: «1919 г. Июль. Коктебель».

У Робина. Кафе-кондитерская в Одессе, на углу Екатерининской и Ланжероновской улиц; основал его промышленник 5 разряда Павел Григорьевич Робин (1852—?). *Жонглировать то совестью, то ситцем*. Свое отношение к коммерсантам подобного рода Волошин высказал и в письме к Ю.Л. Оболенской от 15 апр. 1918, описывая первый приход советской власти в Феодосию: «...истинные буржуи, то есть люди коммерческие и наживающие, держали себя и при этих обстоятельствах крайне отвратительно, из всего извлекая свою выгоду, даже под расстрелом, и не забывая обирать и подводить других даже в эти минуты». *Рождать из тучи град золотых монет* и т. д. Здесь, чтобы подчеркнуть всемогущество спекулянта, Волошин уподобляет его Зевсу.

VI. УСОБИЦА

Высылая этот цикл Т.Д. Цемах, Волошин писал ей 1 марта 1923: «Там есть впечатления террора с обеих сторон». Еще ранее стихи были пересланы в Берлин А.С. Ященко (см.: Русский Берлин: 1921—1923 / Сост. Л. Флейшман, Р. Хьюз, О. Раевская-Хьюз. Paris, 1983. С. 70—72). В сопроводительном письме Волошин отмечал: «Эти стихи лучше, чем всякие письма, дадут понятие, что делалось и что переживалось за эти годы. Они написаны с точностью документов».

***252. Гражданская война.** НРК. 1923, № 2. - - СоТ (с пометой под текстом: «1920 г. При Врангеле. Коктебель»). - - Книга для чтения. Автограф (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 101, л. 12—12 об.), авт. маш.

(там же, ед. хр. 107, л. 5 об.) с датировкой: «Октябрь 1919 г. Коктебель». Вариант — автограф в Тт-3 (л. 61), автограф, авт. маш. 1, авт. маш. 2 (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 105, л. 20—21). Стихотворение, прочитанное Волошиным в Феодосийском литературно-артистическом кружке (ФЛАК) 16 янв. 1920 (при белых), вызвало «овацию всего зала» («Крымская мысль». Феодосия, 1920, 18 янв.).

Кудеяр — легендарный атаман разбойников, герой стихотворения Н.А. Некрасова «О двух великих грешниках» (в составе поэмы «Кому на Руси жить хорошо»). *Молюсь за тех и за других*. Волошин пояснил: «Молитва поэта во время гражданской войны может быть только за тех и за других: когда дети единой матери убивают друг друга, надо быть с матерью, а не с одним из братьев» (РР). См. также коммент. 205.

253. Плавание. «К искусству!». Феодосия, 1919, № 2. - - «Одесский листок». 1919, 20 нояб., под загл. «Путешествие». - - «Сполохи». Б. 1922, № 5. - - «Красный Крым». Смф., 1922, 20 окт. - - Книга для чтения. Описано плавание на шхуне «Казак» из Одессы в Крым, во время которого Волошин переводил стихи А. де Ренье (в частности, «Раковина», «Видение», «Тревога»).

Т.Д. *Цемах* (см. коммент. 161) — спутница Волошина в поездке в Одессу. *А сяди город и т. д.* Описание Одессы в дни первомайских торжеств. *Тебя свидетелем безумий их оставляю*. Слова Христа, обращенные к Савлу (Деян. XXVI, 16).

***254. Бегство.** Альм. «Наши дни». М., 1922, № 1. - - Изборник. Автограф в Тт-3 (л. 27), автограф (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 101, л. 7—8), авт. маш. (там же, ед. хр. 111, л. 3) — первоначальное загл. «Плавание». Посвящение раскрыто в Тт-3: «Посв. товарищам по шкуне “Казак” Малишевскому <так!>, Врублевскому, Борисову, Парфену и Григорию». Первые трое — матросы, сотрудники одесской ЧК; Парфен и Григорий — экипаж «Казака». Вариант посвящения: «Посв. матросам Малышевскому, Врублевскому и Борисову — спутникам на шкуне “Казак”» (автограф; подзаголовок: «(Одесса — Ак-Мечеть, май 1919 года)»). Автограф в Тт-3, авт. маш. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 100, л. 5) с подзаголовком: «10—15 мая 1919. Одесса — Евпатория». Согласно записной книжке Волошина 1919, Врублевского звали Терентий Гаврилович (адрес: Нежинская, 64), Малышевского — Владимир Николаевич (Польский спуск), третьим же матросом вписан не Борисов, а Власов (Французский бульвар 11, кв. 2; в адресной же книжке поэта Власов — именно с этим адресом — поименован Нико-

лаем Константиновичем). Устроил Волошина на шхуну «Казак» контр-адмирал А.В.Немитц, в тот период – начальник штаба Южной группы войск Красной армии.

Березань – необитаемый остров к западу от Очакова, при входе в Днепровский лиман; место расстрела лейтенанта П.П. Шмидта. *Очаков* – городок на берегу Днепровского лимана, морской порт. Шхуна подошла сюда 12 мая в 11 часов. *Тендрова коса* – низменный песчаный остров к юго-востоку от Одессы, около 65 км длиной. «Казак» проходил ее 13 мая. *Кинбурн* – песчаная коса между Днепровско-Бугским и Ягорлыцким лиманами, длиной около 40 км. Остатки турецкой крепости. Здесь, у Покровского хутора, «Казак» был 11 мая. *Господствовал французский флот*. 6 мая 1919 газ. «Знамя борьбы» (Одесса) сообщала, что французский миноносец «Л» «несет сторожевую службу и останавливает парусные дубки, проверяя на них груз». *Я – буржуа изобразжал*. «Мы были остановлены; к нам на борт сошел французский офицер и спросил переводчика. Я выступил в качестве такового и рекомендовался “буржуем”, бегущим из Одессы от большевиков. Очень быстро мы столкнулись. Общие знакомые в Париже и т. д. Нас пропустили. “А здорово вы, товарищ Волошин, буржуа представляете”, – сказали мне после обрадованные матросы, которые вовсе не ждали, что всё сойдет так быстро и легко» (Воспоминания. С. 380). *Ак-Мечеть* – поселок на Тарханкутском полуострове западного Крыма (ныне Черноморское), в 64 км к северо-западу от Евпатории. *И вашей ругани полет!* «Мои матросы, перепуганные <...> огнем пулеметов <...>, – вспоминал Волошин, – ответили малым загибом Петра Великого. <...> Это факт не единичный: сколько я слышал рассказов о том, как людям, которых вели на расстрел, удавалось “стругаться”...» (Воспоминания. С. 381). *Поместья Воронцовых*. Имеются в виду имения Евпаторийского уезда Беляус (Воронцовский) и Елизаветовка, еще в 1917 принадлежавшие княгине Елизавете Андреевне Воронцовой (?–1924, Висбаден).

*255. *Северовосток*. НРК. 1923, № 2. - - СоТ. Начало работы – 26 июня, затем 7 и 9 июля 1920. Окончательный вариант, 31 июля, имеет помету: «Во время болезни и бессонных ночей и северовостока» (Тт-3, л. 81 об.). Первоначальная редакция – черновой автограф (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 61, л. 2). В СоТ – помета под текстом: «1920 г. Перед приходом советской власти в Крым. Коктебель».

Да будет благословен приход твой ☺ И не мне останавливать тебя. Слова св. Лу, архиепископа Турского, обращенные к Аттиле. Лу (ок. 383–478) – епископ города Труа (а не Тура). Его обращение к Аттиле при-

ведено в книге П. де Сен-Виктора «Боги и люди», переведенной Волошиным (М.: М. и С. Сабашниковы, 1914. С. 113). Близ Труа, на Каталаунских Полях, объединенное войско римлян и вестготов разбито в 451 армию гуннов под предводительством *Аттилы* (?–453). *Малюта* — прозвище Григория Лукьяновича Скуратова-Бельского (?–1573), думного дворянина, главы опричного террора при Иване Грозном. *Машкера* (устар.) — маска. *Тайная* разыскных дел *Канцелярия* учреждена в Петербурге в 1731, в 1718 была создана по делу царевича Алексея, сына Петра I. *Военные поселения* с палочной дисциплиной и жестким распорядком жизни вводились графом Алексеем Андреевичем *Аракчеевым* (1769–1834). *Фаланстер* — в учении французского утопического социалиста Ш.Фурье — огромный дворец, в котором должны жить, а отчасти и работать члены трудовой общины (фаланги). *Жутких Гатчин*. Гатчина — город в 45 км от Петербурга, в 1783 был подарен Екатериной II сыну Павлу. Как его резиденция, Гатчина стала местом военных парадов, рассадником муштры и царского самодурства. *Неистовых хирургов*. Имеется в виду Петр I (см. стихотворение «Европа» и поэму «Россия»). *Ни Астрахань, ни Яик*. Яик — река Урал. Имеется в виду резня, учиненная в этих местах С.Т. Разиным.

256. Бойня. НРК. 1923, № 2. - - СоТ. В Тт-3 (л. 88) — подзаголовок: «(1920). Феодосия. Январь. Декабрь». 15 нояб. 1920 в Феодосию вступили полки 30-й Сибирской дивизии, на другой день была объявлена регистрация офицеров и военных чиновников, с обещанием амнистии. Однако в начале дек. 30-ю дивизию сменила 9-я Ударная, начавшая повальные аресты бывших офицеров, помещиков, духовенства. По словам очевидцев, «в течение полутора месяцев еженощно выводилось на Чумную гору у карантина и мыс св. Ильи по 300–400 душ, расстреливаемых из пулеметов и пачками <...>. Единицам удалось бежать и укрыться на чердаках, в норах, в сараях <...>. Трупы казненных зарывались небрежно, и утром собаки растаскивали куски мяса <...>. Общее число пострадавших — не менее 700–800» («Руль». Б., 1921, 4 окт.). И.А. Бунин негодовал по поводу этого стихотворения: «Кем надо быть, чтобы бряцать об этом на лире, превращать это в литературу, литературно-мистически закатывать по этому поводу под лоб очи?» («Последние новости». Париж, 1932, 8 сент.). Однако перед этим он сам рассказывает о феодосийских расстрелах словами стихотворения Волошина «Террор» (там же).

Чумная, или *Чумка*, — холм за стенами феодосийского Карантина, место захоронения жертв чумной эпидемии в 1348 г. *Карантин* —

территория, где содержались (в течение 40 дней), для предотвращения массовых инфекций, возвращавшиеся из путешествия в Мекку паломники-мусульмане; находился в стенах средневековой генуэзской цитадели. *Часовня Ильи-пророка* — на мысе св. Ильи, к югу от Феодосии. Ныне не существует.

***257. Террор.** НРК. 1923, № 2. - - СоТ. Вариант — автограф в Тт-3 (л. 83). Волошин уехал в Симферополь 24 янв. 1921, чтобы скрыться в большом городе: его пребывание в маленькой Феодосии становилось опасным для него. Однако и в Симферополе, где правил Бела Кун, обещавший очистить Крым от «контрреволюционеров» к приезду Л.Д. Троцкого, и аресты шли безостановочно, создание такого рода стихотворений было смертельно опасным. Описаны феодосийские расстрелы, о которых Волошин знал как очевидец: в дек. 1920 — янв. 1921 он жил в доме И.К. Айвазовского (в квартире П.Н. Лампси, уехавшего за границу), где размещалась ЧК. 15 июля 1922 в письме к К.В. Кандаурову поэт утверждал: «За первую зиму было расстреляно 96 тыс. — на 800 тысяч всего населения, т. е. через восьмого. Если опустить крестьянское население, не пострадавшее, то городского в Крыму 300 тыс. Т. е. расстреливали через второго. А если оставить только интеллигенцию, то окажется, что расстреливали двух из трех».

258. Красная Пасха. «Красный Крым». Смф., 1921, 30 апр., под загл. «La Semaine Sanglante <“Кровавая неделя”, фр.>: (К 50-летию гибели Парижской коммуны 21–28 мая 1871 г.)» и с таким «маскировочным» примечанием: «“Кровавой неделей коммуны” зовут в Париже те дни, когда версальцы вершили свою расправу над побежденными. До сих пор парижские рабочие ежегодно устраивают во второй половине мая демонстрацию у той стены на кладбище Пер-Лашез, где легло 30 тысяч расстрелянных коммунаров. Пятьдесят лет назад дни католической Пасхи падали тоже на май месяц». - - НРК. 1923, № 2, под загл. «Красная весна». — СоТ, под тем же загл. Автограф с тем же загл. и примечанием, что и в первой публикации, — ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 61, л. 5–5 об. Вариант загл.: «Кровавая зима (Страстная зима)» (автограф в Тт-3, л. 83), «Кровавая Пасха» (авт. маш. — ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 112, л. 1; автограф — там же, ед. хр. 61, л. 4–4 об., с подзаголовком: «К 1-му Мая 1921»). В 1921 Пасха пришла на 1 мая. Стихотворение является откликом на последствия террора и начало голода в Крыму (достигшего апогея летом и осенью 1921).

Зимою вдоль дорог и т. д. Протокол совещания ветврачей Феодосийского уезда 3 февр. 1921 отмечал, что «санитарное состояние города ужасное — трупы павших после Врангеля лошадей до сих пор местами еще не убраны» (ГАКО). *Стучали пулеметы*. В тексте, опубликованном в газ. «Красный Крым», было: «стучали митральезы». *Весна пришла*. Н.Я.Рыкова вспоминает: «Весна была худая: сперва долго стоял холод, потом сразу наступила сухая жара» (Воспоминания. С. 512). *А души вырванных Насильственно из жизни ~ Безумили живых могильным хмелем*. В статье «Коринфское чудо» («Молодая жизнь». 1906, 18 дек.) Волошин писал: «В Индии существует убеждение в том, что смертная казнь не пресекает воли осужденного вместе с его существованием. Казнь, обрывая нить жизни того, в ком жила сила ненависти, освобождает эту силу. Тогда ненависть убитого парит над сердцами его близких и, найдя благоприятную почву, встает тысячами молодых и сильных побегов». *Христос не воскресал*. В христианстве воскресение Иисуса Христа считалось залогом всех надежд на лучшее; апостол Павел писал: «А если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша» (1 Кор. XV, 14).

259. Терминология. НРК. 1923, № 2. - - СоТ.

Духонин Николай Николаевич (1876—1917) — генерал-лейтенант, последний начальник Генерального штаба царской армии. Был убит солдатами за отказ выполнять распоряжения Совета. Выражение «К Духонину в штаб» обозначало расстрел. *Правду выпытывали*. Некоторые сведения о пытках Волошин получил, в частности, от председателя одесской ЧК Северного (Б.С. Юзефовича), — о котором записал в сент. 1919: «Он был в отряде подрывателей. Только что вырвался из застенка. Его пытали. Ему вгоняли щепочки под ногти, ему подпаливали пальцы на огне. Ему читали приговор, ставили к стенке, стреляли поверх головы и вели на допрос» (Тт-3, л. 90).

***260. Голод.** СиП-1. Вариант — авт. маш. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 112, л. 3). Замысел стихотворения относится к июлю 1921, работа шла в июне и дек. 1922. Стихотворение было передано через В.В. Вересаева в «Красную новь», и редактор журнала А.К. Воронский собирался его опубликовать в 1923, как «самое сильное и яркое, что было написано на эту тему» (письмо к Волошину б. д.). Однако цензура не пропустила стихотворение. Описание голода в Крыму (в основном — по письмам к нему Волошина) дал в газ. «Московский понедельник» (1922, 12 июня) В.В. Вересаев.

Хлеб от земли. Волошин имел в виду пословицу: «Недород от земли, голод — от людей». *Угличские отроки.* Намек на царевича Дмитрия (см. коммент. 236), в горсти которого после убийства будто бы остались орешки. «*Сама родила — сама и съем*». Такой эпизод Волошин сообщал в письме к матери от 25 апр. 1922 и в письме В.В. Вересаеву от 30 апр. 1922. Э.С. Менделевич указывает на библейскую аналогию — в «Книге Плач Иеремии» (II, 20).

***261. На дне преисподней.** НРК. 1923, № 2. - - СоТ (с пометой под текстом: «Ноябрь 1921. Феодосия, в больнице»). - - Книга для чтения. Первоначально стихотворение называлось: «1921», «Anno Domini 1921» (Тт-3, л. 95—96 об.); в этой редакции было опубликовано в лит. приложении к газ. «Накануне» (Б., 1922, 13 авг.); затем было разделено на два стихотворения: данное и следующее (№ 262). Первоначальная редакция — автограф, под загл. «1921 г.», с эпиграфом и датой: «5 января 1922» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 61, л. 8—8 об., 9); вариант — автограф (там же, л. 10, под загл. «А. Д. 1921»). Тема произведения возникла еще у В.К. Кюхельбекера (стихотворение «Участь русских поэтов», 1845). А.А. Блок умер 7 авг. 1921, Н.С. Гумилев расстрелян 24 авг. 1921.

Лазарь — человек, воскрешенный Иисусом Христом на четвертый день после погребения (Иоанн. XI). Сохранилась запись чтения Волошиным этого стихотворения, сделанная на фонографе (см. коммент. 244).

262. Готовность. Альм. «Свиток». 1922, № 2. - - НРК. 1923, № 2. - - СоТ (с датой и пометой: «Ноябрь 1921. Феодосия»). Еще 17 нояб. 1917 Волошин писал М.В. Сабашниковой: «Я лично готов ко всему. Мне почему-то уже много лет назад начала мерещиться такая эпоха, и я с первого же момента революции знал, что это начинается. <... > Но разве может быть что-нибудь страшно, если весь свой мир несешь в себе? Когда смерть является наименее страшным из возможных несчастий?»

Сергей Николаевич *Дурылин* (1877—1954) — филолог, религиозный писатель, театровед, искусствовед. *Апокалиптическому Зверю.* Апокалипсис дает образ чудовищного зверя с семью головами, которому «поклонятся все живущие на земле» (Откр. XIII, 1—8). Этот образ символизирует греховность и злобу, которые будут царствовать в мире накануне Страшного Суда.

263. Потомкам. НРК. 1923, № 2. - - СоТ (помета при дате: «Дорога между Симферополем и Феодосией»). Автограф в Тт-3 (л. 83 об.), авт. маш. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 100, л. 3) с эпиграфом: «“Блажен, кто посетил сей мир В его минуты роковые”». Тютчев». (Неточная цитата из стихотворения «Цицерон», 1830).

Илиада – эпическое древнегреческое произведение, приписываемое Гомеру (VIII в. до н. э.). *Трус* – землетрясение. *Стал человек – один другому – дьявол*. Антитеза изречению «Человек человеку – волк» римского драматурга Плавта (комедия «Ослы»). *Мы выучились верить и молиться За палачей*. 25 мая 1923 Волошин писал Е.Я. Эфрон: «Времена террора провел все время лицом к лицу с истребителями, живя с ними в одной квартире. Тут-то я понял всю силу молитвы, когда молишься не за жертву, а за палачей, как она на глазах может преобразовать человека». В воспоминаниях о Н.А. Марксе Волошин пояснял: «Потому что из двух персонажей – убийцы и жертвы в наибольшей опасности (моральной) находится именно палач, а совсем не жертва». (История моей души. С. 333) *Где каждая частица вещества С другою слита жертвенной любовью*. В набросках статьи «Демократизация искусства» Волошин формулировал: «Как в настоящую эпоху каждый, исследуя мир, от мельчайшего его проявления воспринимает мудрость, но совершенно лишенную любви, лишенную, с нашей точки зрения, морального двигателя, так человечество будущей вселенной, которое будет жить во вселенной, созданной нами, будет воспринимать в каждом проявлении его не мудрость, а любовь» («Кодры». 1989, № 12. С. 143). Ср. в стихотворении Ф.И. Тютчева «Два единства» (1870): «“Единство, – возвестил оракул наших дней, – Быть может спаяно железом лишь и кровью...” Но мы попробуем спаять его любовью, – А там увидим, что прочней...».

VII. ВОЗНОШЕНИЯ

***264. Посев.** Лит. приложение к газ. «Накануне». Б., 1923, 20 янв. Автограф в Тт-3 (л. 52 об.–53; вариант), авт. маш. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 99, л. 48–48 об.; ед. хр. 115, л. 2 об.–3) – под загл. «Молитва». *Руда – кровь. Скорожена – взборонена*.

265. Заклинание. Альм. «Свиток». 1922, № 2. - - НРК. 1923, № 2, под загл. «Заклятие». - - СоТ, под тем же загл. Авт. маш. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 100, л. 1) – под загл. «Молитва».

***266. Молитва о городе.** ДГ. - - «Дело». Одесса, 1919, 23 марта. Вариант — автограф 1 в Тг-2 (л. 167 об.—168), под загл. «Феодосия (Март 1918)»; автограф 2 в Тг-2 (л. 184 об.—185). По словам Волошина, «было напечатано в однодневной газете “Дня просвещения” в Феодосии» (письмо к К.В. Кандаурову от 7 сент. 1918). Согласно письму Ю.А. Галабутского к Волошину, эта газета должна была выйти 20 июля 1918 под его редакцией (экземпляр газеты не выявлен). Описание Феодосии «весною 1918 года при большевиках» Волошин дал в статье, помещенной в газ. «Дело» (см. коммент. 249).

Толузаков Сергей Александрович — штабс-капитан, журналист; автор книги «На полях Маньчжурии и в России после войны» (СПб., 1906); в 1909 жил в Петербурге. Волошин общался с ним в 1917–1919 в Феодосии и в Ростове-на-Дону.

***267. Видение Иезекииля.** «Дело». Одесса, 1919, 30 (17) марта - - ДГ. Вариант — автограф в Тг-2 (л. 168–169). Иезекииль (622 до н.э. — ?) — третий из «больших» пророков Ветхого Завета. В стихотворении переложены некоторые места «Книги пророка Иезекииля»: главы I, XI и XVI — видение Иезекииля и обращение Бога к блудной «дщери Иерусалима». В основе видения — идея кары, постигшей народ Израиля за вероотступничество и идолопоклонство. В статье «Видение Иезекииля», сопровождавшей первую публикацию, Волошин писал: «Во время Войны и Революции я знал только два круга чтения: газеты и библейских пророков. И последние были современнее первых. <...> Не та же ли ревнивая любовь Господа проявляется и в судьбах России — поруганной, обиженной и кинутой на позор перед всеми народами?» В день окончания стихотворения, 21 янв. 1918, Волошин писал М.В. Сабашниковой: «...очень было бы желательно такого требовательного мужа для России». По свидетельству поэта, чтение им этого стихотворения в еврейском литературном кружке «Унзер Винкель» в Феодосии в 1919 было почтено вставанием и хоровой песней, так как в стихотворении «аудитория услышала подлинный голос древнего пророка иудейского» (Воспоминания. С. 407–408).

Свят Вседержитель! Цитата из Апокалипсиса (Откр. IV, 8), — первоначально присутствующая в Ветхом Завете (Исход. VI, 3).

268. Иуда-апостол. ВРСХД. 1973, кн. 107. Автограф в Тг-3 — под загл. «Иуда» (л. 55); авт. маш. — под загл. «Иуда (Легенда Парижской Notre-Dame)» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 115, л. 4–4 об.); авт. маш. 2 — с подзаголовком: «Легенда об аббате Огере, викарии Собора Париж-

ской Богоматери» (там же, ед. хр. 111, л. 12–12 об.). Волошин давно интересовался этим евангельским персонажем. Пытаясь разгадать тайну предательства Иуды, он делает «свод канонических повествований четвероевангелия о Тайной вечере», затем работает над статьей «Евангелие от Иуды» (не закончена), — где принимает еретические воззрения секты каинитов, для которых Иуда был «самым сильным, чистым и самым посвященным из всех учеников Христа» (ибо своим предательством, — без которого невозможна была жертва Христа, — именно он «принял на себя грехи мира»). В 1907 Волошин вкратце излагает эту трактовку образа Иуды в статье о творчестве Л.Н. Андреева «Некто в сером» («Русь». 1907, 19 июня), связывая «нравственную проблему, скрытую в личности Иуды», с современностью (ЛТ-88. С. 462–463). Начало работы над стихотворением — лето 1910 (Тт-2). В 1925 Волошин планировал написать стихотворение «Судьбы Иуды» (Тт-3, л. 151); 12 авг. 1929 он говорил М.С. Альтману, что недоволен написанным и хочет сделать из стихотворения поэму. «Для меня Иуда — это еврейский народ, который, как самый старший апостол Христа, и принял на себя все зло мира» (Дневник М.С.Альтмана. Запись 12 авг. 1929. Рукопись — личный архив). Анализ стихотворения см.: *Устюжин И.Б.* М.А.Волошин — поэт и мыслитель. Смф., 2001. С. 186–189).

В первый день опресноков. Особенностью праздника Пасхи у иудеев было употребление только пресного хлеба, что должно было напоминать о призвании еврейского народа быть чистым, свободным от порчи «квасом египетским». *С ним двенадцать.* Имеются в виду двенадцать апостолов, учеников Иисуса Христа. *Размышлял некий священник.* Этот рассказ приведен А. Франсом в его книге «Сад Эпикура» (1894); герой его — аббат Эжже (Oegger), викарий собора Notre-Dame de Paris, последователь Э.Сведенборга, рассказавший о своих видениях в книге «Подлинный Мессия» (1829).

269. Святой Франциск. ВРСХД. 1973, кн. 107. *Святой Франциск Ассизский* (1182–1226) — христианский подвижник, основатель монашеского ордена францисканцев. Волошину была близка его проповедь духовной радости в восприятии мира, любовь к природе и животным, чувство братства со всем сущим. В стихотворении изложены некоторые из проповедей Франциска по кн. «Сказания о бедняке Христове» (М., 1911). В дек. 1921 Волошин читал в Народном университете Феодосии лекцию о св. Франциске («Францисканство и Ренессанс»). Сохранились ее тезисы: «Св. Франциск — ось европейской истории. Источник вдохновения Джотто, Данта. В строгую

теологическую символику францисканство вносит живое чувство, пафос страданий, живописность».

Тростит ногами. Тростить — сучить.

***270. Закрытие о русской земле.** «Южное слово». Одесса. 1919, 16 (3) дек. -- «Великая Россия». Севастополь, 1920, 27 окт. -- «Русская книга». Б., 1921, № 3, под загл. «Закливание о русской земле». Вариант — автограф в Тг-3 (л. 33 об.—34); автограф (ИРЛИ, ф. 562. оп. 1, ед. хр. 101, л. 13—14). Стихотворение стилизовано под народные заговоры; Волошин использовал книгу А. Ветухова «Заговоры, заклинания, обереги и другие виды народного врачевания, основанные на вере в силу слова» (Варшава, 1907).

VIII

***271. Россия.** Альм. «Недра». 1925, кн. 6, с купюрами. -- Книга для чтения, с подзаголовком «Фрагменты неоконченной поэмы». -- СИП-1. Вариант — авт. маш. (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 67, л. 16—18 об., под загл. «Петербургская Россия»), авт. маш. 2 (там же, л. 1—5 об.). Замысел поэмы возник в конце 1918. Волошин писал Ю.Л. Оболенской 5 сент. 1918: «Мне надо еще очень многое сделать в той полосе, которая раскрылась для меня в этом году: еще надо много формулировать в русской истории. Мне намечаются, как ближайшие темы: Петр, Александр I...» 15 нояб. 1919 в письме к А.К. Герцык он конкретизирует: «Петр, Грозный, Аракчеев, как непосредственные предтечи большевизма... Все это теснится и требует новых образов и формулировок». В Тг-3 появляются наброски об интеллигенции, о Елизавете, о «Петре-большевике». 14 февр. 1924 поэт сообщает В.В.Вересаеву об окончании поэмы, «над которой работал 2 месяца, целыми днями, несмотря на холод и нетопленный дом. В ней всё, что думалось о Петербургской России (с Петра до наших дней) <...> Это дополнение к «Китежу», «Дикому Полю», «Северовостоку», но взятое уже с петербургской точки зрения, как для «Китежа» перспективной была Москва, а для «Дикого Поля» и «Северовостока» — южная степь и Крым». В нояб. 1924, в заявлении в ЦКУБУ (Центральная комиссия по улучшению быта ученых), Волошин определял поэму так: «Русское прошлое, выявленное современностью».

1. *Как будто бы во мне самом легла.* 7 авг. 1919 Волошин писал Л.А. Недоброво: «Мне кажется, что я чувствую сейчас всю Россию во всех ее противоречиях и крайностях».

2. *С алтарным камнем финских чернобогов.* Имеется в виду гранитная скала — постамент памятника Петру I (Медного Всадника). *Стрешнев* Тихон Никитич (1644—1719) — боярин из окружения Нарышкиных, сенатор. *У матушки-царицы.* Мать Петра Алексеевича — Наталья Кирилловна Нарышкина (1651—1694), вторая жена царя Алексея Михайловича. 15 авг. 1929 Волошин говорил М.С. Альтману: «Петр не был сыном Алексея Михайловича и не мог им быть; ибо Алексей был бесплоден. Ключевский полагал и высказывал это в близких кругах (хотя — нигде в печати), что Петр был сыном Никона» (Воспоминания. С. 587). *Конклав всешутейшего собора.* Созданный Петром I для развлечений дворянства полуофициальный орган. Эту коллегию пьянства или «сумасброднейший, всешутейший собор» возглавлял князь-папа или «всешумнейший и всешутейший патриарх московский, кокуйский и всея Яузы». У князя-папы был большой штат из 12 кардиналов (т. е. конклав отъявленных пьяниц и обжор), епископов, архимандритов и других духовных чинов. Петр сам написал устав коллегии, где до мельчайших подробностей были определены чины избрания и разные степени пьяной иерархии. В этой иерархии царь был *в чине протодьякона. Машкерную одурь.* Машкера — см. коммент. 255. *Гамильтон* Мария Даниловна — фрейлина, любовница Петра I, казнена по его приказу в 1719. *В застенке Трубецкого рavelина Пытает царь царевича.* Речь идет о допросе Петром I в 1718 царевича Алексея в названном бастионе Петропавловской крепости. *Стрелец в Москве у плахи говорит...* В казнях стрельцов осенью 1698 Петр I сам выполнял иногда роль палача. *А может быть, подушки...* По свидетельству М.С. Волошиной, поэт склонялся к версии, что Петр был задушен А.Д. Меншиковым. *Царица из солдатских портомой* — Екатерина I Алексеевна (урожд. Марта Скавронская, 1684—1727), вторая жена Петра I, русская императрица с 1725. *Меншиков* Александр Данилович (1673—1729) — сын придворного конюха, один из ближайших сподвижников Петра I, светлейший князь (1707), президент Военной коллегии (1718—1724 и 1726—1727), генералиссимус (1727); сослан в Березов императором Петром II. *Ягужинский* Павел Иванович (1683—1736) — при Петре I генеральный прокурор Сената. *Толстой* Петр Андреевич, граф (1645—1729) — посол в Османской империи (1702—1714); добился возвращения на родину царевича Алексея (1718) и руководил следствием по его делу; с 1726 член Верховного тайного совета; в результате несогласий с А.Д. Меншиковым в 1727 заточен в Соловецкий монастырь. *Остерман* Андрей Иванович (1686—1747), на русской службе с 1703; член Верховного тайного совета; фактиче-

ский руководитель внутренней и внешней политики при императрице Анне Иоанновне; императрицей Елизаветой Петровной сослан в 1741 в Березов. «*Не лапай, дуралей*». Этот эпизод (связанный с именами дочери Петра I императрицы *Елизаветы* Петровны и придворного лекаря И.Г. Лестока) описан в книге К. Валишевского «Царство женщин» (СПб., 1911. С. 408). *Пять женщин* — см. коммент. 238 («пять императриц»). *Рогервик* — бухта в западной части Финского залива на Эстляндском побережье; в 1723 Петр заложил здесь крепость и порт. *Голштинский лоск*. Волошин подразумевает Гольштейн-Готторпскую немецкую герцогскую династию, правившую в 1544—1773 в части Шлезвига. Сыном Гольштейн-Готторпского герцога Карла-Фридриха был император Петр III (1728—1762). *Курляндский конюх*. Имеется в виду Эрнст Иоганн Бирон (1690—1772), фаворит императрицы Анны Иоанновны, которая дала ему титул герцога (1737). Недоброжелатели Э.И. Бирона утверждали, что его дед был конюхом курляндского герцога. *Тупейный мастер* — парикмахер (от слова «тупей» — взбитый хохол на голове). Здесь идет речь о графе Иване Павловиче Кутайсове (ок. 1759—1834), турке по происхождению; взят в плен в 1774; он был определен камердинером к царевичу Павлу (позднее (с 1796) императору Павлу I; 1754—1801), став его фаворитом. *Березов и Пелым* — города Тобольской губернии, служившие в XVIII в. местом ссылки. В Березов были сосланы А.Д. Меншиков, Я.Ф. Долгоруков, А.И. Остерман, в Пелым — Э.И. Бирон и Б.К. Миних.

3. Джордж Доу (1781—1829) — английский живописец, в 1819—1829 руководил созданием портретов для Военной галереи Зимнего дворца в Петербурге, в т. ч. портрета графа А.А. Аракчеева (см. коммент. 255). «*Дружку любезному*» вставлял клистир *Державный мистик...* — Речь идет об Александре I (1777—1825), российском императоре с 1801, при котором А.А. Аракчеев фактически управлял делами государства. Со словами, взятыми в кавычки, император обращался к А.А. Аракчееву в конфиденциальных письмах. Упомянутый «медицинский» эпизод, по-видимому, восходит к роману Д.С. Мережковского «Александр I» (1913): «От испуга сделалось у него <Аракчеева> сильнейшее расстройство желудка. <...> Государь весь день не отходил от больного, ухаживал за ним, заваривал ромашку и собственными руками готов был ставить клистир». *Федор Кузьмич* — таинственная личность, жившая в Сибири (ум. 1864): под этим именем будто бы скрывался Александр I, якобы не умерший в 1825, а «удалившийся от мира» по обету. *Бонапарт* — см. коммент. 214. *Николай* — российский император (с 1825) Николай I (1796—1855). «*Made in Germany*» (англ.) —

«Сделано в Германии». *Пять виселиц* — казнь пяти декабристов 13 июля 1826. *На Семеновском плацу* должна была состояться смертная казнь петрашевцев, в том числе Ф.М.Достоевского, 22 дек. 1849; здесь же были повешены 8 мая 1887 пятеро «первомартовцев» — участники покушения на Александра II. *Волы в Тифлис волочат «Грибоеда»*. Имеется в виду эпизод из путешествия А.С. Пушкина в кавказскую действующую армию в 1829 — встреча с упряжкой из двух волов, везших труп А.С. Грибоедова, убитого в Тегеране (А.С. Пушкин, «Путешествие в Арзрум», гл. 2). *Тому, кто стер блистательное имя* — то есть императору Николаю II (1868—1918), при котором название «Санкт-Петербург» было заменено на «Петроград». *От-Цу* (Отсу) — город в Японии, где 23 апр. 1891 на Николая II (тогда наследника престола) было совершено покушение: японский полицейский нанес ему удар саблей плащом. *Ходынка*. Имеется в виду гибель людей 18 мая 1896 при давке во время раздачи подарков на Ходынском поле в Москве по случаю коронации Николая II. *Цусима*. Речь идет о морском сражении у островов Цусима в Корейском проливе 14—15 мая 1905, проигранном русским флотом во время русско-японской войны. *Филипп* (наст. имя Низьер Вашоль, 1849—1905) — француз из Лиона, знахарь и маг; учитель Папюса. *Папюс* (наст. имя Жерар Энкос, 1865—1916) — французский оккультист; в 1905 в Царском Селе вызывал дух Александра III в присутствии царской семьи. *Гапонов ход*. Подразумевается крестный ход петербургских рабочих с петицией императору к Зимнему дворцу 9 янв. 1905. Его возглавлял священник, агент охраны Г.А. Гапон (1870—1906). Шествие было расстреляно царскими войсками. Этот день вошел в русскую историю как «Кровавое Воскресенье». *Азеф* Евно Фишелевич (1869—1918) — один из организаторов Боевой организации эсеров, вдохновитель ряда покушений; одновременно провокатор, выдавший полиции (до своего разоблачения в 1908) многих членов эсеровской партии. *Царица* — здесь: Александра Феодоровна, последняя российская императрица. *Старец* — Григорий Ефимович Распутин (позднее Новых, 1869—1916), крестьянин Тобольской губ., приближенный царской семьи. *Феликс* — Феликс Феликсович Юсупов (1887—1967), князь, граф Сумароков-Эльстон, генерал-майор свиты; один из убийц Г.Е. Распутина. *И где-то на Урале* и т. д. Николай II с семьей и четырьмя приближенными (всего 11 человек) были расстреляны в ночь на 17 июля 1918 в Екатеринбурге; среди убийц были красногвардейцы-венгры.

4. *Великий Петр был первый большевик*. Н.А. Бердяев также считал, что «приемы Петра были совершенно большевистские <...>».

Та же грубость, насилие, навязанность сверху народу известных принципов, та же прерывность органического развития, отрицание традиций, тот же этатизм, гипертрофия государства, то же создание привилегированного бюрократического слоя, тот же централизм, то же желание резко и радикально изменить тип цивилизации» (в его кн. «Истоки и смысл русского коммунизма», Париж, 1955. С. 12). *Опричь* — кроме. *Живую Галатею*. Галатея (греч. миф.) — статуя прекрасной женщины, созданная царем Кипра Пигмалионом и, по его просьбе, оживленная Афродитой; здесь в переносном смысле. *Сручье* — инструмент. *Невод Закинул Петр*. Волошин писал: «Им был заброшен в русское общество невод Табели о рангах, и его улов создал разночинцев. Из них-то, смешавшись с более живыми элементами дворянства, через столетие после смерти Преобразователя и выкристаллизовалась русская интеллигенция» (РР). Историю русских «лишних людей» Волошин излагает отчасти по статье В.О. Ключевского «Евгений Онегин и его предки» (*Ключевский В.* Соч.: В 8-ми т. М., 1959. Т. 7. С. 409—414). *Мрежь* — сеть. *Дантон*, *Робеспьер* — см. коммент. 216—217 (2). *Но просвещенных принцев испугал...* Речь идет о будущих императорах Александре I, Николае I и Александре II, воспитанием и образованием которых руководил В.А. Жуковский и другие деятели русской культуры. *Тишайший* — царь Алексей Михайлович. *Вокабулы* — отдельные слова иностранного языка с переводом на родной язык. *Отправленный в Голландию* ~ *учиться навигации* ~ *Попал не в тон галантностям цариц*. По-видимому, речь идет о Федоре Ивановиче Соимонове (1692—1780) — навигаторе, гидрографе, сибирском губернаторе в 1753—1759. *Екатерининский вольтеринец* ~ *пробрюзжал*. Возможно, имеется в виду Николай Борисович Юсупов (1750—1831) — дипломат, владелец подмосковного имения Архангельское, одно время близкий к Екатерине II, встречавшийся в Европе с Вольтером и Дидро. Н.Б. Юсупову посвящено стихотворение А.С. Пушкина «К вельможе» (1830). *Ученики французских эмигрантов* ~ *Сгноили жизнь на каторге в Сибири*. Здесь говорится о декабристах, значительная часть которых участвовала в войне с Наполеоном, а в 1814 — во взятии Парижа. *Книголюбивый новиковский дух*. Подразумевается журналистская и издательская просветительская деятельность Николая Ивановича Новикова (1744—1818). *Виссарион* — литературный критик В.Г. Белинский (1811—1848). *Соловьев* — философ, поэт, публицист В.С. Соловьев. В наброске об интеллигенции Волошин выписал его изречение: «Русская интеллигенция всегда мыслит странным силлогизмом: “Человек произошел от обезьяны — следовательно, мы дол-

жны любить друг друга”». (Повторено Волошиным в письме к А.М. Пешковскому от 23 дек. 1923; Н.А. Бердяев цитирует этот «странный силлогизм» в книге «Истоки и смысл русского коммунизма», Париж: YMCA-Press, 1955. С. 19). *Кара* — река в Забайкалье, место политической (1873—1890) каторги. *Размыкан был, растоптан и сожжен*. Еще в июле 1905 Волошин в письме к А.М. Петровой писал: «Русское вырождение — это интеллигенция. Она должна быть сметена народной волной вместе с правительством. Она чужда народному духу, заражена европейским варварством форм, и ей нет места в национальном обновлении».

5. «*Мартобря* 86 числа» датирована одна из записей в «Записках сумасшедшего» (1835) Н.В. Гоголя. *Орал* — здесь: вспахивал. *Верили* ∩ *В распластанных лягушек*. Герой романа И.С. Тургенева «Отцы и дети» (1862) Базаров, ставший символом нигилизма в русской литературе, занимался анатомированием лягушек. *Мы бредили, переломав машины, Об электрофикации*. Имеется в виду т. н. план ГОЭЛРО — единый государственный перспективный план по восстановлению и развитию народного хозяйства Советской России, по инициативе и под руководством В.И. Ленина разработанный в 1920 Государственной комиссией по электрификации России (ГОЭЛРО). *Стигматы* — см. коммент. 59 (4). *Колеса вязнут в старой колее*. Волошин писал: «Советская власть, утвердившись в Кремле, сразу стала государственной и строительной: выборное начало уступило место централизации, социалисты стали чиновниками, канцелярское бумагопроизводство удешевилось, взятки и подкупность возросли в сотни раз, рабочие забастовки были объявлены государственным мятежом, и стачечников стали беспощадно расстреливать, на что далеко не всегда решалось царское правительство, армия была восстановлена, дисциплина обновлена...» (РР). *Неверы очищают православье гоненьями и вскрытием мошей*. Волошин писал Ю.Л. Оболенской 1 февр. 1918, что проклятие патриарха Тихона большевикам должен вызвать гонения на церковь — «а это то, что можно только ей пожелать для ее очищения и возрождения». Вскрытия мошей — то есть гробов с останками святых — широко проводились советской властью в целях антирелигиозной пропаганды. *Разбитого Кремля* (вариант: «снесенного Кремля»). Имеются в виду бои за Кремль с юнкерами 2—3 (15—16) нояб. 1917, когда артиллерийским огнем были повреждены многие здания и стены (но отнюдь не снесены до основания).

6. *Крыжанич* (Юрий Крижанич; ок. 1618—1683) — писатель, ученый, общественный деятель; хорват по национальности, он пропово-

ведовал единство славян. В России жил в 1659—1676. Волошин перелагает фрагмент его «Бесед о правлении» (см.: *Крижанич Ю.* Политика. М., 1965. С. 496). *Сергиевой веры.* Имеется в виду Сергей Радонежский (1321—1391) — русский церковный и политический деятель, основатель Троице-Сергиевой лавры. *Серафимовых молитв.* Серафим Саровский — см. коммент. 244. *При русских грамотах на благородство.* Отзвук строки А.А. Фета: «Вот наш патент на благородство...» («На книжке стихотворений Тютчева», 1883). *Тютчев* Федор Иванович (1803—1873) — поэт. *Герцен* Александр Иванович (1812—1870) — писатель, публицист. *Смердяков* — герой романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы», растленный человек, отцеубийца. В наброске «Интеллигент» Волошин прямо определил: «Его, т. е. интеллигента, сущность — Смердяков». О Е.Ф. *Азефе* см. выше в коммент. к третьему разделу поэмы. *Брестский мир* (Брест-Литовский мирный договор) был заключен большевистской властью с Германией (1918) на условиях, невыгодных России. Волошин, очевидно, относился к Брестскому миру как к предательству российских интересов. *Гегель* Георг Вильгельм Фридрих (1770—1831) — германский философ. *Маркс* Карл (1818—1883) — германский мыслитель, основоположник общественно-философского учения, получившего его имя. *Стиракса* — ароматическая смола. *Тащить к реке, привязанным к хвосту.* При введении на Руси христианства в 988 князь Владимир Святой приказал так поступить с идолом Перуна, незадолго до того поставленным в Киеве. *Непашь* — непаханое поле, целина. *Разрыв-трава* — сказочное зелье, от которого распадаются запоры и открываются клады. *Бакунин* Михаил Александрович (1814—1876) — русский революционер, один из теоретиков анархизма и народничества. В письме к А.М. Петровой от 15 янв. 1918 Волошин сопоставлял М.А. Бакунина с Аввакумом: «Они выражают собой основную черту русской истории: христианский анархизм». *Стальной нарез.* «Чтобы поддерживать гигантский, органически не сплавленный конгломерат народов, которым была Российская империя, <...> необходима была власть грубая, тяжелая, железная, — писал Волошин в наброске «Интеллигенция 80-х годов». — Другой вопрос: нужно ли было поддерживать государственное единство и нужно ли было России быть такой громадиной?»

7. *Киммерийского вулкана.* То есть Карадага, с предгорий которого поэт мысленно и обращается к своим читателям. *Пред всеми и пред каждым* — см. коммент. 226.

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ

4. *Генрих-Бальдур* — контаминация персонажа пьесы Г. Гауптмана «Потонувший колокол» Генриха, литейщика колоколов, и бога Бальдра (сканд. миф.).

6. *Доспехи Джорджоне*. О живописце см. коммент. 158. Подразумевается его картина «Воин со своим оруженосцем» (1509).

49. *Аморя* — домашнее имя М.В. Сабашниковой.

95. *В чертах немудрых дев*. Имеются в виду скульптуры на западном фасаде (конец XIII в.) готического Страсбургского собора на сюжет евангельской притчи о разумных и неразумных девах (Матфей. XXV, 1–13). *Инок Бернард* — Бернар (Бернард) Клервоский (1090–1153), монах-цистерианец, мистик, аббат монастыря в Клерво; вдохновитель второго Крестового похода. *Лик Предтечи* — картина Леонардо да Винчи «Иоанн Креститель» (между 1508 и 1512), ныне в Лувре.

127. *Не касайся меня*. Слова Христа, обращенные к Марии Магдалине, которая хотела прикосновением убедиться: не видение ли он (Иоанн. XX, 7).

136. *Было ли оно?* Волошин имеет в виду отсутствие ласки со стороны матери в его детстве (о чем он писал М.В. Сабашниковой 1 (14) сент. 1905, а матери — в авг. и окт. 1908). *Стеснены были взрослые*. «Воспитание — это самозащита взрослых от детей», — формулировал Волошин позднее. И еще: «Из всех насилий, производимых над человеческой личностью, убийство наименьшее насилие, а воспитание — наибольшее». (История моей души. С. 84). *Жизнь только предлог для игры*. В письме к М.В. Сабашниковой от 10 сент. 1905 Волошин писал: «Вся жизнь игра. Тот мудр, кто понял это». Эта идея развивается им также в статьях «Откровения детских игр» (1907) и «Театр — сонное видение» (1912). Но ср.: «Что наша жизнь — игра!» (начало арии Германна из финальной сцены оперы П.И. Чайковского «Пиковая дама» (1890); либретто М.И. Чайковского). *Я люблю их бережно держать в руках*. Ср. со стихотворением «В эту ночь я буду лампадой...» (№ 163).

154. *Синаи*. Синай (библ.) — гора на Аравийском полуострове, куда израильтяне прибыли на третий месяц по выходе из Египта; с ее вершины им был дан Закон от Бога.

173. *Каляев* Иван Платонович (1877–1905) – член Боевой организации эсеров, убивший великого князя Сергея Александровича; повешен в Шлиссельбургской крепости. *Сазонов* (Созонов) Егор Сергеевич (1879–1910) – террорист, член Боевой организации эсеров. 15 июля 1904 убил министра внутренних дел В.К. Плеве; был приговорен к пожизненной каторге в Горном Зерентуе, где покончил с собой.

175. *Всех морей мне ближе древний Понт* – то есть Черное море (см. коммент. 138).

178. *Гонец богов* – то есть Гермес (Меркурий).

191. *Факел Аристарха* – солнце. Аристарх Самосский (конец IV в. – первая половина III в. до н. э.) – древнегреческий астроном, первым выдвинувший идею гелиоцентризма.

196. С.М. Пинаев ставит этот сонет в связь с орфическим гимном «Селене» (Пинаев, С. 60–61, 83–84).

205. *Един как перст*. Почти все друзья и знакомые Волошина восприняли войну с Германией с патриотическим воодушевлением; не разделявший их чувств поэт горько переживал свое одиночество.

207. *Весы справедливости*. Волошин отрицал идею «земной» справедливости, считая ее источником человеческого ожесточения и жестокостей (см. его статьи «Пророки и мстители», «Во времена революции», «Откровения детских игр»).

222. *Запретный сок* – отражение оккультных идей. 1 янв. 1907 Волошин писал об этом А.М. Петровой: «Кровь возникла на той планете, что была древнее Солнца, и Солнце оторвалось от нее. Поэтому кровь не должна никогда видеть Солнца». Выражение: «Кровь, надо знать, совсем особый сок», – вложенное И.В. Гёте в уста Мефистофелю («Фауст». 1-я часть. Сцена «Рабочая комната Фауста»; пер. Б. Пастернака), стоит эпиграфом к лекции Р. Штейнера «Оккультное значение крови» (1906).

227. *Курные срубы*. Курные избы – избы без печной трубы, в которых дым выходил через щели в окнах и двери; закопченные, дымные.

234. *Чрез проливы.* Славянофильскую идею завоевания Константинополя и выхода из Черного моря в Средиземное через проливы Босфор и Дарданеллы Волошин считал в тот период одной из главных задач войны России. 16 (29) апр. 1915 он писал А.М. Петровой: «В Константинополе я вижу, прежде всего, религиозный центр для России — именно там вижу моральное кипение, из которого выплывится православный лик Славянства».

237. *Самолётки и самоплавки* — образы из «прелестных писем» С. Разина. *Фролка-пес.* Фрол Разин перед самой казнью брата 6 июня 1671 выкрикнул: «Слово и дело государево!», что тогда означало заявку на открытие важной тайны. Его казнь была отсрочена до 1676, но, несмотря на последующие истязания, он так и не открыл мест, где восставшие делали захоронения своих кладов (на что как раз надеялись власти).

240. *Тень Аида* — см. коммент. 48.

252. *Заруцкий* Иван Мартынович (?—1614) — донской атаман, участник восстания И.И. Болотникова, затем соратник Лжедмитрия II.

255. *Басмановы.* Алексей Данилович Басманов (?—1570) — боярин, один из вдохновителей опричнины. Петр Федорович Басманов (?—1606) — внук предыдущего, приближенный Бориса Годунова, перешедший затем на сторону Лжедмитрия I.

261. *И дернул же меня черт...* — неточная цитата из письма А.С. Пушкина к Н.Н. Пушкиной от 18 мая 1836.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДИЙ

«А темные восторги расставанья...» (Corona Astralis, 14)	126
«Акрополи в лучах вечерней славы...»	171
Акрополь («Серый шифер. Белый тополь...»)	21
«Алмазный бред морщин твоих и впадин...» (Lunaria, 10)	213
«Альбомы нынче стали редки...»	185
Ангел Мшенья («Народу русскому. Я скорбный Ангел Мшенья!..»)	252
«Ангел непогоды пролил огонь и гром...» (Над полями Альзаса)	225
«Арка... Разбитый карниз...» (На Форуме)	20
Армагеддон («Положив мне руки на заплечье...»)	232
«Ах, не крещен в глубоких водах Леты...» («Corona Astralis», 5)	122
Бальмонт («Огромный лоб, клейменный шрамом...»)	196
Бегство («Кто верит в жизнь, тот верит чуду...»)	333
«Безумья и огня венец...»	184
Благословение («Благословенье мое, как гром!..»)	291
«Благословенье мое, как гром!..» (Благословение)	291
«Блуждая в юности извилистой дорогой...» (In mezza di cammin)	74
«Бог наш есть огонь поядоющий. Твари...» (Видение Иезекииля)	356
Бойня («Отчего, встречаясь, бледнеют люди...»)	338
Большевик («Зверь зверем. С крученкой во рту...»)	322
«“Брали на мушку”, “ставили к стенке”...» (Терминология)	344
Буржуй («Буржуя не было, но в нем была потребность...»)	325
«Буржуя не было, но в нем была потребность...» (Буржуй)	325
«Бурлит Сент-Антуан. Шумит Пале-Рояль...» (Взятие Бастилии. – Две ступени, 1)	246
«Был к Иисусу приведен...» (Русь глухонемая)	262
«Быть заключенным в темнице мгновенья...» (Когда время останавливается, 2)	38
«Быть черною землей. Раскрыв покорно грудь...»	75
В вагоне («Снова дорога. И с силой магической...»)	13
«В глухую ночь шестого века...» (Преосуществление)	264
«В горькой купели земли земли крещены мы огнем и тоскою...» (Надписи, 2)	147
«В деревнях погорелых и страшных...» (Русь гуляшя)	289
«В дождь Париж расцветает...» (Дождь. – Париж, 2)	23
«В душе моей мрак грозовой и пахучий...» (Рождение стиха)	32

«В зеленых сумерках, дрожа и вырастая...»	66
В мастерской («Ясный вечер, зимний и холодный...»)	70
«В минуты грусти просветленной...» (Реймская Богоматерь)	240
«В мирах любви неверные кометы...» (Corona Astralis, 1)	119
«В моей крови – слепой Двойник...» (Кровь)	77
«В молочных сумерках за сизой пеленой...» (Париж, 9)	27
«В Москве на Красной площади...» (Москва)	254
«В мутном свете увялых...» (На вокзале)	285
«В напрасных поисках за ней...» (Она)	117
«В нас глеет боль внежизненных обид...» (Corona Astralis, 7)	123
«В неверный час тебя я встретил...»	134
«В осенний день по стынущим полянам...» (Посев)	226
«В серо-сиреновом вечере...» (Париж, 7)	26
В цирке («Клоун в огненном кольце...»)	31
В эти дни («В эти дни великих шумов ратных...»)	223
«В эти дни великих шумов ратных...» (В эти дни)	223
«В эту ночь я буду лампадой...»	182
«В янтарном забытьи полуденных минут...»	177
«Вейте, вайи! Флейты, пойте! Стройте, лиры! Бубен, бей!...» (Κατὰ τοῦ) ...	106
Венеция («Резные фасады, узорные зданья...»)	19
Весна («Мы дни на дни покорно нижем...»)	237
«Весь день звучали сверху струны...» (Цеппелины над Парижем)	239
«Ветер с неба клочья облак вытер...»	167
«Вечер за днем беспокойным...» (Ночь. – Руанский собор, 1)	81
Вечерние стёкла («Гаснет день. В соборе всё поблекло...» – Руанский собор, 3)	82
«Вещий крик осеннего ветра в поле...»	98
Взятие Бастилии («Бурлит Сент-Антуан. Шумит Пале-Рояль...» – Две ступени, 1)	246
Взятие Тюильри («Париж в огне. Король низложен с трона...» – Две ступени, 2)	247
Видение Иезекииля («Бог наш есть огонь поядающий. Твари...»)	356
«Влачился день по выжженным лугам...» (Сехмет. – Киммерийские сумерки, 12)	94
«Вместе в один водоем поглядим ли мы осенью поздней...» (Надписи, 3)	147
«Во имя грозного закона...» (Русская революция)	287
«Возлюби просторы мгновенья...»	103
Воскресенье («Сердце острой радостью ужалено...» – Руанский собор, 7)	85
Вослед («Мысли поют: “Мы устали... мы стынем...”»)	72

«Враждующих скорбный гений...» (Россия)	221
«Всё тот же он во дни войны...» (Париж в январе 1915 г.)	238
«Встану я, помолясь...» (Заключье о Русской земле)	364
«Вся Русь — костер. Неугасимый пламень...» (Китеж)	279
Второе письмо («И были дни, как мать упала...»)	67
«Вьются ввысь прозрачные ступени...» (Смерть. — Руанский собор, 5)	83
«Выйди на кровлю. Склонись на четыре...»	174
Газеты («Я пробегаю жадным взглядом...»)	227
«Гаснет день. В соборе всё поблекло...» (Вечерние стекла. — Руанский собор, 3)	82
«Глубь земли. Источенные крипты...» (Погребенье. — Руанский собор, 6)	84
Гностический гимн Деве Марии («Славься, Мария!...»)	86
Голова madame de Lamballe («Это гибкое, страстное тело...»)	244
Голод («Хлеб от земли, а голод от людей...»)	345
«Голубые просторы, туманы...» (Дикое Поле)	282
«Город-змея, сжимая звенья...» (С Монмартра — Париж, 1)	22
Готовность («Я не сам ли выбрал час рожденья...»)	348
Гражданская война («Одни восстали из подполий...»)	329
Гроза («Запал багровый день. Над тусклою водой...» — Киммерийские сумерки, 9)	92
Грот нимф («О, странник-человек! Познай Священный Грот...»)	80
«Гряды холмов отусклил марный иней...» (Облака — Киммерийские сумерки, 11)	94
Два демона (1–2)	201
Две ступени (1–2)	246
«Двойной соблазн — любви и любопытства...»	179
Дельфы («Стеснили путь хребтов громады...»)	110
Демоны глухонемые («Они проходят по земле...»)	261
«Держа в руке живой и влажный шар...» (Европа)	266
«Дети солнечно-рыжего мёда...»	147
Диана де Пуатье («Над бледным мрамором склонились к водам низко...»)	30
Дикое Поле («Голубые просторы, туманы...»)	282
Дождь («В дождь Париж расцветает...» — Париж, 2)	23
Другу («Мы, столь различные душою...»)	228
Дэлос («Оком мертвенным Горгоны...»)	108
Европа («Держа в руке живой и влажный шар...»)	266
«Если сердце горит и трепещет...»	60
«Еще не отжиты связавшие нас годы...» (Надписи, 1)	147
«Жемчужина небесной тишины...» (Lunaria, 1)	208
«Жемчужина небесной тишины...» (Lunaria, 15)	215

«Закат сиял улыбкой алой...» (Париж, 6)	25
«Заката алого заржавели лучи...»	166
Заклинение от усобиц («Из крови, пролитой в боях...»)	353
Заклятье о Русской земле («Встану я, помолясь...»)	364
«Закрыт нам путь проверенных орбит...» (Corona Astralis, 2)	120
«Замер дух – стыдливый и суровый...»	149
«Запал багровый день. Над тусклою водой...» (Гроза. – Киммерийские сумерки, 9)	92
«Звенят весы и клонят коромысла...» (Созвездия)	115
«Зверь зверем. С крученкой во рту...» (Большевик)	322
«Звонки стебли травы и движенья зноя пахучи...» (Полдень)	113
«Звучит в горах, весну встречая...»	160
«Здесь был священный лес. Божественный гонец...» (Киммерийские сумерки, 5)	90
«Здравствуй, отрок солнцекудрый...» (Фазтон)	199
«Зеленый вал отпрянул и пугливо...»	97
Зеркало («Я – глаз, лишенный век. Я брошено на землю...»)	62
«Зимою вдоль дорог валялись трупы...» (Красная Пасха)	342
«Змеиные, непрожитые сны...» (Lunaria, 8)	211
«И были дни, как муть опала...» (Второе письмо)	67
«И было так, как будто жизни звенья...»	144
«И будут огоньками роз...»	189
«И день и ночь шумит угрюмо...» (Когда время останавливается, 3)	39
«И каждый прочь побрел, вздыхая...» (Родина)	263
«И когда приблизился праздник Пасхи...» (Иуда-апостол)	359
«И скуден, и неукрашен...» (Молитва о городе)	354
«И сладостен, и жутко безотраден...» (Lunaria, 9)	212
«И тогда, как в эти дни, война...» (Усталость)	236
«И я был сослан в глубь степей...» (Пустыня)	172
Из бездны («Полночные вздулись воды...»)	229
«Из крови, пролитой в боях...» (Заклинение от усобиц)	353
«Из страны, где солнца свет...» (Кастаньеты)	15
«Изгнанники, скитальцы и поэты...» (Corona Astralis, 8)	123
«Исполнилось пророчество: трихины...» (Трихины)	256
Иуда-апостол («И когда приблизился праздник Пасхи...»)	359
«К Диане бледной, к яростной Гекате...» (Lunaria, 7)	211
«К твоим стихам меня влечет не новость...»	33
«К тебе растут сквозь мглу моих распятий...» (Lunaria, 6)	210
«К тебе я пришел через воды...»	139
«К этим гулким морским берегам...»	35
«Как в раковине малой – Океана...»	170

«Как земледел над грудой веских зерен...» (Посев)	351
«Как злой шаман, гася сознание...» (Петроград)	255
«Как Млечный Путь любовь твоя...»	73
«Как мне близок и понятен...» (Париж, 3)	24
«Как некий юноша в скитаньях без возврата...»	142
Каллиера («По картам здесь и город был, и порт...»)	175
Карадаг (1–2)	168
Кастаньеты («Из страны, где солнца свет...»)	15
«Катрин Тео во власти прорицаний...» (Термидор, 1)	248
Киммерийские сумерки (1–14)	88
Китеж («Вся Русь – костер. Неугасимый пламень...»)	279
«Кишмя кишеть в кафе у Робина...» (Спекулянт)	327
«Клоун в огненном кольце...» (В цирке)	31
Когда время останавливается (1–4)	38
«Кому земля священный край изгнанья...» (Corona Astralis, 11)	125
«Концом иглы на мягком воске...»	34
«Костер мой догорал на берегу пустыни...» (Польнь. – Киммерийские сумерки, 1)	88
«Кость сожженных страстью – бирюза...»	203
Красная Пасха («Зимой вдоль дорог валялись трупы...»)	342
Красногвардеец («Скакать на красном параде...»)	318
«Кристалл любви! Алтарь ночных зачатий!..» (Lunaria, 3)	209
Кровь («В моей крови – слепой Двойник...»)	77
«Кто верит в жизнь, тот верит чуду...» (Бегство)	383
«Кто видит сны и помнит имена...» (Corona Astralis, 12)	125
«Кто передаст потомкам нашу повесть?...» (Потомкам)	349
«Кто ты, Россия? Мираж? Наваждение?...» (Неопалимая Купина)	293
«Лампада снов! Владычица зачатий!..» (Lunaria, 2)	208
«Лик ужаса в бесстрастности эфира...» (Lunaria, 12)	213
Лиловые лучи («О, фиолетовые грозы...» – Руанский собор, 2)	81
«Любовь твоя жаждет так много...»	190
М. С. Цетлин («Нет, не склоненной в дверной раме...»)	192
Материнство («Мрак... Матерь... Смерть... Созвучное единство...»)	151
Матрос («Широколиц, скуласт, угрюм...»)	320
Мир («С Россией кончено. На последях...»)	259
«Мир закутан плотно...»	63
«Мне было сказано...» (Подмастерье)	216
«Мой пыльный пурпур был в лоскутках...»	137
Молитва о городе («И скуден, и неукрашен...»)	354
«Монмартр... Внизу ревет Париж...» (Пустыня)	11
Москва («В Москве на Красной площади...»)	254

«Моя земля хранит покой...»	156
«Мрак... Матерь... Смерть...» Созвучное единство...» (Материнство)	151
«Мы в тюрьме изведанных пространств...» (Напутствие Бальмонту)	197
«Мы дни на дни покорно нижем...» (Весна)	237
«Мы заблудились в этом свете...»	61
«Мы пятый день плывем, не опуская...» (Плаванье)	331
«Мы, столь различные душою...» (Другу)	228
«Мысли поют: “Мы устали... мы стынем...”» (Вослед)	72
На вокзале («В мутном свете увялых...»)	285
На дне преисподней («С каждым днем всё диче и всё глуше...»)	347
«На дно миров пловцом спустился я...» (Два демона. — 2)	201
«На старых каштанах сияют листья...» (Париж, 8)	27
«На тверди видимой алмазно и лазурно...» (Сатурн)	78
На Форуме («Арка... Разбитый карниз...»)	20
«Над бледным мрамором склонились к водам низко...» (Диана де Пуатье)	30
«Над головою подымая...»	187
«Над горестной землей — пустынной и огромной...»	102
«Над зыбкой рябью вод встает из глубины...» (Киммерийские сумерки, 7)	91
Над полями Альзаса («Ангел непогоды Пролил огонь и гром...»)	225
«Над синевой зубчатых щаш...»	162
«Над черно-золотым стеклом...» (Карадаг, 2)	168
Надписи (1—3)	147
Написание о царях московских («Царь Иван был ликом некрасив...»)	269
Напутствие Бальмонту («Мы в тюрьме изведанных пространств...»)	197
«Народу русскому: Я скорбный Ангел Мшенья!..» (Ангел Мшенья)	252
«Наш горький дух... (И память нас томит...») (Corona Astralis, 6)	122
«Не ты ли...»	234
«Не успокоена в покое...»	180
«Небо в тонких узорах...»	64
«Небо запуталось звездными крыльями...»	37
Неопалимая Купина («Кто ты, Россия? Мираж? Наваждение?...»)	293
«Неслись года, как ключья белой пены...» (Парижу)	243
«Нет, не склоненной в дверной раме...» (М. С. Цетлин)	192
Ночь («Вечер за днем беспокойным...» — Руанский собор, 1)	81
«О, как чутко, о, как звонко...»	43
«О, странник-человек! Познай Священный Грот...» (Грот нимф)	80
«О, фиолетовые грозды...» (Лиловые лучи. — Руанский собор, 2)	81
Облака («Гряды холмов отусклил марный иней...» — Киммерийские сумерки, 11)	94

«Облака клубятся в безднах зеленых...»	161
«Обманите меня... но совсем, навсегда...»	136
«Огненных линий аккорд...» (Париж, 5)	25
«Огромный лоб, клейменный шрамом...» (Бальмонт)	196
Одиссей в Киммерии («Уж много дней рекою Океаном...» — Киммерийские сумерки, 14)	95
«Одни восстали из подполий...» (Гражданская война)	329
«Оком мертвенным Горгоны...» (Дэлоз)	108
Она («В напрасных поисках за ней...»)	117
«Они проходят по земле...» (Демоны глухонемые)	261
«Опять бреду я босоногий...»	164
Осенние пляски («Осень...»)	205
«Осень...» (Осенние пляски)	205
«Осень... Осень... Весь Париж...» (Париж, 4)	24
Осенью («Ряны краски...»)	100
«Отроком строгим бродил я...»	153
«Отчего, встречаясь, бледнеют люди...» (Бойня)	338
Париж (1—11)	22
«Париж в бреду. Конвент кипит, как ад...» (Термидор, 3)	249
Париж в январе 1915 г. («Всё тот же он во дни войны...»)	238
«Париж в огне. Король низложен с трона...» (Взятие Тюильри. — Две ступени, 2)	247
«Париж, Царьград и Рим — кариатиды...» (Lutetia Parisiorum)	242
«Парижа я люблю осенний, строгий плен...» (Париж, 10)	28
Парижу («Неслись года, как ключья белой пены...»)	243
«Перепутал карты я пасьянса...» (Париж, 11)	28
Петроград («Как злой шаман, гася сознание...»)	255
Пещера («Сперва мы спим в пурпуровой Пещере...»)	150
Письмо («Я соблюдаю обещанье...»)	48
Плаванье («Мы пятый день плывем, не опуская...»)	331
«Пламенный истлел закат...»	181
«По картам здесь и город был, и порт...» (Каллиера)	175
«По ночам, когда в тумане...» (Когда время останавливается, 4)	39
Погребенье («Глубь земли... Источенные крипты...» — Руанский собор, 6)	84
Под знаком Льва («Томимый снами я дремал...»)	224
Подмастерье («Мне было сказано...»)	216
Полдень («Звонки стебли травы, и движенья зноя пахучи...»)	113
Полдень («Травой жесткою, пахучей и седой...» — Киммерийские сумерки, 10)	93
«Полночные вздулись воды...» (Из бездны)	229
«Полночных солнц к себе нас манят светы...» (Corona Astralis, 4)	121

«Положив мне руки на заплечье...» (Армагеддон)	232
Полынь («Костер мой догорал на берегу пустыни...» – Киммерийские сумерки, 1)	88
Портрет («Я вся – тона жемчужной акварели...»)	45
Посев («В осенний день по стынушим полянам...»)	226
Посев («Как земледел над грудой веских зерен...»)	351
Потомкам («Кто передаст потомкам нашу повесть?...»)	349
«Преградой волнам и ветрам...» (Карадаг, 1)	168
Предвестия («Сознание строгое есть в жестах Немезиды...»)	251
«Прежде нежели родиться – было...» (Протопоп Аввакум)	294
Преосуществление («В глухую ночь шестого века...»)	264
Призыв («У излучин бледной Леты...»)	112
«Пройдемте по миру, как дети...»	46
Пролог («Ты держишь мир в простертой длани...»)	230
Протопоп Аввакум («Прежде нежели родиться – было...»)	294
«Пурпурный лист на дне бассейна...»	133
Пустыня («И я был сослан в глубь степей...»)	172
Пустыня («Монмартр... Внизу ревет Париж...»)	11
Р. М. Хин («Я мысленно вхожу в Ваш кабинет...»)	193
«Равнина вод колышется широко...» (Киммерийские сумерки, 6)	91
«Разгар Террора. Зной палит и жжет...» (Термидор, 2)	248
«Раскрыв ладонь, плечо склонила...»	135
«Расплясались, разгулялись бесы...» (Северовосток)	335
«Рдяны краски...» (Осенью)	100
«Резные фасады, узорные зданья...» (Венеция)	19
Реймская Богоматерь («В минуты грусти просветленной...»)	240
Родина («И каждый прочь побрел, вздыхая...»)	263
Рождение стиха («В душе моей мрак грозовой и пахучий...»)	32
Ропшин («Холодный рот. Щеки бесстрастной складки...»)	195
Россия («Враждующих скорбный гений...»)	221
Россия («С Руси тянуло выстуженным ветром...»)	367
Руанский собор (1–7)	81
Русская революция («Во имя грозного закона...»)	287
Русь глухонемая («Был к Иисусу приведен...»)	262
Русь гуляющая («В деревнях погорелых и страшных...»)	289
«С каждым днем всё диче и всё глуше...» (На дне преисподней)	347
«С какой тоской из влажной глубины...» (Lunaria, 5)	210
С Монмартра («Город-змея, сжимая звенья...» – Париж, 1)	22
«С Россией кончено... На последях...» (Мир)	259
«С Руси тянуло выстуженным ветром...» (Россия)	367
«С тех пор как тяжкий жернов слепой судьбы...»	132

Сатурн («На тверди видимой алмазно и лазурно...»)	78
Святая Русь («Суздаль и Москва не для тебя ли...»)	257
«Святое око дня, тоскующий гигант!..» (Солнце)	79
Святой Франциск («Ходит по полям босой монашек...»)	269
«Священных стран...»	99
«Себя покорно предавая сжечь...»	131
Северовосток («Расплясались, разгулялись бесы...»)	335
«Седым и низким облаком дол повит...»	157
«Сей древний град – богоспасаем...» (Феодосия)	323
«Сердце мира, солнце Алкиана...»	114
«Сердце острой радостью ужалено...» (Воскресенье. – Руанский собор, 7)	85
«Серый шифер. Белый тополь...» (Акрополь)	21
Сехмет («Влачился день по выжженным лугам...» – Киммерийские сумерки, 12)	94
«Скакать на красном параде...» (Красногвардеец)	318
«Сквозь облак тяжелые свитки...»	163
«Сквозь сеть алмазную зазеленел восток...»	47
«Склоняясь ниц, овеян ночи синью...»	155
«Славься, Мария!..» (Гностический гимн Деве Марии)	86
«Смертный, избранный богиней...» (Тангейзер)	18
Смерть («Вьются ввысь прозрачные ступени...» – Руанский собор, 5)	83
«Снова дорога. И с силой магической...» (В вагоне)	13
«Собирались на работу ночью. Читали...» (Террор)	340
Созвездия («Звенят весы и клонят коромысла...»)	115
«Сознание строгое есть в жестах Немезиды...» (Предвестия)	251
Солнце («Святое око дня, тоскующий гигант!..»)	79
«Солнце! Твой родник...»	159
«Сочилась жёлчь шафранного тумана...» (Киммерийские сумерки, 13)	95
Спекулянт («Кишмя кишеть в кафе у Робина...»)	327
«Сперва мы спим в пурпуровой Пещере...» (Пещера)	150
«Спустилась ночь. Погасли краски...»	44
«Станет солнце в огненном притине...»	105
«Старинным золотом и жёлчью напитал...» (Киммерийские сумерки, 4)	89
Старые письма («Я люблю усталый шелест...»)	57
Стенькин суд («У великого моря Хвалынского...»)	276
«Стеснили путь хребтов громады...» (Дельфы)	110
Стигматы («Чья рука, летучая как пламень...» – Руанский собор, 4)	83
«Ступни горят, в пыли дорог душа...»	143
«Судьба замедлила сурово...»	130

«Суздаль и Москва не для тебя ли...» (Святая Русь)	257
Таиах («Тихо, грустно и безгневно...»)	58
«Там с вершин отвесных...» (Via Mala)	17
Тангейзер («Смертный, избранный богиней...»)	18
«Твоей тоской душа томима...»	165
«Твоих морей блестящая слюда...» (Lunaria, 11)	213
«Темны лики весны. Замутились влагой долины...» (Киммерийские сумерки, 3)	89
«Теперь я мертв. Я стал строками книги...»	129
Термидор (1–4)	248
Терминология («Брали на мушку», «ставили к стенке»...)	344
Террор («Собирались на работу ночью. Читали...»)	340
«Тесен мой мир. Он замкнулся в кольцо...» (Когда время останавливается, 1)	38
«Тихо, грустно и безгневно...» (Таиах)	58
«То в виде девочки, то в образе старушки...»	183
«Томимый снами, я дремал...» (Под знаком Льва)	224
«Тому в любви не радость встреч дана...» (Corona Astralis, 13)	126
«Тому, кто жив и брошен в темный склеп...» (Corona Astralis, 10)	124
«Тому, кто зряч, но светом дня ослеп...» (Corona Astralis, 9)	124
«Травую жесткою, пахучей и седой...» (Полдень. – Киммерийские сумерки, 10)	93
Трели («Filiae et filii...»)	207
Трихины («Исполнилось пророчество: трихины...»)	256
«Ты вопль тоски, застывший глыбой льда...» (Lunaria, 13)	214
«Ты держишь мир в простертой длани...» (Пролог)	230
«Ты жадный труп отвергнутого мира...» (Lunaria, 14)	214
«Ты живешь в молчаньи темных комнат...»	178
«У великого моря Хвалынского...» (Стенькин суд)	276
«У излучин бледной Леты...» (Призыв)	112
«Убиенный много и восставый...» (Dmetrius-Imperator)	273
«Уж много дней рекою Океаном...» (Одиссей в Киммерии – Киммерийские сумерки, 14)	95
«Уж фурии танцуют карманьолу...» (Термидор, 4)	249
Усталость («И тогда, как в эти дни, война...»)	236
Фазтон («Здравствуй, отрок солнцекудрый...»)	199
Феодосия («Сей древний град – богоспасаем...»)	323
«Фиалки волн и гиацинты пены...»	176
«Хлеб от земли, а голод от людей...» (Голод)	345
«Ходит по полям босой монашек...» (Святой Франциск)	269
«Холодный рот. Щеки бесстрастной складки...» (Ропшин)	195

«Царица вод! Любовница волны!..» (Lunaria, 4)	209
«Царь Иван был ликом некрасив...» (Написание о царях московских)	269
Цепелины над Парижем («Весь день звучали сверху струны...»)	239
«Чья рука, летучая как пламень...» (Стигматы. — Руанский собор, 4)	83
«Широколиц, скуласт, угрюм...» (Матрос)	320
«Эта светлая аллея...»	65
«Эти страницы — павлинье перо...»	36
«Это гибкое, страстное тело...» (Голова madame de Lamballe)	244
«Я быть устал среди людей...»	141
«Я верен темному завету...»	148
«Я вся — тона жемчужной акварели...» (Портрет)	45
«Я глазами в глаза вникал...»	140
«Я — глаз, лишенный век. Я брошено на землю...» (Зеркало)	62
«Я дух механики. Я вещества...» (Два демона, 1)	201
«Я ждал страданья столько лет...»	42
«Я иду дорогой скорбной в мой безрадостный Коктебель...» (Киммерийские сумерки, 2)	89
«Я к нагорьям держу свой путь...»	138
«Я люблю усталый шелест...» (Старые письма)	57
«Я мысленно вхожу в Ваш кабинет...» (Р. М. Хин)	193
«Я не сам ли выбрал час рожденья...» (Готовность)	347
«Я, полуднем объятый...»	145
«Я пробегаю жадным взглядом...» (Газеты)	227
«Я соблюдаю обещанье...» (Письмо)	48
«Я — солнца древний путь от красных скал Тавриза...» (Mare Internum. — Киммерийские сумерки, 8)	92
«Я узнаю себя в чертах...»	191
«Я шел сквозь ночь. И бледной смерти пламя...»	76
«Явь наших снов земля не истребит...» (Corona Astralis, 3)	121
«Яры, увалы, ширь полей...»	158
«Ясный вечер, зимний и холодный...» (В мастерской)	70
Corona Astralis (1–15)	119
Dmetrius-Imperator («Убиенный много и восставый...»)	273
«Filiae et filii...» (Трели)	207
In mezza di cammin («Блуждая в юности извилистой дорогой...»)	74
Καντιχός («Вейте, вайи! Флейты, пойте! Стройте, лиры! Бубен, бей!..»)	106
Lunaria (1–15)	208
Lutetia Parisiorum («Париж, Царьград и Рим — кариатиды...»)	242
Mare Internum («Я — солнца древний путь от красных скал Тавриза...» — Киммерийские сумерки, 8)	92
Via Mala («Там с вершин отвесных...»)	17

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аарон (библ.) 450
Абрамов С.А. 425
Аввакум Петрович 295, 313, 379, 426, 507, 539–542, 563
Августин, бл. 473
Авраам (библ.) 473
Агамемнон (миф.) 471
Агасфер (легенд.) 477
Агесандр 476
Азеф Е.Ф. 372, 378, 402, 560
Аид (миф.) 468, 471
Айвазовский И.К. 433, 551
Актеон (миф.) 30, 37, 444, 446
Александр I 371, 374, 424, 526, 534, 557, 559, 561
Александр II 374, 424, 560, 561
Александр III 372, 424, 560
Александра Феодоровна, императрица 320, 372–373 («царица»), 545, 560
Алексей Михайлович, царь 312 («Михайлович»), 374 («Тишайший»), 541, 558, 561
Алексей Петрович, царевич 368 («царевич»), 550, 558
Алимов С.А. 522
Алиса см. Александра Феодоровна
Алкей 488
Альбер М.-О. 431
Альтман М.С. 531, 556, 558
Аменхотеп III 450
Аммиан Марцеллин 263, 528
Амур (миф.) 447
Анаксагор 503
Анаксимандр 503
Андреев Л.Н. 556
Андрей Иванович, князь 534
Андромеда (миф.) 474, 482
Анна Иоанновна, императрица 534, 559
Анна Леопольдовна, императрица 534, 559

- Анна Петровна, княжна 534
Анненский И.Ф. 469, 470
Антигона (миф.) 72, 457
Антоний, св. 452
Аполлон (миф.) 51, 105, 106, 111, 447, 451, 469–471, 476, 501
Апулей 447
Аракчеев А.А. 336, 370–171, 550, 557, 559
Аргутинский-Долгоруков В.Н. 238, 517
Арджуна (миф.) 485
Арендт А.А. 431
Ариадна (миф.) 39, 447
Аристарх Самосский 406, 565
Арсен (Арсений) Грек 311, 541
Артемида (миф.) 37, 444, 504
Архилох 465
Архиппов Е.Я. 494
Астарта (миф.) 444
Атенодор 476
Атлант (миф.) 463, 473
Атилла 335, 535, 549, 550
Ауэр Л.С. 449
Ауэр М.Л. 449, 459
Ауэр (Миклашевская) Н.Л. 437
Афанасий (Авраамий), инок 315, 541
Афея (миф.) 241, 405, 504
Афина (миф.) 440
Афродита (миф.) 87, 117, 146, 267, 393, 463, 474, 485, 561
Ахилл (миф.) 122, 476
Ашшурбанипал 467
- Базаров В.А. 508
Бакст Л.С. 232, 515
Бакунин М.А. 379, 563
Балтрушайтис Ю.К. 33, 445
Бальдр (миф.) 383, 564
Бальзак О. де 193, 499
Бальмонт Е.А. 103, 468
Бальмонт К.Д. 32, 196–199, 403, 406, 430, 445, 448, 457, 468, 482, 499–502, 523
Бальмонты 517
Банг Г. 193, 499
Барбе д'Оревилль Ж. 489, 512

- Баррес М. 460
Барсов (Барзов) М.Ф. 322, 545
Басманов А.Д. 420, 566
Басманов П.Ф. 420, 566
Баткин Ф.И. 320, 545
Батый (Бату-хан) 534
Батюшков К.Н. 476
Белинский В.Г. 374, 561
Белый А. 31, 230, 445, 515, 522
Бёме Я. 475
Бердяев Н.А. 560, 562
Бернард Клервоский 394, 564
Бернштейн С.И. 539
Бертье де Совиньи 246, 519
Бескин Э.М. 435
Бирон Э.И. 370 («курляндякий конюх»), 559
Блаватская Е.П. 503
Блок А.А. 326, 347, 419, 421, 422, 439, 510, 547, 553
Блуа Л. 526, 542
Блюм А.В. 509
Богачавские 514
Богаевский К.Ф. 88, 264, 452, 464, 469, 490, 511, 514, 528
Бодлер Ш. 193, 498
Боккаччо Д. 518
Болотников И.И. 566
Бонапарт см. Наполеон I Бонапарт
Борис Годунов 270, 273, 335, 414, 530, 566
Борисов см. Власов Н.К.
Брама (миф.) 485
Брандес Г. 193, 499
Бритомартида (миф.) 504
Брюллова Л.П. 485
Брюсов В.Я. 39, 435, 442, 447, 448, 458, 462, 510, 547
Будагова Е.Н. 431
Будда см. Сиддхартха Гаутама
Бунин И.А. 493, 539, 550
Бунина В.Н. 446
Бурбоны, династия 444, 520
Буренин В.П. 434
Бурнакин А.А. 442
Бурьен Л.-А.Ф. 247, 520
Буше Ф. 52, 451

- Вагнер Р. 439, 483
Вакх (миф.) 477
Валентинов Н. 434
Валишевский К. 559
Валлес Ж. 437
Валуа, династия 30, 195, 444, 499
Василий Блаженный 524
Василий II Васильевич, Темный 280, 534
Василий IV Шуйский 272, 274, 531, 532
Васильева Е.И. см. Дмитриева Е.И.
Ватто А. 52, 179, 451, 495
Вейс Г. 463
Веласкес Д. 177, 196, 494, 500
Венера (миф.) 18, 135, 439
Версаев В.В. 537, 552, 553, 557
Верлен П. 193, 499
Веронезе П. 19, 384, 439
Вертинский А.Н. 519, 520
Верхарн Э. 426, 437, 492, 515
Веснин В.А. 497
Ветухов А.В. 557
Вилье де Лиль-Адан Ф.О.М. 506, 512
Виссарион см. Белинский В.Г.
Виттиг Э. 497
Вишневская Б.С. 432
Владимир I Святой 563
Власов Н.К. 333, 548
Волков М. 479
Волошин (Цуккерман) М.Е. 430
Волошина М.С. 428, 431, 510, 537, 558
Волынский А.Л. 442
Волькенштейн В.М. 434
Вольтер 561
Вольф М.О. 432, 510
Воробьева-Стебельская М.Б. 236, 516
Воронский А.К. 478, 479, 509, 552
Воронцова Е.А. 549
Воронцовы 334, 549
Врангель П.Н. 547, 552
Врублевский Т.Г. 333, 548
Выгодский Д.И. 510

- Галабутский Ю.А. 427, 555
Галатея (миф.) 373, 424, 561
Галилей Г. 489
Гамильтон М.Д. 368, 558
Ганимед (миф.) 191, 498
Гапон Г.А. 372, 560
Гауптман Г. 438, 564
Гевелий Я. 503
Гегель Г.В.Ф. 379, 563
Геката (миф.) 211, 215, 405, 407, 503, 504
Гелиос (миф.) 474, 501
Генрих II Валуа 30, 444
Георгий Победоносец 284, 535
Гера (миф.) 106, 470
Геракл (миф.) 115, 466, 474
Герасимов К.С. 475
Гермес (миф.) 87, 463, 465, 566
Герцен А.И. 378, 563
Герцык А.К. 29, 443, 514, 527, 557
Герцык Е.К. 443
Гесиод 503
Гёте И.В. 115, 436, 448, 473, 486, 506, 565
Гея (миф.) 106, 110, 470, 471
Гиады (миф.) 473
Гиперион (миф.) 503
Гиппарх Никейский 213, 406, 504
Глотов Я.А. 11, 437, 492
Глюк К.В. 502
Гобино Ж.А. де 453
Годунов см. Борис Годунов
Гоголь Н.В. 376, 562
Голланс И. 494
Головин А.Я. 439
Гольштейн А.В. 57, 105, 237, 453, 469
Гомер 466, 467, 554
Гонкуры Ж. и Э. 193, 499
Гонорий Ф. 535
Городецкий С.М. 434
Горький М. 326, 419, 432, 547
Гофман М.Л. 432
Грегоровиус Ф. 528
Грёз Ж.Б. 52, 451

- Грибоедов А.С. 371, 560
Григорий I Великий 265, 528
Григорий, моряк 548
Григорьев Н.А. 319, 538, 544
Гримальди Ф. 503
Гроссман Л.П. 444
Губерт, св. 499
Гужон Ж. 30, 444
Гумилев Н.С. 347, 421, 422, 445, 466, 467, 553
Гурмон Р. де 492
- Давиденко Е.Н. 438
Давыдов З.Д. 426, 431, 433
Даль В.И. 467
Даная (миф.) 191, 498
Данте Алигьери 74, 243, 410, 457, 494, 504, 518, 556
Дантон Ж.Ж. 247, 249, 374, 520
Делакруа Э. 52, 451
Деметра (миф.) 98, 468
Демосфен 470
Демулен К. 246, 519
Денар, фотограф 484
Деникин А.И. 281, 533
Джиорджоне *см.* Джорджоне
Джоконда 53, 117, 393, 451, 495
Джокондо Ф. 451
Джорджоне 177, 384, 494, 564
Джотто ди Бондоне 556
Диана (миф.) 30, 211, 215, 385, 405, 407, 444, 446, 504
Дидро Д. 561
Дионис (миф.) 21, 111, 384, 440, 470, 471, 498, 502
Дмитриева Е.И. 35, 119, 397, 443, 445, 446, 467, 480, 481, 485, 488, 494, 533
Дмитрий Иванович, царевич 273, 280 («младенец»), 531, 532, 553
Дмитрий Самозванец (Лжедмитрий I) 271, 274, 278, 531, 532, 566
Добраницкий К.М. 483
Долгоруков Я.Ф. 559
Достоевский Ф.М. 256, 329, 347, 371, 379, 421, 512, 514, 524, 527, 560, 563
Доу Д. 370, 559
Древс А. 463
Дурылин С.Н. 348, 553

Духонин Н.Н. 344, 552
Д'Эпине Шверетт 521

Ева (библ.) 54, 504, 525
Еврипид 470
Европа (миф.) 498, 529
Евстафий, авва 489
Евстигнеева Л.А. 5, 429, 433
Евстерий, св. 499
Егорий см. Георгий Победоносец
Ежов И.С. 433
Екатерина I Алексеевна 369 («царица»), 534, 558
Екатерина II Алексеевна 369, 534, 550, 561
Елизавета Петровна, императрица 280, 369, 534, 557, 559
Епифаний, инок 315, 542
Еремей см. Пашков Е.А.
Ермак (Аленин В.Т.) 284, 535

Жирмунский В.М. 510
Жуковский В.А. 467, 561
Жуковский Д.Д. 537–538
Жуковский Н.Д. 537

Заболоцкая М.С. см. Волошина М.С.
Заруцкий И.М. 419, 566
Захария, пророк 523
Захарына-Юрьева А.Р. 530
Зевс (миф.) 110, 115, 463, 468, 470, 471, 474, 487, 497, 498, 529, 547
Зиновьева-Аннибал Л.Д. 95, 467

Иаков (библ.) 482
Иван, атаман 535
Иван I Калита 280, 534
Иван, сын Аввакума 315, 542
Иван IV Грозный 267, 280, 283, 335, 379, 420, 483, 530, 531, 535, 550, 557
Иван Иванович, князь 483, 534
Иванникова Н.М. 431
Иванов В.И. 86, 427, 434, 457–458, 462, 464, 465, 467, 485
Иванов Г.В. 510
Иванова А.Н. 26, 239, 442
Ивашка, сын Лжедмитрия I 275 («младенец»), 531, 532

- Игнатий (Брянчанинов), еп. 490
Иезекииль (библ.) 356, 508, 555
Иеремия (библ.) 513, 524, 553
Иероним, св. 452
Изида (миф.) 125, 242, 477, 518
Иисус Христос 54, 85, 262, 298, 307, 311, 315–317, 343, 352, 359–363, 462, 463, 473, 475–477, 480, 486, 490, 505, 522, 524, 525, 528, 529, 537, 548, 552, 553, 556, 564
Икар (миф.) 120, 475
Илья, св. 339, 550, 551
Ио (миф.) 498
Иоанн Богослов 458, 515, 524
Иоанн Предтеча (Креститель) 394, 451
Иоаким II Бранденбургский 499
Иордан (VI в.) 528
Иосаф II Московский 541
Иосиф (библ.) 476
Иошуа Бен Пандира (талм.) 214, 505
Иродиада (библ.) 454
Исайя (библ.) 263, 516, 527
Исайя, раскольник 315, 542
Иуда Искарот (библ.) 359–360, 486, 555–556
Ишеев В.П. 440
- Кадм (миф.) 513
Казачков С.В. 461
Каин (библ.) 428, 504, 506
Калашников А.Г. 478, 509
Каляев И.П. 402, 565
Кандауров К.В. 551, 555
Капетинги, династия 443
Кардано Д. 503
Карл XII 293, 538
Карл-Фридрих Шлезвиг-Гольштейн-Готторпский 534, 559
Катулл Гай Валерий 464
Катырев-Ростовский И.М. 272, 530
Кедров К.Н. 536
Кедров Н.Н. 276, 533
Кедрова Н.К. 459, 475
Кентон Р. 504
Кеплер И. 503, 504
Керенский А.Ф. 320, 544

- Кир II Великий 516
Кириенко-Волошина Е.О. 468, 474, 487, 498, 500, 512, 516, 535
Киселев А.А. 438
Кифаред см. Аполлон
Клитемнестра (миф.) 471
Клодель П. 427
Клуэ Ф. 195, 499
Ключевский В.О. 531, 558, 561
Кобыла А.И. 280, 534
Ковалевский М.М. 453
Колчак А.В. 320, 321, 545
Кони А.Ф. 193, 499
Коновалова О.Ф. 530
Коро К. 52, 450, 451
Костомаров Н.И. 531
Котов, атаман 319, 544
Кошка Ф.А. 280, 534
Кранц Э.М. 436
Кришна (миф.) 485
Кругликова Е.С. 15, 243, 432, 438, 516–518
Крыжанич (Крижанич) Ю. 378, 562, 563
Ксения Борисовна, царевна 270, 414, 530
Кудеяр (легенд.) 329, 419, 548
Кузмин М.А. 434
Кузьмич см. Федор Кузьмич
Кун Б. 551
Куперен Ф. 179, 495
Куприянов И.Т. 485
Купченко В.П. 5, 425, 429, 431–433, 445, 446, 450, 453
Кутайсов И.П. 370 («тупейный мастер»), 559
Кутон Ж.О. 249, 521
Кювиле М.П. 187, 497
Кюхельбекер В.К. 553
- Лавров А.В. 429, 432, 511, 530
Лаврова К.Н. 477, 478
Лазарь (библ.) 347, 421, 553
Лазарь, священник 315, 542
Ламбаль М.-Т.-Л. де 244, 437, 508, 518–519
Лампси П.Н. 551
Ланда М.С. 446
Лаодамия (миф.) 490

- Лаокоон (миф.) 123, 476
Лаурана Ф. 451
Лафайет М.Ж. 247, 520
Лафорг Ж. 36, 446
Леба Ф.Ф.Ж. 249, 521
Лебедев-Полянский П.И. 509
Лебрен Ш. 451
Леда (миф.) 191, 498
Лежнев А. 537
Леман Б.А. 79, 459, 461, 475, 484, 525
Ленин В.И. 562
Леонардо да Винчи 26, 178, 394, 442, 451, 494, 564
Лермонтов М.Ю. 371, 483
Лесина Н.П. 492
Лесток И.-Г. 559
Лето (миф.) 470
Лжедмитрий II 275, 531, 532, 566
Лжедмитрий III 532
Ликей см. Аполлон
Лиля см. Дмитриева Е.И.
Лозинский М.Л. 457, 487
Лоней (Лонэ) Б.-Р. де 246, 519
Лот (библ.) 514
Лоэнгрин 482
Лу, св. 335, 549
Лубянникова Е.И. 431
Луначарский А.В. 508
Львов-Рогачевский В.Л. 432
Львова Ю.Ф. 216, 449, 455, 459, 463, 472, 474, 503, 506, 526
Людовик XVI 246, 519, 520
Люцифер (миф.) 214, 505
- Магдалина см. Мария Магдалина
Мазепа И.С. 281, 534
Майя (миф.) 63, 87, 454, 463
Макарий III Антиохийский 541
Маковский С.К. 108, 469, 470, 493
Максимов С.В. 452
Малларме С. 437, 454, 484
Мальшевский В.Н. 548
Малюта см. Скуратов-Бельский Г.Л.
Малявин С. 438
Мандельштам О.Э. 478, 518

- Мануйлов В.А. 431, 432
Мара (миф.) 86, 463
Марат Ж.П. 247, 520
Мариамма (миф.) 463
Маритала (миф.) 463
Мария (библ.) 463, 476
Мария Антуанетта 519
Мария Дева (Мариам) 86, 462, 463
Мария Ильинична (Милославская), царица 308, 541
Мария Магдалина (библ.) 129, 451, 463, 480
Мария Федоровна, императрица, жена Павла I 534
Мария Федоровна Нагая, царица 532
Марков А.Ф. 427, 431, 433
Маркс А.Ф. 442
Маркс К. 379, 563
Маркс Н.А. 554
Мать см. Кириенко-Волошина Е.О.
Маха Майя Деви 463
Махмут см. Мехмед II
Махно Н.И. 319, 535, 544
Медлер И.-Г. 472
Менделевич Э.С. 431, 432, 475, 484, 501, 522, 537, 553
Меншиков А.Д. 369, 558, 559
Мень А.В. 431
Мережковский Д.С. 559
Меркурий (миф.) 565
Мехмед II Фатих 267, 529
Мехмед V Решад 546
Микула (был.) 376
Милле Ж.Ф. 52, 451
Мильтон Д. 474
Милюкова Н.А. 183, 496
Миних Б.К. 559
Минос (миф.) 448
Минцлов Р.Р. 193, 499
Минцлова А.Р. 81, 184, 459–462, 464, 482, 496, 499, 505, 518, 522
Михаил Александрович, вел. князь 544
Михаил Федорович (Романов), царь 530, 531
Мишле В.-Э. 472
Мишле Ж. 519
Мнишек М. 271, 274, 275, 530, 531, 532
Моисей (библ.) 248, 492, 525, 538
Мойры (миф.) 108, 470, 514

- Мона Лиза см. Джоконда
Монина В.А. 430
Монтичелли А. 495
Морозов И.Г. 314 («сын»), 541
Морозова Ф.П. 308, 314, 539, 541
Муравьев М.А. 318, 544
Муромцева О.С. 37, 446
- Назукин И.А. 544
Наполеон I Бонапарт 243, 247, 293, 371, 410, 508, 518, 520, 538, 561
Наровчатов С.С. 5
Нарышкина Н.К. 368 («матушка-царица»), 558
Нарышкины 558
Настасья Марковна, жена Аввакума 303, 307–309, 540
Натансон Я.Г. 426
Недоброво Л.А. 507, 521, 557
Недович Д.С. 473
Некрасов Н.А. 548
Немезида (миф.) 251, 522
Немирович-Данченко Вл. И. 450
Немитц А.В. 549
Нерон 528
Ника (миф.) 490
Николай Чудотворец, св. 284, 311, 535
Николай I 371, 379, 424, 534, 559, 561
Николай II 372, 424, 543, 560
Никон, патриарх 298, 311, 379, 540, 541, 558
Никта (миф.) 476
Ницше Ф. 453, 480
Новиков Н.И. 561
Новинский А.А. 260, 526
Новицкая М.А. 185, 496
Новицкий А.П. 496
Новская Е.А. 510
Ной (библ.) 513
Норберт, св. 499
Нума Помпилий 522
- О. Б. (криптоним) 434
Оболенская Ю.Л. 273, 471, 487, 493, 497, 504, 505, 512, 516, 517, 521, 531, 532, 539, 542, 543, 545–547, 557, 562
Одиссей (миф.) 95, 115, 460, 467
Одоакр 528

- Оз (библ.) 538
Озеров И.Х. 438
Озирис см. Осирис
Олидорт Б. 510
Опта (в иночестве Макарий) 534
Орбели Р.А. 493
Орест (миф.) 111, 471
Орион (миф.) 115, 473, 474
Орканья А. 19, 384, 439
Орлова Е.П. 486, 525
Ортнер, сотр. Госиздата РСФСР 478, 509
Орфей (миф.) 61, 65, 125, 451, 454
Оры (миф.) 106, 427, 458, 469
Осирис (миф.) 242, 518
Остерман А.И. 369, 558, 559
Остроумов Л.Е. 427, 428
Остроумова-Лебедева А.П. 493
Отрепьев Г.Б. см. Дмитрий Самозванец
- Павел, апостол 445, 551, 552
Павел I 336, 371, 534, 550, 559
Павлинова Н.Н. 472
Павлова К.К. 506
Паисий Александрийский 541
Пан (миф.) 502
Папюс (Энкос Ж.) 372, 560
Парки (миф.) 470, 514
Парнок С.Я. 479, 509
Парфен, моряк 548
Пастернак Б.Л. 565
Пашков А.Ф. 300, 302, 304–306, 416, 540
Пашков Е.А. 303, 304, 426, 540
Пашкова Е.К. 304, 540
Пелей (миф.) 476
Пелид см. Ахилл
Персей (миф.) 482, 498
Персефона (Персефонея; миф.) 96, 122, 467, 468, 471, 476, 490
Перун (миф.) 563
Петлюра С.В. 319, 544
Петр, апостол 490
Петр I Великий 255, 257 («Плотник-Царь»), 267 («Хирург»), 279, 280, 336, 368–369, 372–375, 377–379, 420, 522, 525, 529, 534, 538, 549, 550, 557–561

- Петр II 558
Петр III 336, 534, 559
Петрицкий В.А. 484
Петров В.Н. 539
Петрова А.М. 75, 257, 436–444, 446–450, 452, 454–456, 458, 460, 473, 487, 489, 499, 502, 503, 506, 512–514, 518, 520, 522, 524–527, 529, 531–533, 539, 542, 543, 547, 562, 563, 565, 566
Пешковский А.М. 488, 562
Пигмалион (миф.) 424, 561
Пинаев С.М. 432, 458, 459, 475, 503, 565
Пинсон, рецензент 479
Пирлинг П.О. 531
Писака (псевд.) 537
Писарева Е.Ф. 461
Пифагор 114, 472
Плавт Тит Макций 554
Платон 461, 482, 483, 487, 500
Платонов С.Ф. 531
Плеве В.К. 499, 565
Плейона (миф.) 473
Плеяды (миф.) 473
Пожарский Д.М. 280, 534
Полидор 476
Полонский В.П. 434, 444
Порфирий Тирский 460, 471, 486, 507
Посейдон (миф.) 440
Прозоровский Б.А. 438
Прокофий, сын Аввакума 315, 542
Прометей (миф.) 375, 502
Психея (миф.) 38, 447
Пуанкаре А. 501
Пуатье Диана де 30, 443, 444
Пугачев Е.И. 278, 281, 372, 533
Пуришкевич В.М. 536
Пуссен Н. 185, 496
Пушкин А.С. 347, 371, 378, 421, 422, 450, 451, 514, 560, 561, 566
Пушкина Н.Н. 566

Рабенек (Книппер) Е.И. 502
Рагозинский В.А. см. Рогозинский В.А.
Раевская-Хьюз О. 547
Разин С.Т. 276–277, 281, 284, 294, 329, 419, 533, 550, 566
Разин Ф.Т. 414, 566

- Райс Э.М. 6
Рамо Ф. 179, 495
Рамсес II 441
Распутин Г.Е. 372, 542, 560
Рахманинов С.В. 450
Редон О. 55, 76, 388, 452, 458, 464
Ремизов А.М. 427, 443
Ремпель Л. 546
Ренье А. де 427, 548
Репин И.Е. 483
Репина И.А. 446
Рерих Е.И. 463
Рерих Н.К. 462, 463
Риччоли Д. 503–505
Робеспьер М. 247–250, 374, 520, 521
Робин П.Г. 327, 547
Рогозинский В.А. 254, 524
Роден О. 55, 240, 452, 518
Родзянко М.В. 318, 543
Родэн О. см. Роден О.
Романов Ф.Н. см. Филарет
Романовы, династия 371, 531, 534
Ромул 522
Ромул Августул 528
Ропшин см. Савинков Б.В.
Ртишев Ф.М. 308, 541
Рузер Е.И. 425
Руссо Ж.Ж. 248, 521
Рыкова Н.Я. 534, 552
Рэдон см. Редон О.
Рюмина В.Л. 266, 529
- Сабашникова М.В. 42, 224, 386, 387, 436, 440–442, 444–462, 464–466, 471–473, 477, 485–487, 496, 505, 513, 514, 519, 523, 525, 537, 543, 553, 555, 564
Сабашниковы М.В. и С.В. 427, 437, 457, 458, 550
Саблин М.П. 321, 545
Савинков Б.В. 195, 402, 499, 514
Савл (библ.) 548
Сазонов (Созонов) Е.С. 402, 565
Сазонова Ю.Л. 542
Салтыков П.С. 542
Сапфо (Сафо) 468

- Сведенборг Э. 556
Северный (Юзефович Б.С.) 552
Селена (миф.) 208, 503
Семела (миф.) 191, 498
Сен-Виктор П. де 535, 550
Сен-Жюст Л. 249, 521
Серафим Саровский, св. 294, 378, 511, 534, 539
Сергей Александрович, вел. князь 499, 565
Сергий Радонежский, св. 378, 534, 563
Серов В.А. 192, 498
Сехмет (миф.) 94, 467
Сиддхартха Гаутама 87, 463
Сидорка см. Лжедмитрий III
Симеон Иванович, князь 534
Скоропадский П.П. 544
Скрябин А.Н. 475
Скуратов-Бельский Г.Л. 335, 420, 550
Смольевский А.А. 449, 463
Содома (Бацци Д.-А.) 178, 494
Соймонов Ф.И. 561
Соколов С.А. 435
Соловей-разбойник (был.) 525
Соловьев В.С. 193, 375, 378, 453, 464, 474, 477, 499, 507, 561
Соловьев С.М. 80, 460
Соловьева П.С. 102, 468
Сологуб Ф. 460, 471, 490, 503
Солон 198, 500
Стебельская М. см. Воробьева-Стебельская М.Б.
Стенька см. Разин С.Т.
Стерн Д. 437
Стороженко Н.И. 193, 499
Страбон 470
Стрешнев Т.Н. 368, 558
Стрибог (миф.) 466
Стрижак Т.Л. 461
Струве Г.П. 5, 429, 433
Струве Н.А. 5, 429, 433
Струве П.Б. 523
Субботин С.И. 431, 512
Суриков В.И. 295, 539
Сытин И.Д. 427

- Таиах 48, 58, 59, 71, 117, 387, 393, 450
Тамерлан 12, 438
Тангейзер 18, 439
Танеев В.И. 193, 499
Танит (миф.) 444
Таранов, атаман 319, 544
Тацит К. 216, 506
Тезей (миф.) 447
Тейя (миф.) 503
Тео К. 248, 520
Тереза, св. 494
Тинторетто Я. 19, 439
Тихон, патриарх 562
Тициан 19, 383, 384, 439
Толстая С.А. 492
Толстая (Дымшиц) С.И. 34, 445
Толстой А.Н. 445, 471, 484
Толстой Л.Н. 329, 379, 429
Толстой П.А. 369, 558
Толузаков С.А. 354, 555
Тотила 264, 528
Трапезников Т.Г. 201, 501
Троцкий Л.Д. 536, 551
Тургенев И.С. 542, 562
Тухманов Д.Ф. 499
Тьеполо Д.Б. 177, 494
Тюби Ж.Б. 451
Тюрин А.Н. 6, 429, 433
Тьюрьо де ла Розьер 249, 521
Тютчев Ф.И. 378, 476, 484, 508, 512, 526, 537, 554, 563
- Уайльд О. 445
Урусов А.И. 193, 499
Урусов П.С. 314 («муж»), 541
Урусова Е.П. 314, 541
Урусовы, братья 532
Ус В.Р. 276, 533
Усачев (или Усатов) А. 509
Успенский П.Д. 448
Устюжин И.Б. 556

- Фалес 503
Фазтон (миф.) 199, 500, 501
Феб (миф.) 37, 109, 124, 446, 470
Федор, дьякон 542
Федор, юродивый 314, 541
Федор Борисович, царь 270, 530
Федор Иванович, царь 269, 530
Федор Кузьмич, старец 371, 559
Фемида (миф.) 470
Феокрит 503
Фет А.А. 451, 563
Фетинья 308, 309
Филарет, патриарх 272, 530, 531
Филипп (Вашоль Н.) 372, 560
Филипп, юродивый 309
Филиппов Б.А. 5, 6, 429, 433
Филофей, старец 529
Фиоравенти А. 283, 535
Флейшман Л.С. 547
Флобер Г. 193, 444, 452, 498
Фойбос см. Аполлон
Форбс Н. 494
Фрагонар О. 451
Франс А. 193, 449, 456, 482, 498, 556
Франциск Ассизский, св. 288, 361, 556
Франциск I 30, 444
Фридрих I Барбаросса 533
Фролка см. Разин Ф.Т.
Фуке Ж. 54, 452
Фурье Ш. 550
- Хаос (миф.) 102, 468, 476
Харт В.Э. 453
Хин Р.М. 193, 498, 528
Хованский И.А. 315, 541–542
Ходасевич В.Ф. 478
Хомяков А.С. 511
Христос см. Иисус Христос
Хрулева Р.П. 431
Хьюз Р. 547

- Цветаева А.И. 535
Цветаева М.И. 246, 481, 485, 519, 524, 544
Цветков В.И. 431
Цезарь Гай Юлий 518, 522
Цемах Т.Д. 331, 495, 547
Цеппелин Ф. 517
Цетлин М.О. 426, 494, 498
Цетлина М.С. 192, 240, 460, 473, 486, 498, 515, 516, 536
Цетлины 498, 512
Цицерон Марк Туллий 20, 440, 554
- Чайковский М.И. 564
Чайковский П.И. 564
Чекрыгин И. 449
Черубина де Габриак 446, 494
Чехов А.П. 329
Чуйко М.С. 472
Чуковский К.И. 538
- Шагинян М.С. 467
Шамурин Е.И. 433
Шарден Ж.Б.С. 52, 451
Шварцбанд С.М. 426
Швоб М. 447, 517
Шекспир У. 177, 456, 476, 487, 494
Шелудяк Ф. 276, 533
Шеншин А.А. 446, 464, 465, 468, 489, 490
Шервашидзе А.К. 426, 427
Шервинский С.В. 175, 493
Шереметев (Шереметьев) В.П. 298, 540
Шмидт П.П. 549
Штайнер Р. см. Штейнер Р.
Штейнберг А.А. 474
Штейнер Р. 459, 461, 467, 474, 477, 487, 495, 511, 513, 527, 565
Шуддходана 463
- Эвмениды (миф.) 111, 471
Эвридика (миф.) 61, 454
Эдип (миф.) 72, 77, 457, 459
Эльза Брабантская 482
Эмпедокл 503
Энгельс Ф. 507

Эней (миф.) 475
Эойос *см.* Аполлон
Эос (миф.) 474
Эпикур 556
Эредиа Ж.М. де 437
Эренбург И.Г. 223, 485, 496, 511, 512, 514, 518
Эриннии (миф.) 94, 467, 471
Эрос (миф.) 77, 80, 486
Эртель М.А. 78, 459
Эсхил 470, 471
Эфрон Е.Я. 481, 554
Эфрон С.Я. 255, 524

Юдифь (библ.) 495
Юнге, семья 543
Юсупов Н.Б. 374, 561
Юсупов Ф.Ф. 372, 560

Ягужинский П.И. 369, 558
Якунчикова М.В. 454
Ясон (миф.) 513
Яхве (библ.) 492
Ященко А.С. 426, 530, 547

Lamballe de *см.* Ламбаль М.-Т.-Л. де
Louis XVI *см.* Людовик XVI
Marcellinus *см.* Аммиан Марцеллин
Rodin O. *см.* Роден О.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции 5

Книга первая ГОДЫ СТРАНСТВИЙ

I. ГОДЫ СТРАНСТВИЙ

1. Пустыня («Монмартр... Внизу ревет Париж...»)	11 ...	437
2. В вагоне	13 ...	438
3. Кастаньеты	15 ...	438
4. Via Mala	17 ...	438
5. Тангейзер	18 ...	439
6. Венеция	19 ...	439
7. На Форуме	20 ...	439
8. Акрополь	21 ...	440
9–19. Париж		
1. С Монмартра	22 ...	441
2. Дождь	23 ...	441
3. «Как мне близок и понятен...»	24 ...	441
4. «Осень... Осень... Весь Париж...»	24 ...	441
5. «Огненных линий аккорд...»	25 ...	441
6. «Закат сиял улыбкой алой...»	25 ...	442
7. «В серо-сиреновом вечере...»	26 ...	442
8. «На старых каштанах сияют листья...»	27 ...	442
9. «В молочных сумерках за сизой пеленой...»	27 ...	443
10. «Парижа я люблю осенний, строгий плен...»	28 ...	443
11. «Перепутал карты я пасьянса...»	28 ...	443
20. Диана де Пуатье	30 ...	443
21. В цирке	31 ...	444
22. Рождение стиха	32 ...	445
23. «К твоим стихам меня влечет не новость...»	33 ...	445

24. «Концом иглы на мягком воске...»	34	... 445
25. «К этим гулким морским берегам...»	35	... 446
26. «Эти страницы — павлинье перо...»	36	... 446
27. «Небо запуталось звездными крыльями...»	37	... 446
28—31. Когда время останавливается		
1. «Тесен мой мир. Он замкнулся в кольцо...»	38	... 447
2. «Быть заключенным в темнице мгновенья...»	38	... 447
3. «И день и ночь шумит угрюмо...»	39	... 448
4. «По ночам, когда в тумане...»	39	... 448

II. AMORI AMARA SACRUM

32. «Я ждал страданья столько лет...»	42	... 448
33. «О, как чутко, о, как звонко...»	43	... 449
34. «Спустилась ночь. Погасли краски...»	44	... 449
35. Портрет	45	... 449
36. «Пройдемте по миру, как дети...»	46	... 449
37. «Сквозь сеть алмазную зазеленел восток...»	47	... 449
38. Письмо	48	... 449
39. Старые письма	57	... 452
40. Таиах	58	... 453
41. «Если сердце горит и трепещет...»	60	... 453
42. «Мы заблудились в этом свете...»	61	... 453
43. Зеркало	62	... 454
44. «Мир закутан плотно...»	63	... 454
45. «Небо в тонких узорах...»	64	... 455
46. «Эта светлая аллея...»	65	... 455
47. «В зеленых сумерках, дрожа и вырастая...»	66	... 455
48. Второе письмо	67	... 455
49. В мастерской	70	... 456
50. Вослед	72	... 457
51. «Как Млечный Путь, любовь твоя...»	73	... 457
52. In mezza di cammin...	74	... 457

III. ЗВЕЗДА ПОЛЫНЬ

53. «Быть черною землей. Раскрыв покорно грудь...»	75	... 458
54. «Я шел сквозь ночь. И бледной смерти пламя...»	76	... 458
55. Кровь	77	... 458
56. Сатурн	78	... 459
57. Солнце	79	... 459

58. Грот нимф	80 ... 460
59–65. Руанский собор	
1. Ночь	81 ... 461
2. Лиловые лучи	81 ... 461
3. Вечерние стёкла	82 ... 461
4. Стигматы	83 ... 462
5. Смерть	83 ... 462
6. Погребенье	84 ... 462
7. Воскресенье	85 ... 462
66. Гностический гимн Деве Марии	86 ... 462
67–80. Киммерийские сумерки	
1. Полынь	88 ... 464
2. «Я иду дорогой скорбной в мой безрадостный Коктебель...»	89 ... 464
3. «Темны лики весны. Замутились влагой долины...» ...	89 ... 465
4. «Старинным золотом и жёлчью напитал...»	89 ... 465
5. «Здесь был священный лес. Божественный гонец...»	90 ... 465
6. «Равнина вод колышется широко...»	91 ... 465
7. «Над зыбкой рябью вод встает из глубины...»	91 ... 465
8. Mare Internum	92 ... 466
9. Гроза	92 ... 466
10. Полдень («Травую жесткою, пахучей и седой...»)	93 ... 466
11. Облака	94 ... 466
12. Сехмет	94 ... 467
13. «Сочилась жёлчь шафранного тумана...»	95 ... 467
14. Одиссей в Киммерии	95 ... 467
81. «Зеленый вал отпрянул и пугливо...»	97 ... 468
82. «Вещий крик осеннего ветра в поле...»	98 ... 468
83. «Священных стран...»	99 ... 468
84. Осенью	100 ... 468
85. «Над горестной землей – пустынной и огромной...» ...	102 ... 468
86. «Возлюби просторы мгновенья...»	103 ... 468

IV. АЛТАРИ В ПУСТЫНЕ

87. «Станет солнце в огненном притине...»	105 ... 469
88. Καυτήοι	106 ... 469
89. Дэлос	108 ... 470
90. Дельфы	110 ... 470
91. Призыв	112 ... 471

92. Полдень («Звонки стебли травы, и движенья зноя пахучи...»)	113 ...	471
93. «Сердце мира, солнце Алкиана...»	114 ...	472
94. Созвездия	115 ...	473
95. Она	117 ...	474
96–110. Corona Australis		
«В мирах любви – неверные кометы...»	119	
1. «В мирах любви неверные кометы...»	119 ...	475
2. «Закрит нам путь проверенных орбит...»	120 ...	475
3. «Явь наших снов земля не истребит...»	121 ...	475
4. «Полночных солнц к себе нас манят светы...»	121 ...	476
5. «Ах, не крешен в глубоких водах Леты...»	122 ...	476
6. «Наш горький дух... (И память нас томит...)»	122 ...	476
7. «В нас тлеет боль внежизненных обид...»	123 ...	476
8. «Изгнанники, скитальцы и поэты...»	123 ...	476
9. «Тому, кто зряч, но светом дня ослеп...»	124 ...	476
10. «Тому, кто жив и брошен в темный склеп...»	124 ...	476
11. «Кому земля – священный край изгнания...»	125 ...	477
12. «Кто видит сны и помнит имена...»	125 ...	477
13. «Тому в любви не радость встреч дана...»	126 ...	477
14. «А темные восторги расставанья...»	126	

Книга вторая SELVA OSCURA

I. БЛУЖДЕНИЯ

111. «Теперь я мертв. Я стал строками книги...»	129 ...	480
112. «Судьба замедлила сурово...»	130 ...	480
113. «Себя покорно предавая сжечь...»	131 ...	480
114. «С тех пор как тяжкий жернов слепой судьбы...»	132 ...	480
115. «Пурпурный лист на дне бассейна...»	133 ...	481
116. «В неверный час тебя я встретил...»	134 ...	481
117. «Раскрыв ладонь, плечо склонила...»	135 ...	481
118. «Обманите меня... но совсем, навсегда...»	136 ...	482
119. «Мой пыльный пурпур был в лоскутьях...»	137 ...	482
120. «Я к нагорьям держу свой путь...»	138 ...	482
121. «К тебе я пришел через воды...»	139 ...	482
122. «Я глазами в глаза вникал...»	140 ...	482
123. «Я быть устал среди людей...»	141 ...	483

124. «Как некий юноша, в скитаньях без возврата...»	142 ...	483
125. «Ступни горят, в пыли дорог душа...»	143 ...	483
126. «И было так, как будто жизни звенья...»	144 ...	484
127. «Я, полуднем объятый...»	145 ...	484
128. «Дети солнечно-рыжего мёда...»	146 ...	484
129–131. Надписи		
1. «Еще не отжиты связавшие нас годы...»	147 ...	485
2. «В горькой купели земли крешены мы огнем и тоскою...»	147 ...	485
3. «Вместе в один водоем поглядим ли мы осенью поздней...»	147 ...	485
132. «Я верен темному завету...»	148 ...	485
133. «Замер дух – стыдливый и суровый...»	149 ...	486
134. Пещера	150 ...	486
135. Материнство	151 ...	487
136. «Отроком строгим бродил я...»	153 ...	487
137. «Склоняясь ниц, оваян ночи синью...»	155 ...	487

II. КИММЕРИЙСКАЯ ВЕСНА

138. «Моя земля хранит покой...»	156 ...	488
139. «Седым и низким облаком дол повит...»	157 ...	488
140. «Яры, увалы, ширь полей...»	158 ...	488
141. «Солнце! Твой родник...»	159 ...	488
142. «Звучит в горах, весну встречая...»	160 ...	488
143. «Облака клубятся в безднах зеленых...»	161 ...	488
144. «Над синевой зубчатых чаш...»	162 ...	489
145. «Сквозь облак тяжелые свитки...»	163 ...	489
146. «Опять бреду я босоногий...»	164 ...	489
147. «Твоей тоской душа томима...»	165 ...	489
148. «Заката алого заржавели лучи...»	166 ...	489
149. «Ветер с неба клочья облак вытер...»	167 ...	489
150–151. Карадаг		
1. «Преградой волнам и ветрам...»	168 ...	490
2. «Над черно-золотым стеклом...»	168 ...	490
152. «Как в раковине малой – Океана...»	170 ...	490
153. «Акрополи в лучах вечерней славы...»	171 ...	491
154. Пустыня («И я был сослан в глубь степей...»)	172 ...	491
155. «Выйди на кровлю... Склонись на четыре...»	174 ...	492
156. Каллиера	175 ...	492
157. «Фиалки волн и гиацинты пены...»	176 ...	493

III. ОБЛИКИ

158. «В янтарном забытии полуденных минут...»	177	... 494
159. «Ты живешь в молчаньи темных комнат...»	178	... 494
160. «Двойной соблазн — любви и любопытства...»	179	... 495
161. «Не успокоена в покое...»	180	... 495
162. «Пламенный истлел закат...»	181	... 495
163. «В эту ночь я буду лампадой...»	182	... 495
164. «То в виде девочки, то в образе старушки...»	183	... 495
165. «Безумья и огня венец...»	184	... 496
166. «Альбомы нынче стали редки...»	185	... 496
167. «Над головою подымая...»	187	... 497
168. «И будут огоньками роз...»	189	... 497
169. «Любовь твоя жаждет так много...»	190	... 497
170. «Я узнаю себя в чертах...»	191	... 497
171. М.С. Цетлин	192	... 498
172. Р.М. Хин	193	... 498
173. Ропшин	195	... 499
174. Бальмонт	196	... 499
175. Напутствие Бальмонту	197	... 500
176. Фазтон	199	... 500
177–178. Два демона		
1. «Я дух механики. Я вещества...»	201	... 501
2. «На дно миров пловцом спустился я...»	201	... 502

IV. ПЛЯСКИ

179. «Кость сожженных страстью — бирюза...»	203	... 502
180. Осенние пляски	205	... 502
181. Трели	207	... 502
182–196. Lunaġia		
1. «Жемчужина небесной тишины...»	208	... 503
2. «Лампада снов! Владычица зачатий!..»	208	... 503
3. «Кристалл любви! Алтарь ночных заклятий!..» ...	209	... 503
4. «Царица вод! Любовница волны!..»	209	... 503
5. «С какой тоской из влажной глубины...»	210	... 504
6. «К тебе растут сквозь мглу моих распятий...» ...	210	... 504
7. «К Диане бледной, к яростной Гекате...»	211	... 504
8. «Змеиные, непрожитые сны...»	211	... 504
9. «И сладостен, и жутко безотраден...»	212	... 504

10. «Алмазный бред морщин твоих и впадин...»	212 ...	504
11. «Твоих морей блестящая слюда...»	213 ...	505
12. «Лик Ужаса в бесстрастности эфира...»	213 ...	505
13. «Ты вопль тоски, застывший глыбой льда...» ...	214 ...	505
14. «Ты жадный труп отвергнутого мира...»	214 ...	505
15. «Жемчужина небесной тишины...»	215 ...	505

V

197. Подмастерье	216 ...	505
------------------------	---------	-----

Книга третья
НЕОПАЛИМАЯ КУПИНА
Стихи о войне и революции

I. ВОЙНА

198. Россия	221 ...	511
199. В эти дни	223 ...	512
200. Под знаком Льва	224 ...	513
201. Над полями Альзаса	225 ...	513
202. Посев	226 ...	513
203. Газеты	227 ...	513
204. Другу	228 ...	514
205. Пролог	230 ...	515
206. Армагеддон	232 ...	515
207. «Не ты ли...»	234 ...	516
208. Усталость	236 ...	516

II. ПЛАМЕНА ПАРИЖА

209. Весна	237 ...	516
210. Париж в январе 1915 г.	238 ...	517
211. Цеппелины над Парижем	239 ...	517
212. Реймская Богоматерь	240 ...	517
213. Lutetia Parisiorum	242 ...	518
214. Парижу	243 ...	518
215. Голова madame de Lamballe	244 ...	518
216–217. Две ступени		
1. Взятие Бастилии	246 ...	519
2. Взятие Тюильри	247 ...	520

218–221. Термидор

1. «Катрин Тео во власти пророчаний...»	248	... 520
2. «Разгар Террора. Зной палит и жжея...»	248	... 521
3. «Париж в бреду. Конвент кипит, как ад...»	249	... 521
4. «Уж фурии танцуют карманьолу...»	249	... 521

III. ПУТИ РОССИИ

222. Предвестия	251	... 522
223. Ангел Мщенья	252	... 523
224. Москва	254	... 523
225. Петроград	255	... 524
226. Трихины	256	... 524
227. Святая Русь	257	... 525
228. Мир	259	... 525
229. Из бездны	260	... 526
230. Демоны глухонемые	261	... 526
231. Русь глухонемая	262	... 527
232. Родина	263	... 527
233. Преосуществление	264	... 528
234. Европа	266	... 529
235. Написание о царях московских	269	... 530
236. Dmetrius-Imperator	273	... 531
237. Стенькин суд	276	... 532
238. Китеж	279	... 533
239. Дикое Поле	282	... 535
240. На вокзале	285	... 535
241. Русская революция	287	... 536
242. Русь гулящая	289	... 537
243. Благословение	291	... 538
244. Неопалимая Купина	293	... 538

IV

245. Протопоп Аввакум	295	... 539
-----------------------------	-----	---------

V. ЛИЧИНЫ

246. Красногвардеец	318	... 543
247. Матрос	320	... 544
248. Большевик	322	... 545

249. Феодосия	323 ...	545
250. Буржуй	325 ...	546
251. Спекулянт	327 ...	547

VI. УСОБИЦА

252. Гражданская война	329 ...	547
253. Плавание	331 ...	548
254. Бегство	333 ...	548
255. Северовосток	335 ...	549
256. Бойня	338 ...	550
257. Террор	340 ...	551
258. Красная Пасха	342 ...	551
259. Терминология	344 ...	552
260. Голод	345 ...	552
261. На дне преисподней	347 ...	553
262. Готовность	348 ...	553
263. Потомкам	349 ...	554

VII. ВОЗНОШЕНИЯ

264. Посев	351 ...	554
265. Заклинание (от усобиц)	353 ...	554
266. Молитва о городе	354 ...	555
267. Видение Иезекииля	356 ...	555
268. Иуда-апостол	359 ...	555
269. Святой Франциск	361 ...	556
270. Закрытие о Русской земле	364 ...	557

VIII

271. Россия	367 ...	557
Другие редакции и варианты	381 ...	564
Комментарии	425	
Алфавитный указатель произведений	567	
Указатель имен	578	

В оформлении суперобложки
использована акварель
М. Волошина «С Меганом». 1926 г.

Волошин М.

В68 Собрание сочинений. Т. 1. Стихотворения и поэмы 1899–1926 / Сост. и подгот. текста В.П. Купченко, А.В. Лаврова; Коммент. В.П. Купченко. – М.: Эллис Лак 2000, 2003. – 608 с.

ISBN 5-902152-06-2 (т. 1)

ISBN 5-902152-05-4

Настоящее издание – первое наиболее полное, научно откомментированное собрание сочинений Максимилиана Александровича Волошина (1877–1932) – поэта, литературного и художественного критика, переводчика, мыслителя-гуманиста, художника. Оно издается под эгидой Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН и подготовлено ведущими волошиноведами В.П. Купченко и А.В. Лавровым.

В первый том собрания сочинений М.А. Волошина входят стихотворения и поэмы 1899–1926 гг.

ББК 84(2Рос-Рус)-5

Максимилиан Александрович Волошин

Собрание сочинений
под общей редакцией
В.П. Купченко, А.В. Лаврова

Том первый

Стихотворения и поэмы 1899—1926

Редактор

Н.П. Ходюшина

Художественный редактор

В.Н. Сергутин

Корректор

Е.И. Коротаева

Верстка

А.Б. Метелкин

Подписано в печать 29.07. 2003
Формат 84x108 $\frac{1}{2}$. Бумага офсетная.
Уч.-изд. л. 28,6. Тираж 3000 экз.
Заказ № 1890

ЛР № 01716 от 05.05.2000

Издательство «Эллис Лак 2000»
123242, Москва, Красная Пресня, д. 6/2, к. 16
Тел. 254-74-72. Факс: 254-26-11.
E-mail: ellisluck2000@mail.ru

ГУП Московская типография № 2
Министерства Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций (МПТР России).
Тел.: 282-24-91 129085, Москва, пр. Мира, 105.

ISBN 5-902152-06-2

9 785902 152064